Вестник университета № 1/2025

Теоретический и научно-методический журнал *Издается с января 1999 г.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Агапов В.С. – д-р психол. наук, проф.
Аграната Д.Л. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, проф.
Азоев Г.Л. – д-р экон. наук, проф.
Антоненко И.В. – д-р психол. наук, проф.
Верещагина А.В. – д-р социол. наук, проф.
Воронин В.Н. – д-р психол. наук, проф.
Грошев И.В. – д-р экон. наук, д-р психол. наук, проф.
Долматович И.А. – д-р экон. наук, проф.
Дубицкий В.В. – д-р социол. наук, канд. хим. наук, проф.
Ионцева М.В. – д-р психол. наук, проф.
Каменева Т.Н. – д-р социол. наук, проф.
Клейнер Г.Б. – д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
Ковалев В.В. – д-р социол. наук, проф.
Красовский Ю.Д. – д-р социол. наук, проф.
Крупнов А.И. – д-р психол. наук, проф.
Кузнецов Н.В. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, проф.
Ломовцева О.А. – д-р экон. наук, проф.
Магомедов М.Д. – д-р экон. наук, проф.
Максимова С.Г. – д-р социол. наук, проф.
Митрофанова Е.А. – д-р экон. наук, проф.
Мищенко В.В. – д-р экон. наук, проф.
Новиков В.Г. – д-р социол. наук, проф.
Райченко А.В. – д-р экон. наук, проф.
Сорокина Г.П. – д-р экон. наук, проф.
Строев В.В. – д-р экон. наук, проф.
Тихонова Е.В. – д-р социол. наук, проф.
Чудновский А.Д. – д-р экон. наук, проф.
Шаповалова И.С. – д-р социол. наук, проф.
Эриашвили Н.Д. – д-р экон. наук, канд. юрид. наук, канд ист. наук, проф.

Журнал входит в Перечень ВАК (К2) рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по направлениям: 5.2.1 – Экономическая теория (экономические науки), 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (экономические науки), 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.4 – Финансы (экономические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.2.6 – Менеджмент (экономические науки), 5.3.1 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки), 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика (психологические науки), 5.3.4 – Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (психологические науки), 5.3.5 – Социальная психология, политическая и экономическая психология (психологические науки), 5.3.7 – Возрастная психология (психологические науки), 5.4.1 – Теория, методология и история социологии (социологические науки), 5.4.2 – Экономическая социология (социологические науки), 5.4.3 – Демография (социологические науки), 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.5 – Политическая социология (социологические науки), 5.4.6 – Социология культуры (социологические науки), 5.4.7 – Социология управления (социологические науки).

© ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», 2025

Главный редактор
В.В. Строев

Ответственный за выпуск
А.Н. Алексеева

Редактор
А.В. Большова

Выпускающий редактор и компьютерная верстка
Е.А. Гусева

Технический редактор
А.Р. Волкова

Зарегистрирован в Роскомнадзоре,
свидетельство ПИ № ФС77-1361 от 10.12.1999 г.
В запись о регистрации внесены изменения,
регистрационный номер ПИ № ФС 77-76215 от 12.07.2019 г.

ЛР № 020715 от 02.02.1998 г.
Подп. в печ. 06.02.2025 г.
Формат 60×90/8
Объем 31,25 печ. л.
Бумага офисная
Печать цифровая
Тираж 1000 экз.
(первый завод 26 экз.)
Заказ № 11_Т

Издается в авторской редакции

Ответственность за сведения,
представленные в издании, несут авторы

Все публикуемые статьи прошли
обязательную процедуру рецензирования

Издательство: Издательский дом ГУУ
(Государственный университет управления)
Адрес редакции:
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 99
Тел.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.vestnik.guu.ru

Статьи доступны по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная, согласно которой возможно неограниченное распространение и воспроизведение этих статей на любых носителях при условии указания автора и ссылки на исходную публикацию статьи в данном журнале в соответствии с правилами научного цитирования
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Vestnik universiteta No. 1/2025

Scientific and methodological journal

Published since January 1999

EDITORIAL BOARD

Agapov V.S. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Agranat D.L. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Jur.), Prof.
Azoev G.L. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Antonenko I.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Vereshchagina A.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Voronin V.N. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Groshev I.V. – Dr. Sci. (Econ.), Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Dolmatovich I.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Dubitsky V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Cand. Sci. (Chem.), Prof.
Iontseva M.V. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kameneva T.N. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Kleiner G.B.– Dr. Sci. (Econ.), Prof., RAS Corresponding Member
Kovalev V.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krasovsky Yu.D. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Krupnov A.I. – Dr. Sci. (Psy.), Prof.
Kuznetsov N.V. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Engr.), Prof.
Lomovtseva O.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Magomedov M.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Maximova S.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Mitrofanova E.A. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Mishchenko V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Novikov V.G. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Raychenko A.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Sorokina G.P. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Stroev V.V. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Tihonova E.V. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Chudnovskii A.D. – Dr. Sci. (Econ.), Prof.
Shapovalova I.S. – Dr. Sci. (Sociol.), Prof.
Eriashvili N.D. – Dr. Sci. (Econ.), Cand. Sci. (Jur.), Cand. Sci. (Hist.), Prof.

Editor-in-chief
V.V. Stroev

Responsible for issue
L.N. Alekseeva

Editor
A.V. Bolshova

Executive editor and desktop publishing
E.A. Guseva

Technical editor
A.R. Volkova

Registered in the Roskomnadzor
Certificate PI No. FS77-1361 from 10.12.1999
Changes have been made to the registration record
Registration number PI No. FS 77-76215 from 12.07.2019

LR No. 020715 from 02.02.1998
Signed to print 06.02.2025
Format 60×90/8
Size 31,25 printed sheets
Offset paper
Digital printing
Circulation 1000 copies
(the first factory 26 copies)
Print order No. 11_T

Published in author's edition

The authors are responsible for the information presented in the publication

All published articles have undergone a peer review procedure

The journal is part of the Higher Attestation Commission list of peer-reviewed scientific publications, in which are released the principal scientific results of dissertations for the Degree of Candidate of Sciences, but also the Degree of Doctor of Sciences, the following areas are published: 5.2.1 – Economic theory (economic sciences), 5.2.2 – Mathematical, statistical and instrumental methods in economics (economic sciences), 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), 5.2.4 – Finance (economic sciences), 5.2.5 – World economy (economic sciences), 5.2.6 – Management (economic sciences), 5.3.1 – General psychology, personality psychology, history of psychology (psychological sciences), 5.3.3 – Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics (psychological sciences), 5.3.4 – Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments (psychological sciences), 5.3.5 – Social psychology, political and economic psychology (psychological sciences), 5.3.7 – Age psychology (psychological sciences), 5.4.1 – Theory, methodology and history of sociology (sociological sciences), 5.4.2 – Economic sociology (sociological sciences), 5.4.3 – Demography (sociological sciences), 5.4.4 – Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.5 – Political sociology (sociological sciences), 5.4.6 – Cultural sociology (sociological sciences), 5.4.7 – Sociology of management (sociological sciences).

Publishing: Publishing house of the State University of Management

Editor's office:
109542, Russia, Moscow, Ryazansky Prospekt, 99
State University of Management
Tel.: +7 (495) 377-90-05
E-mail: ic@guu.ru
http://www.vestnik.guu.ru

The articles are available under the Creative Commons Attribution 4.0 International CC BY 4.0. This license allows reusers to distribute, remix, adapt, and build upon the material in any medium or format, so long as attribution is given to the creator. The license allows for commercial use.
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

© State University of Management, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

Долгая А.А.
Потенциал руководителей среднего звена: методология оценки....5

Леденева В.Ю.
Адаптация иностранных студентов в странах Евразийского экономического союза как фактор демографической безопасности....15

Сергиенко Н.С.
Социальный контракт как инструмент государственной социальной защиты....27

Соколова Е.А., Зозуля П.В.
Повышение эффективности проектной деятельности благотворительных фондов....37

СТРАТЕГИИ И ИННОВАЦИИ

Дегтярёва В.В.
Развитие методологии управления организационными инновациями: структурное моделирование результатов....44

Дудник А.И.
Азиатский опыт развития предприятий с зарубежным участием на рынке возобновляемых источников энергии....52

Захаров М.Ю., Шишкова А.В.
Форсайт как способ прогнозирования будущего цифрового облика науки....63

Малевич Е.П., Кириллова Е.А.
Реализация инновационной политики на основе механизма государственной закупки....72

Симонов С.В.
Роль инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов....83

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Афанасьев В.Я., Байкова О.В., Большакова О.И., Романцов А.А.
Перспективы развития российского нефтегазохимического комплекса в период геополитических и экономических изменений....91

Ахметов В.Я., Якшимбетова Г.И.
Роль стратегического и бизнес-планирования в устойчивом развитии сельских территорий (на примере депрессивных юго- и северо-восточных районов Республики Башкортостан)....104

Кривенцова Л.А.
Концептуальные подходы к определению социально-экономической защищенности на региональном уровне....113

Ляченков Н.Ю.
Оптимизация логистических процессов в автомобильной промышленности....121

Чепков А.А.
Перспективы развития транспортных проектов Евразийского экономического союза и методы их научного анализа и мониторинга....130

ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ, РЕШЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Астафьева О.Е., Власов Д.М.
Роль оценки недвижимого имущества в управлении собственностью субъектов хозяйственной деятельности....143

Белова Е.Ю., Бадьина А.В.
Экономическая диагностика операционной деятельности промышленного предприятия на основе бизнес-индикаторов....149

Спицына А.О.
Направления совершенствования системы управления дебиторской и кредиторской задолженностью предприятий молочной промышленности....163

Тищенко Т.В.
Инструменты стимулирования конкуренции в государственных закупках: международная практика....173

ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИЙ

Семёнова А.Е.
Экономическая сущность инвестиций: соотношение понятий....184

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

Гулькова Е.Л., Карп М.В., Типалина М.В.
Туристический налог – новый налог в российской налоговой системе с 2025 г.: итоги эксперимента и перспективы взимания....192

Зотиков Н.З.
Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: последствия для бизнеса и бюджета....201

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ПРОЦЕССЫ

Истомина Е.В., Бонкало Т.И.
Разработка и апробация методики изучения типов профессионально-трудовой Я-концепции лиц с ограниченными возможностями здоровья....212

Сидорина А.В.
Социально-экономические предпосылки возникновения и развития теории общества потребления Ж. Бодрийяра....222

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ПСИХОЛОГИИ

Жданова Л.Г., Забродина О.В., Шакурова А.А.
Интернет-зависимость и психологическое здоровье студентов....229

Журавлев В.А., Тайсаева С.Б.
Личностная зрелость и выбор стратегий поведения в конфликте сотрудников сферы обслуживания....238

CONTENTS

CURRENT ISSUES OF MANAGEMENT

A.A. Dolgaya
Potential of middle managers: assessment methodology 5

V.Yu. Ledeneva
Adaptation of foreign students in the Eurasian Economic Union countries as a factor of demographic security 15

N.S. Sergienko
Social contract as a tool of state social protection 27

E.A. Sokolova, P.V. Zozulya
Improving effectiveness of the project activity of charitable foundations 37

STRATEGIES AND INNOVATIONS

V.V. Degtyareva
Development of methodology of organisational innovation management: structural modelling of the results 44

A.I. Dudnik
Asian experiences of developing enterprises with foreign participation in the renewable energy market 52

M.Yu. Zakharov, A.V. Shishkova
Foresight as a way of predicting the future digital face of science 63

E.P. Malevich, E.A. Kirillova
Implementation of innovation policy based on the mechanism of public procurement 72

S.V. Simonov
Role of innovative entrepreneurship in the economic growth of regions 83

DEVELOPMENT OF INDUSTRY AND REGIONAL MANAGEMENT

V.Ya. Afanasiev, O.V. Baykova, O.I. Bolshakova, A.A. Romantsov
Prospects for the development of the Russian petrochemical complex in the period of geopolitical and economic changes 91

V.Ya. Akhmetov, G.I. Yakshimbetova
Role of strategic and business planning in sustainable development of rural areas (on the example of depressed south- and north-eastern regions of the Republic of Bashkortostan) 104

L.A. Kriventsova
Conceptual approaches to defining socio-economic protection at the regional level 113

N.Yu. Lyachenkov
Optimisation of logistics processes in the automotive industry 121

A.A. Chepkov
Prospects for the development of the Eurasian Economic Union transport projects and methods of their scientific analysis and monitoring 130

ECONOMICS: PROBLEMS, SOLUTIONS AND PROSPECTS

O.E. Astafyeva, D.M. Vlasov
Role of real estate valuation in the management of property of business entities 143

E.Yu. Belova, A.V. Badina
Economic diagnosis of operational activities of an industrial enterprise based on business indicators 149

A.O. Spitsyna
Directions for improving the management system of accounts receivable and payable of dairy enterprises 163

T.V. Tischenko
Instruments to stimulate competition in public procurement: international practice 173

INVESTMENT VALUATION

A.E. Semenova
Economic essence of investments: relationship between the concepts 184

FINANCE AND BANKING

E.L. Gulkova, M.V. Karp, M.V. Tipalina
Tourist tax as a new tax in the Russian tax system since 2025: results of the experiment and levy prospects 192

N.Z. Zotykov
Value added tax under the simplified taxation system: consequences for business and budget 201

SOCIAL TECHNOLOGIES AND PROCESSES

E.V. Istomina, T.I. Bonkalo
Development and testing of a methodology for studying types of professional and labour self-concept of people with disabilities 212

A.V. Sidorina
Socio-economic prerequisites for emergence and development of J. Baudrillard's consumer society theory 222

CURRENT TRENDS IN PSYCHOLOGY

L.G. Zhdanova, O.V. Zabrodina, A.A. Shakurova
Internet addiction and psychological health of students 229

V.A. Zhuravlev, S.B. Taisaeva
Personal maturity and choice of strategies of behaviour in the conflict of service sector employees 238

УДК 303.442 JEL M12 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-5-14

Потенциал руководителей среднего звена: методология оценки

Долгая Ангелина Алексеевна
Канд. экон. наук, доц. каф. менеджмента
ORCID: 0000-0002-2808-2701, e-mail: dolgaya@dialoglan.ru

Калининградский технический государственный университет, г. Калининград, Россия

Аннотация

Цели исследования – создание и апробация методологии оценки потенциала руководителя среднего звена в медицинском учреждении для построения дальнейших рекомендаций по его развитию. Для этого был сформирован комплекс методов, основой которого послужил кейс частного медицинского учреждения. Базовые данные, обозначенные как признаки, были собраны с помощью интервью, оценки 360 градусов и тестирования. Автор обосновал необходимость использования группы методов, определенной им как контекстный анализ: гэмба-наблюдение, анализ критических инцидентов и причинно-следственный анализ. Верификация и интерпретация полученных признаков осуществлена методом Signs vs Samples (англ. признаки против фактов). Методология опробована на кейсе частного медицинского учреждения. Данные, полученные оценкой 360 градусов и интервью, самооценкой, были во многом противоречивыми. Эффективным инструментом для примирения противоречий послужило тестирование по типологии Майерс-Бриггс. Контекстный анализ проявил факты, использованные далее для верификации признаков данных и интерпретации результатов. Обнаружено, что потенциал руководителя среднего звена зависит от отношения к нему руководителя более высокого уровня. Предложенная методология может быть использована в других медицинских организациях для оценки и планирования траектории развития руководителей среднего звена.

Ключевые слова

Потенциал сотрудника, компетенции руководителя, траектория развития, анализ контекста, гэмба, фактор роста бизнеса, 360 градусов

Для цитирования: Долгая А.А. Потенциал руководителей среднего звена: методология оценки//Вестник университета. 2025. № 1. С. 5–14.

© Долгая А.А., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Potential of middle managers: assessment methodology

Angelina A. Dolgaya
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Management Department
ORCID: 0000-0002-2808-2701, e-mail: dolgaya@dialoglan.ru

Kaliningrad State Technical University, Kaliningrad, Russia

Abstract

The purposes of the study are to create and test a set of methods for assessing the potential of a middle-level manager in a medical institution in order to make further recommendations for their development. To achieve this, a methodology has been developed based on the case of a private medical institution. The main data has been collected by interview, 360-degree assessment and tests. The author justifies the reasons to apply a group of methods defined as contextual analysis: gamba observation, analysis of critical incidents and causal analysis. Verification and interpretation of the obtained signs is conducted using the Signs vs Samples method. The methodology has been tested on the case of a private medical centre. The data obtained by the 360-degree assessment and self-assessment interviews are largely contradictory. Testing on the basis of Myers-Briggs typology has served as an effective tool for reconciling the contradictions. The contextual analysis has revealed the facts used furtherly to verify the data characteristics and interpret the results. It is found that the potential of a middle-level manager depends on the attitude of a higher-level manager towards them. The proposed methodology can be used in other medical organisations to plan the development trajectory of middle managers.

Keywords

Employee potential, manager competencies, development trajectory, context analysis, gamba, business growth factor, 360 degrees

For citation: Dolgaya A.A. (2025) Potential of middle managers: assessment methodology. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 5–14.

© Dolgaya A.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В тех отраслях, где ключевыми факторами успеха являются привлечение и удержание квалифицированных сотрудников, роль руководителя среднего звена (далее – РСЗ) сложно переоценить. Динамика доходности бизнеса зависит от широты набора управленческих практик, используемых менеджерами[1]. При этом передача руководящих функций работникам в медицинских учреждениях сильно ограничивается катастрофической нехваткой медицинского персонала [1]. В результате такой практики часто теряется инициативный медицинский сотрудник и не приобретается эффективный управленец. В медицинских организациях компетентность руководителей определяется не только медицинским и управленческим профессионализмом, но и личностными характеристиками. Кроме того, потенциал одного и того же сотрудника, как правило, раскрывается в разных организациях по-разному[2]. Поэтому корректная траектория развития РСЗ в медицинских учреждениях оказывается критически важным компонентом успеха. Цель исследования – создание оптимального набора методов оценки потенциала сотрудника как РСЗ для построения дальнейших рекомендаций по его развитию.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Базовым методом исследования изначально оказался кейс метод. Объектом работы выступили РСЗ частного медицинского центра (далее – ЧМЦ) с численностью персонала до 40 чел. Изучение кейса как метода познания ценно способностью генерировать гипотезы и предположения [2], на которых выстраивается последующая исследовательская модель. В нашем случае он также послужил основой для формирования дальнейших, более глубоких исследований. Взаимосвязь использованных методов сформировала методологию, представленную на рис. 1.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Методологическая модель исследования потенциала руководителя

В качестве фундамента для модели оценки нами использовались стандартные методы: 360 градусов, интервью, наблюдение. Эти инструменты предоставляют взгляд со стороны, точку зрения внутренних или внешних экспертов [3].

[1]Field E., Hancock B., Smallets S., Weddle B. Investing in middle managers pays off – literally. Режим доступа: https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/investing-in-middle-managers-pays-off-literally (дата обращения: 20.11.2024).

[2]Ready D.A., Conger J.A., Hill L.A. Are you a high potential? Режим доступа: https://hbr.org/2010/06/are-you-a-high-potential (дата обращения: 20.11.2024).

Оценку потенциала РСЗ разные исследователи видят по-разному [4]. Потенциал как возможность полноценно исполнять руководящие функции нам представляется в двух разрезах: лидерские компетенции как свойства личности; профессиональные управленческие компетенции. Лидерские качества выявлены методами самооценки в форме тестирования по стилю лидерства, уровню развития лидерства и типу личности [5]. Для понимания личностных характеристик был использован тест на тип личности Майер-Бриггс (англ. Myers-Briggs Type Indicator, далее – MBTI)[3]. Последующая рефлексия оказалась необходима для анализа отношения сотрудника к результатам оценки и для формирования мотивации к участию в программе развития.

Практическая реализация потенциала человека очень зависит от контекста конкретной компании, в которой сотрудник работает [6]. Поэтому мы посчитали целесообразным добавить в модель контекстного исследования методы анализа критических инцидентов [7], гэмба и причинно-следственный анализ проблем, который основывался на уже полученных данных. Гэмба-наблюдение позволяет собрать и исследовать факты поведения сотрудника не в смоделированных игровых ситуациях, как это практикуется в ассесмент-центрах, а в реальной рабочей обстановке. Мы назвали эту группу методов анализом контекста оценки, поскольку полученные с их помощью факты говорят о социокультурных и бизнес-факторах возникновения признаков, характеристик сотрудника в каждой конкретной ситуации.

Оценка профессиональных управленческих компетенций работника осуществлена экспертным матричным методом [8] с балльной оценкой. Для нее использовались данные исследовательского интервью с РСЗ, анализа критических инцидентов, гэмба и частично – интервью 360 градусов. Оценивались отдельно знания и практика управленческого поведения в каждой из областей менеджмента.

Оценка 360 градусов была проведена в форме опроса коллег и подчиненных сотрудников. Интервью коллег (администрация, врачи) базируется на следующих направляющих: рамка «сильные стороны /слабые стороны / возможности / угрозы» (англ. strengths, weaknesses, opportunities, threats) как лидера и как менеджера; ориентация на задачи/людей; построение отношений и коммуникаций; вклад в успех компании; решение проблем и задач. Интервью с подчиненными РСЗ осуществлено по гайду, содержавшему вопросы типа «Что главное в работе?», «Что не любите?», «В чем оказываете помощь?» и несколько других.

Завершающая интерпретация результатов анализа психосоциальных характеристик и управленческих компетенций была проведена методом «признаки против фактов» (англ. Signs vs Samples) [9], модифицированным автором (табл. 1).

Таблица 1

Интерпретация результатов оценки методом «признаки против фактов»

Показатель	Признаки	Факты
Методы сбора информации	Интервью, тесты, 360 градусов, анализ критических инцидентов	Гэмба-наблюдение, анализ 5 почему
Предмет анализа	Знания, ценности, намерения	Рабочие ситуации, модели поведения

Составлено автором по материалам исследования

Мы использовали этот метод не столько для противопоставления признаков фактам, сколько для верификации признаков фактами. Полученные в ходе гэмба-наблюдения и подготовки к причинно-следственному анализу факты в случае соответствия служили доказательством признаков, обнаруженных в моделях поведения, или, наоборот, некоторые признаки, проявленные, например, в ходе оценки 360 градусов, были подвергнуты сомнению и после анализа фактов отвергнуты.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Опишем ситуацию. Собственник и генеральный директор медицинского центра совмещает общее руководство, должность главного врача и хирургическую практику, испытывая дефицит времени и ощущая потребность в делегировании большинства административных задач. Поэтому развитие компетентности РСЗ для усиления их роли в руководстве компанией оказалось очень актуальной задачей.

[3] 16Personalities. Типы личности. Режим доступа: https://www.16personalities.com/ru/tipy-lichnosti (дата обращения: 28.11.2024).

В рамках этой статьи представлены результаты оценки одного РСЗ, являющиеся достаточно иллюстративными для цели исследования. Указанный РСЗ – специалист, работавший в медицинском центре еще до его открытия, выполнявший административно-хозяйственные функции. С момента открытия она приняла на себя ответственность за соблюдение санитарно-гигиенического режима и руководство младшим медицинским персоналом и выполняла эту работу очень эффективно.

После того как центр начал свою деятельность, одним из факторов роста бизнеса оказалось наличие квалифицированных медицинских сестер. Сложности в поиске и привлечении персонала дополнялись сильной текучестью после принятия на работу. В течение первого года руководство медицинскими сестрами осуществлял сам руководитель – главный врач. Однако по мере нарастания объемов услуг и количества задач стала очевидной необходимость отделения этого функционала от руководителя. В традиционной практике управления медицинскими учреждениями существует должность старшей медицинской сестры – специалиста, осуществляющего административные и лидерские функции по отношению к медицинским сестрам. В ситуации ЧМЦ, ограниченного физическим размером и клиническими мощностями, создание еще одной руководящей должности не было экономически оправданным. Для придания статуса старшей какой-либо из медицинских сестер также не являлось возможным просто в силу отсутствия опытных медицинских сестер в штате.

Поэтому было принято решение возложить некоторые обязанности по управлению средним медицинским персоналом на вышеупомянутого РСЗ, в том числе поиск, найм и руководство стажировкой новых медицинских сестер. Также ему были переданы функции по составлению оперативных графиков расстановки этого персонала по рабочим местам.

По прошествии года с момента принятия этого решения количество медицинских сестер выросло с двух до пяти стабильно работающих специалистов. Однако дальнейший рост РСЗ в качестве руководителя среднего медицинского персонала сдерживался целым рядом факторов, в числе которых было отсутствие у него медицинского образования.

Поиск возможностей и ограничений в дальнейшем расширении функционала РСЗ послужил причиной для оценки его потенциала и разработки рекомендаций по развитию. Далее представлены итоги оценки сотрудницы.

По результатам 360 градусов был выявлен ряд профессиональных и личностных черт РСЗ, в котором представлены очень разные, порой противоречивые точки зрения. В целом коллеги рекомендуют сохранить функцию контроля, при этом развить функцию повышения эффективности работы сотрудников по результатам контроля; четче распределить функции между существующим персоналом при появлении новых задач; глубже вникнуть в организацию медицинских процессов.

САМООЦЕНКА В ФОРМЕ ТЕСТИРОВАНИЯ

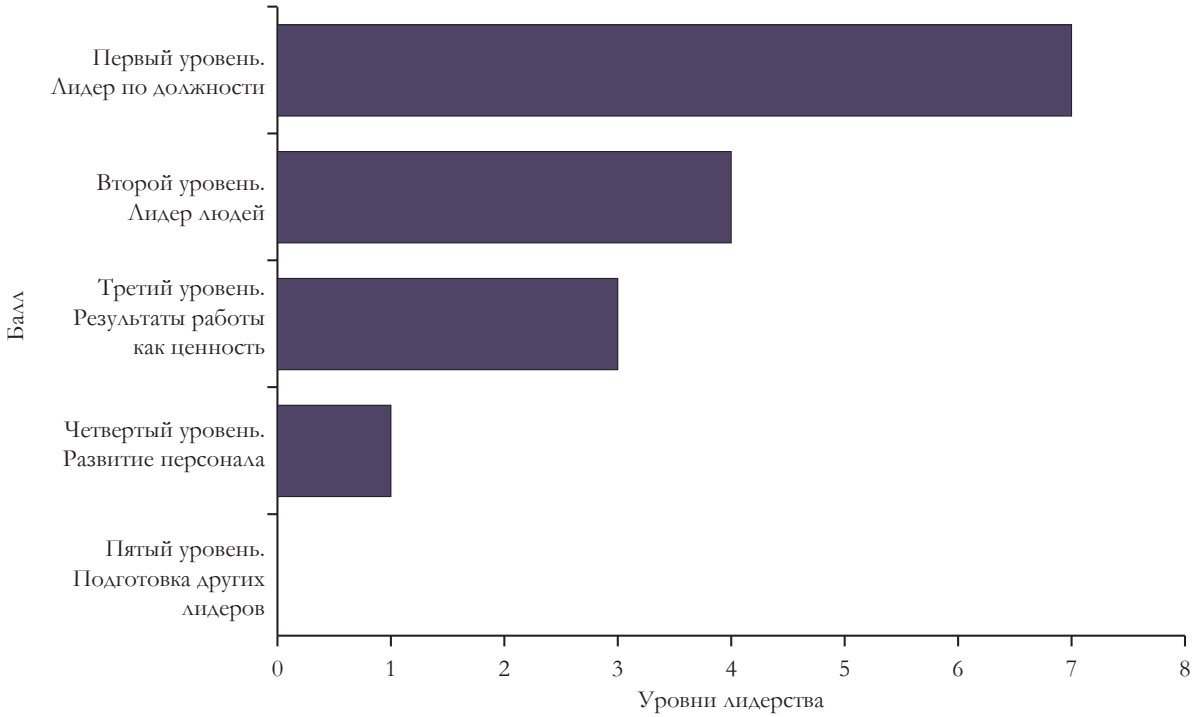
Стили лидерства. Указанный РСЗ в равной мере использует все стили: авторитетный, демократический и стимулирующий (по 10 баллов из 12 возможных). Эти типы лидерства ему органично присущи и в разных ситуациях реализовываются при необходимости. При этом ситуационное лидерство выражено чуть меньше, чем прочие (9 баллов), по причине того, что сотрудница не любит осознанно переключаться на разные роли, как выяснилось в ходе рефлексии и дальнейшей интерпретации результатов.

Самооценка уровня лидерства (по Дж. Максвеллу). РСЗ соответствует основным требованиям только первого базового уровня (из 5 возможных), за исключением навыков ориентации на нужды и потребности сотрудников (рис. 2).

В соответствии с рекомендациями Дж. Максвелла для перехода на второй уровень ему надо развить навык ситуативного переключения с приоритетности правил на приоритет человеческих отношений.

Подлинность лидерства. Исследуемый РСЗ оценивает себя как лидера очень высоко – выше 15 баллов (при 20 максимальных) по всем критериям подлинности (табл. 2).

Высокая самооценка поставлена по устойчивости лидерства, прозрачности и открытости, меньшая – по восприимчивости и практически средняя оценка – по самоосознанности. У РСЗ очень развиты внутренняя устойчивость и убежденность в своих ценностях, он естественен и открыт в своих реакциях, редко скрывает эмоции. Хорошо развит навык принятия решений: руководитель как использует приемы самостоятельного принятия решений в рамках собственной компетенции, так и обращается к советам и рекомендациям коллег. Не хватает навыков рефлексии, запроса обратной связи, ее конструктивного и позитивного получения (параметр самоосознания).



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Самооценка уровня лидерства

Тип личности по MBTI. Исследуемый РСЗ – консул по типологии Майер-Бриггс. Этот тип личности отличается высоким социальным интеллектом, очень развитым чувством долга, подавляющей ориентацией на практические решения, здравый смысл. Консулы предпочитают работу в структурированной, иерархической организации, где роли не изменяются, ответственность распределена и понятна. Этот тип личности очень чувствителен к критике и ждет признания своих ценностей, заслуг и уважения принятых им традиций. Консулы любят и всегда готовы помогать коллегам, чувствовать себя полезными. У исследуемого РСЗ исключительно ярко выражена характеристика «планирование» (99 %). В принятии тактических решений сотрудница опирается только на утвержденные планы, стандарты.

Таблица 2

Самооценка подлинности лидерства)

Параметр оценки	Значение оценки, балл
Самоосознание	16
Устойчивость	19
Восприимчивость	17
Прозрачность	18

Составлено автором по материалам исследования

ОЦЕНКА ЭКСПЕРТНАЯ

Управленческие компетенции. У исследуемого РСЗ очень ярко выражена способность контролировать, отлично развит навык переговоров при условии уверенности в своей позиции. Очевиден четкий фокус на повышении эффективности процессов и использования ресурсов (рис. 3).

РСЗ располагает хорошими навыками по развитию и обучению персонала, подкрепленными знанием методов его обучения.

Лидерские компетенции. Наблюдается очень высокая (выше среднего) ориентация на результат – умение вовлекать сотрудников, управлять своим состоянием как ресурсом и навык коучинга работников (рис. 4).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Радар управленческих компетенций РСЗ

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 4. Радар лидерских компетенций РСЗ

Навыки убеждения и влияния, также как и умение самостоятельно расставлять приоритеты, оценены нами как средние. При этом очевидной зоной развития является умение управлять конфликтами и стрессами.

ГЭМБА, АНАЛИЗ КРИТИЧЕСКИХ ИНЦИДЕНТОВ И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ (ПЯТЬ ПОЧЕМУ)

Наблюдение различных рабочих ситуаций в течение нескольких месяцев дало возможность собрать целый ряд фактов, которые в дальнейшем обсуждались в форме структурированного интервью с самим РСЗ, его руководителем и коллегами. Собранный материал позволил создать дерево проблем в ходе причинно-следственного анализа.

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 5. Причинно-следственный анализ проблем медицинского центра

Ключевой проблемой оказалось отсутствие медицинского образования у РСЗ, что влияло на отношение руководителя высшего уровня к нему и транслировалось на взаимоотношения РСЗ с коллегами и подчиненными.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОЦЕНКИ

Методом Signs vs Samples были интерпретированы и верифицированы зарегистрированные факты. Это позволило сформулировать резюме оценки и дать рекомендации по дальнейшему развитию не только РСЗ, но и руководителя всей организации.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ РСЗ КАК ЛИДЕРА И РУКОВОДИТЕЛЯ

1. Для проявления в полной мере собственных сильных качеств аутентичного лидера РСЗ необходимо выработать приемлемый для себя и для своего начальства способ согласования зон ответственности. Эта практика снизит существующую неопределенность в полномочиях и ответственности по сестринским бизнес-процессам, по правовой защите бизнеса от проверок и при постановке новых задач руководителем, а также создаст необходимую атмосферу стабильности и безопасности.
2. Освоить навыки убеждения людей, обоснования и актуализации своего мнения.
3. Получить знания и практические навыки по мотивации и стимулированию персонала, основанные на внутренних ценностных установках сотрудников.
4. Развить навыки управления конфликтами и стрессами.

Анализ контекста оценки обнаружил необходимость для корректировки управленческих практик начальства РСЗ.

РЕКОМЕНДАЦИИ ДЛЯ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА ЧМЦ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА РСХ

1. Для перехода РСЗ с базового уровня лидерства на второй необходимо регулярно, а не спонтанно, проводить стратегические сессии с их участием. Это позволит им развивать компетенцию видения перспектив и повысит самостоятельность в принятии решений.

2. Оба РСЗ наилучшим образом проявляют свои качества в четко структурированных организациях с ясным распределением зон ответственности и полномочий. Поэтому любые изменения в процессах должны быть формализованы, а границы зон ответственности – четко сформулированы.

3. Необходимо постепенное и последовательное повышение сложности решаемых задач. Для этого каждой руководящей должности надо иметь карту компетенций, на которой отмечается текущий уровень руководителя и ставятся задачи для освоения новых для него компетенций.

4. Чтобы программа развития стала успешной, необходимо регулярное периодическое проведение индивидуальной рефлексии с руководителем и самооценки.

5. Создание атмосферы психологической безопасности по отношению к растущим начальникам для повышения подлинности их лидерства.

Таким образом, предложенная взаимосвязь методов оценки не только дала основание для оценки потенциала, но и выявила факторы его полной реализации в конкретном медицинском учреждении.

ОБСУЖДЕНИЕ

Контекстный анализ оценки стал сильной стороной разработанной методологии. Гэмба-наблюдение за работой сотрудников сгенерировало перечень проблем деятельности РСЗ. С использованием метода критических инцидентов выявлены действующие силы в конфликтных ситуациях и их вектор влияния. Было бы очень сложно интерпретировать точки зрения руководителя ЧМЦ, врачей, среднего и младшего медицинского персонала в оценке 360 градусов без теста Майерс-Бриггс и контекстного анализа.

Комплексность методологии исследования помогла обнаружить условия реализации всех качеств РСЗ в конкретном медицинском учреждении. Идентифицированы не только характеристики сотрудника как они есть, но и уровень, и вектор его мотивации на дальнейшее развитие как необходимый фактор реализации потенциала. Это послужило основой для формирования рекомендаций по изменению самого организационного контекста для создания более благоприятных условий в целях раскрытия потенциала РСЗ.

Верификация признаков, полученных в ходе интервью, самооценки в форме тестирования и 360 градусов, методами сбора фактов действительно дает возможность построить оценочные суждения с большей уверенностью. Объективные факты реакции и поведения сотрудника в рабочих ситуациях являются основанием для того, чтобы принимать или подвергать сомнению и дальнейшей проверке субъективные признаки.

Однако наблюдение в форме гэмба требует достаточно много времени для полноценного сбора информации. Не всегда у аналитика есть ресурс наблюдать за рабочими процессами в течение нескольких недель, как это было в нашем случае.

Одним из важнейших драйверов этого потенциала является отношение высшего руководства к набору компетенций РСЗ или убеждение в данном наборе. Мы полагаем, что убеждение в неэффективности руководителей без медицинского образования является распространенной причиной ограничения роста частных медицинских учреждений. Вопрос, насколько сильно влияет такая уверенность высшего руководителя на реализацию потенциала РСЗ в общем случае, может быть темой следующих исследований.

В дальнейшем предложенную методологию возможно использовать как часть аттестации сотрудников для построения маршрутов карьерного и профессионального развития, для корректировки управленческих практик в целях более полной реализации потенциала работников.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценка сотрудника по разработанной методологии дала возможность выявить не только индивидуальные характеристики, но и сформировать картину реализации потенциала специалиста в конкретном контексте организации.

В методологию были включены, помимо традиционных методов оценки персонала, методы, названные нами анализом контекста оценки. Анализ контекста дает возможность верифицировать и интерпретировать данные о сотруднике, полученные в результате использования традиционных 360 градусов, интервью. Эти данные являются признаками, указывающими на характеристики РСЗ. Для их верификации используются методы анализа контекста, функция которых – сбор фактов реальной деятельности сотрудника в компании. Следующая функция – интерпретация. Она осуществляется как экспертным способом, так и рефлексией после самооценки. Таким образом, мы модифицировали и применили метод Signs vs Samples.

Исследование завершилось не только ожидаемыми изначально рекомендациями по развитию РСЗ, но и рекомендациями его руководителю, следование которым позволит максимально реализовать потенциал сотрудника.

Список литературы

1. *Манерова О.А.* Профессиональный рост и карьера в здравоохранении: приоритеты и проблемы. Медицинские технологии. Оценка и выбор. 2011;2(4):77–83.
2. *Priya A.* Case study methodology of qualitative research: key attributes and navigating the conundrums in its application. Sociological Bulletin. 2021;1(70):94–110. https://doi.org/10.1177/0038022920970318
3. *Романадзе Е.Л., Семина А.П.* Обзор методов оценки персонала в современных организациях. Московский экономический журнал. 2019;1. https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-11072
4. *Novia A., Yuadi I.* Forecasting employee potential through probationary assessment. Jurnal Bisnis, Manajemen dan Perbankan. 2023;2(9):131–149. https://doi.org/10.21070/jbmp.v9i2.1718
5. *Thibault-Landry A., Egan R., Crevier-Braud L., Manganelli L., Forest J.* An empirical investigation of the employee work passion appraisal model using self-determination theory. Advances in Developing Human Resources. 2018;20(2):148–168. https://doi.org/10.1177/1523422318756636
6. *Hermans J.* High potentials: a CEO perspective. Journal of Studies in International Education. 2007;3–4(11):510–521. https://doi.org/10.1177/1028315307304187
7. *Tombs M.* How to use the critical incident technique (CIT) in medical education research. Medical Education @ Cardiff. 2019.
8. *Jia J.Yi., Shi J.* Review on middle managers' performance appraisal. In: 3rd International conference on education, management, arts, economics and social science: Proceedings, Changsha, December 28–29, 2015. Zhengzhou: Atlantis Press; 2015. Pp. 695–700. https://doi.org/10.2991/icemaess-15.2016.148
9. *Wernimont P.F., Campbell J.P.* Signs, samples, and criteria. Journal of Applied Psychology. 1968;5(52):372–376. https://doi.org/10.1037/h0026244

References

1. *Manerova O.A.* Professional advancement and career in healthcare: priorities and problems. Medical Technologies. Assessment and Choice. 2011;2(4):77–83. (In Russian).
2. *Priya A.* Case study methodology of qualitative research: key attributes and navigating the conundrums in its application. Sociological Bulletin. 2021;1(70):94–110. https://doi.org/10.1177/0038022920970318
3. *Romanadze E.L., Semina A.P.* Review of personnel assessment methods in modern organisations. Moscow Economic Journal Moscow Economic Journal. 2019;1. https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-11072
4. *Novia A., Yuadi I.* Forecasting employee potential through probationary assessment. Jurnal Bisnis, Manajemen dan Perbankan. 2023;2(9):131–149. https://doi.org/10.21070/jbmp.v9i2.1718
5. *Thibault-Landry A., Egan R., Crevier-Braud L., Manganelli L., Forest J.* An empirical investigation of the employee work passion appraisal model using self-determination theory. Advances in Developing Human Resources. 2018;20(2):148–168. https://doi.org/10.1177/1523422318756636
6. *Hermans J.* High potentials: a CEO perspective. Journal of Studies in International Education. 2007;3–4(11):510–521. https://doi.org/10.1177/1028315307304187
7. *Tombs M.* How to use the critical incident technique (CIT) in medical education research. Medical Education @ Cardiff. 2019.
8. *Jia J.Yi., Shi J.* Review on middle managers' performance appraisal. In: 3rd International conference on education, management, arts, economics and social science: Proceedings, Changsha, December 28–29, 2015. Zhengzhou: Atlantis Press; 2015. Pp. 695–700. https://doi.org/10.2991/icemaess-15.2016.148
9. *Wernimont P.F., Campbell J.P.* Signs, samples, and criteria. Journal of Applied Psychology. 1968;5(52):372–376. https://doi.org/10.1037/h0026244

УДК 314.7 JEL J11, I20 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-15-26

Адаптация иностранных студентов в странах Евразийского экономического союза как фактор демографической безопасности

Леденева Виктория Юрьевна

Д-р социол. наук, глав. науч. сотр.
ORCID: 0000-0002-9478-2917, e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация

Работа посвящена исследованию программ адаптации иностранных студентов в странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) в контексте демографической безопасности. Целью исследования является комплексный сравнительный анализ этих программ для выявления их особенностей и различий, а также изучения их потенциальных последствий для демографической безопасности. В работе рассматриваются подходы к интеграции иностранных студентов и создается теоретическая основа для последующих исследований динамики образовательной миграции и ее воздействия на демографические показатели стран ЕАЭС. Ранее обозначенная проблема не являлась предметом научных изысканий, несмотря на то что вопросам ЕАЭС посвящено значительное количество научных статей, однако большинство из них сосредоточены на экономических аспектах интеграции. Меньше внимания уделено вопросам миграции в целом и интеграции образовательного пространства в частности. В научный оборот введено новое понятие – демографическая интеграция, которое рассматривается наряду с демографической безопасностью и означает комплекс процессов и механизмов, способствующих гармоничному и устойчивому включению мигрантов в социально-экономическую структуру стран ЕАЭС. В работе использованы методы сравнительного анализа, контент-анализа программ адаптации для оценки их опыта интеграции в стране приема. Разработаны рекомендации для улучшения программ адаптации иностранных студентов, что в перспективе может способствовать укреплению демографической безопасности в государствах ЕАЭС.

Ключевые слова

Евразийский экономический союз, образовательная миграция, иностранные студенты, демографическая безопасность, демографическая интеграция, программы адаптации, вуз

Для цитирования: Леденева В.Ю. Адаптация иностранных студентов в странах Евразийского экономического союза как фактор демографической безопасности//Вестник университета. 2025. № 1. С. 15–26.

© Леденева В.Ю., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Adaptation of foreign students in the Eurasian Economic Union countries as a factor of demographic security

Victoria Yu. Ledeneva
Dr. Sci. (Sociol.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0002-9478-2917, e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

Institute of Demographic Research – Separate Division of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of adaptation programmes for foreign students in the countries of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as EAEU) in the context of demographic security. The purpose of the study is a comprehensive comparative analysis of programmes for the adaptation of foreign students in the EAEU countries, in order to identify their features and differences as well as to analyse the potential consequences of these programmes for demographic security. The article discusses approaches to the integration of foreign students and creates a theoretical basis for further studies of the dynamics of educational migration and its impact on the demographic indicators of the EAEU countries. Previously, the problem was not the subject of scientific research, despite the fact that a significant number of scientific articles are devoted to the EAEU issues, but most of them are focused on the economic aspects of integration. Less attention has been paid to migration issues in general and the integration of the educational space in particular. A new concept has been introduced into scientific circulation – demographic integration, which is considered along with demographic security and means a set of processes and mechanisms that contribute to the harmonious and sustainable inclusion of migrants in the socio-economic structure of the EAEU countries. The article uses the methods of comparative analysis, content analysis of adaptation programmes to assess their experience of integration in the country of reception. Recommendations have been developed to improve adaptation programmes for foreign students, which in the future can contribute to strengthening demographic security in the EAEU countries.

Keywords

Eurasian Economic Union, educational migration, foreign students, demographic security, demographic integration, adaptation programmes, higher educational institution

For citation: Ledeneva V.Yu. (2025) Adaptation of foreign students in the Eurasian Economic Union countries as a factor of demographic security. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 15–26.

© Ledeneva V.Yu., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, союз), который объединяет государства с различным уровнем экономического развития и культурными особенностями, образовательная миграция приобретает особое значение. Она не только способствует обмену знаниями и культурным опытом, но и играет ключевую роль в формировании демографической безопасности региона.

В условиях усиления миграционных потоков в рамках ЕАЭС возрастает необходимость разработки эффективных программ адаптации студентов-мигрантов. Эти программы облегчают процесс интеграции и оказывают непосредственное влияние на демографическую стабильность принимающих стран. В то же время недостаточное внимание к адаптации студентов может привести к негативным последствиям, таким как социальная изоляция, снижение уровня образования и в конечном итоге к ослаблению демографической безопасности региона. Исследование сосредоточено на сравнительном анализе программ адаптации иностранных студентов в государствах ЕАЭС с акцентом на выявление их уникальных особенностей и различий. Основное внимание уделено тому, как эти программы могут повлиять на демографическую устойчивость стран союза, снижая риски миграционных вызовов и способствуя успешной интеграции новых поколений в общество.

В п. 15 Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации (далее – РФ, Россия) на 2019–2025 гг. отражен тезис о том, что «миграционная политика … должна быть направлена на создание благоприятного режима для добровольного переселения в Россию лиц (в том числе покинувших ее), которые способны органично включиться в систему позитивных социальных связей и стать полноправными членами российского общества»[1]. Одной из задач миграционной политики является «создание условий для адаптации к правовым, социально-экономическим, культурным и иным условиям жизни в Российской Федерации иностранных граждан, испытывающих сложности в адаптации, обусловленные особенностями их культуры и привычного жизненного уклада, а также иными факторами» (п. 21, б)[2]. В рамках данной задачи сформулировано направление миграционной политики: «формирование институтов и механизмов социальной и культурной адаптации иностранных граждан с учетом их возрастных, профессиональных, национальных, культурных и иных особенностей, а также региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации» (п. 23, а)[3].

Таким образом, российское государство в первую очередь в рамках реализации собственных интересов ставит задачей адаптацию тех иностранцев, которые желают, готовы и способны интегрироваться в российское общество и стать его полноправными гражданами. К таковым можно отнести иностранцев, которые заинтересованы в получении профессионального или высшего образования в российских образовательных организациях. Образовательная миграция открывает перспективы для роста человеческого потенциала в стране, предоставляя возможности для интеграции и закрепления мигрантов в принимающем обществе. Успешная интеграция иностранных студентов способствует не только их личностному и профессиональному развитию, но и укреплению демографической безопасности страны приема. Мы рассматриваем данную категорию иностранцев в контексте демографической безопасности, акцентируя внимание на их роли как будущих членов общества принимающей страны. В последующих исследованиях важным направлением может стать изучение количественного анализа влияния адаптационных программ на демографические показатели, например уровень удержания иностранных студентов после окончания учебы, воздействие адаптации на уровень возвратной миграции в страну происхождения, вклад учащихся в экономику и демографию принимающих стран после получения образования.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Демографическая безопасность является частью национальной безопасности и функциональной составляющей экономической и социальной безопасности. Существует множество трактовок исследуемого понятия. Под демографической безопасностью понимают «демографическую безопасность страны по сохранению должного качества (нравственного и физического) отечественного генофонда» [1, с. 15], «неотъемлемую часть национальной безопасности, являющуюся таким государством, в котором

[1] Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». Режим доступа: https://base.garant.ru/72092260/ (дата обращения: 10.10.2024).

[2] Там же.

[3] Там же.

благодаря соблюдению соответствующего законодательства, своевременному выявлению и устранению демографических угроз обеспечивается демографическое развитие страны в соответствии с ее национальными интересами и демографическими правами граждан» [2, с. 196]; «состояние демо-репродуктивных процессов, которое не оказывает реального или потенциального негативного влияния на развитие страны» [3, с. 127].

М.В. Карманов, О.В. Кучмаева, О.Л. Петрякова под демографической безопасностью понимают «охрану процесса жизнедеятельности и непрерывного естественного восстановления поколений людей, а ее укрепление связано с продлением жизни человека, повышением эффективности демографического воспроизводства» [4, с.126]. Для разработки концепции демографической безопасности ЕАЭС представляет интерес определение Л.Л. Рыбаковского и О.А. Таюновой о демографическом потенциале: «такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства» [5, с.18]. И.А. Цвигун отмечает, что «сфера демографической безопасности – это сфера межинституциональных взаимодействий по поводу осуществления социально-демографической политики государства, сохранение численности населения, путем оптимального соотношения природного и миграционной составляющих и высоких качественных параметров населения» [6, с. 374].

Демографическая стабильность – это состояние общества, при котором обеспечивается устойчивое воспроизводство населения с минимальными колебаниями в его численности и структуре (возраст, пол, национальность).

Демографическая безопасность – это способность государства поддерживать благоприятную демографическую структуру, снижая риски демографических кризисов (низкий уровень рождаемости, высокий уровень смертности или миграционных потерь) и негативное влияние на экономику, социальную сферу и безопасность. Демографическая безопасность включает не только количественные показатели, но и качественные, такие как интеграция мигрантов и их вклад в общество.

Для развития теоретических концепций в области демографической безопасности и расширения научного потенциала мы вводим в научный оборот новое понятие – демографическую интеграцию. Эта концепция представляет собой инновационный подход, который ранее не был подробно рассмотрен в научной литературе. Демографическая интеграция охватывает процессы и механизмы, способствующие включению различных демографических групп (в том числе и иностранцев) в социальное и экономическое пространства общества. Она учитывает как факторы адаптации и интеграции иностранцев, так и их влияние на устойчивость и безопасность демографической системы, в то время как демографическая безопасность фокусируется на защите и стабилизации демографических показателей. Эта концептуальная парадигма помогает глубже понять взаимосвязь между миграцией, социальной интеграцией и демографической устойчивостью в рамках регионального объединения.

Введение этого понятия позволит не только уточнить существующие теоретические подходы к изучению демографической безопасности, но и предложить новые перспективы для научного анализа, направленные на более глубокое понимание взаимодействия миграционных процессов и демографической стабильности. Таким образом, демографическая интеграция – это процесс включения различных демографических групп, в том числе мигрантов, в социальное, экономическое и культурное пространства принимающего общества. В отличие от более широкого понятия социальной интеграции, демографическая интеграция фокусируется на тех аспектах, которые напрямую связаны с изменением численности, структуры и распределения населения.

Демографическая интеграция тесно связана с миграционным потенциалом, так как она описывает процессы и механизмы, посредством которых мигранты и другие демографические группы успешно включаются в социальное и экономическое пространства принимающего общества (см. рисунок).

Образовательная миграция – это особое направление в процессе демографической интеграции. Студенты из разных стран становятся носителями и проводниками культурных ценностей, способствуют созданию многонациональной среды в учебных заведениях. Успешная адаптация студентов-мигрантов благоприятствует их дальнейшей интеграции в общество, снижению социальных барьеров и укреплению демографической безопасности. Авторское определение адаптации, представленное в его ранних научных работах: «адаптация мигрантов – процесс приспособления мигрантов к условиям пребывания/

проживания на территории вселения, в ходе которого мигранты стремятся освоиться в новой для них обстановке» [8, с. 13], включает как культурную, так и правовую интеграцию мигрантов в общество принимающей страны. Современные исследования выделяют проблемы их цифровой адаптации, требующие комплексного подхода и эффективных решений [9].

Составлено автором по материалам источника [7]

Рисунок. Структура миграционного потенциала

В рамках государственного управления адаптация мигрантов направлена на обеспечение соблюдения ими законов, принятие социальных и культурных норм, что способствует социальной стабильности. Однако образовательная миграция может иметь и отрицательные последствия. Недостаточная адаптация студентов способна привести к формированию этнических анклавов, росту социальной напряженности и конфликтов в образовательной среде, что негативно отразится на демографической интеграции и безопасности. Программы адаптации иностранных студентов – это не только включение мигрантов в экономическое и социальное пространства, но и долгосрочная перспектива их вклада в демографическую устойчивость через закрепление в стране после окончания обучения. Программы способствуют предотвращению потенциальных демографических угроз, таких как снижение рождаемости или утечка человеческого капитала за пределы региона, и не противоречат экономическим задачам, связанным с кадровым дефицитом, а, скорее, дополняют их. Они также являются частью долгосрочной стратегии государственной политики, направленной на поддержку экономического развития через привлечение и удержание квалифицированных кадров.

ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СТРАНАХ ЕАЭС

Для анализа демографической безопасности сначала обратимся к статистике образовательной миграции (см. таблицу) в странах ЕАЭС и далее к исследованию различных адаптационных программ для иностранных студентов в государствах союза, предоставляющих ценные инсайты для понимания того, как образовательная миграция и интеграция студентов влияют на демографическую устойчивость и безопасность стран ЕАЭС.

Таблица 1

Численность обучающихся в образовательных организациях высшего профессионального образования, прибывших из других стран мира

Обучающиеся	2018–2019 гг.	2019–2020 гг.	2020–2021 гг.	2021–2022 гг.	2022–2023 гг.
Армения					
Всего	4 603	5 175	6 196	6 007	5 914
Из государств-членов ЕАЭС	1 263	1 329	1 613	1 626	1 411
Из других стран СНГ	93	94	108	85	59
Из других стран мира	3 247	3 752	4 475	4 296	4 444
Беларусь					
Всего	16 626	19 711	20 798	24 293	20 424
Из государств-членов ЕАЭС	1 701	1 759	1 726	1 627	1 598
Из других стран СНГ	9 149	11 487	10 604	9 454	7 093
Из других стран мира	5 776	6 465	8 468	13 212	11 733
Казахстан					
Всего	22 238	40 147	29 698	28 989	23 431
Из государств-членов ЕАЭС	2 477	2 509	2 489	2 049	1 930
Из других стран СНГ	13 084	30 957	19 298	17 137	9 615
Из других стран мира	6 757	7 581	7 911	9 803	11 886
Кыргызстан					
Всего	19 626	36 596	63 418	80 701	71 674
Из государств-членов ЕАЭС	4 103	3 927	4 183	3 658	5 099
Из других стран СНГ	4 661	1 844	2 005	1 672	1 916
Из других стран мира	10 862	15 547	19 571	23 599	25 321
Россия					
Всего	277 996	297 993	315 072	324 071	351 613
Из государств-членов ЕАЭС	87 488	84 371	81 801	82 184	79 890
Из других стран СНГ	10 8641	119 174	121 329	122 296	136 626
Из других стран мира	81 667	94 448	111 942	119 592	135 097

Примечание: СНГ – Союз Независимых Государств; данные представлены на начало учебного года, чел.

Составлено автором по материалам источника[4]

Динамика общего числа студентов из разных стран мира показывает, что все государства ЕАЭС пережили рост числа иностранных учащихся до начала пандемии COVID-19, после чего наблюдался спад, за исключением России, где был зафиксирован устойчивый рост. РФ сохраняет стабильное и увеличивающееся количество студентов, что указывает на ее продолжительную привлекательность для международных учащихся, в том числе из стран ЕАЭС, СНГ и других государств мира.

Рассматривая процесс адаптации иностранных обучающихся к образовательнму пространству страны приема, необходимо подчеркнуть не только его многомерность и многоаспектность, но и наличие в этом процессе собственной логики и закономерностей. Нужно учитывать, что время, затрачиваемое на вхождение и полноценное освоение внутреннего пространства образовательной среды для иностранных студентов, может быть разным. В первую очередь это связано с индивидуально-личностными особенностями самих студентов, когда большое значение имеет мотивационная и личностная готовность к освоению иной образовательной и культурной среды. Необходимо также учитывать сформированность и специфику предыдущих коммуникативных и воспитательных моделей, особенности конфессиональных и социокультурных элементов среды, из которой прибыл студент.

[4] Евразийская экономическая комиссия. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза. 2023. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/Stat_Yearbook_2023.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

ПРОГРАММЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В РОССИЙСКИХ ВУЗАХ

В 2020 г. в России была запущена масштабная государственная программа поддержки университетов в рамках постановления Правительства от 13 мая 2021 г. № 729 «Приоритет-2030»[5]. Это крупнейшая в истории современной России инициатива, направленная на развитие вузов в регионах. Одним из ключевых направлений программы является привлечение иностранных студентов, что включает в себя не только развитие адаптационных мероприятий, но и поддержание их языковой интеграции. В рамках ее реализации многие университеты активно включились в разработку и внедрение различных программ адаптации для студентов из других государств, а также в совершенствование преподавания русского языка как иностранного. Вопросы адаптации зарубежных учащихся в российских вузах (программы кураторства первокурсников, институт студенческих землячеств) подробно рассматривают В.А. Суворова и И.А. Бронников [10].

Иностранные студенты, которые планируют обучаться в РФ на русском языке, должны им владеть. Как правило, иностранные граждане из стран дальнего зарубежья изучают русский язык на подготовительном факультете российской образовательной организации высшего образования в соответствии с приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 18 октября 2023 г. № 998 «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке»[6]. В последние годы в вузах созданы цифровые подготовительные факультеты (англ. digital pre-university faculty), где методики обучения разрабатываются с использованием мультиязычных платформ, специальных адаптированных обучающих инструментов и тренажеров, в том числе с системой распознавания голоса, для изучения как русского языка, так и общеобразовательных дисциплин. Кроме образовательного контента, такие платформы содержат культурологические модули, изучение которых существенно снижает напряженность у иностранного студента после приезда в РФ в части погружения в принципиально новую для себя академическую образовательную среду. Большинство вузов в России создали специализированные структурные подразделения, ответственные не только за набор и обслуживание иностранных студентов, но и за их адаптацию, и применяют как традиционные, так и инновационные методы для привлечения зарубежных учащихся на обучение.

В ряде образовательных организаций эффективно зарекомендовали себя программы индивидуального наставничества: в Тюменском государственном университете, Российском технологическом университете, Санкт-Петербургском государственном техническом университете (программа «Адаптеры»), в Санкт-Петербургском национальном исследовательском университете информационных технологий, механики и оптики (формат работы Buddy System в Центре обучения иностранных студентов), в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» (Москва), Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы и в ряде других вузов. Данная практика заключается в следующем: к иностранцу прикрепляется индивидуальный наставник из числа российских студентов/аспирантов, который встречает его, помогает устроиться в общежитии, решить вопросы с оформлением необходимых документов, познакомиться с образовательной организаций и городом. В дальнейшем на протяжении всего обучения в образовательной организации иностранный студент может обращаться к своему российскому наставнику за помощью. Интересным в этом смысле может быть опыт Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова – проект action-марафон «СреДА», в ходе которого проходит цикл групповых и индивидуальных консультационных мероприятий с иностранными студентами в формате брифингов, касающихся особенностей поведения в академическом и социокультурном контекстах, с участием профессорско-преподавательского состава и учащихся вуза.

[5] Постановление Правительства Российской Федерации от 13.05.2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: https://base.garant.ru/400793960/ (дата обращения: 11.10.2024).

[6] Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 18.10.2023 г. № 998 «Об утверждении требований к освоению дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку иностранных граждан и лиц без гражданства к освоению профессиональных образовательных программ на русском языке». Режим доступа: https://base.garant.ru/408052495/ (дата обращения: 11.10.2024).

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СТРАНАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОДХОДОВ И ПРОГРАММ

Особенности адаптации иностранцев в Казахстане связаны с межкультурными различиями, проявляющимися в расхождении базовых ценностей. Ценности казахской культуры в некоторых случаях не совпадают с ценностями других народов. В частности, в Казахстане иерархическая структура семьи и восприятие индивида как ее неотделимой части выражены менее строго, чем в некоторых азиатских странах; казахское общество отвергает крайнюю индивидуализированность, присущую западным культурам. В то же время китайским и корейским студентам, как и казахским, свойственны строгие нормы и моральные ценности, такие как коллективизм, приоритет семьи, уважение к старшим, самоконтроль, трудолюбие и скромность [11].

В Казахстане, в соответствии с нормативными документами Министерства науки и высшего образования республики, в разных вузах разработаны Положения по адаптации обучающихся к образовательному пространству института (на 2022–2025 гг.). Такая программа есть в Казахском автомобильно-дорожном институте имени Л.Б. Гончарова в Алматы[7]. В Западно-Казахстанском инновационно-технологическом университете реализуются мероприятия в рамках координаторов Программы по адаптации иностранных студентов к условиям и требованиям образовательного процесса. Координаторы реализуют мероприятия по совершенствованию адаптационных сервисов социальной, культурной, языковой и психологической направленности, обеспечивают работу с выпускниками после окончания периода их пребывания в университете[8]. В Международном инженерно-технологическом университете, в соответствии с нормативными документами Министерства образования Республики Казахстан, также разработана Программа по работе с иностранными студентами.

Социальная адаптация иностранцев, обучающихся в Казахстане, играет ключевую роль в демографической интеграции. Адаптация позволяет студентам активно включаться в различные элементы социальной среды. Наиболее успешной формой адаптации, способствующей демографической интеграции, является интеграционный тип. Он предполагает, что студенты приобретают новую социально-профессиональную идентичность, соответствующую принимающему обществу, что позволяет им стать его полноценными участниками и способствует их включению в долгосрочные демографические процессы.

Представленный выше анализ статистических данных показал, что в Армении относительно небольшое количество иностранных студентов по сравнению с другими странами ЕАЭС. К сожалению, нам не удалось найти официальные адаптационные программы, направленные на поддержку зарубежных учащихся в Армении. Однако существуют мнения самих студентов, которые обучаются в этой стране, а также определенные неформальные правила адаптации, которым они следуют, чтобы лучше интегрироваться в местное общество. Наибольшее количество иностранцев в Армении обучаются в медицинских вузах. Предлагаются на выбор три языка, на которых ведется преподавание. Как правило, русский язык выбирают студенты из СНГ, английский – из стран дальнего зарубежья. Однако все иностранные студенты должны в течение трех лет обучения выучить армянский язык. Если при поступлении иностранец не набрал необходимых баллов, он может дополнительно пройти собеседование и в случае его успеха учиться с остальными. Для студентов Армении предлагаются программы обмена для обучения за рубежом. В армянских университетах довольно строго с дисциплиной: нельзя опаздывать на занятия и нужно носить только деловую одежду. В армянских вузах становится все меньше устных экзаменов, используется система онлайн-тестирования. Для развития межкультурного обмена и коммуникаций университеты организовывают поездки для студентов, проводятся разные мероприятия по интересам. Например, учащиеся вместе с индийскими студентами отмечают ежегодный индийский праздник – фестиваль весны Холи, а с армянскими – национальный праздник в честь Преображения Господня, Вардавар.

Таким образом, несмотря на отсутствие официальных адаптационных программ на национальном уровне, в Армении университеты разрабатывают собственные подходы и методы, направленные на поддержку студентов, чтобы помочь им успешно адаптироваться к учебной и социальной среде в стране.

[7] Положение по «Адаптации иностранных обучающихся к образовательному пространству института» (на 2022–2025 годы). Режим доступа: https://kazadi.edu.kz/wp-content/uploads/2023/02/polozhenie-ob-adaptaczii-inostrannyh-studentov.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

[8] Положение о деятельности «О координаторах по адаптации иностранцев в ЗКИТУ». Режим доступа: https://wkitu.kz/wp-content/uploads/2022/11/08.26-koordin-adapt-inostran-stud.pdf (дата обращения: 11.10.2024).

Согласно информации Национального статистического комитета Кыргызской Республики, в 2022 г. более половины всех иностранных студентов были гражданами Узбекистана, на 2-м и 3-м месте находились учащиеся из Индии и Пакистана[9]. Увеличение иностранцев в вузах Кыргызстана является одним из приоритетных направлений в программе трансформации высшего образования.

В связи с увеличением числа зарубежных учащихся государственные органы Кыргызстана разработали Программу адаптации для иностранных студентов[10]. Цель программы – обеспечивать эффективное взаимодействие студентов с социокультурной и интеллектуальной средой университета, гарантировать их безопасность, права и свободы, поддерживать психоэмоциональное благополучие, способствовать формированию новых личных качеств и позитивного социального статуса, а также помогать в освоении новых социальных ролей и ценностей. В соответствии с Концепцией развития образования Кыргызской Республики на 2020–2024 гг. вовлечение иностранных студентов в учебный процесс является ключевой задачей, способствующей повышению престижа образовательных учреждений и, соответственно, страны на международной арене. В рамках программы «Адаптация иностранных студентов» Кыргызско-российский славянский университет имени Б.Н. Ельцина проводит опросы среди зарубежных учащихся. Результаты опросов показывают, что иностранные студенты сталкиваются с определенными трудностями при адаптации, но значительную роль в успешной интеграции они придают дружеским отношениям с кыргызскими студентами.

Иностранец, оставшийся в Кыргызстане после окончания вуза, становится частью процесса демографической интеграции, изменяя свой статус на иностранного мигранта[11]. В соответствии с Законом Кыргызской Республики от 17 июля 2000 г. № 61[12] «О внешней миграции» как иностранный мигрант он приобретает те же права и обязанности, что и любой другой мигрант, проживающий в Кыргызстане.

Одним из ключевых шагов к укреплению демографической стабильности Беларуси является привлечение зарубежных студентов в вузы страны. Это не только способствует повышению международного рейтинга белорусских учебных заведений, но и играет важную роль в создании демографически разнообразной академической среды, стимулируя обмен культурными и научными идеями. Однако предоставление учебных мест иностранным студентам – лишь начальный этап. Важно создать такие условия обучения и проживания, которые бы способствовали их комфортной интеграции, раскрытию потенциала и, возможно, долгосрочному профессиональному развитию в Беларуси. Ключевым элементом в формировании такого благоприятного пространства является управляемая и поддерживаемая социальная адаптация иностранных студентов, что способствует их успешной интеграции в белорусское общество, в том числе в контексте демографической интеграции.

Управление воспитательной работы с молодежью Республиканского института высшей школы разработало методические рекомендации по социально-педагогическому и психологическому сопровождению иностранных граждан, обучающихся в высшей школе Республики Беларусь. Эти рекомендации охватывают ключевые аспекты интеграции и поддержки иностранных студентов, обеспечивая их психологическую готовность к учебной деятельности в новой социокультурной среде. Основные направления работы включают создание социально-психологического портрета студента-иностранца, организацию процесса адаптации, специфику педагогического общения на этапе интеграции, учет национально-психологических особенностей учащихся во время общения, а также проведение педагогических, социально-педагогических и психологических мероприятий. Рекомендации направлены на комплексное решение задач, связанных с интеграцией иностранных студентов, и предоставляют практические подходы и стратегии для успешной адаптации, повышения их академического и социального комфорта в образовательной среде Беларуси.

Подробный план мероприятий, нацеленных на адаптацию иностранных студентов к условиям и требованиям образовательного процесса, разработан в Белорусском государственном университете (далее – БГУ). План охватывает ее различные аспекты, включая социальную, психологическую и межкультурную

[9] Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Более 35 процентов обучавшихся в высших учебных заведениях республики составили иностранные студенты. Режим доступа: http://www.stat.kg/ru/news/bolee-35-procentov-obuchavshihsya-v-vysshih-uchebnyh-zavedeniyah-respubliki-sostavili-inostrannye-studenty/ (дата обращения: 12.10.2024).

[10] Программа «Адаптации иностранных студентов к инклюзивной образовательной среде университета» (на 2020–2024 годы). Режим доступа: https://oshimu.com/wp-content/uploads/2023/02/Адаптационная-программа-иностранных-студентов_Дорожная-карта-ОММУ.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

[11] IOM, UN Migration. Анализ существующих предубеждений и практик поведения в отношении иностранных студентов в Кыргызстане. Режим доступа: https://kyrgyzstan.iom.int/sites/g/files/tmzbdl1321/files/documents/2023-09/iom-report-rus_2nd-round_30.08.2023_fin.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

[12] Закон Кыргызской Республики от 17.07.2000 г. № 61 «О внешней миграции». Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/350/edition/1273106/ru (дата обращения: 12.10.2024).

интеграцию, а также языковую поддержку и профессиональную адаптацию. Особое внимание уделено организации прибытия, расселения и первичного знакомства иностранных студентов с правилами и требованиями университета. Проводятся встречи, ознакомление с внутренним распорядком, экскурсии и вовлечение в культурную и спортивную жизнь университета. Психологическая адаптация включает психологическое и педагогическое консультирование, тренинги и семинары. По межкультурной адаптации организуются культурные мероприятия, экскурсии, выставки и встречи с представителями белорусской культуры и политики. Межкультурное взаимодействие включает в себя тренинги и практические занятия, поддержку работы национальных землячеств и организацию спортивных мероприятий. Не менее важны социально-психологическая поддержка молодежных проектов, профилактика правонарушений, сотрудничество с социально-психологическими центрами и предоставление консультаций. В целях изучения особенностей социальной адаптации иностранных студентов БГУ проводит регулярный мониторинг их состояния и успеваемости с целью своевременного выявления проблем и их решения. Внедряются новые технологии обучения, организации дистанционного обучения, создаются материалы на разных языках с использованием интернет-ресурсов. Важными направлениями выделены научно-методическое сопровождение и поддержка преподавателей и сотрудников, работающих с иностранными студентами, организация конференций и семинаров. Таким образом, план мероприятий БГУ по адаптации иностранных студентов является всесторонним и охватывает различные аспекты интеграции.

ВЫВОДЫ

Завершая исследование, обратимся сначала к рекомендациям коллег, касающихся демографической безопасности в пространстве ЕАЭС. «В настоящее время стратегическая национальная повестка большинства государств-членов ЕАЭС не всегда акцентирована на интеграционных возможностях регионального объединения. В связи с этим мы предлагаем следующие меры: а) усилить наднациональный аспект регулирования демографического развития в каждом государстве ЕАЭС, что обеспечит национальную и демографическую безопасность союза в целом. Для этого целесообразно создать на базе Евразийской комиссии эффективную постоянную платформу, посвященную вопросам демографического развития союза; б) разработать концепцию демографической безопасности ЕАЭС с привлечением ответственных центральных и региональных государственных органов, а также ведущих демографов из стран-членов» [12, с. 69].

Для укрепления демографической безопасности через адаптацию студентов мы разработали ряд рекомендаций, основанных на проведенном анализе. Эти рекомендации будут направлены на улучшение программ адаптации иностранных студентов и содействие созданию более интегрированной и устойчивой демографической структуры.

1. Разработка комплексных программ адаптации. Они должны охватывать не только академические, но и социальные и культурные аспекты жизни. Это включает в себя курсы по языковой подготовке, культурные мероприятия и семинары по социальной интеграции с учетом индивидуальных особенностей студентов, что позволит создать более персонализированные и эффективные программы поддержки.

2. Информирование студентов о правовых основах страны пребывания. Изучение основ законодательства РФ, включая трудовое право, миграционные правила, социальную защиту, права и обязанности иностранных граждан. Это позволит снизить количество правонарушений среди студентов-мигрантов и повысить уровень их правовой защищенности.

3. Укрепление межкультурного общения. Создание платформ для регулярного взаимодействия между студентами из разных стран, повышение культурной компетентности преподавателей и межкультурное общение в работе с разнообразными группами студентов.

4. Поддержка профессиональной адаптации. Стажировки и практики студентов в локальных компаниях и организациях в перспективе будут способствовать их дальнейшему трудоустройству в регионе. В данном варианте важно организовывать для студентов карьерные центры, которые помогут им ориентироваться на рынке труда.

5. Развитие инфраструктуры и социальных услуг. Создание комфортных условий проживания, поддержка в вопросах здравоохранения и социального обеспечения.

6. Стимулирование долгосрочного пребывания и интеграции. Создание программ для выпускников, введение мер, способствующих длительному пребыванию и интеграции иностранных студентов,

например программы поощрения и поддержки для тех, кто решил остаться и работать в регионе после окончания учебы.

Эти рекомендации помогут создать более устойчивую и интегрированную демографическую структуру в странах ЕАЭС, улучшая качество жизни и адаптации иностранных студентов, что, в свою очередь, укрепит демографическую безопасность региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении отметим, что проведенное исследование позволило выявить особенности и различия адаптации иностранных студентов в странах ЕАЭС в зависимости от национальных условий и образовательных систем. В Беларуси акцент сделан на педагогическом и психологическом сопровождении учащихся в новую культурную среду. В Казахстане адаптационные программы сосредоточены на вовлечении студентов в социокультурную и интеллектуальную среду, уделяя особое внимание укреплению межкультурных связей. В Кыргызстане программы адаптации ориентированы на вовлечение обучающихся в социокультурную и интеллектуальную среду с особым вниманием к укреплению дружеских связей между студентами разных национальностей. В России реализуются масштабные инициативы в рамках государственной программы «Приоритет-2030», где привлечение и адаптация иностранных студентов являются важными направлениями. Перспективным направлением дальнейших исследований является изучение правовой адаптации иностранцев как важного элемента демографической интеграции. Исследования в этой области могут помочь разработать более эффективные механизмы правовой поддержки студентов, что снизит количество правонарушений и улучшит интеграцию иностранных граждан в принимающих странах.

Таким образом, последствиями успешной реализации программ адаптации иностранных студентов являются их интеграция в общество, снижение риска социальной изоляции, образования этнических анклавов и межкультурных конфликтов. Программы, нацеленные на долгосрочную интеграцию иностранных студентов, позволяют удерживать квалифицированные кадры в государстве после окончания обучения, что способствует восполнению кадрового дефицита. Закрепление мигрантов в принимающих странах в перспективе положительно сказывается на демографической ситуации, снижая риск утечки человеческого капитала.

В то же время в случае недостаточной адаптации студентов существует риск их социального отторжения, а неудачная адаптация может спровоцировать утечку квалифицированных кадров в другие регионы и страны, усугубляя демографические и экономические проблемы. При отсутствии стимулов для длительного пребывания студенты могут покинуть государство после завершения учебы, что перечеркнет усилия по укреплению демографической устойчивости.

Особенности и различия адаптационных программ детерминированы как политическими и экономическими условиями, так и культурными особенностями каждой страны. Однако общим для всех государств ЕАЭС является стремление создать благоприятные условия для адаптации студентов, а существующие программы адаптации иностранцев в странах ЕАЭС обладают значительным потенциалом для улучшения, что способствует не только их академическому успеху, но и укреплению демографической устойчивости в интеграционном пространстве.

Список литературы

1. *Глушкова В.Г., Хорева О.Б.* Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения. Вестник Финансового университета. 2014;3(81):14–25. https://doi.org/10.26794/2587-5671-2014-0-3-14-25
2. *Ячменев Е.Ф., Нечепорук Е.В.* Место демографической безопасности в системе национальной безопасности Российской Федерации. В кн.: Устойчивое развитие социально-экономической системы Российской Федерации: материалы XVIII региональной научно-практической конференции, посвященной 25-летию кафедры менеджмента, Евпатория, 2–3 декабря 2016 г. Евпатория: Издательство Типография «Ариал»; 2017. С. 194–198.
3. *Стешенко В.* Особенности демографической ситуации. Процесс государственного строительства в Украине (1991–2006): сборник научных трудов. Киев: Наукова думка; 2007.
4. *Карманов М.В., Кучмаева О.В., Петрякова О.Л.* Демографическая безопасность: теория, методология, оценка. Статистика и Экономика. 2015;4:123–128. https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-4-123-128

5. *Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А.* Демографический потенциал: из истории понятия. Народонаселение. 2019;2:17–25.
6. *Цвигун И.А.* Роль институциональной среды в обеспечении демографической безопасности в Украине. В кн.: Современные инновационные технологии и проблемы устойчивого развития общества: материалы X международной научно-практической конференции, Минск, 26 мая 2017 г. Минск: Ковчег; 2017. С. 374–377.
7. *Леденева В.Ю., Рахмонов А.Х.* Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов. Вестник МГИМО-Университета. 2023;6(16):250–269. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269
8. *Леденева В.Ю., Кононов Л.А.* Государственное и муниципальное регулирование процессов адаптации и интеграции мигрантов в современной России. М.: Российский университет дружбы народов; 2021. 296 с.
9. *Казанцева Н.В., Харчилава Г.П.* Управление социально-экономической и цифровой адаптацией мигрантов в России. E-Management. 2022;2(5):68–74. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-68-74
10. *Суворова В.А., Бронников И.А.* Международная образовательная миграция как «ресурс мягкой силы» в эпоху глобализации. Управление. 2019;4(7):131–139. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-4-131-139
11. *Биекенов К.У., Ногайбаев Е.О.* К проблеме социальной адаптации иностранных студентов к условиям казахстанских вузов. KazNU Bulletin. Psychology and Sociology Series. 2012;4(43):35–40.
12. *Осадчая Г.И., Вартанова М.Л.* Демографическая безопасность и тенденции развития миграционных процессов в евразийском экономическом союзе в условиях пандемии (COVID-19). Вопросы управления. 2021;1:62–74. https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-62-74

References

1. *Glushkova V.G., Khoreva O.B.* Demographic security of Russia and its regions: problems and ways to solve them. Bulletin of the Financial University. 2014;3(81):14–25. (In Russian). https://doi.org/10.26794/2587-5671-2014-0-3-14-25
2. *Yachmenev E.F., Necheporuk E.V.* Place of demographic security in the system of national security of the Russian Federation. In: Sustainable development of the socio-economic system of the Russian Federation: Proceedings of the XVIII Regional Scientific and Practical Conference dedicated to the 25th Anniversary of the Management Department, Yevpatoriya, 2–3 December, 2016. Yevpatoria: "Arial" Publ. House; 2017. Pp. 194–198. (In Russian).
3. *Steshenko V.* Features of the demographic situation. The process of state building in Ukraine (1991–2006): collection of scientific papers. Kiev: Naukova dumka; 2007. (In Russian).
4. *Karmanov M.V., Kuchmaeva O.V., Petryakova O.L.* Demographic security: theory, methodology, assessment. Statistics and Economics. 2015;4:123–128. (In Russian). https://doi.org/10.21686/2500-3925-2015-4-123-128
5. *Rybakovsky O.L., Tayunova O.A.* Demographic potential: from the history of the concept. Population. 2019;2:17–25. (In Russian).
6. *Tsvigun I.A.* The role of the institutional environment in ensuring demographic security in Ukraine. In: Contemporary innovative technologies and problems of sustainable development of society: Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference, Minsk, May 26, 2017. Minsk: Kovcheg; 2017. Pp. 374–377. (In Russian).
7. *Ledeneva V.Yu., Rakhmonov A.H.* The influence of "migration potential" on the economic and demographic development of donor and recipient countries. MGIMO Review of International Relations. 2023;6(16):250–269. (In Russian). https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269
8. *Ledeneva V.Yu., Kononov L.A.* State and municipal regulation of the processes of adaptation and integration of migrants in modern Russia. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2021. 296 p. (In Russian).
9. *Kazantseva N.V., Kharchilava G.P.* Management of socio-economic and digital adaptation of migrants in Russia. E-Management. 2022;2(5):68–74. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-3445-2022-5-2-68-74
10. *Suvorova V.A., Bronnikov I.A.* International educational migration as a "soft force resource" in the era of globalization. Management. 2019;4(7):131–139. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2019-4-131-139
11. *Biekenov K.U., Nogaibaev E.O.* On the problem of social adaptation of foreign students to the conditions of the problem of social adaptation of foreign students to the conditions of Kazakhstani universities. KazNU Bulletin. Psychology and Sociology Series. 2012;4(43):35–40. (In Russian).
12. *Osadchaya G.I., Vartanova M.L.* Demographic security and trends in the development of migration processes in the Eurasian Economic Union in the context of a pandemic (COVID-19). Management issues. 2021;1:62–74. (In Russian). https://doi.org/10.22394/2304-3369-2021-1-62-74

УДК 334.027, 351.84 JEL I38 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-27-36

Социальный контракт как инструмент государственной социальной защиты

Сергиенко Наталья Сергеевна

Канд. экон. наук, доц. каф. государственного и муниципального управления
ORCID: 0000-0001-9042-8454, e-mail: nssergienko@mail.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассмотрена программа социальной защиты населения – социальный контракт (далее – СК). Разработка и реализация программы в Российской Федерации позволила вывести на новый уровень формы поддержки граждан и борьбы с бедностью. Рассмотрены основные результаты реализации проекта, давшего возможность изменить подход в борьбе с бедностью населения на стимулирующий механизм самообеспечения. Опыт отдельных зарубежных стран, описанный и проанализированный в работе, позволил провести сравнение в механизмах стимулирования граждан к достижению уровня самообеспечения и выделить ключевые особенности и отличия. Мероприятия зарубежных программ поощряют население к активной интеграции в рынок труда при одновременной помощи в обмен на выполнение обязательств по повышению квалификации, поиску работы, обеспечению финансовой безопасности и возможности для профессионального роста и самообеспечения на перспективу. Программы не только имеют успех в системе социальной защиты, но и снижают уровни бедности и неравенства. Показано, что отечественный опыт реализации социальной поддержки граждан посредством СК позволяет комплексно решить проблему стимулирования и адресной работы с благополучателями, формируя самостоятельный и осознанный выбор членов домохозяйства. Расширение программы выступает ориентиром для продолжения мероприятий государственной поддержки и обеспечения межведомственного взаимодействия в целях формирования стратегического подхода при разработке мер поддержки семьи государством посредством целевых программ с эффективным сочетанием прямой материальной помощи и стимулирующих мер на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова

Социальная поддержка, социальная защита, государственная политика, государственная поддержка, меры борьбы с бедностью, стимулирование, государственная программа, занятость, самозанятые, государственные расходы

Для цитирования: Сергиенко Н.С. Социальный контракт как инструмент государственной социальной защиты// Вестник университета. 2025. № 1. С. 27–36.

© Сергиенко Н.С., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Social contract as a tool of state social protection

Natalia S. Sergienko

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the State and Municipal Management Department
ORCID: 0000-0001-9042-8454, e-mail: nssergienko@mail.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article considers the programme of social protection of the population – the social contract (hereinafter referred to as SC). Its development and implementation in the Russian Federation has allowed to bring forms of support for citizens and fight against poverty to a new level. The author considers the main results of the project implementation which has made it possible to change the approach in the fight against poverty to a stimulating mechanism of self-sufficiency. The experience of individual foreign countries described and analysed in the article has allowed us to compare the mechanisms of stimulating citizens to achieve the level of self-sufficiency and highlight key features and differences. The activities of foreign programmes encourage population to actively integrate into the labour market while providing assistance in exchange for fulfilling obligations to improve their skills, find a job, ensure financial security and opportunities for professional growth and self-sufficiency in the future. The programmes are not only successful in the social protection system, but also reduce poverty and inequality. The article shows that the domestic experience of implementing social support for citizens through the social contract allows us to comprehensively solve the problem of stimulation and targeted work with beneficiaries, forming an independent and informed choice of household members. The expansion of the programme acts as a guideline for continuing state support activities and ensuring interdepartmental interaction in order to form a strategic approach in the development of the state support measures for the family through targeted programmes with an effective combination of direct financial assistance and incentive measures for the long term.

Keywords

Social support, social protection, state policy, state support, measures to combat poverty, incentives, state programme, employment, self-employed, government spending

For citation: Sergienko N.S. (2025) Social contract as a tool of state social protection. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 27–36.

© Sergienko N.S., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В последнее десятилетие государственная социальная помощь на основании социального контракта (далее – СК) претерпела значительные изменения. Механизм оказания государственной социальной помощи в форме СК закреплен в ст. 8.1 Федерального закона № 178-ФЗ[1] и принятых в соответствии с ним нормативно-правовых актах[2,3]. Основными нововведениями стали запуск федерального софинансирования, унификация правил предоставления помощи и расширение перечня доступных мероприятий по СК. В 2020 г. изменения затронули 21 пилотный регион, а с 2021 г. СК распространились во всех российских регионах. Эти изменения расширили охват поддержки, включая семьи с детьми. В отличие от прямых выплат и пособий, СК позволяет семье создать долгосрочный источник дохода, предоставляет возможности для профессионального обучения и трудоустройства, открытия собственного бизнеса или развития личного подсобного хозяйства (далее – ЛПХ).

ОСОБЕННОСТИ СК

СК представляет собой пошаговую «дорожную карту» по выводу семьи из малообеспеченности, где гражданин обязуется выполнить мероприятия программы социальной адаптации, такие как обучение, стажировки, участие в собеседованиях и т.д.

Таблица 1

Особенности СК

Показатель	Содержание	Пример реализации
Целевой характер помощи	Поддержка предоставляется на конкретные цели, которые должны привести к улучшению материального положения семьи или индивида	Помощь в переобучении, открытии бизнеса, в развитии сельского хозяйства
Долгосрочная перспектива	Направлен на обеспечение устойчивого изменения в жизни реципиента в отличие от разовых выплат	Граждане выходят из бедности и становятся экономически независимыми
Ответственность получателей	Граждане, подписывающие СК, принимают обязанность соблюдать закрепленные условия	Обязательство по трудоустройству к установленному сроку и прохождение профессиональной переподготовки, использование выделенных средств строго на закрепленные в соглашении цели
Индивидуальный подход	Программа СК адаптируется под индивидуальные потребности участника программы	Гражданину, имеющему склонности к предпринимательству, предлагают помощь в открытии своего дела, трудоустройства, в поиске работы
Комплексный характер поддержки	СК не ограничивается одной лишь финансовой помощью	Гражданам могут быть предложены обучение, консультации, доступ к различным социальным услугам и поддержка в виде субсидий на жилье или медицинскую помощь
Ожидаемые результаты	Главная цель СК – это вывод граждан из состояния бедности и зависимости от государственной помощи	Граждане получают возможность стать финансово самостоятельными и снизить нагрузку на государственные социальные программы

Составлено автором по материалам источника[4]

[1] Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (редакция от 29.05.2024 г.). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23735/f4e461ac0e28a37c14a1ad6ac7193a2fc42b1c03/?ysclid=m1opto1wij925497009 (дата обращения: 18.09.2024).

[2] Приложение № 8 к государственной программе Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» «Правила предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, направленных на оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта. Режим доступа: https://base.garant.ru/70644062/#block_8600 (дата обращения: 18.09.2024)

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2023 г. № 1931 «Об оказании субъектами Российской Федерации на условиях софинансирования из федерального бюджета государственной социальной помощи на основании социального контракта в части, не определенной Федеральным законом «О государственной социальной помощи». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407915993/?ysclid=m1oqekrsn2514184627 (дата обращения: 18.09.2024).

[4] Государственная программа Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». Режим доступа: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/3/2?ysclid=lpzh8vngwa305832774 (дата обращения: 18.09.2024).

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

Актуальные вопросы формирования государственной политики поддержки граждан рассмотрены в контексте социальной ответственности [1–3]. Особенности реализации государственной политики социальной защиты раскрываются для оценки обеспечения социальной справедливости [4–6]. Достижение целей социальной защиты связано с проведением мероприятий по сокращению бедности и с поддержкой семей с детьми [7–9]. В актуальных исследованиях о результатах СК представлены оценки эффективности данной формы поддержки в рамках достижения целей соответствующей государственной программы и результативности оказания государственной социальной помощи [10; 11]. Характеристики и особенности программно-целевого подхода в зарубежной практике СК позволяют оценить перспективные направления развития такого инструмента социальной поддержки граждан для комплексного решения проблемы.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В 2022 г. в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) государственную помощь в рамках СК получили 875,6 тыс. граждан посредством заключенных 276,3 тыс. контрактов. Результатом такой поддержки стало повышение доходов к концу 2022 г. у 70,6 % участников СК. При этом 28,7 % из них увеличили доход до уровня, превышающего прожиточный минимум региона, что означает выход из бедности. Наибольшая эффективность в преодолении бедности наблюдается по направлениям «ведение личного подсобного хозяйства» в Липецкой области (54,1 % всех завершенных контрактов в 2022 г.), «индивидуальное предпринимательство» в Республике Татарстан (61,7 %) и «поиск работы» в Республике Марий Эл (50,3 %)[5]. Практика показывает, что наибольшую эффективность демонстрируют направления, способствующие экономической самостоятельности: трудоустройство (включая профессиональное переобучение), открытие бизнеса и развитие ЛПХ. С 2021 г. в 84 субъектах РФ применяется государственная поддержка в форме СК, предусматривающая предоставление субсидий из федерального бюджета. Социальная помощь была оказана 10,5 % малоимущих граждан страны (1,8 млн чел.). В 2021–2022 гг. на финансирование программы направили 63,2 млрд руб., из которых основная часть – 51,6 млрд руб. – поступила из федерального бюджета. За два года было заключено более 558 тыс. СК.

Анализ эффективности контрактов по установленным критериям показал положительное влияние на снижение бедности. После завершения СК доходы увеличились у 52,5 % участников в 2021 г. и у 66 % в 2022 г. У 22,5 % участников, завершивших СК в 2021 г., и у 25 % в 2022 г. среднедушевой доход превысил уровень бедности. Через год после этого доля семей, чьи доходы покрывали дефицит с учетом получаемых выплат на детей, возросла до 39 %, что свидетельствует о высокой эффективности программы. На федеральном и региональных уровнях достаточно нормативно-правовых документов и ведомственных актов для реализации СК. Бюджетные ассигнования на реализацию поддержки на основе СК использованы субъектами РФ на 98,2 % в 2021 г. и на 99,9 % в 2022 г. В 2021 г. в федеральный бюджет вернулись неиспользованные бюджетные ассигнования в размере 4,94 млрд руб., в то время как в 2022 г. дополнительно было выделено 3,68 млрд руб. на реализацию СК 64 регионам.

Надо отметить, что существуют сложности с прогнозированием объемов поддержки и запросов субъектов России из федерального бюджета средств на удовлетворение потребностей участников программы в регионах. При этом положительные результаты показывают СК, направленные на поиск работы (39–40 % от общего числа заключенных контрактов в 2021–2022 гг.). В результате можно наблюдать рост доходов в среднем у 66 % участников, и у 28 % семей среднедушевой доход превышал прожиточный минимум региона. Материальная поддержка семьи в период поиска работы не только способствует быстрому трудоустройству, но и обеспечивает продолжение работы 65 % граждан на тех же рабочих местах, а 84 % граждан не приостанавливают трудовую деятельность после завершения контракта.

СК на осуществление индивидуальных предпринимательских действий (далее – ИПД) и ведение ЛПХ также востребованы среди малоимущих россиян, стремящихся улучшить уровень жизни. В 2021 г. заключено 66 тыс. контрактов на осуществление ИПД, а в 2022 г. – 90,3 тыс., что составляет 28 % от общего числа заключенных контрактов. В 2022 г. доля этих СК возросла с 23 % в 2021 г. до 33 %, а размер выплаты получателям СК увеличился с 250 тыс. руб. до 350 тыс. руб. В результате расходы на финансирование

[5] Штогрин С.И. Бюллетень Счетной палаты № 5 (306) 2023 г. Режим доступа: https ://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-5-2023. https://ach.gov.ru/statements/bulletin-sp-5-2023 (дата обращения: 18.09.2024).

данного направления выросли с 57 до 63 % от общего объема расходов на реализацию СК. В 2021–2022 гг. в среднем 71 % участников СК на осуществление ИПД отмечают повышение доходов (от 17 до 100 % в разных регионах). У 37 % из них среднедушевой доход семьи превышает региональный прожиточный минимум (от 11 до 76 %). Доля граждан, завершивших СК на осуществление ИПД и продолжающих свою деятельность через год после контракта, составляет от 61 до 91 % в различных субъектах России. В сельской местности особенно востребованы СК на ведение ЛПХ. В 2021 г. было заключено 27 тыс. таких контрактов, а в 2022 г. – 30 тыс., что составляет 10 % от общего числа заключенных контрактов.

Анализ реализации СК на осуществление ИПД и ведение ЛПХ показал, что участникам часто требуется поддержка со стороны региональных и муниципальных органов в сферах развития малого и среднего предпринимательства, сельского хозяйства и занятости. Недостатки во взаимодействии между региональными органами социальной защиты и указанными структурами создают риски недооценки конкурентной среды и потребительского спроса, а также препятствуют развитию необходимых бизнес-навыков, включая подготовку и корректировку бизнес-планов и сбыт продукции.

Кроме того, как показывает исследование программ в регионах, реализация СК на преодоление трудной жизненной ситуации (далее – ТЖС) в большинстве субъектов федерации, на снижение уровня бедности не направлена, а предоставляет в основном материальную помощь без программ социальной адаптации для устойчивого повышения доходов семьи. Выплаты в рамках СК на преодоление ТЖС не требуют активных действий по увеличению доходов со стороны малоимущих граждан. Однако следует отметить, что доля таких контрактов снизилась с 27 % в 2021 г. до 17 % в 2022 г., составив 77,5 тыс. и 47,4 тыс. контрактов соответственно. При реализации СК на преодоление ТЖС возникают значительные административные издержки, связанные с контролем за расходами участников.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Анализ зарубежной социальной поддержки в форме СК показал применение моделей, которые помогают малоимущим семьям и гражданам не только получать финансовую помощь, но и развивать навыки, необходимые для долгосрочного улучшения качества жизни. Такие программы подчеркивают важность активного участия бенефициаров в процессе преодоления бедности, что делает их эффективным инструментом социальной политики (табл. 2).

Таблица 2

Особенности программ социальной поддержки граждан в форме СК за рубежом

Программа	Цель	Особенности	
Temporary assistance for needy families (англ. временная помощь малоимущим семьям, далее – TANF), Соединенные Штаты Америки	Временная помощь малоимущим семьям, направленная на выход из бедности, развитие трудовых навыков и достижение финансовой независимости	Условие трудоустройства	Получатели помощи обязаны искать работу или проходить обучение, чтобы повысить свою квалификацию. Программа требует, чтобы в течение определенного времени участники начали работать либо активно занимались поиском
		Ограниченные сроки	TANF предлагает помощь только в течение ограниченного времени (максимум 5 лет на протяжении жизни человека), стимулируя участников программы на повышение своей квалификации за отведенный срок и выход на самообеспечение
		Поддержка семей	Программа предоставляет финансовую помощь для удовлетворения базовых потребностей семьи (продукты, аренда жилья), а также предлагает доступ к различным программам по обучению, повышению квалификации и другим услугам, которые помогают увеличить шансы на трудоустройство

Продолжение табл. 2

Программа	Цель	Особенности	
Temporary assistance for needy families (англ. временная помощь малоимущим семьям, далее – TANF), Соединенные Штаты Америки	Временная помощь малоимущим семьям, направленная на выход из бедности, развитие трудовых навыков и достижение финансовой независимости	Индивидуальные планы	Каждый участник программы получает индивидуальный план развития, который может включать профессиональные курсы, помощь в трудоустройстве, психологические консультации и поддержку в других аспектах, необходимых для самостоятельной жизни
Renta mínima de inserción (исп. минимальный доход для интеграции), Испания (Мадрид и Каталония)	Предоставление финансовой поддержки малоимущим семьям и лицам, находящимся в сложных экономических условиях, с целью их социальной и трудовой интеграции	Финансовая поддержка	Участники получают ежемесячную выплату для покрытия базовых потребностей (питание, аренда жилья и коммунальные услуги). Размер выплаты зависит от состава семьи и их доходов
		Активная интеграция	Получатели должны принять участие в программах трудовой интеграции, профессиональной подготовки или социальной реабилитации, что может включать прохождение курсов, активный поиск работы или участие в общественных работах
		Индивидуальный план действий	Каждый участник программы разрабатывает индивидуальный план совместно с социальными службами, в котором прописаны обязательства по поиску работы, обучению и другим активным мерам, направленным на улучшение социального и экономического положения
		Социальное сопровождение	Предусмотрено социальное сопровождение участников, включая консультации, психологическую поддержку и помощь в решении проблем, связанных с жильем, здоровьем или образованием
		Ограниченные сроки	Рассчитана на временную поддержку, пока участники не достигнут уровня самообеспечения. Для продолжения получения помощи обязательно регулярное подтверждение своих усилий в выполнении плана
Revenu de solidarité active (фр. активное солидарное пособие, далее – RSA), Франция	Предоставление финансовой помощи малоимущим гражданам и домохозяйствам, стимулирование их к поиску работы и социальной интеграции	Финансовая помощь	Участники получают регулярные выплаты, которые обеспечивают минимальный уровень дохода для удовлетворения базовых жизненных потребностей. Сумма выплат зависит от состава семьи и уровня имеющихся доходов
		Активизация трудовой деятельности	Акцент на возвращение к трудовой деятельности; получатели пособия обязаны активно искать работу, проходить обучение или участвовать в общественно полезных программах
		Персонализированный план действий	Вместе с социальными службами каждый участник программы разрабатывает индивидуальный план действий (фр. projet personnalisé d'accès à l'emploi), который включает обязательства по поиску работы, обучению и другим мерам, направленным на интеграцию в рынок труда

Окончание табл. 2

Программа	**Цель**	**Особенности**	
Revenu de solidarité active (фр. активное солидарное пособие, далее – RSA), Франция	Предоставление финансовой помощи малоимущим гражданам и домохозяйствам, стимулирование их к поиску работы и социальной интеграции	Социальное сопровождение	Участники получают доступ к услугам социального сопровождения, что может включать профессиональные консультации, помощь в составлении резюме, обучение, поддержку в поиске жилья и медицинскую помощь
		Мотивация к работе	Получатели могут продолжать получать выплаты даже после трудоустройства, если их заработная плата остается ниже определенного уровня, что стимулирует людей не избегать работы из-за риска потери пособия
		Целевая поддержка молодежи	Отдельная версия RSA для молодежи в возрасте от 18 до 25 лет (фр. RSA jeunes) позволяет молодым людям получать финансовую поддержку и одновременно интегрироваться в трудовую жизнь через обучение и трудовую деятельность
Bolsa família (пор. семейный бюджет), Бразилия	Сокращение бедности и неравенства в стране путем предоставления финансовой помощи малоимущим семьям в обмен на выполнение обязательств, связанных с образованием и здравоохранением	Целевая финансовая поддержка	Предоставление регулярных денежных выплат бедным семьям в зависимости от их уровня дохода, которые предназначены для покрытия основных нужд семьи (питание, жилье, одежда)
		Условия для получения пособия	1. Дети из семей-участников обязаны посещать школу и не пропускать занятия, что способствует снижению уровня безграмотности и детской трудовой эксплуатации. 2. Семьи должны регулярно проходить медицинские осмотры, следить за вакцинацией детей и обеспечивать участие беременных женщин в программе дородового наблюдения. 3. Социальная интеграция малоимущих семей посредством доступа к основным социальным услугам (образование, медицинская помощь)
		Преемственность и долгосрочные цели	Обеспечение бедным семьям возможности выхода из бедности в долгосрочной перспективе через обучение детей и улучшение здоровья членов семьи. Программа способствует социальному продвижению будущих поколений
		Мониторинг и контроль	Государство тщательно отслеживает выполнение условий программы, а семьи, не выполняющие своих обязательств (например, если дети перестают посещать школу), могут лишиться выплат

Составлено автором по материалам источников[6,7,8]

Таким образом, TANF стимулирует граждан к активной интеграции в рынок труда, предлагая временную помощь в обмен на выполнение обязательств по повышению квалификации или поиску работы. Программа RSA призвана обеспечивать финансовую безопасность и одновременно мотивировать людей на активную социальную и трудовую интеграцию, предоставляя возможности для профессионального

[6] United States Government. Welfare benefits or Temporary assistance for needy families (TANF). Режим доступа: https://www.usa.gov/welfare-benefits (дата обращения: 18.09.2024).

[7] Community of Madrid. Topics of interest social services. Режим доступа: https://www.comunidad.madrid/servicios/servicios-sociales (дата обращения: 18.09.2024). (In Spanish).

[8] Federal Government of Brazil. Ministry of development and social assistance, family and hunger. Режим доступа: https://www.gov.br/mds/pt-br/acoes-e-programas/bolsa-familia (дата обращения: 18.09.2024). (In Portuguese).

роста и самообеспечения. Программа Bolsa família стала одной из самых успешных мер социальной защиты в Бразилии, существенно снизив уровень бедности и неравенства. Она показала, что СК могут эффективно сочетать прямую материальную помощь с требованиями, которые стимулируют образование и улучшение здоровья, что в итоге помогает семьям выйти из нищеты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Как показывают опыт и научные исследования, преодоление бедности требует комплексного подхода, включая обучение новым профессиональным навыкам, помощь в уходе за детьми во время собеседований и консультации по составлению бизнес-плана. Выплаты в связи с ТЖС представляют собой только экстренную помощь, поскольку средства, полученные в рамках этого контракта, разрешено направлять на покупку жизненно необходимых товаров, таких как продукты питания, одежда, обувь и лекарства. В программу социальной адаптации включается комплекс мероприятий, способов преодолеть трудные ситуации, например предоставление социальных услуг. СК требует координации между органами социальной защиты, службами занятости, экономическими структурами и муниципалитетами. Этому будет содействовать переход к социальному казначейству.

Перевод СК на принципы социального казначейства требует внедрения целого набора подходов для унификации, упрощения и повышения эффективности процессов.

Во-первых, для унификации и централизации данных нужно создание единой централизованной базы данных для учета и анализа информации о семьях и их доходах. Такая база должна быть доступна для всех участвующих органов, с тем чтобы обеспечить унифицированный подход к определению состава семьи и учету доходов.

Во-вторых, межведомственное взаимодействие предполагает особенную разработку системы межведомственного обмена данными, которая позволит автоматически передавать информацию между различными государственными структурами (например, налоговыми органами, органами социальной защиты и трудовыми инспекциями).

В-третьих, оптимизация процедур и документации в целях снижения бумажной волокиты требует мер и перехода на электронное оформление документов и заявлений через портал «Госуслуг», что сократит количество необходимых бумаг и упростит процесс подачи заявлений.

В-четвертых, автоматизированная проверка данных о доходах и составе семьи на основе информации из государственных реестров и баз данных сократит необходимость предоставления дополнительных документов и ускорит процесс обработки заявлений.

В-пятых, открытая публикация и доступность информации посредством создания и поддержки обновленных онлайн-ресурсов о существующих СК, их условиях и процессах получения поможет гражданам лучше понимать, как воспользоваться помощью и какие документы могут понадобиться. Это потребует внедрения интерактивных платформ на портале «Госуслуг», где у граждан появится возможность самостоятельно проверять статус своих заявлений и получать рекомендации по исправлению потенциальных ошибок. Отметим, что организация поддержки и консультаций для россиян через горячие линии и онлайн-чаты позволит им обращаться за помощью по вопросам подачи заявлений и другим проблемам. Кроме того, немаловажное значение будет иметь организация обучения для сотрудников органов социальной защиты и других участвующих структур по новым процедурам и технологиям, связанным с принципами социального казначейства.

Такие мероприятия позволят разработать и скорректировать существующие системы мониторинга программы, обеспечивающие регулярный контроль и оценку эффективности реализации СК, включая автоматизированный сбор и анализ данных. Уже сейчас для формирования отчетности можно внедрять систему обратной связи, обеспечивая сбор не только данных, но и отзывов от участников СК, и использовать их для корректировки и улучшения программ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская программа СК отличается акцентом на трудоустройство, предпринимательство и поддержку сельских жителей через развитие ЛПХ. В то же время зарубежные практики (Бразилии, Мексики) делают упор на улучшение доступа к образованию и медицине с обеспечением финансовой помощи при соблюдении этих условий. Россия находится в процессе совершенствования механизмов реализации контракта, включая внедрение принципов социального казначейства, что также сближает ее с зарубежными примерами.

Список литературы

1. *Балынин И.В., Терехова Т.Б.* О приоритетах бюджетной политики Российской Федерации в области доходов федерального бюджета на 2023–2025 гг. Креативная экономика. 2023;5(17):1949–1966. https://doi.org/10.18334/ce.17.5.117831
2. *Овчарова Л.Н., Синявская О.В., Бирюкова С.С., Горина Е.А., Нагерняк М.А., Пишняк А.И.* Социальная защита в России: развилки будущего. Вопросы экономики. 2022;8:5–31. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-5-31
3. *Солянникова С.П.* Ответственная бюджетная политика в социальной сфере: проблемы разработки и реализации. Экономика. Налоги. Право. 2015;5:45–51.
4. *Ромайкин П.Д.* К вопросу о качестве целеполагания в рамках государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» и направлениях его модернизации с целью преодоления бедности населения. Инновации и инвестиции. 2023;5:138–140.
5. *Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Бобков Н.В.* Актуальность разработки национальной Программы повышения доходов, снижения бедности и неравенства. Уровень жизни населения регионов России. 2020;2(16):9–24. https://doi.org/10.19181/lsprr/2020.16.2.1
6. *Балынин И.В.* Совершенствование управления государственными расходами на социальную поддержку семей с детьми в контексте обеспечения стратегического развития Российской Федерации. Вестник университета. 2023;9:12–20. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-12-20
7. *Андреева Е.И., Бычков Д.Г., Феоктистова О.А.* Региональный рейтинг эффективности социальной поддержки нуждающихся. Проблемы прогнозирования. 2022;1(190):55–64. https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-55-64
8. *Елизаров В.В., Синица А.А.* Факторы бедности семей с детьми и перспективы ее снижения. Уровень жизни населения регионов России. 2019;2(212):63–75. https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065
9. *Слободенюк Е.Д., Аникин В.А.* Где пролегает «черта бедности» в России? Вопросы экономики. 2018;1:104–127. https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-104-127
10. *Ромайкин П.Д.* Социальный контракт как инструмент преодоления бедности трудоспособного населения: оценка бюджетной эффективности и направления модернизации. Теоретическая и прикладная экономика. 2024;1:65–76. https://doi.org/10.25136/2409-8647.2024.1.70293
11. *Тютин А.В., Круглов В.Н.* Оценка эффективности и результативности оказания государственной социальной помощи на основании социального контракта. Управленческий учет. 2021:9–1:262–268. https://doi.org/10.25806/uu9-12021262-268

References

1. *Balynin I.V., Terekhova T.B.* Priorities of the budgetary policy of the Russian Federation in the area of federal budget revenues for 2023–2025. Journal of Creative Economy. 2023;5(17):1949–1966. (In Russian). https://doi.org/10.18334/ce.17.5.117831
2. *Ovcharova L.N.. Sinyavskaya O.V., Biryukova S.S., Gorina E.A., Nagernyak M.A., Pishnyak A.I.* Social protection in Russia: choices of the future. Voprosy Ekonomiki. 2022;8:5–31. (In Russian). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-8-5-31
3. *Solyannikova S.P.* A responsible budgetary policy in the social sphere: problems of development and implementation. Economics. Taxes & Law. 2015;5:45–51. (In Russian).
4. *Romaikin P.D.* On the issue of the quality of goal-setting within the framework of the state program of the Russian Federation "Social support of citizens" and the directions of its modernization for reducing poverty. Innovation & Investment. 2023;5:138–140. (In Russian).
5. *Bobkov V.N., Odintsova Ye.V., Bobkov N.V.* Relevance of developing a national programme to increase income, reduce poverty and inequality. Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2020;2(16):9–24. (In Russian). https://doi.org/10.19181/lsprr/2020.16.2.1
6. *Balynin I.V.* Improving the management of public spending on social support for families with children in the context of ensuring the strategic development of the Russian Federation. Vestnik universiteta. 2023;9:12–20. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-12-20
7. *Andreeva E.I., Bychkov D.G., Feoktistova O.A.* Rating of the Russian regions by the effectiveness of social support. Problems of forecasting. 2022;1(190):55–64. (In Russian). https://doi.org/10.47711/0868-6351-190-55-64
8. *Yelizarov V.V., Sinitsa A.L.* Factors of poverty of families with children and prospects of its reduction. Living Standards of the Population in the Regions of Russia. 2019;2(212):63–75. (In Russian). https://doi.org/10.24411/1999-9836-2019-10065
9. *Slobodenyuk E.D., Anikin V.A.* Locating the "poverty threshold" in Russia. Voprosy Ekonomiki. 2018;1:104–127. (In Russian). https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-1-104-127

10. *Romaikin P.D.* Social contract as a tool for overcoming poverty of the working-age population: assessment of budget efficiency and directions of modernization. Theoretical and Applied Economics. 2024;1:65–76. (In Russian). https://doi.org/10.25136/2409-8647.2024.1.70293
11. *Tyutin D.V., Kruglov V.N.* Assessment of the efficiency and efficiency of providing state social assistance on the basis of a social contract. Managerial Accounting. 2021:9–1:262–268. (In Russian). https://doi.org/10.25806/uu9-12021262-268

УДК 364.054 JEL D64 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-37-43

Повышение эффективности проектной деятельности благотворительных фондов

Соколова Елена Андреевна

Магистрант

ORCID: 0009-0005-6830-9439, e-mail: Lenoksokolova16@gmail.com

Зозуля Павел Валерьевич

Канд. экон. наук, доц. каф. управления проектом

ORCID: 0000-0002-6804-5681, e-mail: docent2002@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассматривается повышение эффективности проектной деятельности благотворительных фондов. Авторами проведен анализ различных подходов к благотворительности и благотворительной деятельности. Авторы раскрывают этапы подготовки и реализации спонсорских акций для компаний (стратегическое планирование; анализ внутренней среды; анализ внешней среды; постановка задач; реализация проекта; контроль результатов). При этом отмечается, что планирование, организация благотворительной деятельности и контроль за ней требуют четкой и продуманной управленческой стратегии. В работе авторами приведены причины, затрудняющие участие в благотворительности граждан России. Авторы, рассматривая проблемы функционирования благотворительных организаций, пришли к выводу, что на них оказывают негативное влияние финансово-экономические кризисы, пандемия, санкции, а также боевые действия, происходящие в современном мире. Рассмотрены стратегия повышения эффективности проектной деятельности благотворительного фонда на примере фонда «Цирк и милосердие», дифференциация его деятельности. Авторами были описаны основные мероприятия, способствующие развитию стратегий продвижения благотворительного фонда. По мнению авторов, внутри страны также необходимы условия для масштабирования идей и новых разработок.

Ключевые слова

Благотворительность, фонд, благотворительный фонд, проект, проектная деятельность, стратегия продвижения, стратегическое планирование

Для цитирования: Соколова Е.А., Зозуля П.В. Повышение эффективности проектной деятельности благотворительных фондов//Вестник университета. 2025. № 1. С. 37–43.

© Соколова Е.А., Зозуля П.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Improving effectiveness of the project activity of charitable foundations

Elena A. Sokolova
Graduate Student
ORCID: 0009-0005-6830-9439, e-mail: Lenoksokolova16@gmail.com

Pavel V. Zozulya
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Project Management Department
ORCID: 0000-0002-6804-5681, e-mail: docent2002@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses improvement of the effectiveness of the project activities of charitable foundations. The authors analyse various approaches to charity and charitable activities and reveal stages of preparation and implementation of sponsorship campaigns for companies (strategic planning; analysis of the internal environment; analysis of the external environment; task setting; project implementation; control of results). At the same time, it is noted that planning, organisation and control of charitable activities require a clear and thoughtful management strategy. In the article, the authors give reasons that make it difficult for citizens of Russia to participate in charity and, considering problems of the functioning of charitable organisations, come to the conclusion that they are negatively affected by financial and economic crises, pandemic, sanctions as well as military operations taking place in the modern world. The work considers the strategy of increasing the effectiveness of the project activities of the charitable foundation on the example of "Circus and mercy" and differentiation of its activities. The authors describe the main measures contributing to the development of strategies for promoting the charitable foundation. According to the authors, conditions are also needed within the country for scaling ideas and new developments.

Keywords

Charity, foundation, charitable foundation, project, project activity, promotion strategy, strategic planning

For citation: Sokolova E.A., Zozulya P.V. (2025) Improving effectiveness of the project activity of charitable foundations. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 37–43.

© Sokolova E.A., Zozulya P.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

История Российской Федерации (далее – РФ, Россия) имеет огромный опыт благотворительности. Сегодня существуют не только традиционные способы помощи, но и новые, такие как волонтерство. Люди испытывают потребность творить добро, как и их предки на протяжении многих веков истории. Культура, духовные ценности напоминают обществу о том, что благотворительность – обычное дело, неотъемлемая часть жизни каждого человека [1].

Сегодняшнее время задает новые алгоритмы в работе общественных организаций. Проектная деятельность позволяет эффективно управлять сложными задачами, координировать работу между участниками проекта, оптимизировать использование ресурсов и достигать поставленных целей. Повышение роли проектной деятельности требует более тщательного анализа содержания этого понятия. К тому же необходимо подчеркнуть мультидисциплинарный характер этого феномена.

Поскольку проекты чаще всего связаны с достижением уникальных (ранее не осуществлявшихся), инновационных и сложных целей, они требуют куда более тщательного анализа и планирования, более системного подхода к решению поставленных задач. С другой стороны, внедрение новых идей позволяет членам команды проекта развиваться в личностном и профессиональном плане, что благотворно влияет на их конкурентоспособность на рынке труда. В современном мире степень влияния проектного подхода на развитие современного общества столь высока, что процессы, связанные с его утверждением в социальной практике, должны рассматриваться прежде всего в поле менеджмента.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В соответствии со ст. 1 Федерального закона № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» под благотворительной деятельностью понимается добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной (безвозмездной или на льготных условиях) передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, по бескорыстному выполнению работ, предоставлению услуг, оказанию иной поддержки[1].

Благотворительная деятельность осуществляется в целях социальной поддержки и защиты граждан, а также с целью охраны окружающей среды и защиты животных. Она означает добровольное и безвозмездное или на льготных условиях предоставление имущества или услуг физическим и юридическим лицам. Спонсорство, с другой стороны, предполагает предоставление средств с условием обязательного упоминания о лице, предоставляющем их, как о спонсоре.

По мнению Е.А. Брылевой, благотворительность успешно применяется компаниями по всему миру, демонстрируя свою эффективность. Исторически она была популярна среди монархов и знати для финансирования различных проектов, сейчас же современные компании используют ее для продвижения своих интересов [2].

Согласно Л.А. Кудринской, благотворительность проявляется через многочисленные механизмы, включая материальную помощь, участие в разнообразных инициативах, финансирование образовательных стипендий и стажировок, учреждение государственных организаций социальной защиты, а также предоставление правовой, информационной, консультационной помощи и прочих форм поддержки. Благотворительность может проявляться в различных формах, включая непосредственную помощь, когда деньги или ресурсы передаются непосредственно нуждающимся лицам или организациям, а также опосредованную помощь, когда средства передаются через посредников, таких как благотворительные организации, фонды или государственные службы. Благотворительность широко распространена в современном мире [3].

Н.М. Горяйнова представляет складное описание процесса благотворительности: общественные группы получают финансовую поддержку, благотворительные компании видят в этом маркетинговые возможности, а государство использует партнерство с частным сектором для улучшения обстановки. Разнообразные заинтересованные стороны, включая общественные организации, государственные учреждения и благотворительные фонды, сотрудничают с целью решения социальных проблем [4].

[1]Федеральный закон от 11.08.1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (редакция от 27.11.2023 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=482672&dst=100001#KocvURUoq6jErPgD (дата обращения: 12.10.2024).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Следует отметить, что на Западе компании занимаются благотворительностью, чтобы улучшить имидж и продемонстрировать легальное признание; показать надежность, финансовое благополучие и стабильность; снизить агрессивность и повысить лояльность потребителей и властей; привлечь и удержать сотрудников, создавая имидж социально ответственной компании; использовать благотворительность как эффективную форму рекламы и др.

На сегодняшний день рекомендуются следующие этапы подготовки и реализации спонсорских акций для компании:

1) стратегическое планирование – определение целей спонсорства в контексте миссии фирмы; формирование совета по спонсорству; принятие концепции развития спонсорства;

2) анализ внутренней среды – оценка ресурсов компании; создание подразделения для спонсорства; оценка кадрового резерва для волонтерской деятельности;

3) анализ внешней среды – мониторинг региональных потребностей; переговоры с местными властями; определение потенциальных посредников; участие в рейтинге социальной ответственности; определение целевой аудитории для коммуникации;

4) постановка задач – выбор форм и объектов спонсорства; проектное планирование; определение посредников и финансовая оценка;

5) реализация проекта – разработка медиаплана; организационные и координационные действия;

6) контроль результатов – анализ эффективности проекта и спонсорской деятельности; корректировка стратегии и тактики [5].

Таким образом, планирование, организация благотворительной деятельности и контроль за ней требуют четкой и продуманной управленческой стратегии.

На сегодняшний день в России существует множество благотворительных фондов и организаций, как частных, так и государственных. Благотворительность в РФ характеризуется тем, что граждане могут заниматься волонтерской деятельностью или помогать через фонды.

В 2021 г. Россия заняла 67-е место в мировом рейтинге филантропии. Около трети компаний, представляющих средний и малый бизнес, так или иначе участвуют в благотворительности: помогают деньгами, продукцией, работают в волонтерских проектах. Для 17 % фирм филантропия – часть корпоративной культуры[2].

В 2023 г., по оценке консалтинговой компании Frank RG, сумма пожертвований бизнеса составила 245 млрд руб. После пандемии объем средств на благотворительные цели и корпоративную социальную ответственность (далее – КСО) вырос на 23 % и вернулся к докризисным показателям. В сумме коммерческие компании, государство и частные лица за 2023 г. потратили на благотворительность и КСО 360–380 млрд руб. Такая сумма, к примеру, равна почти половине годового бюджета государственной программы по развитию здравоохранения в 2022 г. или четырем бюджетам Федеральной космической программы.

Результат влияния факторов, с которыми столкнулись участники сектора благотворительности в кризисном 2022 г., можно будет оценить на горизонте двух-трех лет. Однако уже сейчас ощутимы проблемы, связанные с платежами и переводами (уход платежных систем, прекращение работы ряда платформ для сбора средств, рост стоимости поиска доноров костного мозга). Существенно увеличились расходы на благотворительную деятельность, например, из-за роста стоимости медикаментов. Снижается размер трат на благотворительные цели у частных лиц из-за экономной модели поведения.

Влияет на ситуацию и психологический аспект: для ряда состоятельных людей увеличение размера трат на благотворительные цели стало способом борьбы со стрессом. Несмотря на то что отрасли приходится существовать в условиях острого кризиса, она поступательно адаптируется к новой санкционной реальности.

Исследуя проблемы функционирования благотворительных организаций, стоит отметить, что на них оказывают негативное влияние финансово-экономические кризисы, пандемия коронавируса, санкции, боевые действия, что приводит к сокращению количества вовлеченных лиц и вынуждает искать новые

[2] Frank RG. Сфера профессиональной благотворительности в России и роль крупных филантропов в ней. Режим доступа: https://frankrg.com/charity2022/ (дата обращения: 12.10.2024).

формы и способы развития благотворительности, требующей участия как государства, так и органов местного самоуправления и граждан.

Среди проблем, появившихся в связи с усложнением геополитической обстановки в 2022 г., можно назвать прекращение функционирования в стране международных платежных систем, которые позволяли направлять пожертвования из-за рубежа, в том числе пребывающими там российскими гражданами; прекращение взаимодействия с зарубежными партнерами; невозможность использования отдельных информационных решений в деятельности и при сборе пожертвований и т.д. Некоторые иностранные компании, учрежденные зарубежными головными компаниями, прекратили деятельность в России в целом, завершив и финансирование благотворительных программ.

К причинам, затрудняющим участие граждан РФ в благотворительности, можно отнести недоверие к фондам (23 %), желание помогать только знакомым людям (31 %), а также низкий уровень доходов (49 %) [6].

Однако предпринимаются способы разрешения проблемных ситуаций в сфере осуществления благотворительной деятельности, в том числе посредством применения современных информационных технологий. Так, благотворительный сервис, запущенный на портале mos.ru в 2020 г., объединил многие некоммерческие организации на одной платформе, что позволяет желающим совершать пожертвования, оперативно узнавать о программах соответствующих благотворительных организаций. Кроме того, их поддержка была усилена со стороны таких компаний, как «Яндекс», Ozon, Skillbox, в том числе посредством использования современных технологических решений.

К сожалению, на данном этапе многие благотворительные фонды должны доказывать эффективность своей работы. Чаще люди требуют эту доказательность в цифрах, а не в результате.

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФОНДА «ЦИРК МИЛОСЕРДИЯ»

Рассмотрим стратегию повышения эффективности проектной деятельности благотворительного фонда на примере фонда «Цирк и милосердие» (далее – Фонд)[3].

Фонд создает в установленном порядке на территории РФ и за рубежом свои представительства и филиалы, которые открываются по решению его Правления и действуют на основании Положений, утверждаемых Правлением. Руководители филиалов и представительств назначаются решением Правления и действуют по доверенности, выданной Президентом Фонда.

Сокращенное наименование Фонда – РОБФ (региональный общественный благотворительный фонд) «Цирк и милосердие». Регион деятельности и местонахождение Правления – Москва.

Цели, задачи, права и обязанности Фонда:

– осуществление благотворительной деятельности, направленной на оказание помощи нуждающимся молодым особо одаренным работникам цирка, а также ветеранам цирка;

– выявление особо одаренных детей и подростков, оказание помощи в создании необходимых условий для раскрытия их талантов;

– оказание материальной помощи нуждающимся ветеранам цирка;

– содействие развитию и углублению разностороннего международного сотрудничества в области изучения и решения проблем социальной адаптации ветеранов цирка.

Спонсоры РОБФ помощи артистам «Цирк и милосердие»: общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Рекламное агентство Юрия Никулина»; ООО «Легендарный цирк Юрия Никулина». Его постоянные партнеры: закрытое акционерное общество «Московский цирк Никулина на Цветном бульваре»; Государственное училище циркового и эстрадного искусства имени М.Н. Румянцева (Карандаша); Школа циркового искусства имени Ю.В. Никулина; Благотворительный фонд помощи тяжелобольным детям, сиротам и инвалидам «Русфонд».

В помещении Фонда расположен музей, посвященный жизни и деятельности Ю.В. Никулина и являющийся членом Ассоциации частных музеев России.

РОБФ «Цирк и милосердие» существует уже более 27 лет (для сравнения, в среднем по отрасли – 12 лет) и принимает пожертвования онлайн с помощью любых платежных систем и способов перевода.

Цель эффективности деятельности Фонда достигается посредством выполнения поставленных задач. В первую очередь необходимо найти решения, которые позволят благотворительному фонду развивать

[3] Благотворительный фонд Ю.В. Никулина «Цирк и милосердие». Официальный сайт. Режим доступа: https://fond-nikulin.ru/ (дата обращения: 12.10.2024).

образ эксперта в вопросах помощи ветеранам, артистам цирка, а также молодым начинающим артистам и стать авторитетным информационным каналом. В этом случае можно воспользоваться методологией инбаунд-маркетинга (привлечение потребителей через полезный контент).

Таблица

Дифференциация деятельности благотворительного фонда «Цирк и милосердие»

Вектор	Значение
Цель	Объединение ресурсов общества для помощи
Задачи	Сбор средств на лечение и медикаменты подопечным Фонда. Улучшение условий жизни. Сопровождение деятельности Фонда, проведение мероприятий, повышающих их значимость (в том числе благотворительные акции). Информирование о социальных проблемах и о том, как оказать необходимую помощь (публикация информационного контента)
Целевая аудитория	Ветераны и молодые начинающие артисты цирка
Проблемы	Недостаточность средств и ресурсов для оказания помощи. Низкая вовлеченность населения в деятельность организации

Составлено авторами по материалам исследования

В России принято помогать детям и животным, а о ветеранах цирка или о молодых начинающих артистах цирка вспоминают нечасто, если вообще думают о них.

Инбаунд-маркетинг известен как «притягивающий» маркетинг, а исходящий маркетинг часто называют «проталкивающим»: продвижение рекламы среди более широкой аудитории или привлечение заинтересованных, преданных поклонников, желающих услышать экспертные идеи и мнения [7].

Типичные стратегии входящего маркетинга: контент-маркетинг; (гостевые) блоги; социальные медиа; SEO (англ. search engine optimisation – поисковая оптимизация); рассылка новостей по электронной почте.

Типичные стратегии исходящего маркетинга: рекламные баннеры; всплывающие окна; телевизионная реклама; холодные звонки и холодный email-маркетинг с использованием инструментов исходящих продаж; реклама на билбордах.

Методологию инбаунд-маркетинга описывают как трехэтапную операцию: привлечение; вовлечение; восторг/удовольствие.

Шаг 1. Привлекать заинтересованных пользователей с помощью высококачественного, ценного контента, разговоров и информации, представляя себя экспертом и авторитетным лицом в этой области.

Шаг 2. Предоставлять идеи и решения, которые предлагают решения проблем людей и помогают достичь их целей, делая продукт жизнеспособной и привлекательной покупкой.

Шаг 3. Преодолевать дополнительные усилия с исключительной помощью и поддержкой, что расширяет возможности новых клиентов.

Так, к примеру, через социальные сети благотворительный фонд доносит информацию о том, чем их привлекает такая деятельность и почему они помогают своим подопечным, не делая никаких призывов и вызывая чувство сопричастности.

Запустить партнерскую акцию возможно как с местными, так и с федеральными контрагентами. Это будет выгодно и бизнесу (снижаются налоги), и фонду. Например, в сетевых кофейнях можно приобрести десерт, часть стоимости которого пойдет на помощь подопечным благотворительного фонда. Также благотворительный фонд обычно взаимодействует и с другими социальными проектами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении можно подчеркнуть, что благотворительность в сфере социальной сети играет важную роль в формировании общественного имиджа и укреплении позитивного восприятия со стороны аудитории. Эти инструменты не только способствуют продвижению бренда и увеличению узнаваемости компании, но и демонстрируют ее социальную ответственность и готовность к участию в решении важных общественных проблем. Кроме того, благотворительные проекты часто становятся мощным инструментом привлечения внимания к ключевым ценностям и целям организации, что способствует

укреплению связей с клиентами, партнерами и обществом. Однако проблемы функционирования благотворительных организаций возникают ввиду негативного влияния финансово-экономических кризисов, пандемии коронавируса, санкций, боевых действий, что, в свою очередь, приводит к сокращению количества вовлеченных лиц и вынуждает искать новые формы и способы развития благотворительности, требующей участия как государства, так и органов местного самоуправления и граждан.

На сегодняшний день при построении стратегии продвижения благотворительного фонда не следует ограничиваться только социальными сетями, хотя данный канал способен помочь фонду сформировать доверительный образ среди потенциальных спонсоров. Важно не забывать про поиск средств для обеспечения работы проекта, которые можно привлекать самостоятельно (например, использовать краудфандинговые платформы, самое удачное время – преддверие праздников). Средства и помощь могут поступать в натуральном выражении разными доступными способами.

Таким образом, интеграция благотворительности в социальных сетях является эффективным способом не только достижения коммерческих целей, но и создания положительного общественного влияния.

Список литературы

1. *Шукина Т.В., Легкова А.И., Кудь А.Д.* Благотворительность в России как неотъемлемая компонента российского общества. В кн.: Патриотическое воспитание молодежи: проблемы истории и современности: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 10 ноября 2023 г. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный медицинский университет; 2024. С. 209–211.
2. *Брылева Е.А.* Благотворительность как индикатор состояния гражданского общества. В кн.: Преступление, наказание, исправление: сборник тезисов выступлений и докладов участников IV международного пенитенциарного форума (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии Федеральной службы исполнения наказаний России), том 5, Рязань, 20–22 ноября 2019 г. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний; 2019. С. 35–39.
3. *Кудринская Л.А.* Благотворительность и спонсорство в современном российском обществе: опыт теоретического анализа. Омский научный вестник. 2009;6(82):73–77.
4. *Горяйнова Н.М.* Корпоративная благотворительность: принципы и основные направления реализации. Управление в современных системах. 2016;3(10):13–16.
5. *Кукина Н.В.* Благотворительность: состояние и перспективы развития в российском обществе. Научный альманах. 2022;8–2(94):50–54.
6. *Ронжин Н.Г.* Проблемы правового регулирования благотворительной деятельности в России. Бизнес и общество. 2024;1(41).
7. *Ямпольская Д.О., Пилипенко А.И.* Маркетинговый анализ: технология и методы проведения: учебник и практикум для вузов. М.: Юрайт; 2024. 268 с.

References

1. *Shchukina T.V., Legkova A.I., Kud A.D.* Charity in Russia as an integral component of Russian society. In: Patriotic education of youth: problems of history and modernity: Proceedings of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Rostov-on-Don, November 10, 2023. Rostov-on-Don: Rostov State Medical University; 2024. Pp. 209–211. (In Russian).
2. *Bryleva E.A.* Charity as an indicator of the state of civil society. In: Crime, punishment, correction: Proceedings of the Participants of the IV International Penitentiary Forum (dedicated to the 140th Anniversary of the Russian Penal System and the 85th Anniversary of the Academy of the Federal Penal Service of Russia), volume 5, Ryazan, November 20–22, 2019. Ryazan: Academy of Law and Management of the Federal Penal Service; 2019. Pp. 35–39. (In Russian).
3. *Kudrinskaya L.A.* Charity and sponsorship in modern Russian society: experience of theoretical analysis. Omsk Scientific Bulletin. 2009;6(82):73–77. (In Russian).
4. *Goryaynova N.M.* Corporate charity: principles and main directions of realization. Management in modern systems. 2016;3(10):13–16. (In Russian).
5. *Kukina N.V.* Charity: the state and prospects of development in Russian society. Scientific almanac. 2022;8–2(94):50–54. (In Russian).
6. *Ronzhin N.G.* Problems of legal regulation of charitable activities in Russia. Business and Society. 2024;1(41). (In Russian).
7. *Yampolskaya D.O., Pilipenko A.I.* Marketing analysis: technology and methods of conducting: textbook and workshop for universities. Moscow: Urait; 2024. 268 p. (In Russian).

УДК 338.22 JEL O32 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-44-51

Развитие методологии управления организационными инновациями: структурное моделирование результатов

Дегтярёва Виктория Владимировна[1,2]

Канд. экон. наук, доц. каф. управления инновациями[1], доц. каф. управления инновациями на транспорте[2]
ORCID: 0000-0002-1165-1373, e-mail: vv_degtyareva@guu.ru

[1]Государственный университет управления, г. Москва, Россия

2Российский университет транспорта, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе предложена структурная модель оценки результатов деятельности крупных промышленных компаний, выстроенная через эффекты влияния трех групп показателей: управление инновациями, устойчивое развитие, экономическая/инвестиционная эффективность. Цель исследования состоит в развитии методологии управления организационными инновациями в фокусе социально и экологически ответственных инноваций. Объектом исследования являются крупные промышленные корпорации, на базе которых осуществляется инновационно-внедренческая деятельность. Предметом работы является структурная модель оценки результатов. Проанализированы показатели нефинансовой отчетности в контексте роста деловой репутации, управления инновационной деятельностью и экономической и инвестиционной эффективности двух промышленных корпораций. На основе выявленных тенденций временного ряда проанализированных показателей и выводов из ранее проведенных исследований была доказана поставленная гипотеза о влиянии нефинансовой отчетности в контексте управления инновациями на экономическую и инвестиционную эффективность деятельности промышленной корпорации. Выводы, сделанные в виде предложенной структурной модели оценки деятельности исследуемого объекта дают предпосылки развития методологии управления организационными инновациями в рамках проактивной стороны ее представления, направленной на увеличение корпоративного бюджета с целью выведения на рынок более перспективных инновационных продуктов или услуг в контексте ответственного потребления и устойчивого развития.

Ключевые слова

Организационные инновации, управление организационными инновациями, промышленные корпорации, методология управления, структурное моделирование, ESG-концепция, инновационный эффект

Для цитирования: Дегтярёва В.В. Развитие методологии управления организационными инновациями: структурное моделирование результатов//Вестник университета. 2025. № 1. С. 44–51.

© Дегтярёва В.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Development of methodology of organisational innovation management: structural modelling of the results

Viktoria V. Degtyareva[1,2]

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Innovation Management Department[1], Assoc. Prof. at the Innovation Management on Transport Department[2]

ORCID: 0000-0002-1165-1373, e-mail: vv_degtyareva@guu.ru

[1]State University of Management, Moscow, Russia

[2]Russian University of Transport, Moscow, Russia

Abstract

The article proposes a structural model for evaluating performance of large industrial companies, built through the effects of influence of three indicator groups: innovation management, sustainable development, economic/investment efficiency. The purpose of the study is to develop a methodology for organisational innovation management with a focus on socially and environmentally responsible innovations. Large industrial corporations, on the basis of which innovation and implementation activities are conducted, are the object of the study. A structural model for evaluating results is the subject of the work. The indicators of non-financial reporting are analysed in the context of growth of business reputation, innovation management, and economic and investment efficiency of two industrial corporations. Based on the identified time series trends of the analysed indicators and conclusions from previous studies, we have proven the hypothesis about the impact of the non-financial reporting in the context of innovation management on the economic and investment efficiency of an industrial corporation. The conclusions drawn in the form of the proposed structural model for evaluating the activities of the research object provide prerequisites for the development of the methodology of the organisational innovation management in the framework of the proactive side of its presentation aimed at increasing corporate budget in order to bring more promising innovative products or services to the market in the context of responsible consumption and sustainable development.

Keywords

Organisational innovation, organisational innovation management, industrial corporations, management methodology, structural modelling, ESG concept, innovation effect

For citation: Degtyareva V.V. (2025) Development of methodology of organisational innovation management: structural modelling of the results. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 44–51.

© Degtyareva V.V., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время активно внедряются тренды ответственного потребления. Становление данного подхода зародилось еще в конце XX в. Так, термины «осознанность» и «осведомленность» раскрывали позицию в управленческих и экономических науках [1; 2]. Термин «корпоративная социальная ответственность» появился еще в 50-е гг. XX в., о чем свидетельствует исследование, в котором представлены основные вехи его развития [3]. Понятия устойчивого развития, ESG-концепции (англ. environmental, social, governance – экологическое, социальное и корпоративное управление), зеленых инвестиций активно внедряются в деятельность крупных корпораций [4]. Геополитические трансформации внесли некоторые изменения по аспектам применения ESG-повестки на российском рынке [5; 6].

Определенные аспекты оценки корпораций можно проанализировать по нефинансовой отчетности. Например, в некоторых работах исследователей отражены основные элементы, которые находят взаимосвязь в перекрестном влиянии [7; 8].

Другие ученые рассматривают в своих работах взаимосвязь, которую возможно проследить между ESG-факторами и инвестиционной привлекательностью компаний [9]. Отдельно оценено влияние корпоративной социальной ответственности на корпоративные финансовые показатели в исследовании. Его результатом подтверждается, что взаимосвязь имеется (на примере биржевой выборки) [10].

На текущий момент времени не сформировалась в полном объеме методология, которая бы учитывала аспекты влияния инноваций в контексте просоциальности и проэкологичности на финансовую привлекательность компании.

Цель исследования – предложить направления развития методологии управления организационными инновациями в фокусе социально и экологически ответственных инноваций в контексте крупных промышленных корпораций.

Гипотеза исследования состоит в том, что необходимо доказать, что существует влияние показателей нефинансовой отчетности в рамках роста деловой репутации (в контуре просоциальности и проэкологичности), а также в связке с показателями управления инновационной деятельностью в крупных промышленных корпорациях, осуществляющих инновационно-внедренческую деятельность, на показатели экономической и инвестиционной эффективности.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Концепция исследования выстраивалась на оценке позиций российских крупных промышленных корпораций, осуществляющих инновационно-внедренческую деятельность, придерживающихся принципов просоциальности и проэкологичности. Были проанализированы корпоративные нефинансовые отчеты на основе статистики временного ряда за 2022–2023 гг. нескольких крупных промышленных компаний – государственная корпорация (далее – ГК) «Росатом» и публичное акционерное общество (далее – ПАО) «Газпром»[1], а также отчеты, отражающие их экономические показатели и инновационную деятельность. Выделены три группы факторов, которые могут оказывать влияние на повышение результативности управления корпорацией через инновации, устойчивое развитие и экономическую/инвестиционную эффективность. Также применялись выводы из зарубежных исследований о воздействии факторов на инвестиционную привлекательность [9; 10].

Допущение исследования состоит в том, что если осуществляется эффективное управление инновациями, то, как следствие, это влияет на выработку правильных корпоративных решений, которые в своей основе работают в контуре просоциальности и проэкологичности. В итоге данный факт повышает деловую репутацию (англ. goodwill), что в конечном счете приводит к росту показателей экономической/инвестиционной эффективности.

Ограничением исследования следует считать то, что из приведенных групп отчетов нельзя выделить однородные показатели по всем группам факторов. В этой связи индикаторы будут анализироваться в контексте представленных показателей, относящихся к исследуемой группе факторов.

[1] Российский союз промышленников и предпринимателей. Таблица Библиотеки корпоративных нефинансовых отчетов по состоянию на сегодня. Режим доступа: https://rspp.ru/tables/non-financial-reports-library/ (дата обращения: 27.10.2024).

АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КРУПНЫХ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ В КОНТЕКСТЕ «ИННОВАЦИИ – УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ – ЭКОНОМИЧЕСКАЯ/ИНВЕСТИЦИОННАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ»

В рамках данного исследования было принято решение выбрать и проанализировать следующие показатели, которые отражают устойчивое развитие, инновационное развитие и экономическую/инвестиционную эффективность в выбранных промышленных корпорациях (табл. 1 и табл. 2).

Таблица 1

Динамика индикаторов ГК «Росатом» в контексте «инновации – устойчивое развитие – экономическая/инвестиционная эффективность»

Показатель		2022 г.	2023 г.	Динамика показателей
Показатели, связанные с управлением инновациями	Удельный вес инновационной продукции и услуг в общем объеме продаж продукции и услуг отрасли, %	23,9	24,63	+
	Количество результатов интеллектуальной деятельности – полученных патентов иностранных государств, поданных и зарегистрированных в установленном порядке заявок на получение зарубежных патентов, оформленных секретов производства (ноу-хау), характеризующих коммерциализацию и расширение сферы применения результатов научной деятельности атомной отрасли (нарастающим итогом), шт.	3 140	3 391	+
	Уровень затрат на исследования и разработки к объему выпуска инновационной продукции и услуг (ежегодное снижение за счет роста выпуска инновационной продукции), %	13,8	11,6	+
Показатели, связанные с устойчивым развитием	Индекс RAEX, место (из 160)	52	46	+
	Индекс российского Аналитического кредитного рейтингового агентства	ESG-3	ESG-2	+
	Индекс «Национальные кредитные рейтинги» (далее – НКР)	Уровень II	Уровень I	+
	Экономия энергетических ресурсов от фактически потребленного объема относительно 2020 г., %	1,5	2,3	+
	Расходы на корпоративные социальные программы корпорации и ее организаций, млрд руб.	15,2	18,2	+
	Затраты на охрану окружающей среды, млрд руб.	11,3	29	+
	Объем расходов ГК «Росатом» на охрану окружающей среды, млрд руб.	23,86	29,00	+
Показатели, связанные с экономической эффективностью	Выручка (открытая часть), трлн руб.	1,399	2,572	+
	Доходность инвестиционного портфеля по сравнению с 2022 г.	+18,5 %		+
	Зарубежная выручка, млрд долл. США	11,8	16,2	+
	Выручка от реализации новой продукции (вне контура атомной отрасли), млрд руб.	697,5	1 100,4	+
	Портфель заказов по новым продуктам на 10-летний период вне контура атомной отрасли, млрд руб.	2 250,0	3 224,2	+

Составлено автором по материалам источника[2]

[2] Росатом. Итоги деятельности госкорпорации «Росатом» 2023. Режим доступа: https://report.rosatom.ru/go/rosatom/go_rosatom_2023/rosatom_2023_ru.pdf (дата обращения: 27.10.2024).

ГК «Росатом» продемонстрировала положительную динамику по всем анализируемым показателям, несмотря на введенные санкции и уровень закрытости инновационных разработок. В годовой отчетности представленные показатели отражают три вектора, нацеленных на развитие и достижение индикаторов эффективности.

Таблица 2

Динамика индикаторов ПАО «Газпром» в контексте «инновации – устойчивое развитие – экономическая/инвестиционная эффективность»

Показатель		2022 г.	2023 г.	Динамика показателей
Показатели, связанные с управлением инновациями	Объем инвестиций в НИОКР, млрд руб.	30,01	31,7	+
	Количество патентов, шт.	3 119	3 397	+
	Принято решение о выполнении новых тематик НИОКР, %	+32 %		+
Показатели, связанные с устойчивым развитием	Индекс АО «Эксперт РА»	A++.gq	A++.gq	+
	Рэнкинг в области устойчивого развития российских компаний промышленного сектора Национального рейтингового агентства	1 группа	1 группа	+
	Индекс НКР	Уровень I	Уровень I	+
	Индекс Московской биржи – РСПП («Ответственность и открытость»; «Вектор устойчивого развития»)	А (группа лидеров)	А (группа лидеров)	+
	Социальные расходы Группы «Газпром», млрд руб.	953,7	1 096,7	+
	Штрафы за нарушение природоохранного законодательства Группой «Газпром» (без учета совместных операций) в РФ, млн руб.	13,71	4,65	+
	Расходы Группы «Газпром» на охрану окружающей среды в РФ, млрд руб.	89,1	96,2	+
Показатели, связанные с экономической эффективностью	Выручка, млн руб.	12 349 763	9 375 306	–
	Рентабельность приведенного показателя EBITDA, %	31,2	20,7	–
	Фактический экономический эффект от импортозамещения в 2023 г., млрд руб.	35,6		+

Примечание: НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы; АО – акционерное общество; РСПП – Российский союз промышленников и предпринимателей; РФ – Российская Федерация; EBITDA – earnings before interest, taxes, depreciation and amortisation (англ. прибыль до вычета процентов, налогов, износа и амортизации); A++.gq – очень высокий уровень качества управления

Составлено автором по материалам источника[3]

Падение некоторых экономических показателей ПАО «Газпром» обусловлено политической ситуацией и отказом поддержки контрактов на поставку газа. Снижение экспорта в Европу было частично компенсировано увеличением поставок в Китай, которые продолжат расти в рамках контрактных обязательств, и эффективной работой нефтяного бизнеса. В остальных показателях ПАО «Газпром» продемонстрировало положительную динамику.

[3] Газпром. Отчетность за 2023 год. Режим доступа: https://www.gazprom.ru/investors/disclosure/reports/2023/ (дата обращения: 27.10.2024).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом, проанализировав показатели в промышленных корпорациях, на базе которых осуществляется инновационно-внедренческая деятельность по трем направлениям: инновации, устойчивое развитие, экономическая/инвестиционная эффективность, можно констатировать, что имеются положительные тенденции во всех группах, за исключением влияния санкционного давления. В табл. 3 аккумулированы тенденции показателей, которые учитываются при построении модели оценки деятельности промышленных компаний.

Таблица 3

Тенденции индикаторов, учитываемых при построении модели оценки деятельности промышленных корпораций

Показатели	ГК «Росатом»	ПАО «Газпром»
	2023 г.	2023 г.
Показатели, связанные с управлением инновациями	+	+
Показатели, связанные с устойчивым развитием	+	+
Показатели, связанные с экономической эффективностью	+	+/–

Составлено автором по материалам исследования

В данном контексте поставленная гипотеза доказана, несмотря на то что выборка предприятий малочисленна. Автор опирался на различные выводы, в том числе на выводы из публикаций зарубежных исследователей [9; 10], в которых был проанализирован больший пул компаний в рамках влияния на инвестиционную привлекательность просоциальных и проэкологических факторов. В этой связи можно констатировать тот факт, что зарубежные и российские промышленные предприятия получают дополнительные инвестиционные выгоды, носящие в контексте развития инноваций и направлений просоциальный и проэкологический характер.

Примечание: ROI – return on investment (англ. окупаемость инвестиций)

Составлено автором по материалам исследования)

Рисунок. Интерпретация структурной модели оценки деятельности промышленных корпораций

Следовательно, стоит предложить структурную модель оценки результатов деятельности промышленных корпораций на основе сделанных выводов. Модель должна включать группы факторов, которые могут привести к улучшению инвестиционной привлекательности компании (см. рисунок).

Предложенная структурная модель имеет трехступенчатый вид. Движение осуществляется снизу вверх, и последовательно проводится анализ структурных показателей, отражающих каждый из этапов. Набор индикаторов может быть видоизменен в связи с разным представлением в годовых показателях инвестиционной, инновационной и нефинансовой отчетности. В контексте деятельности промышленных корпораций этот факт является положительным, так как модель можно адаптировать под требования каждой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработанная и представленная автором структурная модель оценки деятельности объекта исследования позволяет спрогнозировать оценку экономической/инвестиционной привлекательности на основе групп факторов за счет повышения деловой репутации и качества управления инновациями. Ее элементы отражают три главных вектора: инновации, устойчивое развитие и инвестиционную привлекательность. Крупные промышленные корпорации на основе данной модели могут принимать управленческие решения о возможности дальнейшего развития.

Построение структурной модели совершенствует методологию управления организационными инновациями и представляет ее проактивную сторону, которая заключается в повышении бюджета за счет внедрения более эффективных инновационных решений, носящих одновременно просоциальный и проэкологический характер. Инновационные проекты априори обладают более высокими рисками по сравнению с традиционными. Также в контексте открытости/закрытости инноваций представляется возможность спрогнозировать финансовые потоки, которые могут сопровождать внедряемые инновации. Институциональная среда через экосистемный подход способна привлечь дополнительные ресурсы для реализации инновационных проектов, а повышенная инвестиционная ценность может служить триггером при выборе модели финансирования. Предложенная структурная модель представляет лицам, принимающим решения, срез показателей, по которым делаются выводы о возможности реализации организованной программы инновационного развития / намеченной стратегии или об отказе в ней.

Отметим, что структурная модель дает лишь направление исследования и логическую взаимосвязь. Для более подробной оценки необходимо применить математический аппарат через оценку инвестиционной ценности, которая будет рассмотрена автором в последующих работах.

Список литературы

1. *Lee N.C.A., Liu G.H.W., Wang Ch.-H.* Does organizational mindfulness facilitate enterprise system adaptation and organizational agility? In: Pacific Asia conference on information systems: Proceedings, Dubai, June 20–24, 2020. Atlanta: Association for Information Systems; 2020.
2. *Mu E.* The role of scanning, evaluation, and mindfulness in the assimilation of information technology: the case of enterprise resource planning (ERP) systems. Dis. … PhD: 01.02. Pittsburgh: University of Pittsburgh; 2007. 224 p.
3. *Agudelo M.A.L., Jóhannsdóttir L., Davídsdóttir B.* A literature review of the history and evolution of corporate social responsibility. International Journal of Corporate Social Responsibility. 2019;1(4). https://doi.org/10.1186/s40991-018-0039-y
4. *Чернышова М.В.* ESG и ответственное институциональное инвестирование. Научные труды Вольного экономического общества России. 2021;3(229):98–120. https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-229-3-98-120
5. *Дегтярева В.В., Мурзинцева Д.А.* Исследование и развитие ESG-повестки на российском рынке в условиях геополитической обстановки в мире. Вестник университета. 2023;2:33–40. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-33-40
6. *Васильева Е.Ю., Бакрунов Ю.О., Олейник А.В.* Управление компанией на основе ESG-принципов в условиях санкционного давления. Вестник университета. 2022;10:5–12. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-5-12
7. *Alkaraan F., Albitar K., Hussainey K., Venkatesh V.G.* Corporate transformation toward Industry 4.0 and financial performance: the influence of environmental, social, and governance (ESG). Technological Forecasting and Social Change. 2022;175. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121423
8. *Демина И.Д., Домбровская Е.Н.* Система показателей нефинансовой отчетности для оценки инвестиционной привлекательности компаний (статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2015 г). Аудиторские ведомости. 2015;9:55–68.

9. *Aich S., Thakur A., Nanda D., Tripathy S., Kim H.Ch.* Factors affecting ESG towards impact on investment: a structural approach. Sustainability. 2021;19(13). https://doi.org/10.3390/SU131910868
10. *Weston P., Nnadi M.* Evaluation of strategic and financial variables of corporate sustainability and ESG policies on corporate finance performance. Journal of Sustainable Finance & Investment. 2023;2(13):1058–1074 . http://dx.doi.org/10.1080/20430795.2021.1883984

References

1. *Lee N.C.A., Liu G.H.W., Wang Ch.-H.* Does organizational mindfulness facilitate enterprise system adaptation and organizational agility? In: Pacific Asia conference on information systems: Proceedings, Dubai, June 20–24, 2020. Atlanta: Association for Information Systems; 2020.
2. *Mu E.* The role of scanning, evaluation, and mindfulness in the assimilation of information technology: the case of enterprise resource planning (ERP) systems. Dis. … PhD: 01.02. Pittsburgh: University of Pittsburgh; 2007. 224 p.
3. *Agudelo M.A.L., Jóhannsdóttir L., Davídsdóttir B.* A literature review of the history and evolution of corporate social responsibility. International Journal of Corporate Social Responsibility. 2019;1(4). https://doi.org/10.1186/s40991-018-0039-y
4. *Chernyshova M.V.* ESG and responsible institutional investment. Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2021;3(229):98–120. (In Russian). https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-229-3-98-120
5. *Degtyareva V.V., Murzintseva D.A.* Research and development of the ESG agenda on the Russian market in the conditions of the world geopolitical situation. Vestnik universiteta. 2023;2:33–40. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-2-33-40
6. *Vasilyeva E. Yu., BakrunovYu.O., Oleinik.A.V.* Company management based on ESG principles under sanctions pressure.Vestnik universiteta. 2022;10:5–12.. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-10-5-12
7. *Alkaraan F., Albitar K., Hussainey K., Venkatesh V.G.* Corporate transformation toward Industry 4.0 and financial performance: the influence of environmental, social, and governance (ESG). Technological Forecasting and Social Change. 2022;175. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2021.121423
8. *Demina I.D., Dombrovskaya E.N.* Non-financial reporting framevvork for assessment of companies" investment appeal. Audit Journal. 2015;9:55–68. (In Russian).
9. *Aich S., Thakur A., Nanda D., Tripathy S., Kim H.Ch.* Factors affecting ESG towards impact on investment: a structural approach. Sustainability. 2021;19(13). https://doi.org/10.3390/SU131910868
10. *Weston P., Nnadi M.* Evaluation of strategic and financial variables of corporate sustainability and ESG policies on corporate finance performance. Journal of Sustainable Finance & Investment. 2023;2(13):1058–1074 . http://dx.doi.org/10.1080/20430795.2021.1883984

УДК 334.726 JEL P33, Q43 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-52-62

Азиатский опыт развития предприятий с зарубежным участием на рынке возобновляемых источников энергии

Дудник Анна Игоревна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр.
ORCID: 0000-0003-0217-2693, e-mail: aidudnik@fa.ru

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассматриваются основные тенденции и закономерности развития предпринимательских проектов с зарубежным участием на рынке возобновляемых источников энергии на международной арене. Выявлены факторы, способствующие успешному развитию таких предприятий, проведена оценка перспектив применения зарубежного опыта на примере российской энергетической отрасли. Актуальность исследования обусловлена значительным ростом иностранных инвестиций в чистую энергетику по всему миру. Вместе с тем лишь в ряде стран созданы благоприятные условия для зарубежных инвесторов, что отражается на эффективности функционирования всего рынка возобновляемой энергетики. Цель работы заключается в анализе успешных зарубежных практик сопоставимых с Российской Федерацией (далее – РФ) стран (Индия и Китай) в отношении развития совместных предпринимательских проектов в секторе чистой энергетики. Для достижения целей исследования были использованы следующие методы: контент-анализ научной литературы и нормативно-правовых документов, кросс-национальный сравнительный анализ, качественные методы работы, включающие экспертные интервью и анализ кейсов. По результатам проведенного исследования систематизированы ключевые механизмы, представляющие интерес для адаптации в российских реалиях, обозначена роль интеграции международных практик в энергетический контекст РФ. По итогу автором предложен интегрированный подход для внедрения успешных зарубежных практик в институциональную среду российского рынка зеленой энергетики.

Ключевые слова

Совместное предприятие, возобновляемые источники энергии, международное сотрудничество, партнерство, энергетика, иностранные инвестиции, азиатский регион

Для цитирования: Дудник А.И. Азиатский опыт развития предприятий с зарубежным участием на рынке возобновляемых источников энергии//Вестник университета. 2025. № 1. С. 52–62.

© Дудник А.И., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Asian experiences of developing enterprises with foreign participation in the renewable energy market

Anna I. Dudnik
Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher
ORCID: 0000-0003-0217-2693, e-mail: aidudnik@fa.ru

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses the main trends and patterns in the development of entrepreneurial projects with foreign participation in the renewable energy market on the international stage. It identifies the factors that contribute to the successful growth of such enterprises and assesses the potential for applying foreign experience to the Russian energy sector. The relevance of the study is driven by the significant increase in foreign investments in clean energy worldwide. However, only a few countries have created favourable conditions for foreign investors, which affects the overall efficiency of the renewable energy market. The purpose of the work is to analyse successful foreign practices in the countries comparable to Russia (India and China) concerning the development of joint entrepreneurial projects in the clean energy sector. To achieve the research objectives, the following methods have been used: content analysis of scientific literature and legal documents, cross-national comparative analysis, and qualitative research methods, including expert interviews and case studies. As a result, key mechanisms of interest for adaptation to Russian realities are systematised, and the role of integrating international practices into the energy context of Russia is highlighted. In conclusion, the author proposes an integrated approach for introducing the successful foreign practices into the institutional environment of the Russian green energy market.

Keywords

Joint venture, renewable energy sources, international cooperation, partnership, energetics, foreign investments, Asian region

For citation: Dudnik A.I. (2025) Asian experiences of developing enterprises with foreign participation in the renewable energy market. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 52–62.

© Dudnik A.I., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы возобновляемые источники энергии (далее – ВИЭ) стали играть все более важную роль в глобальной энергетической системе. Преобразование энергетического сектора требует значительных инвестиций и технологических инноваций, которые могут быть эффективно реализованы через привлечение зарубежных компаний и предприятий с иностранным участием. В условиях глобализации и стремления к устойчивому развитию предприятия с зарубежным участием становятся важным фактором развития сектора ВИЭ, особенно в странах с ограниченным доступом к технологиям и капиталу.

В условиях глобальной энергетической трансформации многие страны обращаются к международным партнерам для ускорения внедрения технологий ВИЭ, привлечения инвестиций и обмена опытом. Эти взаимодействия способствуют преодолению технологических и финансовых барьеров, которые могут замедлять развитие ВИЭ на национальном уровне[1].

В рамках проводимого исследования под предприятием с зарубежным участием будет пониматься совместное предприятие, выступающее в качестве собирательной категории для обозначения «не обладающего статусом юридического лица партнерства или зарегистрированной юридической единицы, которая создается совместными усилиями национального и иностранного участника проекта» [1, с. 11].

Обмен лучшими практиками и технологиями в рамках международного сотрудничества особенно важен для развивающихся стран, которые часто сталкиваются с недостатком ресурсов и опыта в области ВИЭ. Например, международные партнерства нередко затрагивают совместные научные исследования, развитие совместных проектов в области солнечной и ветровой энергетики, а также создание трансграничных энергетических сетей, которые способствуют интеграции ВИЭ в энергетическую систему. Их деятельность оказывает положительное влияние на внедрение передовых технологий, создание рабочих мест и снижение углеродного следа. В условиях нарастающего интереса к зеленой энергетике анализ опыта зарубежных стран по развитию таких предприятий позволяет выявить ключевые факторы успеха и применить их в контексте других государств, включая Российскую Федерацию (далее – РФ, Россия).

Привлечение иностранного капитала позволяет странам развивать проекты в области возобновляемой энергетики, требующие значительных первоначальных инвестиций. Кроме того, международные компании часто уже обладают передовыми технологиями и опытом, которые могут быть использованы для повышения эффективности и снижения затрат на производство энергии из возобновляемых источников [2].

Инвестиции из зарубежных источников также способствуют созданию новых рабочих мест и повышению уровня квалификации местного персонала, что, в свою очередь, благоприятствует развитию национальной экономики. В некоторых случаях международные инвесторы также помогают преодолеть политические и регуляторные барьеры, поддерживая правительства в создании благоприятных условий для развития ВИЭ[2].

Целью данной статьи является анализ сопоставимых (по территориальной масштабности и энергетическому потенциалу (валовому, техническому, экономическому) развития ВИЭ) с Россией стран-лидеров сектора (Китайская Народная Республика (далее – КНР, Китай), Индия) для выявления потенциальной масштабируемости, для оценки возможностей применения полученных знаний в других регионах. Выбор восточного вектора обусловлен также фактом наличия в этих странах приоритетов в отношении иностранных инвесторов.

РОЛЬ ПРЕДПРИЯТИЙ С ИНОСТРАННЫМИ ИНВЕСТИЦИЯМИ В РАЗВИТИИ ВИЭ

В рамках мировой энергетической повестки продолжает оставаться актуальным тренд на использование ВИЭ. Опираясь на статистические данные Международного агентства по ВИЭ, выявляем, что лидерами по их производству в 2023 г. стали Китай (1 453 701 МВт), Соединенные Штаты Америки (далее – США), (385 205 МВт) и Индия (175 934 МВт)[3]. Официальная государственная стратегия развития ВИЭ у двух стран среди обозначенных (Китай и Индия) делает акцент на привлечении иностранных активов и укреплении международных партнерств. Предприятия с зарубежным участием играют значимую роль в развитии ВИЭ, обеспечивая доступ к передовым технологиям и международным инвестициям, способствуя повышению конкурентоспособности энергетического сектора и ускоренному переходу на более

[1] REN21. Renewables 2023 global status report. Режим доступа: https://www.ren21.net/gsr-2023/ (дата обращения: 10.09.2024).

[2] UNCTAD. World investment report 2023: international production beyond the pandemic. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2023_en.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

[3] IRENA. Renewable energy statistic 2024. Режим доступа: https://www.irena.org/Publications/2024/Jul/Renewable-energy-statistics-2024 https://www.ren21.net/gsr-2023/ (дата обращения: 10.09.2024).

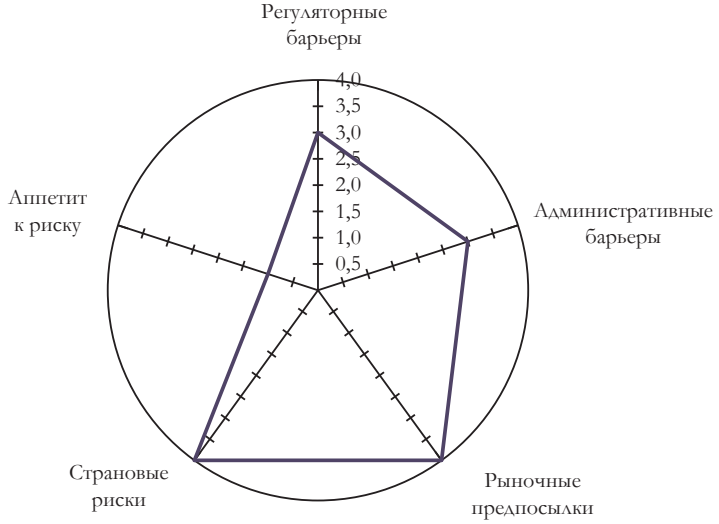
экологически чистые источники энергии. Важность предприятий с зарубежным участием особенно заметна в развивающихся странах, где они часто становятся катализаторами для трансформации энергетического сектора.

На практике именно международные партнерства в секторе реализуются через формализованную модель совместного предприятия (более 60 % проектов), и менее 30 % от реализуемых проектов ВИЭ используют коалиционную организационную форму – стратегический альянс [1]. Принимая во внимание, что в последние годы (примерно с 2019 г.) объем выработки ВИЭ в мире преобладает – 1 418 016 МВт, (согласно данным за 2023 г.), отметим: основная доля международных партнерств приходится именно на солнечную энергетику, что неудивительно.

Актуальность темы исследования обусловлена значительным ростом числа предприятий с иностранным участием на рынке ВИЭ. Согласно статистическим данным наибольшее количество проектов с зарубежным участием в секторе ВИЭ было создано в США (117 шт.), Великобритании (112 шт.), Мексике (80 шт.), а также в Японии и Индии (около 75)[4]. Мировым лидером среди иностранных инвестиций в сектор чистой энергетики продолжает быть США, где в последние годы отмечен резкий рост инвестиций в производство экологически чистой энергии вследствие активной роли региональных организаций экономического сотрудничества и федеральных инициатив. Так, прямые иностранные инвестиции (далее – ПИИ) от партнеров составляют значительную долю от общего объема инвестиций, стимулируемых промышленной стратегией администрации Дж. Байдена.[5] Между тем политики, направленной на развитие партнерства с зарубежным участием в США, как таковой не сформировано. Увеличение доли проектов с иностранным участием является всего лишь следствием их общей экономический стратегии.

Успехи в этих государствах во многом связаны с хорошо организованной государственной политикой регулирования, с активным стимулированием иностранных инвестиций и созданием дополнительных возможностей для проектов в сфере ВИЭ. Такой целостный подход обеспечивает устойчивое развитие сектора посредством увеличения числа международных партнерств, что открывает возможности для адаптации некоторых из этих успешных механизмов в российском контексте.

Исследования указывают на то, что модель совместного предпринимательства обладает значительным потенциалом в российском контексте. Несмотря на системные и несистемные риски, иностранные инвесторы обращают внимание не только на данную модель в энергетическом секторе, но и на адаптивную бизнес-модель, учитывающую интересы и российской стороны, и зарубежного партнера (рис. 1).



Составлено автором по материалам источника[6]

Рис. 1. Оценка уровня привлекательности модели совместного предприятия в России с точки зрения иностранных инвесторов

[4] IEA. World energy investment 2024. Режим доступа: https://www.iea.org/reports/world-energy-investment-2024/overview-and-key-findings (дата обращения: 19.09.2024).

[5] White House. Investing in places historically left behind: foreign direct investment in U.S. Режим доступа: https://www.whitehouse.gov/cea/written-materials/2024/06/06/investing-in-places-historically-left-behind-foreign-direct-investment-in-u-s-clean-energy-manufacturing/ (дата обращения: 19.09.2024).

[6] Калинкарова В.В. Участие китайских компаний в инвестиционных проектах в России: модели, барьеры, риски и ограничения. Case study: привлечение иностранных инвестиций в инфраструктуру России: проблемы, вызовы, перспективы. Режим доступа: https://rosinfra.ru/library/ucastie-kitajskih-kompanij-v-investicionnyh-proektah-v-rossii?ysclid=m6rk0k5psg926819359 (дата обращения: 19.09.2024).

Таким образом, грамотное использование существующих стратегических возможностей и перспектив может значительно повысить инвестиционную привлекательность российского сектора чистой энергии, особенно в период его развития, роста доли национального энергетического баланса. В этой связи необходимо изучить опыт стран, с тем чтобы направить стратегию развития отрасли в нужное русло.

ОПЫТ ИНДИИ

Индия демонстрирует впечатляющий рост в секторе возобновляемой энергетики, активно привлекая иностранных инвесторов. В 2022 г. на территории государства было зарегистрировано свыше 50 совместных предприятий с участием компаний из Европы и Северной Америки. К 2023 г. их количество продолжило расти, с особым акцентом на солнечной энергетике, что связано с планами страны по увеличению мощности солнечных установок до 175 ГВт к 2025 г. В условиях дефицита традиционных энергетических ресурсов Индия сделала развитие ВИЭ приоритетом своей энергетической политики [3].

С 2014 г. по 2020 г. общий объем иностранных инвестиций в сектор ВИЭ превысил 42 млрд долл. США. В 2023 г. был установлен новый рекорд, когда зарубежные инвесторы вложили еще 12 млрд долл. США в развитие крупнейших солнечных и ветровых парков. Эти инвестиции стали возможны благодаря инициативам правительства, направленным на привлечение новейших технологий и опыта международных партнеров. Индия планирует к 2030 г. достичь уровня в 500 ГВт установленных мощностей ВИЭ, что сделает ее одной из ведущих стран в этом секторе на глобальном уровне.

Основные направления государственной политики Индии в области возобновляемой энергетики включают:

1) укрепление энергетической безопасности страны через привлечение иностранных инвестиций, технологий и опыта;

2) выход на международные рынки, где индийские компании смогут создавать совместные предприятия и конкурировать на равных [4].

Министерство новых и возобновляемых источников энергии (англ. Ministry of New and Renewable Energy, далее – MNRE) играет ключевую роль в координации этих усилий. Оно не только поддерживает научные исследования и разработки, но и активно привлекает международных инвесторов, способствует созданию международных партнерств, а также стимулирует развитие ВИЭ как внутри страны, так и за ее пределами. В 2023 г. MNRE инициировало образование Национального центра по исследованию и внедрению передовых технологий в сфере возобновляемой энергетики, что должно способствовать ускорению технологического прогресса в отрасли.

Для стимулирования иностранного капитала и проектов в сфере ВИЭ был создан Совет по поощрению и содействию инвестициям в возобновляемую энергетику (англ. Renewable Energy Investment Promotion and Facilitation Board). Этот орган помогает инвесторам находить выгодные условия для реализации проектов и предлагает целый ряд налоговых льгот и преференций. Развитие возобновляемой энергетики в значительной степени передано на уровень штатов, которые разрабатывают индивидуальные стратегии с учетом местных условий и потребностей. В 2022–2023 гг. штаты, такие как Гуджарат и Тамил-Наду, достигли значительных успехов, привлекши более 90 % инвестиций через частный сектор [5].

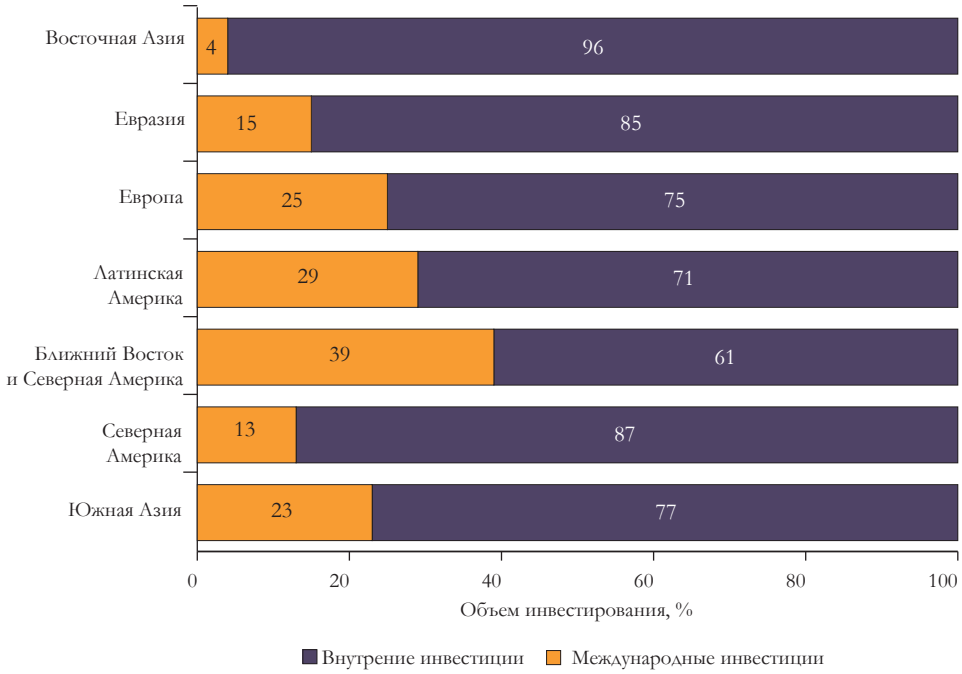
Кроме того, индийское правительство активно продвигает инициативу «Делай в Индии» (англ. “Make in India”), которая направлена на локализацию производства оборудования для ВИЭ, что помогает снизить зависимость от импорта и укрепить национальную экономику. В рамках этой программы планируется создание более 100 тыс. новых рабочих мест в сфере производства и обслуживания солнечных и ветровых установок до 2025 г.

Так, среди ключевых факторов, способствующих росту сектора ВИЭ в Индии, можно отнести крупные инвестиции в инфраструктуру по всей стране; региональные мероприятия, направленные на повышение доли ВИЭ; большой выбор льгот и преференций для производителей; гибкую тарифную политику; рыночную систему регулирования, учитывающую интересы и потребителей, и инвесторов.

Таким образом, Индия продолжает реализовывать целенаправленную политику по развитию сектора ВИЭ, привлекая международных партнеров и укрепляя свою энергетическую независимость. Страна стремится не только повысить долю возобновляемой энергии в энергетическом балансе, но и выйти на передовые позиции в мировом энергетическом секторе.

ОПЫТ КИТАЯ

Ежегодные темпы роста инвестиций в проекты ВИЭ в КНР составил 17 %, куда в период с 2013 г. по 2020 г. было вложено 792 млрд долл. США[7]. При этом только Китай смог обеспечить 82 % (в 2019 г.) и 79 % (в 2022 г.) от общего объема инвестиций в регионе Восточной Азии и Тихого океана (рис. 2).



Составлено автором по материалам источника[8]

Рис. 2. Тип инвестирования в сектор ВИЭ

Китайский сектор возобновляемой энергетики привлекает значительное внимание международных инвесторов, что выражается в активном создании совместных предприятий и партнерств с зарубежными компаниями. Согласно данным на 2023 г. в Китае реализовано более 130 проектов в области возобновляемой энергетики с участием иностранных компаний, что отражает высокий уровень международного интереса к рынку энергетических ресурсов страны. Большинство этих проектов направлены на развитие ветровой и солнечной энергетики, если учитывать лидирующие позиции Китая на мировом рынке в производстве ветряных турбин и солнечных панелей[9].

В 2022 г. объем ПИИ составил около 6,5 млрд долл. США значительная часть из которых поступила от европейских и американских инвесторов. Данные средства были направлены на развитие крупномасштабных проектов, таких как ветровые и солнечные парки, что позволило укрепить позиции Китая как глобального лидера в секторе возобновляемой энергетики[10].

Говоря о ключевых факторах, определяющих успешное привлечение иностранных инвестиций в сектор возобновляемой энергетики Китая, стоит отметить не только благоприятную политику и инициативы государства, но и исторически сложившиеся экономические и торговые связи. Значительный рост числа инвесторов в государстве относится к 80-м гг. XX в. [6]. Политика привлечения иностранных инвесторов формировалась еще в период либерализации электроэнергетического сектора (1985–1997 гг.), когда были заключены первые сделки с иностранными компаниями [7]. В ходе своего развития эти предприятия начали вести экспортную деятельность в отношении элементов и модулей для производства солнечной энергии, что укрепило международное положение КНР в этой области [8].

[7] IRENA. Global landscape of renewable energy finance 2023. Режим доступа: https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2023/Feb/IRENA_CPI_Global_RE_finance_2023.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

[8] Там же.

[9] Energy Institute. China leads renewables race in 2023. Режим доступа: https://knowledge.energyinst.org/new-energy-world/article?id=138449 (дата обращения: 20.09.2024).

[10] Sharifli Yu. Green new wave: how China adapts to Central Asia's renewable energy landscape. Режим доступа: https://carnegieendowment.org/posts/2024/04/green-new-wave-how-china-adapts-to-central-asias-renewable-energy-landscape?lang=en (дата обращения: 20.09.2024).

В последние годы Китай сосредоточил свои усилия на поддержке инноваций и технологического прогресса в сфере возобновляемой энергетики. В 2019 г. была запущена новая программа стимулирования ПИИ, направленная на развитие высокотехнологичных секторов, таких как производство оборудования для ветровых турбин и фотоэлектрических панелей. Эта программа также включает меры по поддержке термальной, волновой и приливной энергетики, что расширяет возможности для международного сотрудничества [9].

Одним из наиболее значимых факторов, стимулирующих развитие китайской возобновляемой энергетики, является активное использование налоговых льгот и других финансовых инструментов. Например, в специальных экономических зонах ставка налога на прибыль для совместных предприятий с участием иностранного капитала составляет 15 %, что значительно ниже общего уровня налогообложения. Дополнительно компании получают налоговые каникулы на первые два-три года своей деятельности, что позволяет им быстрее достигать уровня окупаемости и снижать операционные издержки. Если речь идет не об особых экономических зонах со специальными режимами, то предприятия с иностранными инвестициями, функционирующие в сферах чистой энергетики, облагаются специальным налогом в размере 8 %[11].

КНР также активно развивает международные партнерства и сотрудничество в области возобновляемой энергетики. С целью разработки и реализации инновационных решений в сфере ВИЭ в 2020 г. американская компания Clean Energy Technologies подписала соглашение о создании совместного предприятия с китайской Khorgos Shuxin Co [10]. Среди других гигантов – французская энергетическая компания TotalEnergies, которая активно инвестирует в солнечную энергетику Китая, создавая совместные предприятия с местными партнерами для строительства и эксплуатации солнечных электростанций. Также британская компания BP расширяет свое присутствие в Китае за счет проектов в области ветроэнергетики. Она объявила о планах значительных инвестиций в развитие офшорных ветровых парков в сотрудничестве с китайскими партнерами. Американская компания Tesla, известная прежде всего своими электрическими автомобилями, также добивается значительных успехов в китайском секторе солнечной энергетики. Солнечные панели и системы накопления энергии Tesla пользуются высоким спросом на стремительно растущем рынке Китая. Кроме того, КНР активно занимается экспортом технологий и ноу-хау в другие страны, включая европейские и африканские рынки: «совместные предприятия с участием китайского капитала все чаще создаются за пределами Китая, что позволяет китайским компаниям расширять свое присутствие на международных рынках и укреплять глобальные позиции в секторе возобновляемой энергетики» [11, с. 107].

Одной из ключевых проблем, с которой сталкивается Китай в области возобновляемой энергетики, является территориальный дисбаланс. Большинство мощностей по производству электроэнергии из возобновляемых источников сосредоточено на севере и северо-западе страны, тогда как основная часть населения и потребителей проживает на юго-востоке и востоке. Для решения этой проблемы необходимо развитие инфраструктуры передачи электроэнергии, что требует значительных инвестиций и технологических инноваций [12].

Развитие возобновляемой энергетики в Китае продолжается быстрыми темпами, и в этом процессе значительную роль играют совместные предприятия с иностранным участием. Эти предприятия не только способствуют обмену технологиями и опытом, но и помогают КНР справляться с вызовами в энергетическом секторе, обеспечивая устойчивое развитие и снижение экологического воздействия.

Таким образом, китайская стратегия в области возобновляемой энергетики направлена на создание благоприятных условий для иностранных инвесторов, активное использование международных технологий и на расширение глобального сотрудничества. Это позволяет стране не только оставаться лидером в области ВИЭ, но и формировать новые стандарты и подходы к развитию энергетики в мировом масштабе.

ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА В РОССИИ

При анализе опыта стран-лидеров в развитии совместного предпринимательства в секторе возобновляемой энергетики становится ясно, что рынок ВИЭ в России еще только формируется. В зарубежных государствах уже существует развитая институциональная структура для поддержки предприятий с иностранным участием в этой области. На основе проведенного анализа выделим несколько ключевых механизмов, которые могут быть полезны для адаптации в российском контексте.

[11] Li W. Eco-innovation policies in the People's Republic of China. Режим доступа: https://www.greenpolicyplatform.org/case-studies/eco-innovation-policies-people%E2%80%99s-republic-china (дата обращения: 20.09.2024).

1. Учреждение мощного федерального органа (по аналогии с министерствами возобновляемой энергетики), способного эффективно оказывать поддержку предприятиям с участием иностранных инвесторов. В условиях стремительного развития возобновляемой энергетики и усиления международного сотрудничества создание специализированного федерального органа, аналогичного упомянутым министерствам, представляется необходимым шагом. Он мог бы взять на себя функции координации проектов, оказывая поддержку предприятиям с иностранными инвестициями, а также обеспечивая соблюдение стандартов и нормативов в сфере ВИЭ. Такой орган также мог бы заниматься мониторингом и анализом мировых тенденций, что позволит стране-преемнику своевременно адаптироваться к изменяющимся условиям на глобальных рынках.

2. Формирование гибкой правовой базы, способной быстро реагировать на изменения в условиях внешней и внутренней среды. Для эффективного реагирования на изменения как внешней, так и внутренней среды, необходимо создание гибкой правовой базы, которая могла бы оперативно обновляться в соответствии с новыми вызовами и возможностями. Внедрение такого подхода позволило бы улучшить деловой климат для иностранных инвесторов и совместных предприятий, способствуя более активному развитию сектора ВИЭ. Особое внимание следует уделить разработке законов и нормативных актов, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности, технологического обмена и защиты окружающей среды.

3. Введение льготного налогообложения для компаний с иностранными инвестициями, а также установление специальных налогов. Введение льготного налогообложения для предприятий с участием иностранных инвесторов может стать ключевым драйвером развития рынка ВИЭ. На сегодняшний день в России недостаточно уже существующих налоговых льгот в особых экономических зонах. Дополнительные льготы для компаний, реализующих долгосрочные проекты в области возобновляемой энергетики, могут включать снижение налоговых ставок, освобождение от уплаты налогов на определенный период, а также предоставление льгот при выполнении определенных экологических стандартов. Россия получила бы возможность извлечь выгоду из формирования и внедрения всеобъемлющей системы поддержки, охватывающей различные аспекты: от субсидий и налоговых льгот до создания благоприятных условий для исследований и разработок в области ВИЭ. Такая система могла бы включать в себя меры по стимулированию внутреннего спроса на зеленую энергию, а также содействие экспорту оборудования и технологий.

4. Разработка льгот и преференций для совместных предприятий в сфере ВИЭ, включая субсидии на аренду, поддержку научных исследований и создание специальных экономических зон. Одним из важнейших шагов для дальнейшего развития сектора ВИЭ в любом государстве являются формирование и внедрение системы льгот и преференций для предприятий с участием иностранного капитала. Это могут быть субсидии на аренду земельных участков, поддержка научных исследований и разработок, создание специальных экономических зон с особыми условиями для инвесторов, не являющихся резидентами принимающей страны. Также следует рассмотреть возможность предоставления грантов и льготных кредитов для предприятий, занимающихся разработкой и внедрением инновационных технологий в сфере ВИЭ.

5. Усиление государственной поддержки (финансовой, административной, инфраструктурной и др.). Рассматриваемые страны продолжают увеличивать объемы государственной поддержки для проектов чистой энергетики, включая как финансовую, так и инфраструктурную помощь. Важно обеспечить доступность государственных средств для всех участников рынка, в том числе и для иностранных компаний. Это может включать субсидирование строительства инфраструктуры, предоставление льготных кредитов на закупку оборудования и материалов, а также организацию специализированных программ поддержки стартапов и малого бизнеса в секторе ВИЭ.

6. Создание целевых программ для отдельных регионов, направленных на развитие международного совместного предпринимательства в сфере ВИЭ. Для более равномерного распределения инвестиций и технологий по стране РФ может внедрить целевые программы, направленные на развитие международного совместного предпринимательства в различных регионах. Они могли бы включать предоставление грантов на совершенствование инфраструктуры, организацию совместных научно-исследовательских проектов, а также формирование региональных кластеров ВИЭ с участием иностранных партнеров. Такой подход позволит ускорить развитие отстающих регионов и создать новые рабочие места, одновременно повышая энергетическую безопасность страны.

Внедрение данных механизмов обеспечит комплексную поддержку развития ВИЭ в РФ, создавая благоприятные условия для привлечения инвестиций и технологического прогресса в этой области. В данном случае предлагается использовать интегративный подход, состоящий из следующих модулей (рис. 3).

Составлено автором по материалам исследования

Рис. 3. Интегрированный подход масштабирования зарубежных практик

Предлагается создание специализированного органа, подобного министерству, с полномочиями координации и поддержки предприятий ВИЭ – Федерального агентства по возобновляемой энергетике. Агентство будет курировать государственные программы, взаимодействие с иностранными инвесторами, а также поддержку научных исследований в области ВИЭ. Среди необходимого функционала – обеспечение информационной и консультативной помощи для предприятий, в том числе с иностранными инвестициями, а также реализация программ для привлечения новых игроков на рынок.

В рамках создания адаптивной законодательной базы предполагаются разработка и принятие законодательных актов, которые могут оперативно адаптироваться к изменениям на рынке (эти законы будут включать гибкие механизмы реализации для стимулирования развития ВИЭ), а также формирование правовой инфраструктуры для поддержки совместных предприятий с иностранным участием, включая регулирование контрактов и инвестиций.

Ядром интегративного подхода становится частный бизнес в секторе, для которого необходимо внедрение стимулов, льгот и преференций. Хорошо показывает себя на практике создание специальных экономических зон для проектов ВИЭ, предоставляющих налоговые и таможенные льготы, упрощенное административное регулирование и другие преимущества. Вместе с тем положительный результат дает инвестирование в развитие инфраструктуры для ВИЭ, включая модернизацию сетей передачи электроэнергии и создание логистических цепочек для оборудования.

Отдельной разработки требуют специальные программы для поддержки проектов по возобновляемым источникам в отдельных регионах с учетом местных условий и потенциала. Особенно это представляется актуальным из-за географического положения РФ, где большинство субъектов обладают тем или иным ресурсом ВИЭ в большей степени, что в перспективе может способствовать развитию международных партнерств на уровне регионов, включая обмен технологиями и совместные проекты по ВИЭ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интеграция международного опыта и лучших практик в российский контекст является необходимым условием для обеспечения устойчивого развития ВИЭ. Опыт зарубежных стран в развитии ВИЭ подчеркивает роль ПИИ, особого отношения к зарубежному инвестору, важность такой бизнес-модели, как совместное предпринимательство. Именно международное сотрудничество в области возобновляемых источников может стать ключевым драйвером для перехода России к устойчивой энергетической системе. Международный опыт показывает, что успешное развитие ВИЭ в российском контексте требует комплексного подхода, который включает в себя как государственную поддержку, так и активное участие частного сектора. Интегрированный подход масштабирования зарубежных практик состоит из комплексной стратегии: создание отдельного органа, способного проводить эффективную политику по отношению к проектам с иностранным участием, адаптивной нормативно-правовой среды, разнообразной системы поддержки, особой системы налогообложения для компаний с иностранными инвестициями сектора; разработка целевых программ для отдельных территорий.

Применение успешных моделей зарубежных государств может способствовать ускоренному развитию возобновляемых источников в РФ, улучшению инвестиционного климата и созданию новых рабочих мест. В перспективе подобная траектория поощрения иностранных инвесторов в секторе ВИЭ позволит России не только сократить зависимость от ископаемых источников энергии, но и занять лидирующие позиции на мировом рынке ВИЭ, что будет способствовать долгосрочному экономическому росту и улучшению экологической ситуации в стране.

Список литературы

1. *Дудник А.И.* Совместное предпринимательство на рынке возобновляемой энергетики России. М.: Инфра-М; 2024. 182 с.
2. *Садунова А.Г., Подогова А.Г.* Развитие отечественного энергетического комплекса в контексте привлечения иностранных инвестиций. Инновации. Наука. Образование. 2021;36:1787–1791.
3. *Ревенко Л.С., Ревенко Н.С.* Индийский опыт стимулирования развития экономики: программа «Делай в Индии». Азия и Африка сегодня. 2019;12:49–56. https://doi.org/10.31857/S032150750007657-4
4. *Мастепанов А.М.* Перспективы развития возобновляемых источников энергии в Китае. Энергетическая политика. 2020;4(146):52–67. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_4146_52
5. *Борисов М.Г.* Перспективы развития энергетики Индии. Труды института востоковедения РАН. 2018;12:148–168.
6. *Михайлов А.Ю.* Формирование рынка капитала Китая. E-Management. 2023;4(6):64–71. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-64-71
7. *Копылов А.Е.* Экономика ВИЭ. М.: Грифон; 2017. 364 с.
8. *Чубайс А.Б., Зубакин В.А., Копылов А.Е.* Развитие возобновляемой энергетики в России: технологии и экономика. М.: Издательская группа «Точка»; 2020. 464 с.
9. *Мастепанов А.М.* Проблемы и перспективы энергетического сотрудничества России со странами Восточной Азии. Энергетическая политика. 2023;10(189):54–65. https://doi.org/10.46920/2409-5516.2023_10189_54
10. *Sun G., Li G., Dilanchiev A., Kazimova A.* Promotion of green financing: role of renewable energy and energy transition in China. Renewable Energy. 2023;210:769–775. https://doi.org/10.1016/j.renene.2023.04.044
11. *Lin B., Wang S.* Sustainability of renewable energy in China: enhanced strategic investment and displaced R&D expenditure. Energy Economics. 2024;131. https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107312
12. *Беликова С.С., Беликов А.В.* Восток и Запад: глобальные вызовы на пути достижения углеродной нейтральности. Управление. 2022;2(10):5–13. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-2-5-13

References

1. *Dudnik A.I.* Joint venture in the Russian renewable energy market. Moscow: Infra-M; 2024. 182 p. (In Russian).
2. *Sadunova A.G., Podogova A.G.* Development of the domestic energy complex in the context of attracting foreign investment. Innovation. Science. Education. 2021;36:1787–1791. (In Russian).

3. *Revenko L.S., Revenko N.S.* Indian experience to stimulate economic development: "Make in India" programme. Asia and Africa today. 2019;12:49–56. (In Russian). https://doi.org/10.31857/S032150750007657-4
4. *Mastepanov A.M.* Prospects for the development of renewable energy in China. Energy policy. 2020;4(146):52–67. (In Russian). https://doi.org/10.46920/2409-5516_2020_4146_52
5. *Borisov M.G.* Prospects for the development of energy in India. Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018;12:148–168. (In Russian).
6. *Mikhaylov A.Yu.* Formation of China's capital market. E-Management. 2023;4(6):64–71. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-4-64-71
7. *Kopylov A.E.* Economics of renewable energy. Moscow: Grifon; 2017. 364 p. (In Russian).
8. *Chubais A.B., Zubakin V.A., Kopylov A.E.* Development of renewable energy in Russia: technology and economics. Moscow: "Tochka" Publ. Group; 2020. 464 p. (In Russian).
9. *Mastepanov A.M.* Problems and prospects for energy cooperation between Russia and East Asian countries. Energy policy. 2023;10(189):54–65. (In Russian). https://doi.org/10.46920/2409-5516.2023_10189_54
10. *Sun G., Li G., Dilanchiev A., Kazimova A.* Promotion of green financing: role of renewable energy and energy transition in China. Renewable Energy. 2023;210:769–775. https://doi.org/10.1016/j.renene.2023.04.044
11. *Lin B., Wang S.* Sustainability of renewable energy in China: enhanced strategic investment and displaced R&D expenditure. Energy Economics. 2024;131. https://doi.org/10.1016/j.eneco.2024.107312
12. *Belikova S.S., Belikov A.V.* East and West: global challenges to achieving carbon neutrality. Management. 2022;2(10):5–13. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2022-10-2-5-13

УДК 001, 001.6, 101.1 JEL O3 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-63-71

Форсайт как способ прогнозирования будущего цифрового облика науки

Захаров Михаил Юрьевич

Д-р филос. наук, зав. каф. философии
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: my_zakharov@guu.ru

Шишкова Анастасия Викторовна

Канд. филос. наук, доц. каф. философии
ORCID: 0000-0002-0904-6705, e-mail: av_shishkova@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Работа посвящена анализу некоторых актуальных проблем, вызванных цифровой трансформацией современной науки, в частности возможности использования технологии форсайта для понимания ее будущего, путей развития. Наука стала выполнять свою прогностическую функцию на основе познавательного инструментария, облаченного в форму научной методологии, и с помощью особого научного языка, изначально придав полученному итоговому знанию вероятностный характер. Проанализированы положительные последствия цифровизации науки, названы риски и угрозы, с которыми сталкивается современная наука. Доказано, что на первый план выдвигаются проблемы безопасности цифрового знания и цифровой информации. Исследован значительный опыт использования форсайтинга для прогностических целей научной деятельности и раскрыт смысл форсайта как воздействия на будущее науки с целью построения ее желаемого будущего. Обозначены сильные стороны и различные (технологические, алгоритмические, социокультурные, онтологические и этические) ограничения форсайт-методологии, намечены пути их разрешения. Представлен философский подход к исследованию цифровой трансформации науки. Показано, что он должен служить не только инструментом анализа текущих изменений, но и основой для формирования будущего научного знания, для разработки новых подходов к научному знанию в условиях цифрового века.

Ключевые слова

Цифровая трансформация науки, цифровизация научного знания, цифровая безопасность социума, форсайт, прогностика, цифровой форсайт, модели будущего

Для цитирования: Захаров М.Ю., Шишкова А.В. Форсайт как способ прогнозирования будущего цифрового облика науки//Вестник университета. 2025. № 1. С. 63–71.

© Захаров М.Ю., Шишкова А.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Foresight as a way of predicting the future digital face of science

Mikhail Yu. Zakharov
Dr. Sci. (Philos.), Head of the Philosophy Department
ORCID: 0000-0002-8796-6283, e-mail: my_zakharov@guu.ru

Anastasiya V. Shishkova
Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Philosophy Department
Dr. Sci. (Philos.), Head of the Philosophy Department

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of some current problems caused by digital transformation of modern science, in particular, the possibility of using foresight technology to understand its future and development paths. The science has begun to perform its prognostic function based on cognitive tools, clothed in the form of scientific methodology, and with the help of a special scientific language, having initially given the resulting knowledge a probabilistic nature. Positive consequences of digitalisation of the science are analysed, risks and threats faced by the modern science are named. It is proven that problems of security of digital knowledge and digital information are coming to the fore. Significant experience in using the foresight for prognostic purposes of scientific activity is studied, and the meaning of the foresight as an impact on the future of the science in order to build its desired future is revealed. Strengths and various (technological, algorithmic, socio-cultural, ontological, and ethical) limitations of the foresight methodology are identified, and ways to resolve them are outlined. A philosophical approach to study of the digital transformation of the science is presented. It is shown that it should serve not only as a tool for analysing current changes, but also as a basis for the formation of future scientific knowledge, for the development of new approaches to the scientific knowledge in the digital age.

Keywords

Digital transformation of science, digitalisation of scientific knowledge, digital security of society, foresight, progostics, digital foresight, models of the future

For citation: Zakharov M.Yu., Shishkova A.V. (2025) Foresight as a way of predicting the future digital face of science. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 63–71.

© Zakharov M.Yu., Shishkova A.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня уже практически никто не сомневается в значимости науки для жизни общества. Повседневной нормой стало применение научных знаний во всех без исключения общественных сферах, а на глазах человека разворачивается настоящая революция в средствах хранения и механизмах получения новых научных знаний. Показатели науки как социального института как никогда высоки: так, уже к началу XXI в. количество специалистов, занимающихся научной деятельностью, по данным ЮНЕСКО (англ. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization – Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), превысило черту в 5 млн чел., а в 2015 г. по сравнению с 2007 г. выросло более чем на 20 %. Иными словами, за всю историю человеческого общества в мире никогда не было так много ученых [1].

Современная наука объединяет более 14 тыс. научных дисциплин, а объем научной информации в интернете превысил информацию в таких значимых для общества сферах, как культура и образование. В последние несколько лет наблюдалась общая тенденция к повышению интенсивности научных публикаций, и в 2019 г. ее глобальный показатель превысил показатель 2015 г. на 21 %. Надо отметить, что в последующие за пандемией коронавируса годы в научной продукции продолжают доминировать медицинские исследования, на которые в 2019 г. пришлось 33,9 % публикаций. Среди научных направлений самый быстрый рост в период с 2015 г. по 2019 г. продемонстрировали науки об окружающей среде: публикационная активность выросла почти вдвое. Количество исследований по ключевым стратегическим технологиям также значительно увеличились – на 33 %. Наибольшее число работ в этой области было посвящено искусственному интеллекту (далее – ИИ) и робототехнике. Интересен тот факт, что в период с 2015 г. по 2019 г. доля публикаций по данным темам, принадлежащих Соединенным Штатам Америки (далее – США), Китаю и Европейскому союзу, снизилась на фоне роста активности развивающихся стран. Эта динамика отражает глобальный тренд: с 2016 г. по 2020 г. более 30 государств разработали и приняли национальные стратегии в области ИИ. Например, Канада делает акцент на том, чтобы играть ведущую роль в международных обсуждениях о социальных последствиях ИИ, а такие страны как Китай, Российская Федерация (далее – РФ) и США, активно сражаются за лидерство в развитии самого ИИ и связанных с ним технологий, стремясь получить конкурентные преимущества в этой стратегически важной области [2].

Таким образом, в настоящее время около 80 % чистой стоимости бизнесов обеспечивается за счет научных исследований и разработок, причем доля цифровой сферы неуклонно растет. Цифровые технологии считаются жизненно важными для будущей экономической конкурентоспособности, а мейнстримом современной науки, как полагает подавляющее большинство специалистов, является движение в цифровое будущее, которое сегодня в целом очень сложно поддается научному описанию. При этом в общественном сознании уже сегодня сформировалось понимание, что наука в своем развитии не одинока: двигаясь в познании, она «постоянно резонирует с развитием других областей культуры» [3, с. 15]. Цифровое будущее общества и науки неразделимы, так как только последняя способна придать новое цифровое качество экономике, обеспечить ее переход на инновационно ориентированную модель.

Предлагая ранее недоступные инструменты для исследований и открывая новые горизонты для экспериментов, цифровизация науки одновременно создает для ученых и общества в целом новые вызовы: необходимость дополнительного критического осмысления источников данных и этической экспертизы алгоритмов их обработки, ставя таким образом вопрос о том, как цифровые инструменты меняют сам процесс научного познания. Получается, речь идет уже не просто о технологических изменениях на инструментальном уровне: человек задается вопросами о том, что происходит с самой природой научного знания, с его производством и распространением, причем этот разговор происходит не только на эпистемологическом уровне: этические и социокультурные аспекты также важны. С развитием цифровых технологий сбора и анализа данных переосмыслению подвергаются такие традиционные философские концепции, как истина, объективность и доказательство. Например, как можно говорить о достоверности данных, если они формируются на основе автоматизированных процессов, суть работы которых остается для человека «черным ящиком», как во многих случаях с алгоритмами машинного обучения? Этическое же измерение этого вопроса заключается в следующем. Как можно гарантировать отсутствие неосознанных предубеждений, внесенных в исходный набор данных или неосознанно заложенных в модель

в процессе ее обучения? Кто несет ответственность за результаты, полученные с помощью алгоритмов? Как избежать манипуляций с данными и обеспечить их прозрачность? Прозрачность данных, свободный доступ к научным публикациям становятся все более важными для обеспечения открытости и демократизации науки, потому что доступ к информации может влиять на общественное восприятие науки и доверие к ней. Одновременно это порождает риски, связанные с конфиденциальностью и безопасностью данных. Соответственно, взаимодействие между учеными, обществом и государством также претерпевает изменения в условиях цифровой трансформации. Наконец, цифровизация тоже создает новые возможности для междисциплинарного сотрудничества: способствуя более эффективной интеграции знаний из различных областей, она позволяет успешнее работать над решением сложных глобальных проблем, но в то же время это требует от ученых гибкости и готовности к изменениям в своей работе.

Таким образом, можно с большой уверенностью констатировать, что уже сейчас формируется социально значимая потребность в осмыслении масштабов современных трансформаций науки и перспектив создания ее цифрового облика.

МЕТОДОЛОГИЯ

Объект исследования – процесс цифровой трансформации науки и научного знания. Предметом исследования является рассмотрение форсайт-методологии в контексте определения специфики будущего цифрового облика науки. Цель работы – выявить методологический потенциал, сильные и слабые стороны, возможности и ограничения форсайт-технологии как инструмента изучения цифровой трансформации науки для разработки новых подходов к научному знанию в условиях цифрового века. В качестве методологической основы использовались общенаучные методы исследования, такие как логический, системный подходы, обобщение, анализ научной литературы по теме. Для выявления качественных изменений рассматриваемых теорий и концепций во времени, а также для описания процесса трансформации науки и научного знания использовался историко-философский подход. Аналитико-описательный метод был применен для предварительной систематизации накопленных данных. Также использовался герменевтический метод, предполагающий изучение и интерпретацию идей и концепций в тесной связи с социально-политической средой, общественными, культурными событиями и процессами. Наконец, были использованы логико-гносеологический и категориальный анализ для введения и рассмотрения таких понятий, как цифровизация науки, трансформация научного знания, цифровая безопасность социума, форсайт.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Набирающий силу процесс трансформации науки уже сегодня сталкивается с принципиально новыми цифровыми опасностями и угрозами. Ежедневно в виртуальном пространстве науки происходит обмен огромными объемами профессиональной информации, что наряду с новыми возможностями увеличивает риски негативного воздействия на информационную коммуникацию. Здесь необходима единая и целостная система безопасности, которая бы купировала опасности и угрозы или хотя бы минимизировала их.

Цифровая безопасность должна представлять собой единую и целостную конструкцию, обеспечивающую достаточный уровень защищенности во всех отраслях и на всех этапах научного производства. Ее целостность – это не сумма уровней цифровой безопасности системообразующих субъектов, а совокупная информационно-когнитивная форма, в которую объединены возможности каждой из подсистем в целях их эффективного использования. Дееспособность механизмов, увязывающих потенциалы цифровой безопасности отдельных подсистем в целостную систему – основа обеспечения защиты [4].

Сама этимология термина «безопасность» свидетельствует о том, что речь должна идти об отсутствии или возможности устранения опасности, хотя в действительности полностью избежать угроз и опасностей нельзя, однако отсутствие конкретного их вида на определенном отрезке времени возможно. Если посмотреть на огромный объем литературы по проблемам безопасности, то можно понять, что безопасность – это система условий, в которой объект способен выполнять возложенные на него функции и не создает опасности для других объектов. Другими словами, защита и беспроблемная жизнедеятельность являются тем условием, позволяющим говорить о безопасности любого объекта. При этом чтобы обеспечить последнюю, необходимо понимать его природу, знать или хотя бы представлять динамику потенциальных угроз и опасностей для его существования, иметь эффективный механизм воздействия на объект безопасности и источники угроз.

По своей природе любая безопасность субстанциональна. Она выступает как субстанция существования, позволяющая обеспечить защиту и прогрессивное развитие объекта. Действительно, это нечто, что существует вне зависимости от какого-то желания. Это нечто никто обособленно не конструировал, и безопасность существует столько, сколько существует сам объект, который она защищает. При этом объекту постоянно необходимо создавать условия существования, в котором будет иметь соответствующее место и безопасность. Последняя – своего рода системное качество любого объекта, если речь идет о его существовании и развитии.

Конец XX в. ознаменовался бумом работ по информационной безопасности. Несмотря на определенную односторонность самого термина «информационная безопасность», речь шла о защите информации и знаний, а также человека и общества от информационного воздействия. Доминирующая роль принадлежала безопасности информации, которую рассматривали изначально как борьбу с утечкой закрытых для массового использования данных и распространением враждебных сведений, а затем в более широком плане: защита информации и соответствующих систем от дестабилизирующего воздействия внешних и внутренних угроз; защита объектов социальной природы от дестабилизирующего воздействия информационных угроз; защита внешней среды от информационных угроз со стороны самих социальных объектов.

Со временем в информационной безопасности стали выделять определенные виды, прежде всего компьютерную, которая решала проблемы обеспечения постоянной живучести систем, то есть она способна осуществлять работу после отказа одного или нескольких компонентов. Ее характерными чертами являются секретность (конфиденциальность) – предотвращение несанкционированного открытия информации; целостность – предотвращение несанкционированной модификации информации; доступность – недопущение отказов в санкционированном доступе.

Другой вид информационной безопасности, как правило, называют информационно-психологической безопасностью или просто психологической безопасностью. Информационное воздействие на человека и общество в целом приводит к управляемости социальным поведением, создает почву для целенаправленного манипулирования, ведет к резкому падению возможностей адаптации социальных субъектов к условиям реального существования, не говоря уже об экстремальных ситуациях. Поэтому информационно-психологическая безопасность решает вопросы защищенности социальных субъектов от негативных информационно-психологических воздействий.

Потенциал информационной безопасности не исчерпывается защитой компьютерной информации и человека. Было правильно замечено, что необходимо защищать и знания, циркулирующие в информационной сфере общества. Когнитивная безопасность – самое слабое звено в теории информационной безопасности. На практике отсутствуют общественно-государственные механизмы защиты не только планетарных, но в большинстве случаев и национальных форм знания, а также элементарные социальные механизмы контроля за хранением и использованием общественных когнитивных ресурсов [4]. Сегодня как никогда необходима защита интеллектуального потенциала общества, исторических достижений мировой культуры, системы гуманитарных ценностей.

Цифровизация общества и науки потребовала определенной трансформации информационной безопасности в систему цифровой безопасности. В предельно широком понимании она представляет собой системное качество цифрового объекта, обеспечивающее его гармоничное развитие, а также защиту от него других элементов взаимодействующей системы.

В будущем нет необходимости изолированно создавать новую систему цифровой безопасности. Нужна содержательная цифровизация всех сфер жизни общества, которая сделает относительно безопасным существование ее элементов. Здесь важно задаться вопросом: о каком будущем идет речь? Всегда предпринимались и предпринимаются многочисленные научные попытки хотя бы в общем описать это будущее. Одной из успешных попыток такой прогностической деятельности является технология форсайта, которая неплохо зарекомендовала себя в прогностике XX в. Если в самом первом приближении описать данную технологию, то можно сказать следующее.

Термин «форсайт» произошел от английского слова foresight (предвидение, благоразумие, взгляд в будущее). Форсайт как концепция возник в 1960-х гг., когда научные исследования начали сталкиваться с необходимостью предсказания будущих тенденций и технологий. Первоначально он использовался в области экономики и политики для оценки возможных сценариев развития общества, а в 1970-х гг. с ростом

интереса к междисциплинарным исследованиям концепция форсайта начала внедряться и в научную практику для предсказания направлений научного прогресса. Его основу составляли такие методы экспертного анализа, как Дельфи, анализ взаимного влияния факторов и другие методы, подходы, приемы прогностического анализа. В 1970-х гг. XX в. Дельфи наряду с США активно использовала Япония, а европейские ученые применяли его более расширенный вариант, основанный на инерционном развитии. Примерами плодотворной прогностической деятельности может служить анализ развития науки и технологии на 30-летний период, разработанный Агентством по науке и технике (англ. Science and Technology Agency) Японии, который, по мнению разработчиков, способен сформировать определенный образ науки будущего, позволяющий на практике принимать грамотные стратегические решения в научной сфере, что стало своего рода образцом формирования базовых сценариев развития науки, технологий, общества и экономики. В свою очередь, в 2000-х гг. РФ разработала целую серию таких важных для страны форсайт-проектов, как «Российское образование 2030», «Превентивная медицина», «Публичные пространства и городское искусство», «Форсайт компетенций 2030» и др. [5].

Мировой опыт использования технологии форсайта не привел к единому пониманию самого термина и его различных вариантов, таких как «форсайтинг», «форсайт-проект», «форсайт-подход», «форсайт-прием», «форсайт-прогнозирование». Видимо, авторы прогностических проектов вкладывали и продолжают вкладывать свой личностный смысл в его содержание, по-своему интерпретируя это понятие с размытыми краями. Однако если попытаться выделить нечто общее, что объединяет всех исследователей, применяющих форсайт в сфере науки, то можно констатировать следующее: форсайт – это не просто попытка заглянуть в будущее, но и конкретное воздействие на него. Это некий совокупный процесс исследования научной деятельности с конкретными целями – построение образа желаемого будущего науки и определение четкой пошаговой программы его достижения.

С развитием в конце XX в. и начале XXI в. информационных технологий произошел переход от традиционных методов форсайта к цифровым. Появились новые методы сбора, анализа и цифровизации данных, ставшие неотъемлемой частью цифрового форсайта, среди которых можно упомянуть следующие:

– цифровое моделирование и симуляция (развитие вычислительных технологий позволило значительно повысить сложность моделей);

– большие данные как основа для более точных предсказаний;

– алгоритмы машинного обучения, ИИ, способные выявлять скрытые от традиционных методов анализа паттерны и тренды в данных.

В целом можно выделить несколько ключевых отличий цифрового форсайта от традиционного. Традиционная форсайт-методология больше основана на экспертных оценках и качественных методах, таких как интервью, фокус-группы и анкетирование. Часто применяется сценарный анализ, при этом сценарии могут устаревать по мере изменения условий, а обновление информации требует значительных усилий и времени. Цифровой форсайт делает упор на количественных методах, основанных на анализе больших данных. Для выявления паттернов и трендов в этом массиве информации широко используются машинное обучение и ИИ. В случае сценарного анализа возможна автоматическая генерация сценариев, причем их можно быстро адаптировать к изменениям благодаря постоянному потоку данных. Отсюда вытекает разница в методах сбора данных: внутри традиционной форсайт-методологии сбор часто ограничен временными рамками исследования и доступностью экспертов, основной акцент обычно делается на первичных источниках, полученных с помощью опросов, интервью и т.д.

Современные цифровые технологии позволяют собирать данные в режиме реального времени из множества источников: социальных медиа, интернет-платформ, сенсоров и т.д. и анализировать этот огромный объем информации с высокой скоростью, прибегая к использованию автоматизированных инструментов для анализа. Причем надо отметить, что применение таких алгоритмов в ряде случаев позволяет минимизировать человеческие ошибки и до определенного предела элиминировать предвзятость в интерпретации данных. Это важный момент, потому что в традиционном форсайте человек в принципе играет центральную роль в процессе, так как эксперты формируют выводы на основе своего опыта и знаний. В цифровом форсайте значительную часть анализа и интерпретации берут на себя технологии, человек уходит с центральных позиций, но, конечно, все еще необходим для принятия окончательных решений. Из этого следует, что традиционный форсайт предполагает создание стратегий на основе человеческого опыта и интуиции и чаще используется в долгосрочном планировании и развитии

новых направлений, в то время как сильные стороны цифрового форсайта направлены на оперативное реагирование на изменения и выявление новых возможностей. Он широко применяется в бизнесе для оптимизации процессов и принятия решений на основе данных.

Форсайт в науке претерпел значительные изменения с момента своего возникновения. Появившись как инструмент для оценки будущих направлений научных исследований, он постепенно стал важной частью стратегического планирования в научных институтах и университетах. Начала происходить институционализация форсайта: в последние десятилетия многие страны приступили к созданию специализированных агентств и организаций, которые занимаются разработкой стратегий научного и технологического развития, основываясь на прогнозах и анализе тенденций. Кроме того, цифровой форсайт стал платформой для международного сотрудничества между учеными, правительствами и частными компаниями, так как создание глобальных сетей обмена данными и опытом позволяет более эффективно предсказывать направления научного прогресса.

Можно обозначить самые разные направления для использования технологий цифрового форсайта. Например, в медицине применение больших данных и моделей, основанных на алгоритмах машинного обучения, помогает предсказывать вспышки различных заболеваний. Предиктивная аналитика помогает выбирать наиболее эффективные методы лечения (например, рака). В экологии возможно прогнозирование изменений в экосистемах с использованием моделей климатических трансформаций и данных о биоразнообразии; применение спутниковых данных и алгоритмов для отслеживания изменений температуры, уровня моря и других климатических показателей. В производственных процессах организаций предполагается применение цифрового форсайта для анализа потребительских трендов и прогнозирования спроса на новые технологии, а также использование предсказательной аналитики в целях повышения эффективности производственных линий. В городском планировании цифровые модели могут применяться для прогнозирования роста городов и разработки инфраструктуры. Наконец, в социальных науках методы цифрового форсайта помогут предсказывать социальные изменения и их влияние на общество, например, в исследованиях, использующих данные социальных медиа для анализа общественного мнения и политических настроений.

ОБСУЖДЕНИЕ

Конечно, необходимо упомянуть и об ограничениях этой технологии, к которым можно отнести следующие.

1. Технические трудности, связанные с качеством данных и проблемой их интерпретации:

– проблемы с доступностью и качеством данных, которые могут ограничивать точность прогнозов;

– трудности в понимании и объяснении результатов цифрового форсайта для широкой аудитории; необходимость визуализации и специальной презентации данных для повышения доступности информации;

– проблема достоверности: как гарантировать качество информации в условиях огромных объемов данных.

2. Алгоритмическая сложность:

– трудности в разработке и внедрении сложных моделей, требующих высоких вычислительных ресурсов;

– риски переобучения моделей и их неспособность адаптироваться к новым условиям [6].

3. Социальные и культурные сложности:

– неравенство доступа к технологиям: проблемы с доступом к цифровым инструментам и данным в развивающихся странах и, соответственно, необходимость разработки стратегий для обеспечения равного доступа к цифровым технологиям в науке;

– скептицизм и недоверие к цифровым технологиям со стороны определенных групп населения;

– влияние культурных факторов на восприятие научных предсказаний.

4. Этические и онтологические трудности:

– проблемы конфиденциальности и безопасности данных в процессе цифрового форсайта, а также риски предвзятости в данных и алгоритмах (как это может повлиять на принятие решений) и, следовательно, необходимость создания стандартов и рекомендаций по использованию предсказательных моделей [6];

– изменение представлений о реальности в контексте цифровых технологий: например, появление таких понятий, как виртуальная реальность, дополненная реальность [7; 8];

– вопросы идентичности и сущности: как цифровые аватары и алгоритмы влияют на понимание Я и другого.

Таким образом, несмотря на большой методологический потенциал форсайта, последний не позволяет говорить о точном прогнозе, однозначном решении, а формирует результат в категориях многовариантности и многосценарности, которые должны быть основаны на выявлении и анализе тенденций развития науки, выборе оптимальных из них. Сценарное будущее предполагает использование современного научного инструментария, позволяющего изучать и учитывать альтернативные варианты, возможные последствия их использования, нахождения аналогов в прошлом и отслеживания развития сценария в будущем. Поэтому именно сценарное прогнозирование науки является наиболее перспективной прогностической моделью проектирования будущего.

Сегодня для целей прогнозирования будущего науки востребована хорошо разработанная методика комплексного форсайта, признанная на мировом уровне и требующая должной организации на национальном и региональном уровнях, с горизонтом эффективного прогнозирования не менее 15 лет. Здесь по-прежнему актуальным остается осмысление природы науки, а не простое апеллирование к классической науке Нового времени, которая должным образом сформулировала тип научной рациональности естествознания и критерии самой научности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, сегодня человек стоит на пороге цифрового общества, и грамотное использование цифровых технологий становится ведущем трендом во всех сферах социума. К сожалению, теоретическое осмысление данных процессов значительно отстает от требований времени. Можно встретить множество публикаций по цифровой трансформации различных сфер общества, но хороших работ по цифровому облику будущей науки практически не существует. Активно используются термины «цифровизация», «цифровое знание», «цифровая наука» и даже «цифровое познание», «цифровое мышление», однако понять, что стоит за ними во многих случаях просто невозможно, не говоря уже о категориальном аппарате самой цифровой науки. Не добавляет ясности и появление новых научных направлений, таких как гуманитарная информатика, компьютерная лингвистика, киберпсихология и т.д. Создание четких теоретических моделей, которые объясняют природу, сущность цифровой науки, формирование новой парадигмы цифровых исследований – задачи неблизкого будущего. Это в полной мере подтверждают и результаты использования цифрового форсайта в научной сфере.

Несмотря на высокую мировую популярность форсайта, его выход в область перспективных рынков, социальных процессов и национальных инновационных систем, научная прогностика столкнулась с проблемой малой эффективности подобных технологий, ограниченным потенциалом их применения в научной сфере. Новые методологические усилия, конкурентная борьба различных прогностических технологий четко определили и очертили цифровой облик будущего науки, где, по мнению большинства специалистов, развернется ожесточенная борьба за будущее научное лидерство. Выигрыш на этом поле даст неоспоримые преимущества в социально-экономическом развитии любой страны. К сожалению, общественное сознание пока не озабочено данной проблемой, хотя уже сегодня очевидно, что цифровизация науки является необратимым процессом и затронет все без исключения отрасли научного знания. Осмысление сущности процессов цифровых трансформаций науки, цифрового будущего в целом вряд ли под силу одной конкретной науке: здесь требуется междисциплинарный подход на принципиально новой прогностической методологической основе. Последняя предполагает объединение различных методологических подходов, научных дисциплин (например, размывание границ между естественными и социальными науками), исследовательских умений и даже понятийных аппаратов, а также создания единого программного обеспечения для получения данных, их анализа и интерпретации.

Уже первые результаты форсайта современной науки говорят о том, что ее будущий цифровой облик будут определять междисциплинарность, цифровая форма, большой массив обслуживаемых данных, повышенная скорость извлечения знаний при соблюдении устойчивости развития самой науки и, наконец, открытость цифрового научного знания. Все это, несомненно, станет способствовать осмыслению глобальных проблем цифрового мироустройства, системным качеством которого будет являться цифровая безопасность, что в конечном итоге приведет к преемственности научного знания, развенчанию предположения о поглощении цифровой наукой традиционной науки в полном объеме. Напротив,

первая позволит сохранить инновационный потенциал, целостность и эффективность малых научных структур, выступит в качестве связывающего звена в огромном потоке цифровой информации.

Философский подход к исследованию цифровой трансформации науки должен служить не только инструментом анализа текущих изменений, но и основой для формирования будущего научного знания, для разработки новых подходов к научному знанию в условиях цифрового века. Необходимо стремиться к созданию этических стандартов и практик, которые будут учитывать уникальные вызовы цифровой эпохи, а это подразумевает постоянный диалог между философами, учеными и обществом.

Список литературы

1. *Шниганс С. (ред.)* Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 г. М.: Магистр-Пресс; 2016. 794 с.
2. *Шнеганс С., Льюис Дж., Страза Т., Глакман П.* Доклад ЮНЕСКО по науке. Наперегонки со временем: за более умное развитие. Рабочее резюме. Париж: ЮНЕСКО; 2021. 60 с.
3. *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция; 2003. 744 с.
4. *Захаров М.Ю., Старовойтова И.Е., Шишкова А.В.* Социология безопасности знания в цифровом образовательном пространстве. Вестник университета. 2020;3:154–159. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-3-154-159
5. *Захаров М.Ю.* Социокультурная традиция и цифровое общество: два стратегических ориентира китайского форсайта. Вестник университета. 2021;2:159–165. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-2-159-165
6. *Kearns M., Roth A.* The ethical algorithm. The science of socially aware algorithm design. New York: Oxford University Press; 2020. 256 p.
7. *Müller V.C. (ed.)* Philosophy and theory of artificial intelligence 2021. Cham: Springer; 2022. 248 p.
8. *Kitchin R.* The data revolution. Big data, open data, data infrastructures & their consequences. London: SAGE Publications Ltd; 2014.

References

1. *Schneegans S. (ed.)* UNESCO science report: towards 2030. Moscow: MAGISTR-PRESS; 2016. 794 p. (In Russian).
2. *Schneegans, S., Lewis J., Straza T., Gluckman P.* UNESCO science report. Th race against time: for smarter development. Paris: UNESCO; 2021. 60 p. (In Russian).
3. *Stepin V.S.* Theoretical knowledge. Moscow: Progress-Tradition; 2003. 744 p. (In Russian).
4. *Zakharov M.Yu., Starovoytova I.E., Shishkova A.V.* Sociology of knowledge security in the digital educational space. Vestnik universiteta. 2020;3:154–159. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2020-3-154-159
5. *Zakharov M.U.* Sociocultural tradition and digital society: two strategic landmarks of the Chinese foresight technology. Vestnik universiteta. 2021;2:159–165. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-2-159-165
6. *Kearns M., Roth A.* The ethical algorithm. The science of socially aware algorithm design. New York: Oxford University Press; 2020. 256 p.
7. *Müller V.C. (ed.)* Philosophy and theory of artificial intelligence 2021. Cham: Springer; 2022. 248 p.
8. *Kitchin R.* The data revolution. Big data, open data, data infrastructures & their consequences. London: SAGE Publications Ltd; 2014

УДК 338.24.01, 334.7 JEL H57, O38 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-72-82

Реализация инновационной политики на основе механизма государственной закупки

Малевич Евгений Павлович

Аспирант
ORCID: 0009-0003-9701-9719, e-mail: malevich.ep@yandex.ru

Кириллова Елена Александровна

Д-р экон. наук, проф. каф. информационных технологий в экономике и управлении
ORCID: 0000-0001-7046-3316, e-mail: kirillova.el.al@yandex.ru

Смоленский филиал Национального исследовательского университета
«Московский энергетический институт», г. Смоленск, Россия

Аннотация

На современном этапе реализацию национальных приоритетов научно-технического и инновационного развития, программ по импортозамещению и обеспечению технологического суверенитета нельзя достичь без участия государственных структур. Существенный потенциал роста скорости и возможности минимизации затрат при их осуществлении лежит в области получения эффектов от интеграции научных исследований, промышленного производства и государственной поддержки. Это определяет потребность в разработке инструментов задействования имеющихся ресурсных возможностей государства различного рода для содействия созданию инновационных товаров, работ, услуг и диффузии такого опыта. Целями данного исследования являются идентификация и раскрытие приоритетных стратегических направлений, инструментов и ресурсных возможностей обеспечения реализации современных инновационных процессов на основе анализа мирового и российского опыта в данной области, а также текущих изменениях самих производственно-хозяйственных субъектов и среды их взаимодействия. По результатам проведенного исследования были выявлены и описаны наиболее приоритетные направления и инструменты поддержки. Также выделены три уровня инноваций по степени значимости, которые следует учитывать в рамках механизма государственных закупок товаров, работ, услуг. Это позволит основываться на изменениях участников инновационного процесса и прогнозировать ее трансформацию с точки зрения развития потенциала как системы. Исследование дополняет существующий методический инструментарий и может быть использовано для разработки государственных программ и мероприятий по поддержке инновационных процессов, а также в рамках программ инновационного развития крупных отечественных промышленных предприятий с государственным участием.

Ключевые слова

Механизм государственной закупки, обеспечение инновационного процесса, инновационная политика, инструмент стимулирования спроса, спрос на инновации, поддержка инноваторов, ресурсный подход, инструменты выбора приоритетов, приоритеты поддержки инноваций

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 23-78-01197).

Для цитирования: Малевич Е.П., Кириллова Е.А. Реализация инновационной политики на основе механизма государственной закупки//Вестник университета. 2025. № 1. С. 72–82.

© Малевич Е.П., Кириллова Е.А., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Implementation of innovation policy based on the mechanism of public procurement

Evgeny P. Malevich
Postgraduate Student
ORCID: 0009-0003-9701-9719, e-mail: malevich.ep@yandex.ru

Elena A. Kirillova
Dr. Sci. (Econ.), Prof. at the Information Technology in Economics and Management Department
ORCID: 0000-0001-7046-3316, e-mail: kirillova.el.al@yandex.ru

Smolensk Branch of the National Research University "Moscow Power Engineering Institute", Smolensk, Russia

Abstract

At the present stage, implementation of national priorities for innovative, scientific and technical development, programmes for import substitution and ensuring technological sovereignty cannot be reached without participation of government agencies. A significant potential for speed growth and possibility of minimising costs in their implementation lies in the field of obtaining effects from integration of scientific research, industrial production, and government support. This determines the need to develop tools for using the available resources of the state of various kind to promote the creation of innovative goods, works, services and diffusion of such experience. The purposes of this study are to identify and disclose priority strategic directions, tools and resource opportunities for ensuring the implementation of modern innovative processes based on the analysis of world and Russian experience in this field as well as current changes in the production and economic entities themselves and environment of their interaction. According to the results of the conducted research, the most priority areas and support tools have been identified and described. There are also three levels of innovation in terms of importance, which should be considered within the framework of the mechanism of public procurement of goods, works, and services. This will allow us to base on changes in the participants of the innovation process and predict its transformation from the point of view of potential development as a system. The study complements the existing methodological tools and can be used to elaborate government programmes and measures to support innovation processes as well as in the framework of innovative development programmes for large domestic industrial enterprises with state participation.

Keywords

Mechanism of public procurement, ensuring innovation process, innovation policy, tool to stimulate demand, demand for innovation, support for innovators, resource approach, tools for prioritising, priorities for innovation support

Acknowledgements. The article has been conducted with the financial support of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-78-01197).

For citation: Malevich E.P., Kirillova E.A. (2025) Implementation of innovation policy based on the mechanism of public procurement. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 72–82.

© Malevich E.P., Kirillova E.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Инновации пронизывают практически все бизнес-процессы производственно-хозяйственных субъектов, став их неотъемлемым элементом для обеспечения конкурентоспособности и устойчивого развития в стратегической перспективе [1]. Особую роль в связи с задачами по реализации национальных приоритетов научно-технического развития, программ по импортозамещению и обеспечению технологического суверенитета они играют на предприятиях, деятельность которых имеет стратегически важное значение для государства. Как, например, в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации (далее – РФ), где доля инновационной продукции в выручке, в частности в государственной корпорации (далее – ГК) «Росатом», составляет почти четверть[1]. Инновации на предприятиях государственного сектора направлены в том числе на реализацию социальных и экологических целей устойчивого развития, которые в современных условиях невозможно осуществить без опоры на ценностные преобразования в обществе, высокую роль кооперации и партнерств, а также на гибкость и непрерывную адаптацию к постоянным изменениям[2].

Растет роль сетевых и матричных структур организации производственно-хозяйственных процессов, ориентации на внутренние научно-технические и технологические компетенции для разработки и производства новых продуктов, работ, услуг [2]. Интеграционное взаимодействие уникальных ресурсов, компетенций и динамических способностей участников и его трансформация с точки зрения развития инновационного потенциала системы становятся основой роста [3]. Также необходимо отметить социальные и экологические аспекты этого развития, которые труднореализуемы без контроля, участия и поддержки со стороны государства. Крупные корпоративные структуры по-прежнему занимают доминирующее положение в стратегических отраслях хозяйствования, участвуя в реализации национальных проектов страны, способствуя росту высокотехнологичных производств [4]. Внешнеэкономическое давление и вызванные им изменения в экономике становятся импульсом для развития национальной науки, стимулируют рост внутреннего спроса на собственные, критически важные технологии[3]. ГК, обладая большим опытом и уникальными технологическими и научно-конструкторскими возможностями, способны решать такие задачи [5]. Примером мобилизации, главным образом государственных ресурсов, можно считать резкий и существенный рост объема инновационных продуктов, работ, услуг в приоритетных во время COVID-19 областях, где они послужили мощным катализатором [2]. Создание условий для обеспечения взаимодействия с более широким кругом партнеров и заинтересованных лиц, построение кооперационных сетей, формирование более тесных коллабораций за счет интеграции стейкхолдеров в процессы принятия решений считается в отчете Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) таким же значимым, как и развитие ресурсной базы для инноваций[4].

Это позволяет говорить о том, что ГК являются важным элементом производственно-хозяйственной системы, в том числе в области реализации национальных приоритетов научно-технического развития, программ по импортозамещению и обеспечению технологического суверенитета. В настоящее время они осуществляют значительную работу по разработке инновационных товаров, работ, услуг, а также по обеспечению их оптимальной с точки зрения временных и других видов ресурсов коммерциализации. В то же время необходимо подчеркнуть, что на современном этапе эффективная реализация инновационных процессов невозможна в рамках одного производственно-хозяйственного субъекта. Существенный потенциал роста скорости и сокращения затрат при их реализации лежит в области получения эффектов от интеграции в рамках цепочек создания стоимости. Следовательно, возникает потребность в разработке инструментов задействования имеющихся ресурсных возможностей государства различного рода для стимулирования роста инноваций.

По итогам 2022 г. российские производители создали инновационных товаров, работ, услуг на сумму 6,4 трлн руб. (5,1 % в общем объеме продаж), из них 11,1 % – по государственным и муниципальным

[1] Росатом. Публичная отчетность. Итоги деятельности Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» 2023. Режим доступа: https://report.rosatom.ru/ar2023 (дата обращения: 05.11.2024).

[2] OECD. Global trends in government innovation 2023. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/global-trends-in-government-innovation-2023_0655b570-en.html (дата обращения: 05.11.2024).

[3] Об итогах деятельности Министерства науки и высшего образования Российской Федерации за 2023 год и задачах на 2024 год. Режим доступа: https://minobrnauki.gov.ru/upload/2024/06/24.06_%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8_v4%20(3).pdf (дата обращения: 05.11.2024).

[4] OECD. Global trends in government innovation 2023. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/global-trends-in-government-innovation-2023_0655b570-en.html (дата обращения: 05.11.2024).

контрактам[5]. Сейчас в этой сфере мобилизованы не только финансовые, но и другие виды ресурсов. Важнейший сегмент спроса лежит в сфере удовлетворения государственных потребностей. Некоторые виды отечественной продукции получают дополнительную поддержку от государства. К примеру, в марте прошлого года производители электроники на российской элементной базе получили преимущество в государственных закупках (далее – госзакупка). Был определен трехуровневый механизм допуска электроники[6]. В то же время отмечается, что число несостоявшихся закупок к июлю 2023 г. превысило 254 тыс. после 45,7 тыс. в 2022 г. (73,5 тыс. в 2021 г.), что позволяет говорить о неготовности предложения к удовлетворению такого объема спроса[7]. Анализ показал: в российских отраслях, где результативность инноваций соответствует уровню европейских стран-лидеров, доля инновационной продукции, реализованной в рамках государственных и муниципальных контрактов, в два-четыре раза выше средней по обрабатывающей промышленности[8]. Это актуализирует задачи разработки инструментов эффективного задействования и использования описанных ресурсных возможностей.

АНАЛИЗ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ И МЕТОДОВ

Государство играет важную роль в научно-технологическом и инновационном развитии [6], влияя на выбор направлений, обоснование приоритетов, выделение, распределение и контроль расходования ресурсов в различных формах. Напрямую это реализуется через разработку нормативно-правовых актов, налоговые механизмы, создание лабораторной и опытной инфраструктуры, через регулирование, повышение эффективности и технологическую модернизацию государственных и муниципальных услуг, а также через меры в области образования, фундаментальных и прикладных исследований. Косвенное влияние государства в данной области осуществляется через создание рамочных условий для инноваций: обеспечение макроэкономической стабильности, верховенства закона, поддержание конкурентной среды, снижение коррупции, повышение открытости рынков, формирование инвестиционного климата и т.п. [7]. Прямые и косвенные меры, а также финансовые вложения в исследования и разработки технологий в формах субсидий, льгот, грантовых программ, использование банковских инструментов способствуют активному открытию новых рынков. Такая поддержка инновационных проектов также приводит к росту финансовых результатов субъектов производственно-хозяйственной деятельности. Многие из направлений мер поддержки связаны с малым и средним бизнесом, высокотехнологичными сферами и стимулированием совместной кооперационной работы над инновационными продуктами, работами и услугами [6; 8]. Государственный сектор выступает регулятором, инвестором, покупателем и партнером. Много внимания уделяется инфраструктурному обеспечению, образовательным процессам, кадровой политике и сфере защиты интеллектуальной собственности [7]. Первые этапы инновационного процесса, связанные с исследованиями и разработками, нередко самые ресурсоемкие и одни из самых рисковых ввиду слабой предсказуемости результата [9]. Они достаточно часто финансируются в рамках государственных грантов, что позволяет разделить эти риски. Предприятия имеют возможности получения финансирования данных первых этапов, результаты которых затем могут быть положены в основу их новых продуктов и услуг [10].

В свою очередь, значительная часть государственных ресурсных возможностей и, соответственно, потенциальных рычагов влияния на инновационные процессы сконцентрирована в рамках ГК [11]. ГК как крупные участники производственно-хозяйственной системы могут реализовывать нерыночные инновационные стратегии. Так, анализ опыта Китая показывает, что государственная собственность в стоимости таких предприятий позволяет смягчать влияние негативных факторов от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее – НИОКР) и тем самым положительно отражается на показателях эффективности инновационной деятельности [12].

Отмечается, что устойчивый рост возможен только при постоянном внедрении новых продуктов и услуг, трансформирующих рынки и создающих новые отрасли промышленности. Подчеркиваются

[5] Институт статистических исследований и экономики знаний. Индикаторы инновационной деятельности: 2024. Режим доступа: https://issek.hse.ru/news/907122654.html (дата обращения: 06.11.2024).

[6] Калмацкий М. Госзакупки помогают внедрять технологии в экономику России. Режим доступа: https://rg.ru/2024/05/15/import-gudbaj.html (дата обращения: 06.11.2024).

[7] Галиева Д. Борьба ненужного с некачественным. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6097215?ysclid=m1kbquxxha378659633 (дата обращения: 06.11.2024).

[8] Институт статистических исследований и экономики знаний. Факторы роста результативности инноваций. Режим доступа: https://issek.hse.ru/news/898314397.html (дата обращения: 06.11.2024).

значимость инноваций и их реализация в патентах и свидетельствах с точки зрения их влияния на рынок [10]. Упор на развитии институциональных взаимоотношений как перспективного направления трансформации российской практики предоставления государственного стимулирования в инновационной сфере на основе анализа российского и зарубежного опыта сделан в работе А.И. Александровой и А.А. Зайцева [13]. Спектр мер отечественной государственной поддержки инноваций в последние годы постоянно, пусть и не очень активно, расширяется: с 2016 г. осуществляется поддержка частных высокотехнологичных компаний-лидеров; в 2017 г. были усилены налоговые льготы на НИОКР; с 2018 г. отменен налог на движимое имущество организаций[9].

Одним из инструментов реализации государственной политики в научно-технологической сфере является механизм госзакупок, на который приходятся около 13 % валового внутреннего продукта и 29 % от общих государственных расходов в странах ОЭСР[10], что подтверждает его потенциал для решения широкого круга государственных задач, включая стимулирование инноваций [14]. Идея о том, что госзакупки могут активно использоваться для их стимулирования, достаточно активно обсуждается в европейской теории и практике [15]. В европейских нормативно-правовых актах и теоретико-методологических исследованиях подчеркивается необходимость расширения политики, стимулирующей спрос на инновации, в том числе посредством госзакупок. Такие инициативы в основном сосредоточены на секторах, в которых государство является стратегически значимым покупателем. В работе Э. Уярры и К. Фланагана на примере Великобритании подчеркивается важность госзакупок на национальном уровне не только как инструмента достижения большей эффективности расходов государственного сектора, но и как инструмента инноваций и локального экономического роста [15].

Реализация данного механизма предполагает приобретение товаров, работ и услуг непосредственно для государственных структур или для удовлетворения потребностей государства, в том числе в целях решения социальных задач. Такое воздействие на производственно-хозяйственную систему, выражаемое в форме запроса на приобретение товаров, работ услуг для конкретных пользователей нацеливает разработчиков и производителей на создание нового продукта с конкретно заданными функциями и свойствами, формируя спрос на него и тем самым стимулируя создание инноваций [15]. Он охватывает все сферы государственного управления и строится на сотрудничестве значительного числа производственно-хозяйственных субъектов. Эволюция функции закупок формирует новые возможности для государственного и частного секторов, сохраняя их прозрачность и открытость [16]. Посредством механизма вероятно частичное преодоление естественных провалов рынка, связанных с отсутствием и асимметрии в информации, доступной тем, кто намеревается создать или приобрести инновации. Также с помощью госзакупок государством могут формироваться новые рынки в перспективных, но не обладающих пока достаточным спросом областях, поддерживаться существующие нишевые и социально значимые рынки на различных этапах развития [15]. Использование процедур закупок позволяет существенно расширять масштаб для поддержки инноваций по сравнению с финансированием услуг в области исследований и разработок [17].

Считается, что впервые данный механизм стал применяться как инструмент инновационной политики государством в 2009 г., когда в Германии были внесены изменения в законодательство о закупках, что позволило государственным учреждениям указывать инновационные характеристики в качестве критериев отбора при проведении тендеров. В 2014 г. для стран Европейского союза (далее – ЕС) приняли закон, направленный на упрощение закупок инноваций, согласно которому было разрешено описание предмета закупки на уровне функциональных спецификаций, что снизило жесткость контрактов и обеспечило большую гибкость для поставщиков в предложении способов удовлетворения потребности.

Исследование объемов и масштаба закупок инновационной продукции в Российской Федерации (далее – РФ) за 2018–2023 гг. показывает, что данный механизм позволяет государству формировать спрос на определенные виды товаров, работ, услуг, устанавливая их ключевые характеристики и тем самым стимулируя развитие высокотехнологичных отраслей, поддерживая локализацию производств в субъектах РФ и инновационную активность отдельных территорий, отраслей, предприятий [18]. В работе В.В. Мельникова и И.Н. Карелина подтверждается позитивное влияние государственных и муниципальных закупок

[9] Институт статистических исследований и экономики знаний. Спрос на инструменты государственной инновационной политики со стороны предприятий высокотехнологичных отраслей. Режим доступа: https://issek.hse.ru/news/293711880.html (дата обращения: 06.11.2024).

[10] OECD. Global trends in government innovation 2023. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/global-trends-in-government-innovation-2023_0655b570-en.html (дата обращения: 05.11.2024).

на уровень занятости в регионе и уровень инновационной активности организаций [19]. Сейчас в российской практике достаточно схожий с ЕС подход при проведении процедуры. Наличие у участника необходимого опыта и других показателей, говорящих о его квалификации, анализируется как критерии, а на этапе оценки заказчики ориентируются уже на ценовые показатели и качество предлагаемой продукции [20].

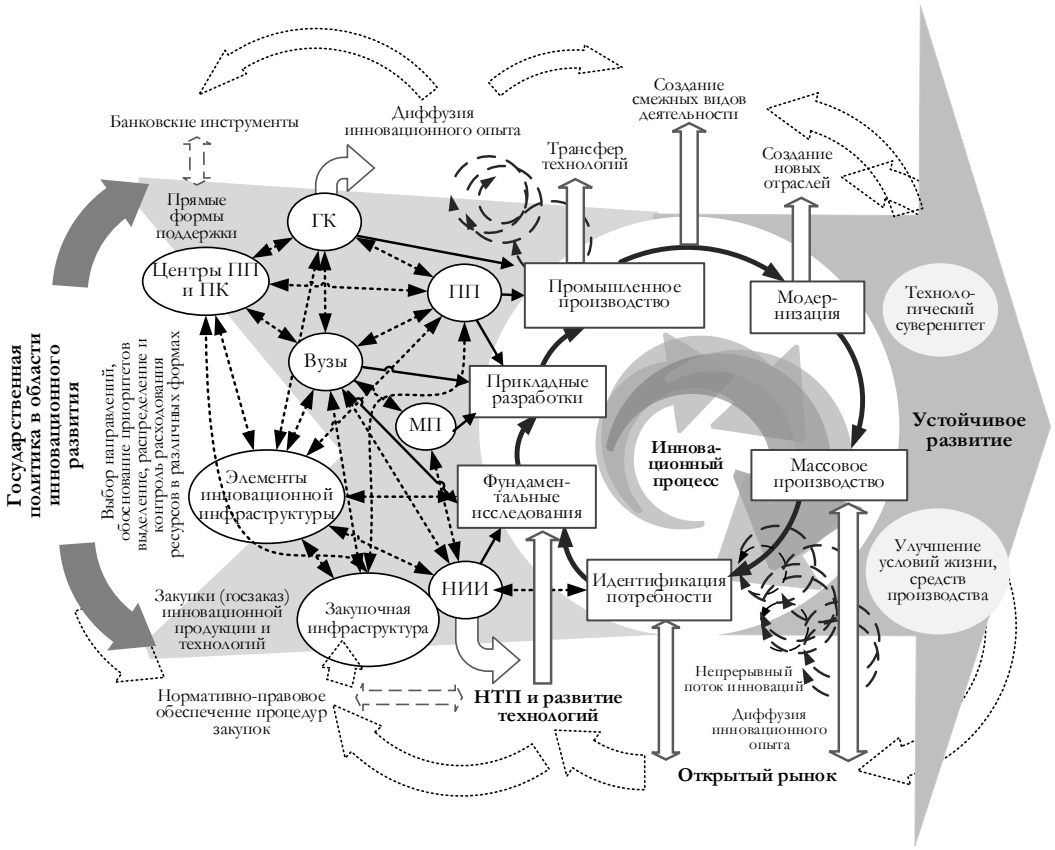
В то же время в работе Д. Чарницки, П. Хюнермунда и Н. Мошбара отмечается, что такой механизм в основном стимулирует инновации улучшающего характера, а не радикальные и прорывные [21]. Помимо тенденции к переходу госзакупок в электронную среду, отмечается также изменение общего характера взаимоотношений между государственными заказчиками и коммерческими поставщиками в связи с их ориентацией больше на исполнение контракта в условиях лимитированных ресурсов, чем на построение крепких партнерских отношений. Заказчики сфокусированы на снижении стоимости исполнения, что ведет к повышению интенсивности ценовой конкуренции среди поставщиков, а не удовлетворения потребности [22]. Исследователи отмечают ограничения в измерении эффектов от инноваций в данном случае, а также существующие слабые места в некоторых процедурах реализации [23], связанные с широким спектром закупаемой государственным сектором продукции и с разнообразным характером инноваций [15]. Недостаток знаний, навыков и квалификации персонала, занятого в сфере закупок, был определен как важный барьер для использования механизма в области инноваций [17]. Кроме того, объемы средств на закупку на разных уровнях управления и в зависимости от региона существенно отличаются, что не делает данный инструмент универсальным и требует учета отмечаемой специфики. Также ввиду того, что госзакупки достаточно часто направлены на достижение целого ряда политических целей, необходимо особое внимание уделять балансировке интересов стейкхолдеров и оптимизации задействованных ресурсных возможностей. Требуются в рамках реализации механизма координация и приоритезация консолидированных усилий и ресурсов, а также сотрудничества внутри государственных структур и при взаимодействии с другими участниками производственно-хозяйственной системы [15]. В текущих условиях возрастает внимание к адресности, целевой и системной направленности, избирательности и конкурентному партнерству в рамках инновационной политики для структурных преобразований в социальной и производственной сферах.

Это позволяет говорить о том, что реализация мер по стимулированию создания и коммерциализации инноваций является одним из ключевых направлений национальной политики в стратегической перспективе. В то же время в существующих формах участия ГК в инновационных процессах и других инструментах реализации государственных управленческих воздействий на данные процессы можно выделить ряд точек потенциального роста эффективности с учетом изменений во внешних условиях и самих производственно-хозяйственных субъектах. Так, государственная поддержка в данной области не всегда учитывает состояние участников инновационной экосистемы и динамику этих изменений с точки зрения развития инновационного потенциала системы в стратегической перспективе.

РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ МЕХАНИЗМА ГОСЗАКУПКИ

Схематично комплекс мер участия государства в области стимулирования и обеспечения реализации инновационных процессов на основе проведенного анализа можно обобщить в следующих направлениях, как представлено на рисунке.

Несмотря на ключевую роль инноваций для решения задач национальной конкурентоспособности и технологического суверенитета совокупность инструментов государственных структур и масштаб их применения в данной области достаточно ограничены. Эти возможности можно обобщить в двух основных направлениях: непосредственная адресная поддержка отдельных производственно-хозяйственных субъектов в различной форме и государственный заказ на создание инновационного продукта, работы, услуги. Государство через организационные, налоговые, субсидиарные, грантовые программы и иные механизмы оказывает самим производителям непосредственную финансовую, кадровую, организационную и информационную поддержку. С другой стороны, оно как один достаточно крупный покупатель или несколько более мелких покупателей через предприятия с государственным участием может выступить в качестве заказчика инновационного продукта, работы, услуги, таким образом выражая намерение закупить критическое множество инновационных продуктов, если промышленность имеет возможность вывести их на рынок с предопределенными требованиями к цене/качеству к конкретной дате, и тем самым стимулируя их создание и производство с необходимыми на данный момент характеристиками.



Примечание: НИИ – научно-исследовательские институты; ПП – промышленные предприятия; МП – малые предприятия; центры ПП и ПК – центры переподготовки и повышения квалификации; НТП – научно-технический прогресс

Составлено авторами по материалам исследования

Рисунок. Ключевые направления реализации комплекса мер государственного участия в области стимулирования и поддержки инновационного производства

Сейчас при выборе объекта и масштаба поддержки в рамках механизма госзакупки взаимовлияние отдельных ресурсов производственно-хозяйственных субъектов, сила связи и динамика ее изменений практически не учитываются. Вместе с тем, как показывает анализ специфики современных инновационных процессов и тенденций трансформаций внешней среды, данные характеристики и факторы, их обусловливающие, имеют существенное значение. Многие из современных инноваций технологически достаточно сложные, дорогостоящие и рисковые по своей природе, что предполагает распределение этапов их создания между отдельными производственно-хозяйственными субъектами и дальнейшую совместную работу по внедрению изменений и управлению ими. Причем данные интеграционные процессы сейчас наблюдаются сразу в двух направлениях: в горизонтальном и между этапами жизненного цикла нововведения. Современный инновационный процесс объединяет взаимодействие субъектов бизнеса, науки и государства на предпроизводственной, производственной и послепроизводственной стадиях. Все совокупности данных связей и направления их изменений, а также интересы отдельных участников производственно-хозяйственной системы нуждаются в синхронизации этапов и функций. Следовательно, приоритет в использовании ресурсных возможностей государства необходимо нацелить на инициацию, усиление и поддержку данных направлений, в том числе посредством стимулирования закупки товаров, работ, услуг с учетом степени их инновативности.

ПРИОРИТЕЗАЦИЯ МЕР НА ОСНОВЕ ЗНАЧИМОСТИ ИННОВАЦИЙ

В совокупности с ростом значимости взаимосвязей и взаимовлияния отдельных производственно-хозяйствующих субъектов, а также динамики данных процессов и их воздействия на результативность инновационной деятельности учет степени инновативности позволит выстроить систему приоритезации. Это важно ввиду срочности решения стоящих перед государством в настоящее время задач и ограниченности ресурсов.

В связи с этим возможно выделить три группы инноваций по степени значимости, влияющие:

– на результативность функционирования отдельного участника производственно-хозяйственной деятельности и эффективность бизнес-процессов в его рамках (локальные);

– на производственно-хозяйственную цепочку участников в рамках государственных компаний (концентрированные);

– на всю производственно-хозяйственную цепочку и ее территорию локализации (масштабные).

Реализация третьего направления самая значительная, но она позволяет, помимо получения прямых преимуществ, также извлекать косвенные синергетические, кумулятивные и мультипликативные эффекты в стратегической перспективе. Для государства они найдут выражение в росте поступлений от налогов, развитии производств, создании технологий и рынков, в снижении безработицы и повышении качества жизни населения в целом.

Выделенные группы инноваций по степени значимости представляется перспективным учитывать в рамках механизма госзакупок при стимулировании деятельности государственных структур в данной области, реализации программ стратегического научно-технологического развития. Это возможно с использованием когнитивных карт, которые позволяют определять влияние одного концепта на другой и на систему в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом инновации имеют существенное значение и пронизывают деятельность практически всех производственно-хозяйственных субъектов. Особую роль они играют в производственных процессах на предприятиях с государственным участием, где не только являются основой конкурентоспособности и устойчивого роста их самих, но и определяют научно-технологическое развитие, суверенитет и национальные интересы. Изменения субъектов и внешних условий, отмечаемые в последнее время, а также их скорость и резкий характер привели к невозможности и достаточно низкой эффективности существующих мер поддержки инновационного развития со стороны государства. Ограниченность временных и других видов ресурсов при решении задач, стоящих перед государством в настоящее время, в области научно-технического развития, конкурентоспособности и технологического суверенитета определяют необходимость разработки инструментов с опорой на взаимодействие отдельных участников инновационного процесса и динамику их изменений.

В настоящее время ГК осуществляют большую работу по инициации и созданию инновационных идей, разработок и предложений, а также по обеспечению их оптимальной с точки зрения временных и других видов ресурсов коммерциализации. В тоже время необходимо подчеркнуть, что на современном этапе эффективная реализация инновационных процессов невозможна в рамках одного производственно-хозяйственного субъекта. Существенный потенциал роста скорости и сокращения затрат при их реализации лежит в области получения эффектов от интеграции в рамках цепочек создания стоимости. Следовательно, возникает потребность в разработке инструментов задействования имеющихся ресурсных возможностей государства различного рода для содействия росту инноваций.

Определение приоритетов в реализации мер по стимулированию создания и коммерциализации инноваций является одним из ключевых направлений национальной политики в стратегической перспективе. В то же время в существующих формах участия ГК в инновационных процессах и других инструментах реализации государственных управленческих воздействий на эти процессы можно выделить ряд точек потенциального роста эффективности с учетом изменений во внешних условиях и самих производственно-хозяйственных субъектах. Так, государственная поддержка в данной области не всегда учитывает взаимодействие участников инновационной экосистемы и динамику этих изменений с точки зрения развития инновационного потенциала системы в стратегической перспективе.

В рамках данного исследования был проведен анализ мер участия государства в области стимулирования и обеспечения реализации инновационных процессов. Обобщены ключевые направления влияния государства на осуществление и эффективность данных процессов. Обосновано выделение групп инноваций исходя из их значимости. Концентрация внимания и ресурсов в двух обозначенных направлениях должна быть осуществлена при разработке и реализации управленческих мер по инновационному развитию. Выделенные в статье группы надо учитывать в рамках механизма госзакупок при стимулировании инновационной деятельности государственными структурами, при реализации программ

научно-технологического развития. Это возможно с использованием когнитивных карт, которые позволяют определять влияние одного концепта на другой и на систему в целом.

Список литературы

1. *Chernova G.V., Kalayda S.A., Khalin V.G., Yurkov A.V.* Matters of economic ecosystem classification. Journal of Applied Informatics. 2021;1(91(16):69–82. https://doi.org/10.37791/2687-0649-2021-16-1-69-82
2. *Чемезов С.В., Коптев Ю.Н., Волобуев Н.А., Каширин А.И.* О Концепции опережающего инновационного развития и глобального технологического превосходства ГК «Ростех». Инновации. 2023;1(291):3–14.
3. *Кириллова Е.А., Даниленко Н.А.* Критический анализ факторов, определяющих устойчивое развитие территорий в стратегической перспективе. Вестник университета. 2021;11:110–123. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-110-123
4. *Курченков В.В., Макаренко О.С.* Стратегические приоритеты развития государственных корпораций российской экономики в современных условиях. Вестник Волгоградского государственного университета. Экономика. 2021;3(23):5–15. https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.3.1
5. *Матвеева Н.С.* Обеспечение инновационного развития через стратегии импортозамещения, реализуемые государственными корпорациями. Экономика и бизнес: теория и практика. 2022;10–2:63–81. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-10-2-63-81
6. *Rosário C., Varum C., Botelho A.* Impact of public support for innovation on company performance: review and meta-analysis. Sustainability. 2022;8(14). https://doi.org/10.3390/su14084731
7. *Дегтярева И.В., Марьина А.В., Шалина О.И.* Влияние государства на инновационные процессы. Вопросы современной экономики. 2013;1(1):49–58.
8. *Wang F., Stoianova O.V.* Modeling the effect of e-service quality and knowledge culture on employee performance: a SEM approach based on survey data from Chinese real estate industry. Journal of Applied Informatics. 2023;5(107(18):5–19. https://doi.org/10.37791/2687-0649-2023-18-5-5-19
9. *Заенчковский А.Э.* Организационно-логистическое управление начальными стадиями инновационного процесса в региональных промышленных комплексах с использованием методов коллективной экспертизы. Научное обозрение. 2013;6:183–189.
10. *Fuerlinger G., Fandl U., Funke T.* The role of the state in the entrepreneurship ecosystem: insights from Germany. Triple Helix. 2015;2(1). https://doi.org/10.1186/s40604-014-0015-9
11. *Feldman M.P., Kogler D.F.* The contribution of public entities to innovation and technological change. In: Handbook of technology and innovation management. Hoboken: John Wiley & Sons; 2008. Pp. 431–459.
12. *Yi J., Hong J., Hsu W.Ch., Wang Ch.* The role of state ownership and institutions in the innovation performance of emerging market enterprises: evidence from China. Technovation. 2017;62–63:4–13. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2017.04.002
13. *Александрова А.И., Зайцев А.А.* Меры государственного стимулирования инновационных процессов: российский аспект и зарубежная практика. Естественно-гуманитарные исследования. 2020;32(6):27–35. https://doi.org/10.24412/2309-4788-2020-10683
14. *Dai X., Li Ya., Chen K.* Direct demand-pull and indirect certification effects of public procurement for innovation. Technovation. 2021;101. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2020.102198
15. *Uyarra E., Flanagan K.* Understanding the innovation impacts of public procurement. European Planning Studies. 2010;1(18):123–143. https://doi.org/10.1080/09654310903343567
16. *Uyarra E., Zabala-Iturriagagoitia J.M., Flanagan K., Magro E.* Public procurement, innovation and industrial policy: rationales, roles, capabilities and implementation. Research Policy. 2020;1(49). https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.103844
17. *Lenderink B., Halman J.I.M., Voordijk H.* Innovation and public procurement: from fragmentation to synthesis on concepts, rationales and approaches. Innovation: the European Journal of Social Science Research. 2019;35:650–674. https://doi.org/10.1080/13511610.2019.1700101
18. *Кашин Д.В., Вилкова М.Н., Заворохина А.П., Петрова П.А., Подгоренко Ю.П., Тиллашайхов Д.Р.У.* Государственные закупки инноваций в России. Вопросы государственного и муниципального управления. 2024;2:129–156. https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-129-156
19. *Мельников В.В., Карелин И.Н.* Государственные закупки как инструмент экономической политики. Журнал институциональных исследований. 2021;2(13):100–115. https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.2.100-115
20. *Тихомиров П.А.* Квалификация участника в 223-ФЗ: отборочное требование или критерий оценки. Что правильнее? Госзаказ: управление, размещение, обеспечение. 2020;60:76–83.

21. *Czarnitzki D., Hünermund P., Moshgbar N.* Public procurement of innovation: evidence from a German legislative reform. International Journal of Industrial Organization. 2020;71. https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2020.102620
22. *Умнова М.Г., Лаврентьева О.П., Измякова А.В.* Тенденции развития и проблемы управления в сфере государственных закупок. Креативная экономика. 2021;6(15):2693–2712. https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112286
23. *Obwegeser N., Müller S.D.* Innovation and public procurement: Terminology, concepts, and applications. Technovation. 2018;74–75. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2018.02.015

References

1. *Chernova G.V., Kalayda S.A., Khalin V.G., Yurkov A.V.* Matters of economic ecosystem classification. Journal of Applied Informatics. 2021;1(91(16):69–82. (In Russian). https://doi.org/10.37791/2687-0649-2021-16-1-69-82
2. *Chemezov S.V., Koptev Yu.N., Volobuev N.A., Kashirin A.I.* On the Concept of advanced innovative development and global technological superiority of Rostec Corporation. Innovations. 2023;1(291):3–14. (In Russian).
3. *Kirillova E.A., Danilenko N.A.* Critical analysis of factors determining sustainable development of territories in a strategic perspective. Vestnik universiteta. 2021;11:110–123. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-11-110-123
4. *Kurchenkov V.V., Makarenko O.S.* Strategic priorities for the development of state corporations of the Russian economy in modern conditions. Journal of Volgograd State University. Economics. 2021;3(23):5–15. (In Russian). https://doi.org/10.15688/ek.jvolsu.2021.3.1
5. *Matveeva N.S.* Provision of innovative development through import substitution strategies implemented by state corporations. Economy and business: theory and practice. 2022;10–2:63–81. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-10-2-63-81
6. *Rosário C., Varum C., Botelho A.* Impact of public support for innovation on company performance: review and meta-analysis. Sustainability. 2022;8(14). https://doi.org/10.3390/su14084731
7. *Degtyareva I.V., Marjina A.V., Shalina O.I.* The influence of state on the innovative processes. Journal of Contemporary Economics Issues. 2013;1(1):49–58. (In Russian).
8. *Wang F., Stoianova O.V.* Modeling the effect of e-service quality and knowledge culture on employee performance: a SEM approach based on survey data from Chinese real estate industry. Journal of Applied Informatics. 2023;5(107(18):5–19. https://doi.org/10.37791/2687-0649-2023-18-5-5-19
9. *Zaenchkovsky A.E.* Organizational-logistic management of the initial stages of innovative process in regional industrial complexes with the usage of collective expert assessment methods. Scientific Review. 2013;6:183–189. (In Russian).
10. *Fuerlinger G., Fandl U., Funke T.* The role of the state in the entrepreneurship ecosystem: insights from Germany. Triple Helix. 2015;2(1). https://doi.org/10.1186/s40604-014-0015-9
11. *Feldman M.P., Kogler D.F.* The contribution of public entities to innovation and technological change. In: Handbook of technology and innovation management. Hoboken: John Wiley & Sons; 2008. Pp. 431–459.
12. *Yi J., Hong J., Hsu W.Ch., Wang Ch.* The role of state ownership and institutions in the innovation performance of emerging market enterprises: evidence from China. Technovation. 2017;62–63:4–13. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2017.04.002
13. *Alexandrova A.I., Zaytsev A.A.* Measures of state stimulation of innovative processes: Russian aspect and foreign practice. Natural-Humanitarian Studies. 2020;32(6):27–35. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2309-4788-2020-10683
14. *Dai X., Li Ya., Chen K.* Direct demand-pull and indirect certification effects of public procurement for innovation. Technovation. 2021;101. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2020.102198
15. *Uyarra E., Flanagan K.* Understanding the innovation impacts of public procurement. European Planning Studies. 2010;1(18):123–143. https://doi.org/10.1080/09654310903343567
16. *Uyarra E., Zabala-Iturriagagoitia J.M., Flanagan K., Magro E.* Public procurement, innovation and industrial policy: rationales, roles, capabilities and implementation. Research Policy. 2020;1(49). https://doi.org/10.1016/j.respol.2019.103844
17. *Lenderink B., Halman J.I.M., Voordijk H.* Innovation and public procurement: from fragmentation to synthesis on concepts, rationales and approaches. Innovation: the European Journal of Social Science Research. 2019;35:650–674. https://doi.org/10.1080/13511610.2019.1700101
18. *Kashin D.V., Vilkova M.N., Zavorokhina A.P., Petrova P.A., Podgorenko Yu.P., Tillashaikhov D.R.* Public procurement of innovations in Russia. Public Administration Issues. 2024;2:129–156. (In Russian). https://doi.org/10.17323/1999-5431-2024-0-2-129-156
19. *Melnikov V.V., Karelin I.N.* Public procurement as economic policy tool. Journal of Institutional Studies. 2021;2(13):100–115. (In Russian). https://doi.org/10.17835/2076-6297.2021.13.2.100-115

20. *Tikhomirov P.A.* Qualification of a participant in 223-FL: qualifying requirement or evaluation criterion. Which is more correct? State order: management, placement, provision. 2020;60:76–83. (In Russian).
21. *Czarnitzki D., Hünermund P., Moshgbar N.* Public procurement of innovation: evidence from a German legislative reform. International Journal of Industrial Organization. 2020;71. https://doi.org/10.1016/j.ijindorg.2020.102620
22. *Umnova M.G., Lavrenteva O.I., Izmyakova A.V.* Development trends and management problems in the field of public procurement. Journal of Creative Economy. 2021;6(15):2693–2712. (In Russian). https://doi.org/10.18334/ce.15.6.112286
23. *Obwegeser N., Müller S.D.* Innovation and public procurement: Terminology, concepts, and applications. Technovation. 2018;74–75. https://doi.org/10.1016/j.technovation.2018.02.015

УДК 332 JEL M11, M21, O31, O33 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-83-90

Роль инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов

Симонов Сергей Валентинович

Канд. экон. наук, преп. высшей школы бизнеса и технологий
ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: simonov_sv@rambler.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе рассмотрены инновации, которые являются одним из основных способов развития инновационного предпринимательства в регионе. Они выступают основополагающим направлением для роста инновационного потенциала российских регионов и региональных экономических систем как основного элемента эффективного развития инновационного предпринимательства в субъекте. В проведенном исследовании рассмотрены базовые инструменты и методы по формированию эффективного механизма для оценки роли рассматриваемого явления, способствующего экономическому росту регионов. Основное внимание в изучении данной проблемы было уделено систематизации методологических подходов к исследованию развития инновационного предпринимательства. Проведенное исследование оказывает существенное влияние на дальнейшее изучение направлений по формированию инновационного потенциала и инновационного развития региона как основы для увеличения экономического роста российских субъектов. Внедрение и использование различных оценок, диагностик и их реализация при внедрении инновационного предпринимательства для прогрессивных изменений региона и его экономического роста. Результаты проведенного исследования можно использовать при оценке роли инновационного предпринимательства в экономическом развитии российских субъектов. Исследование позволило по-новому интерпретировать рассматриваемое явление как интегрированную систему управления предпринимательством.

Ключевые слова

Инновации, российский регион, предпринимательство, экономический рост, экономический рост регионов, инновационное предпринимательство, виды экономической деятельности

Для цитирования: Симонов С.В. Роль инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов// Вестник университета. 2025. № 1. С. 83–90.

© Симонов С.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Role of innovative entrepreneurship in the economic growth of regions

Sergej V. Simonov

Cand. Sci. (Econ.), Lecturer of the Higher School of Business and Technology
ORCID: 0009-0008-5145-9352, e-mail: simonov_sv@rambler.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The article discusses innovations which are one of the main ways to develop innovative entrepreneurship in the region. They act as a fundamental direction for the growth of innovative potential of Russian regions and regional economic systems as the main element of the effective innovative entrepreneurship development in the entity. The conducted research examines basic tools and methods for the formation of an effective mechanism for assessing the role of the phenomenon in question that contributes to the economic growth of regions. The main attention in observing this problem is paid to systematisation of methodological approaches to the study of the innovative entrepreneurship development. The research has a significant impact on the further study of areas for the formation of the innovative potential and innovative development of the region as the basis for increasing the economic growth of the Russian regions. Introduction and use of various assessments, diagnostics and their realisation in the implementation of the innovative entrepreneurship for progressive changes of the region and its economic growth. The results of the study can be used to assess the role of the innovative entrepreneurship in the economic growth of the Russian subjects. It has allowed for a new interpretation of the phenomenon in question as an integrated business management system.

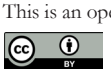
Keywords

Innovation, Russian region, entrepreneurship, economic growth, regional economic growth, innovative entrepreneurship, economic activities

For citation: Simonov S.V. (2025) Role of innovative entrepreneurship in the economic growth of regions. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 83–90.

© Simonov S.V., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).



ВВЕДЕНИЕ

При рассмотрении и оценке уровня значения инновационного предпринимательства в региональной экономике было однозначно выявлено, что приуменьшить его роль нереально, так как оно выступает фактором, способствующим экономическому росту российских регионов. Поскольку эта роль выступает ведущей и основополагающей, главное направление благоприятствует экономическому росту при эффективном развитии экономики российских регионов, а также стабилизации конкурентной среды для результативности хозяйственной деятельности организаций субъекта [1; 2]. На современном этапе развития экономики регионов Российской Федрации (далее – РФ, Россия) каждый хозяйствующий субъект стремиться максимально использовать в своей деятельности инновации и инновационные технологии, которые способствуют прогрессивным изменениям региональных систем в России.

Уровень развития российской экономики сейчас находится на стадии конкурентной и стремительно изменяющейся экономики, и это связано с необходимостью совершенствования социально-экономических систем хозяйствующих субъектов, производственных комплексов, региональных систем и страны в целом [3]. Нестандартные разработки постоянно выступают основой инновационной экономики. Помимо этого, она базируется на применении и внедрении новых инновационных разработок и открытий. При этом внедрение инноваций в производственные процессы и в деятельность хозяйствующих субъектов основывается на новых знаниях и умениях. Эффективное развитие российских региональных систем на современном этапе направлено на достижение необходимого уровня их конкурентоспособности. Рост результативности невозможен без развития инновационного предпринимательства. Однако использование различных инновационных способов благоприятствует рациональной организации деятельности за счет эффективной реализации накопленного потенциала инноваций в производственно-экономической системе [3; 4].

Уровни использования, а также внедрения инновационного потенциала [2] в системе оценки уровня развития регионов способствуют росту эффективности их деятельности, помогают получить дополнительные конкурентные преференции, но на современном этапе этот фактор развития инновационной активности как фактор инвестиционной привлекательности нечасто применяется в качестве современного драйвера, благоприятствующего прогрессивным изменениям региональных систем. Также отсутствует система сравнительной оценки уровня эффективности реализации инновационного потенциала регионов [1; 2; 4].

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Наибольший вклад в процесс изучения темы исследования был внесен такими зарубежными учеными, как Ф. Хайек, Й. Шумпетер, Д. Белл, М. Вебер, В. Зомбарт, А. Смит и др., а также отечественными: Д.С. Львов, Г.Г. Фетисов, Л.К. Гуриева и др.

Система к оценке эффективности применения инновационного потенциала хозяйствующих субъектов и регионов в целом осуществлялась на основании трудов исследователей, таких как В.В. Авдеев, Ю.Н. Андреев, А.Ф. Габитов, В.С. Клебанер, А.В. Ламанов, Д.В. Гибсон, Д.К. Гэлбрейт, И.Г. Дежина, С.Г. Поляков, В.В. Радаев, Ю.В. Яковец, А.И. Татаркин, А.А. Шапошников и др.

Современный этап развития российской экономики и ее региональных экономических звеньев активно изучается учеными. Осуществляемые исследования и научные разработки, реализуемые в настоящее время в рамках темы работы, изучены не в полном объеме и не имеют четко сформулированных понятий и методов, а также систем их оценки.

Актуальность наличия проблем по анализу роли инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов определила цель и задачи исследования [5]. В соответствии с указанной целью в работе поставлены и решены задачи по проведению оценки по формированию цифровой среды бизнес-коммуникаций, стимулирующей результативность инновационной деятельности субъектов хозяйствования.

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В работе мы используем системный анализ, а также методы сравнения и сопоставления. Они позволяют рассмотреть процессы, происходящие в современной экономике, с учетом как положительных, так и отрицательных составляющих, оказывающих влияние на развитие инновационной привлекательности

регионов посредством привлечения инвестиций. Предложенные в работе методические подходы по оценке роли инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов выступают основой развития российских субъектов, инструментов и методов стимулирования.

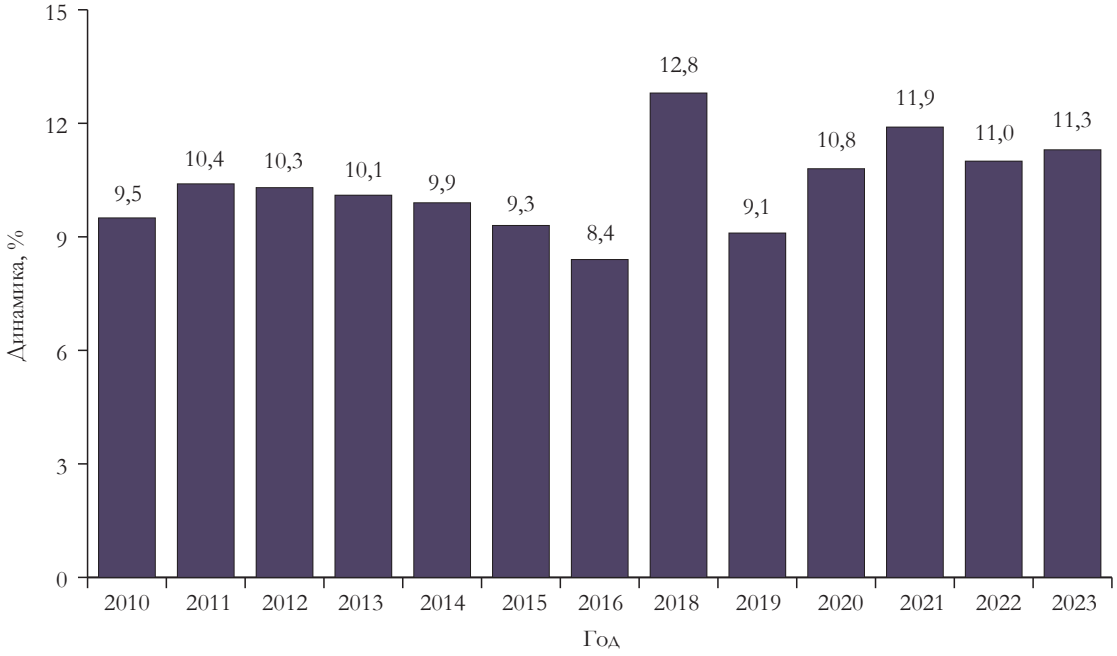
Для исследования использовалась информация из источников правового направления – это нормативно-правовая база инновационной сферы федеральных органов государственной власти России, официальные данные и отчеты Федеральной службы государственной статистики РФ, электронные ресурсы, а также экономические научные разработки, опубликованные в открытой печати, как отечественных, так и зарубежных ученых, ведущих специалистов и производственников по различным видам экономической деятельности [2].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Переход на инновационный путь развития достигается исключительно посредством применения новых и, даже можно сказать, прорывных технологий, способствующих существенному росту производственных процессов и не только. В целом уровень регионов по внедрению инноваций и цифровых технологий сводится к оценке таких составляющих, как научная составляющая, уровень развития инновационной инфраструктуры в динамике, инновационного предпринимательства и, конечно, расходы на обучение кадров и непосредственно внедрение цифровых и инновационных технологий. По различным критериям, характеризующим уровень инноваций в регионе, они все были разделены на группы. У каждой последующей группы уровень инновационного развития снижается [1; 6].

Особое значение в сложившихся условиях развития хозяйствующих субъектов и региональных систем посредством внедрения инноваций и повышения инвестиционной привлекательности региона приобретают взаимные связи инновационного потенциала и объема привлекаемых инвестиций в рамках системного подхода, способных выявить отдельные элементы потенциала хозяйствующих субъектов, такие как технический, научный, производственный и пр. [7–9].

Рассмотрим изменения основных составляющих общего уровня инвестиционной привлекательности, который на конец исследуемого периода показал положительную тенденцию (рис. 1).

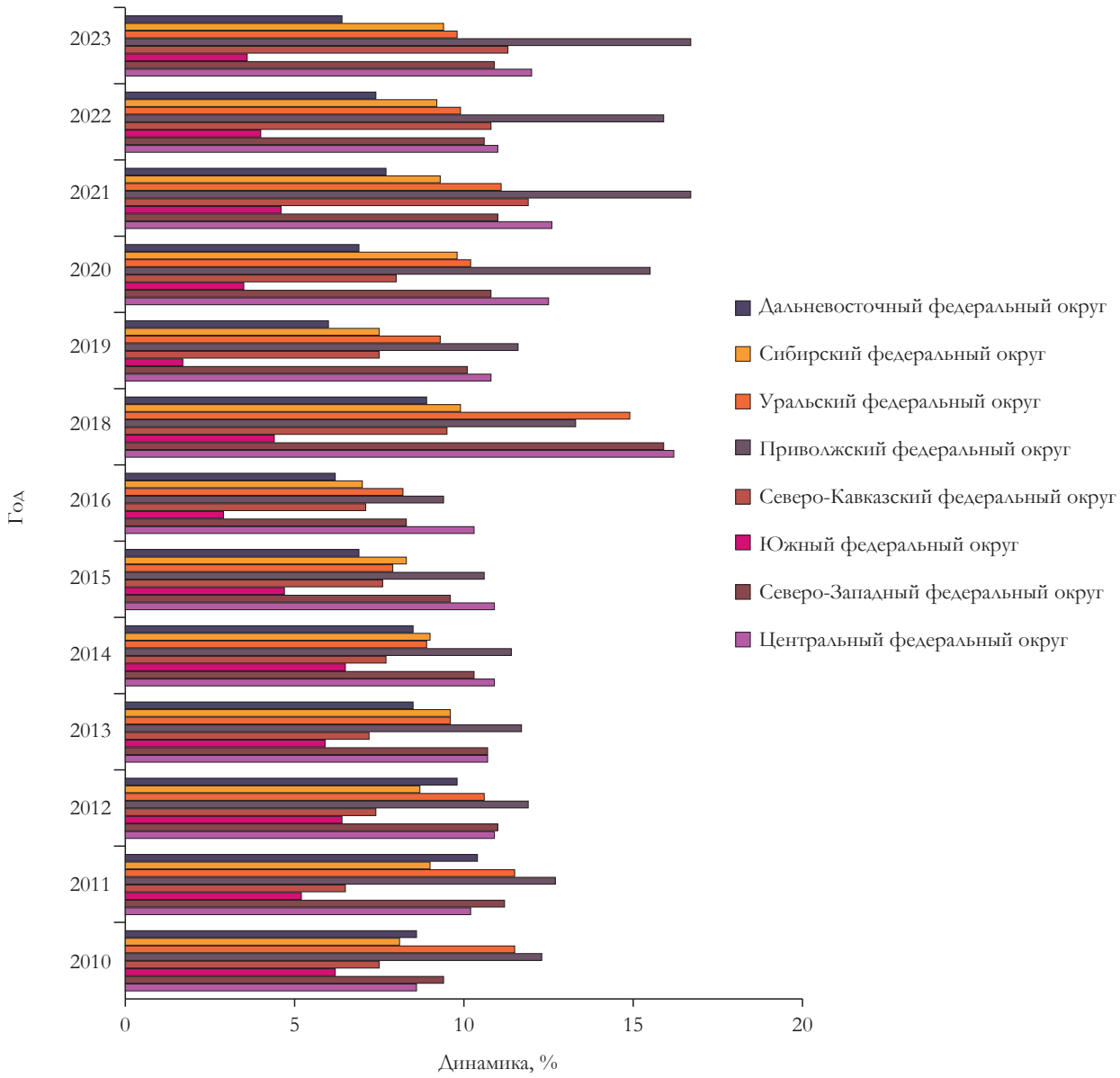


Составлено автором по материалам источника [10]

Рис.1. Динамика уровня инновационной активности в России

Как видно, максимальное значение уровня инновационной активности было достигнуто в 2018 г., минимальное – в 2016 г. и составило 8,4 %. Начиная с 2019 г. данный показатель имеет тенденцию к росту с незначительным снижением с 2019 г.

Рассмотрим уровень показателя по федеральным округам (рис. 2).



Составлено автором по материалам источника [10]

Рис. 2. Динамика уровня инновационной активности России по округам

Лидирующие позиции по данным, представленным на графике, к 2023 г. занимал Приволжский федеральный округ. До 2016 г. включительно уровень данного показателя по округам оставался практически без изменений. Рост уровня инновационной активности хозяйствующих субъектов российские округа продемонстрировали с 2018 г.

В связи с этими показателями можно решить задачи на основе оценки уровня эффективности реализации накопленного инновационного потенциала, такие как:

– анализ возможных направлений по ее эффективности;

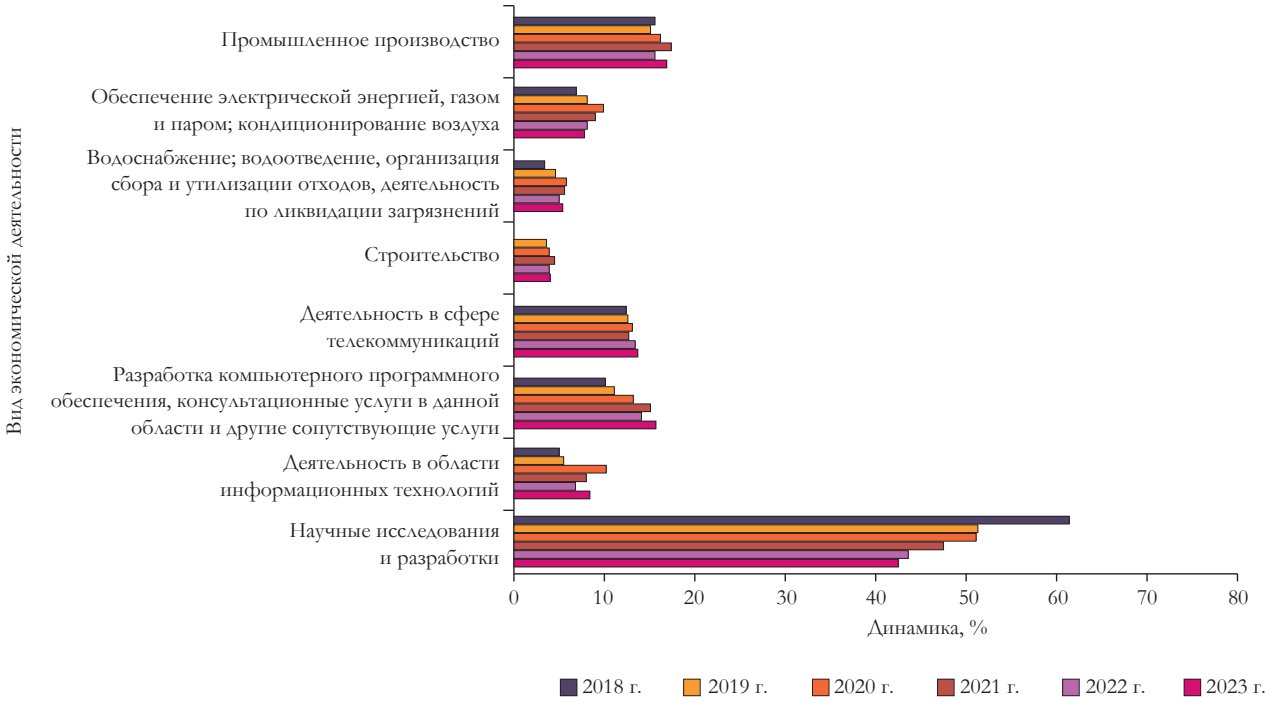
– создание механизма инновационной деятельности с оценкой потенциальной составляющей деятельности;

– систематизация по эффективным направлениям применения инновационной стратегии и инструментарий ее реализации.

Существенный недостаток ликвидных финансовых ресурсов и финансовых потоков, позволяющих пополнить и обновить производственные фонды, осложнение геополитической обстановки, санкции и сложившаяся в результате напряженная геополитическая ситуация в экономике страны, увеличение на предприятиях товарно-материальных запасов – все это способствует ограничению спроса на производимую металлургической отраслью продукцию.

Исходя из теоретической и практической составляющих проведенного исследования, предлагаем рассматривать модель оценки повышения уровня инновационных стимулов для инвестиционного климата региона, основанную на оценке параметров главных компонентных составляющих потенциала хозяйствующего субъекта как фактора инвестиционной привлекательности в настоящем и перспективном периодах инновационной активности хозяйствующих субъектов и региональных систем.

Для полноты исследования рассмотрим уровень инновационной активности по видам экономической деятельности (рис. 3).



Составлено автором по материалам источника [10]

Рис. 3. Динамика уровня инновационной активности организаций по видам экономической деятельности в РФ

Наибольший удельный вес уровня инновационной активности организаций по видам экономической деятельности на протяжении исследуемого периода приходится на научные исследования и разработки. На втором месте находится промышленное производство, и тройку лидеров закрывают деятельность в сфере коммуникаций и разработка компьютерного программного обеспечения, консультационные и другие услуги в данной области. По остальным видам экономической деятельности уровень рассматриваемого показателя существенно ниже.

Российские хозяйствующие субъекты имеют значительное отставание от аналогичных иностранных субъектов, и связано это не только с нежеланием потенциальных инвесторов осуществлять инвестиционные вложения во внедрение различных инноваций и цифровых технологий [8]. По нашему мнению, переход на инновационный путь развития можно осуществить, только применяя цифровые и инновационные технологии, которые способствуют эффективному использованию научно-технических разработок, созданию и развитию объектов интеллектуальной собственности и привлечению реальных финансовых ресурсов. Современные условия и тенденции происходящих процессов в производственно-экономических системах [2] свидетельствуют о том, что для оптимального и эффективного развития хозяйствующих субъектов имеются факторы, способные приостановить внедрение инноваций в деятельность хозяйствующего субъекта и региональных систем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из проведенного анализа роли инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов, а также применения инновационного потенциала, способствующих развитию хозяйствующих субъектов, отметим следующее. Все это вызывает необходимость уделять особое внимание научным

исследованиям, проводимым ввиду усиления роли инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов и процессов внедрения инновационных технологий, направлений применения инноваций и различных цифровых технологий на длительную и краткосрочную перспективы посредством привлечения дополнительных финансовых ресурсов.

Оценка влияния инновационных стимулов на инвестиционный климат субъекта выступает основой для привлечения инвестиций и эффективного экономического развития, на базе которой разрабатываются и формируются различные стратегии развития отдельных территориальных единиц и пр. Подход оценки инновационного предпринимательства в экономическом росте регионов заключается в создании благоприятных условий для улучшения и передачи инновационных идей.

По результатам своевременного и качественного анализа влияния инновационных стимулов на экономический климат региона через уровень внедрения инноваций в производственные процессы выделены основные направления и элементы, связанные со спецификой его функционирования, в зависимости от вида экономической деятельности, как качественная составляющая экономической привлекательности хозяйствующего субъекта и российских субъектов в целом. Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что устойчивое развитие хозяйствующих субъектов посредством привлечения финансовых потоков как следствие эффективного внедрения инноваций – это концепция экономического роста, на основе которой разрабатываются стратегии развития региональных систем и хозяйствующих субъектов внутри российских регионов.

Список литературы

1. *Лебедев В.В., Терпугов А.Е.* Сравнительный анализ современных теоретических подходов к устойчивому развитию экономики. Вестник университета. 2024;6:145–151. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-145-151
2. *Коркин М.А.* Развитие методов оценки эффективности инновационного потенциала региональных промышленных предприятий. Дис. … канд. экон. наук: 5.2.3. М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; 2024. 184 с.
3. *Теребова С.В., Иванов С.А.* Оценка вклада инновационных организаций в экономику российских регионов. Вопросы инновационной экономики. 2022;4(12):2249–2268. https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116754
4. *Фалейчик А.М., Забелина И.А.* Роль инновационной деятельности в экономическом развитии восточных регионов Российской Федерации: экономико-статистический анализ. Вопросы статистики. 2023;2(30):23–42. https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-23-42
5. *Андреева Н.В., Залозная Г.М., Огородникова Е.П.* Привлекательность инвестиционных проектов аграрного сектора экономики. В кн.: Управление проектами развития сельских территорий: материалы V национальной научно-практической конференции, Краснодар, 11 апреля 2024 г. Краснодар: Краснодарский центр научно-технической информации; 2024. С. 26–33.
6. *Воронцова Ю.В.* Проблемы развития национальной инновационной системы РФ. Теоретическая экономика. 2020;2(62):26–33.
7. *Ченцова Е.П., Ченцов М.С.* Особенности инновационного развития страны: опыт Китая. Вопросы инновационной экономики. 2023;4(13):1835–1854. https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120104
8. *Огородникова Е.П.* Систематизация научных концепций исследования инновационных процессов. В кн.: Актуальные проблемы социально-экономической статистики и цифровизации экономических расчетов: сборник научных статей I Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 29 октября 2021 г. Нижний Новгород: Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского; 2022. С. 197–200.
9. *Туменова С.А.* Сетевые инновационные структуры в региональной экономике: формы и типы стратегий управления. Вопросы инновационной экономики. 2023;3(13):1291–1306. https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.119109
10. *Абашкин В.А., Абдрахманова Г.И., Бредихин С.В., Варзановцева И.О., Гершман М.А., Гохберг А.М. и др.* Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 8. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; 2023. 260 с.

References

1. *Lebedev V.V., Terpugov A.E.* Comparative analysis of modern theoretical approaches to sustainable economic development. Vestnik universiteta. 2024;6:145–151. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-145-151
2. *Korkin M.A.* Development of methods for evaluating effectiveness of innovative potential of regional industrial enterprises. Diss. … Cand. Sci. (Econ.): 5.2.3. Moscow: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; 2024. 184 p. (In Russian).

3. *Terebova S.V., Ivanov S.L.* Assessment the contribution of innovative companies to the economy of Russian regions. Russian Journal of Innovation Economics. 2022;4(12):2249–2268. (In Russian). https://doi.org/10.18334/vinec.12.4.116754
4. *Faleychik L.M., Zabelina I.A.* The role of innovation in the economic development of the eastern regions of the Russian Federation: economic and statistical analysis. Voprosy Statistiki. 2023;2(30):23–42. (In Russian). https://doi.org/10.34023/2313-6383-2023-30-2-23-42
5. *Andreeva N.V., Zaloznaya G.M., Ogorodnikova E.P.* Attractiveness of investment projects in the agricultural sector of the economy. In: Management of rural development projects: Proceedings of the V National Scientific and Practical Conference. Krasnodar, April 11, 2024. Krasnodar: Krasnodar Centre for Scientific and Technical Information; 2024. Pp. 26–33. (In Russian).
6. *Vorontsova Ju.V.* Problems of development of the national innovation system of the Russian Federation. Theoretical economics. 2020;2(62):26–33. (In Russian).
7. *Chentsova E.P., Chentsov M.S.* Features of the country's innovative development: China's experience. Russian Journal of Innovation Economics. 2023;4(13):1835–1854. https://doi.org/10.18334/vinec.13.4.120104
8. *Ogorodnikova E.P.* Systematization of scientific concepts for the study of innovative processes. In: Actual problems of socio-economic statistics and digitalisation of economic calculations. Proceedings of the I All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod, October 29, 2021. Nizhny Novgorod: National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; 2022. Pp. 197–200. (In Russian).
9. *Tumenova S.A.* Network innovation structures in the regional economy: forms and types of management strategies. Russian Journal of Innovation Economics. 2023;3(13):1291–1306. (In Russian). https://doi.org/10.18334/vinec.13.3.119109
10. *Abashkin V.L., Abdrakhmanova G.I., Bredikhin S.V., Varzanovtseva I.O., Gershman M.A., Gokhberg L.M. et al.* Rating of innovative development of the subjects of the Russian Federation. Issue 8. Moscow: National Research University "Higher School of Economics"; 2023. 260 p. (In Russian).

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕВОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

УДК 338.242.4 JEL L16, O25, O32, O38 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-91-103

Перспективы развития российского нефтегазохимического комплекса в период геополитических и экономических изменений

Афанасьев Валентин Яковлевич

Д-р экон. наук, зав. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Байкова Оксана Викторовна

Канд. экон. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: o-baykova@yandex.ru

Большакова Ольга Ильинична

Канд. физ.-мат. наук, доц. каф. экономики и управления в топливно-энергетическом комплексе
ORCID: 0009-0001-0048-9729, e-mail: olgabolsh@mail.ru

Романцов Александр Алексеевич

Студент
ORCID: 0009-0007-5646-7696, e-mail: romantsov2016@bk.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Целью исследования является предложение основных направлений развития российского нефтегазохимического комплекса (далее – НГХК) для адаптации к новым условиям и усиления конкурентоспособности на внутреннем и глобальных рынках с учетом выявленных главных мировых тенденций отрасли. Предмет исследования – процесс адаптации российского НГХК к происходящим геополитическим и экономическим изменениям. В работе в рамках системного подхода использовались метод количественного контент-анализа, а также методы научного познания – обобщение и синтез. В результате обработки статистических данных исследована динамика изменения валового внутреннего продукта и химического производства в мире в целом и в разбивке по регионам, выполнены графическое представление динамики этих показателей и сравнительный анализ графиков объемов нефтепереработки и производства базовых полимеров в Российской Федерации (далее – РФ). Выявлены факторы, способные влиять на развитие нефтегазохимии, рассмотрен опыт реагирования различных стран на вызовы и сформулирован вывод о фрагментации мирового нефтегазохимического производства с концентрацией в странах с наиболее конкурентоспособными условиями для его развития. Представлены потенциальные варианты использования международного опыта в российской нефтегазохимии. Обоснована потребность в преобразовании НГХК России, подтверждаемая динамикой объемов переработки нефти и производства базовых полимеров в 2021–2023 гг. В результате исследования изложен перечень наиболее важных направлений развития НГХК, применяемых и возможных мер поддержки для модернизации отечественной нефтегазохимии в современных условиях движения к технологическому суверенитету посредством выстраивания скоординированного взаимодействия государства, науки и бизнеса.

Ключевые слова

Мировая экономика, химическое производство, нефтегазохимический комплекс, нефтепереработка, полимеры, продукция высоких переделов, государственная поддержка, инвестиционные соглашения

Для цитирования: Афанасьев В.Я., Байкова О.В., Большакова О.И., Романцов А.А. Перспективы развития российского нефтегазохимического комплекса в период геополитических и экономических изменений//Вестник университета. 2025. № 1. С. 91–103.

© Афанасьев В.Я., Байкова О.В., Большакова О.И., Романцов А.А., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Prospects for the development of the Russian petrochemical complex in the period of geopolitical and economic changes

Valentin Ya. Afanasiev

Dr. Sci. (Econ.), Head of the Economy and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0002-2151-898X, e-mail: vy_afanasyev@guu.ru

Oxana V. Baykova

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Economy and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0000-0003-4345-5497, e-mail: o-baykova@yandex.ru

Olga I. Bolshakova

Cand. Sci. (Phys. and Math.), Assoc. Prof. at the Economy and Management in the Fuel and Energy Complex Department
ORCID: 0009-0001-0048-9729, e-mail: olgabolsh@mail.ru

Alexandr A. Romantsov

Student
ORCID: 0009-0007-5646-7696, e-mail: romantsov2016@bk.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The purpose of the study is to propose the main directions for development of the Russian petrochemical complex to adapt to new conditions and strengthen competitiveness in domestic and global markets, considering the identified major global trends in the industry. The process of adaptation of the Russian petrochemical complex to ongoing geopolitical and economic changes is the subject of the study. The article uses the method of quantitative content analysis as well as methods of scientific cognition – generalisation and synthesis – within the framework of a systematic approach. As a result of statistical data processing, dynamics of changes in the gross domestic product and chemical production in the world as a whole and by region are studied, a graphical representation of the dynamics of these indicators and a comparative analysis of graphs of oil refining volumes and production of base polymers in Russia are performed. The factors that can influence development of petrochemistry are identified, the experience of responding to challenges from various countries is considered, and a conclusion is formulated about fragmentation of global petrochemical production with concentration in the countries with the most competitive conditions for its development. Potential options for using international experience in the Russian petrochemical industry are presented. The need for transformation of the Russian petrochemical complex is justified, confirmed by dynamics of the oil refining volumes and production of base polymers in 2021–2023. As a result of the study, we present list of the most important directions of the petrochemical complex development, applied and possible support measures for modernisation of the domestic petrochemical industry in the current conditions of the movement towards technological sovereignty through building coordinated interaction between state, science and business.

Keywords

Global economy, chemical production, petrochemical complex, oil refining, polymers, high value-added products, government support, investment agreements

For citation: Afanasiev V.Yu., Baykova O.V., Bolshakova O.I., Romantsov A.A. (2025) Prospects for the development of the Russian petrochemical complex in the period of geopolitical and economic changes. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 91–103.

© Afanasiev V.Yu., Baykova O.V., Bolshakova O.I., Romantsov A.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Происходящий в условиях геополитической турбулентности процесс всеобъемлющей трансформации мировой экономики сопровождается реорганизацией производственно-сбытовых цепочек и международным санкционным воздействием, направленным на замедление темпов экономического развития стран-мишеней для ограничения их возможностей в конкурентной борьбе на стагнирующих или сжимающихся энергетических рынках. При этом одним из базовых трендов является проблема уменьшения сырьевой ренты, сопровождаемая снижением нефтегазовых доходов[1].

Российская Федерации (далее – РФ, Россия) находится среди стран, подверженных влиянию вышеперечисленных факторов, и противостоит жестким санкционным ограничениям, направленным на блокирование возможностей для технологического развития, в частности, в нефтегазовой и смежных отраслях. В этой связи в процессе проведения работы особое внимание уделяется анализу и структурированию современных тенденций в мировой нефтегазохимии, учитываемых для выявления наиболее перспективных точек роста российского нефтегазохимического комплекса (далее – НГХК) в условиях санкционной экономики; предпринимаемых мер для движения к технологическому суверенитету по критически значимым направлениям в целях адаптации к новым условиям существования и усиления конкурентоспособности отечественной нефтегазовой промышленности на внутреннем и глобальных рынках через развитие НГХК РФ. Это способствует достижению цели исследования, заключающейся в предложении основных направлений развития российского НГХК для данной адаптации и повышения конкурентоспособности на внутреннем и глобальных рынках с учетом выявленных главных мировых тенденций отрасли. Актуальность этой научно-практической задачи возрастает в связи с ограничениями на экспорт нефти и нефтепродуктов и необходимостью развития внутреннего рынка углеводородов, а также производства из них продукции высоких переделов. Россия находится в числе лидеров по запасам и добыче нефти и газа, а отечественный НГХК может стать ключевым драйвером промышленного роста за счет мультипликативного эффекта, действующего в первую очередь на потребляющие отрасли, что способствует обеспечению высокотехнологичного передела углеводородного сырья и постепенному отказу от сырьевой ориентации российской экономики [1; 2].

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОЙ НЕФТЕГАЗОХИМИИ

НГХК является сегментом химической промышленности, но при этом зависит от изменений в мировой экономике и вносит существенный вклад в значительное число цепочек создания стоимости конечной продукции практически во всех отраслях [3]. Изначально добываемые нефтегазовыми компаниями ископаемые углеводороды, а именно нефть, попутный нефтяной газ (далее – ПНГ) и природный газ представляют собой смесь различных веществ, из которых необходимо выделить ценное сырье для нефтехимии. Так, нефть проходит процессы разделения на фракции на нефтеперерабатывающих заводах (далее – НПЗ), а целевой группой для НГХК является нафта. В свою очередь, природный газ и ПНГ направляют на газоперерабатывающие заводы (далее – ГПЗ), где в результате газопереработки и газофракционирования получают компоненты, из которых для нефтехимии наибольшую значимость представляют этан и широкая фракция легких углеводородов (далее – ШФЛУ). Данное сырье позволяет производить множество продуктов химического комплекса, в том числе ежедневно используемые синтетические материалы [1]. Однако в мире по-прежнему сохраняются инфляционные риски, и на фоне преобладания геополитической напряженности отмечается углубление экономических расхождений между странами[2]. Эти факторы способны оказывать влияние на темпы развития валового внутреннего продукта (далее – ВВП) и взаимозависимые промышленное и химическое производство, причем, согласно статистической информации, представленной в таблице, мировая динамика их изменения выглядит относительно стабильной, не демонстрирующей резкого роста вышеперечисленных показателей с 2019 г. по 2023 г. Исключение составляет только прирост в 2021 г., обусловленный эффектом низкой базы 2020 г.

[1] Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Контуры прогнозного периода: чего ждать и к чему готовиться в ближайшие десять лет. Режим доступа: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Presentations/DBelousov/20241007EcoProf.pdf (дата обращения: 14.11.2024).
[2] IMF Blog. Мировая экономика сохраняет устойчивость, несмотря на неравномерный рост и предстоящие трудности. Режим доступа: https://www.imf.org/ru/Blogs/Articles/2024/04/16/global-economy-remains-resilient-despite-uneven-growth-challenges-ahead (дата обращения: 14.11.2024).

Таблица

Изменение ВВП, промышленного и химического производства

Динамика изменения мирового ВВП, промышленного и химического производства (год к году) с 2019 г. по 2023 г. и ожидаемые тенденции изменения на 2024–2026 гг.						
Показатель	**2019 г.**	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024–2026 гг.**
Мировой ВВП	+2,5	−3,4	+6,1	+3,1	+2,6	+2,6
Мировое промышленное производство	+1,8	−3,0	+6,2	+2,9	+1,4	–
Мировое химическое производство (за исключением фармацевтических препаратов)	+1,9	−0,1	+6,1	+2,1	+1,7	+2,9
ВВП, реальное изменение в разбивке по регионам по сравнению с предыдущим годом						
Регион	**2019 г.**	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024–2026 гг.**
ЕС	+1,6	−6,1	+5,3	+3,6	+0,5	+1,3
США	+2,2	−3,4	+5,9	+1,9	+2,5	+1,7
Развивающиеся рынки Азии (не включая с 2021 г. Китай)	+5,3	0,0	+6,3	+5,7	+4,7	+5,0
Китай	–	–	+8,4	+3,0	+5,2	+4,7
Япония	+0,3	−4,5	+2,2	+0,9	+1,8	+0,9
Южная Америка	+0,9	−6,2	+7,7	+3,7	+1,4	+1,9
Химическое производство (за исключением фармацевтических препаратов), реальное изменение в разбивке по регионам по сравнению с предыдущим годом						
Регион	**2019 г.**	**2020 г.**	**2021 г.**	**2022 г.**	**2023 г.**	**2024–2026 гг.**
ЕС	−1,2	−2,1	+6,3	−5,2	−7,6	+1,0
США	−0,1	−3,5	+1,7	+2,2	−1,0	+1,2
Развивающиеся рынки Азии (не включая с 2021 г. Китай)	4,0	+2,4	+6,5	−1,7	−2,4	+3,4
Китай	–	–	+7,7	+6,6	+7,5	+4,1
Япония	−0,2	−12,7	+3,8	−3,7	−6,6	+0,4
Южная Америка	−1,3	−0,6	+3,6	+2,5	−4,7	+2,1

Примечание: ЕС – Европейский союз; США – Соединенные Штаты Америки; данные представлены в %

Составлено авторами по материалам источников[3,4]

В то же время в разбивке по регионам мира фиксируется разнонаправленное изменение, а наибольший спрос на химическую продукцию (не включая фармацевтику), как правило, генерируют энергетический и сельскохозяйственный секторы, автомобильная и электронная промышленность, а также производство товаров народного потребления (рис. 1, рис. 2)[5].

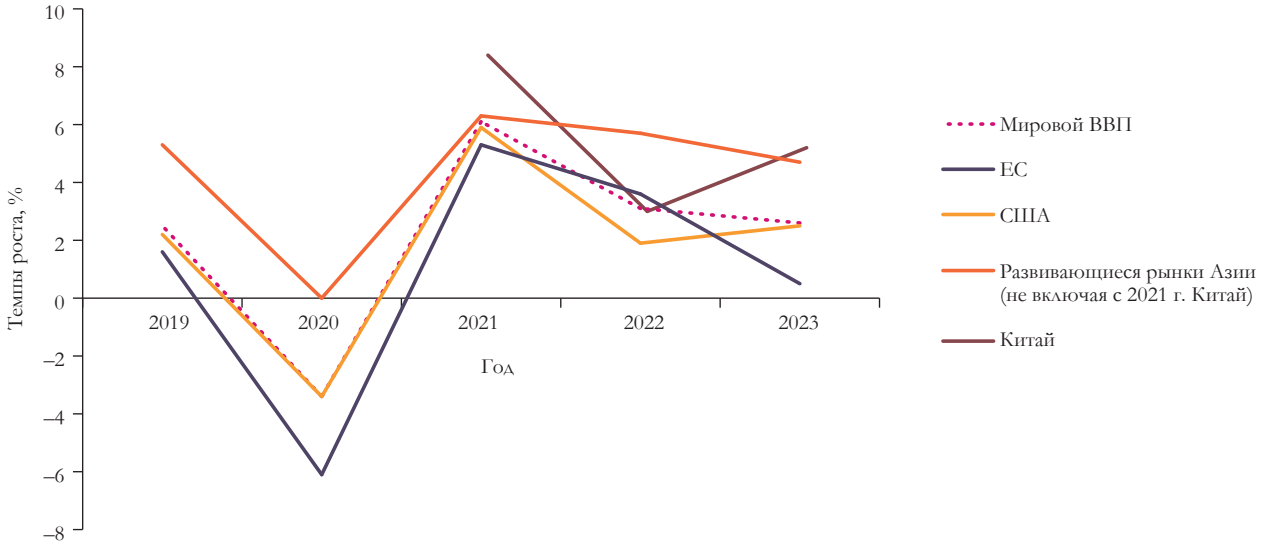
Существенный рост ВВП по сравнению с другими регионами с 2022 г. по 2023 г. наблюдается в Китае (рис. 1), а также на развивающихся рынках Азии, однако здесь происходил спад производства химической продукции на 1,7 % в 2022 г. (рис. 2). В 2023 г. снижение продолжилось, составив 2,4 % по отношению к 2022 г. (рис. 2), при этом в Индии химическая промышленность стагнировала, а в Японии зафиксировано резкое снижение на 6,6 % (см. таблицу). В свою очередь, следует отметить, что по состоянию на 2023 г. Китай является лидирующей страной по скорости развития химического производства, выступая в роли крупнейшего игрока и ключевого драйвера роста на мировом рынке химической продукции [4]. Занимаемая им доля равна приблизительно 50 %, а внутри страны основной спрос генерируют отрасли, осуществляющие выпуск потребительских товаров, электроники, и автомобилестроение. Даже в периоды спада данного сегмента на развивающихся рынках Азии Китай показывал исключительно положительную динамику. Несмотря на прогнозы о замедлении роста химического производства,

[3] BASF. Reporting. Режим доступа: https://www.basf.com/global/en/investors/calendar-and-publications/reporting (дата обращения: 14.11.2024).

[4] АО «Татнефтехиминвест-холдинг». Тренды и прогнозы в нефтегазохимическом комплексе на 2024 год и долгосрочную перспективу. Режим доступа: https://tnhi.ru/upload/iblock/4b6/8xmk84hapz3gp7mcw7t01dg97bxgghge/Тренды%20на%202024%20год_финал.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

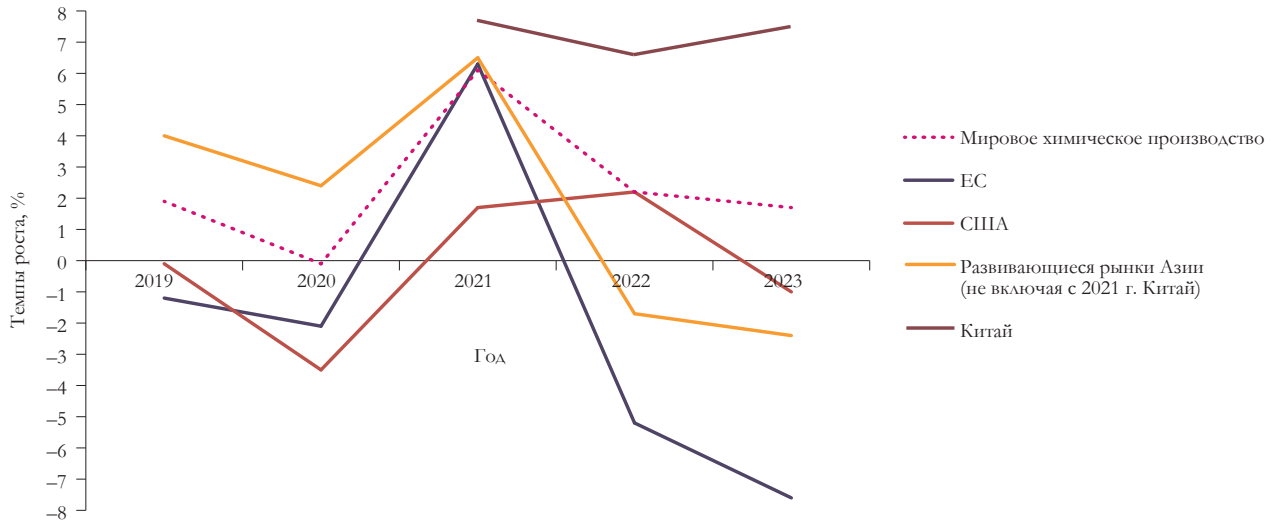
[5] BASF. Rethinking chemistry. BASF report 2023. Режим доступа: https://www.basf.com/dam/jcr:78992bb6-9a76-3392-8b51-6c069ad8ca94/basf/www/global/documents/en/investor-relations/calendar-and-publications/reports/2024/BASF_Report_2023.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

Китай по-прежнему остается страной с благоприятным климатом для инвестирования в производственные мощности НГХК. В 2023 г. в государстве уже насчитывалось 204 НПЗ, из которых большая часть – интегрированные, имеющие в составе установки нефте-, угле- и газохимического профиля, а Sinopec и PetroChina – компании, наиболее активно инвестирующие в диверсификацию портфелей нефтепереработки от топлива к продуктам нефтехимии[6]. Так, например, на юге Китая основной бизнес дочерней компании Sinopec Guangzhou Company охватывает переработку сырой нефти и производство этилена. Годовая мощность составляет 13,2 млн т и 220 тыс. т соответственно[7].



Составлено авторами по материалам источников[8,9]

Рис. 1. Темпы роста ВВП, реальное изменение в разбивке по регионам, год к году



Составлено авторами по материалам источников[10,11]

Рис. 2. Темпы роста химического производства (за исключением фармацевтических препаратов), реальное изменение в разбивке по регионам, год к году

[6] BASF. Rethinking chemistry. BASF report 2023. Режим доступа: https://www.basf.com/dam/jcr:78992bb6-9a76-3392-8b51-6c069ad8ca94/basf/www/global/documents/en/investor-relations/calendar-and-publications/reports/2024/BASF_Report_2023.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

[7] Sinopec. Refineries & petrochemicals. Режим доступа: http://www.sinopec.com/listco/en/about_sinopec/subsidiaries/refinery_petrochemical/20161109/news_20161109_370707131821.shtml (дата обращения: 14.11.2024).

[8] BASF. Reporting. Режим доступа: https://www.basf.com/global/en/investors/calendar-and-publications/reporting (дата обращения: 14.11.2024).

[9] АО «Татнефтехиминвест-холдинг». Тренды и прогнозы в нефтегазохимическом комплексе на 2024 год и долгосрочную перспективу. Режим доступа: https://tnhi.ru/upload/iblock/4b6/8xmk84hapz3gp7mcw7t01dg97bxgghge/Тренды%20на%202024%20год_финал.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

[10] BASF. Reporting. Режим доступа: https://www.basf.com/global/en/investors/calendar-and-publications/reporting (дата обращения: 14.11.2024).

[11] АО «Татнефтехиминвест-холдинг». Тренды и прогнозы в нефтегазохимическом комплексе на 2024 год и долгосрочную перспективу. Режим доступа: https://tnhi.ru/upload/iblock/4b6/8xmk84hapz3gp7mcw7t01dg97bxgghge/Тренды%20на%202024%20год_финал.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

В ЕС наблюдается прирост ВВП наряду со спадом химического производства, что может свидетельствовать о кризисном периоде в отрасли [5]. Здесь следует учитывать энергоемкость нефтегазохимии и зависимость ЕС от импорта природного газа. Несмотря на то что его средняя цена в Северо-Западной Европе в 2023 г. была примерно на две трети ниже уровня 2022 г., она по-прежнему более чем в два раза превышает среднегодовую стоимость за период с 2015 г. по 2020 г. и в 5 раз больше стоимости природного газа в США, что в совокупности со сложной нормативной средой негативно влияет на конкурентоспособность и возможность экономического роста НГХК в странах союза, в частности в Германии [6].

Тенденцию подтверждают указанные в отчете крупнейшего нефтехимического концерна BASF за 2023 г. данные о сохранении сложной ситуации ввиду высокого уровня издержек и слабой мировой экономики, основанной на промышленном производстве, однако эксперты BASF отмечают, что после резкого спада в 2022 г. и 2023 г. на 5,2 и 7,6 % соответственно (рис. 2) ожидается стабилизация в химической отрасли в период с 2024 г. по 2026 г. Среднегодовой темп прироста должен составить 1 % (см. таблицу) при условии снижения цен на газ и постепенного восстановления спроса на химическую продукцию из-за роста покупательной способности[12]. В этой связи нефтехимические компании ЕС диверсифицируют свою деятельность, наращивая присутствие на характеризующихся динамичным развитием химического производства рынках Азиатско-Тихоокеанского региона, преимущественно в Китае. Так, для формирования эффективных производственно-сбытовых цепочек BASF следует концепции Verbund, позволяющей рационально использовать электрическую энергию, экономить ресурсы и оптимизировать логистические затраты за счет применения побочных продуктов одних процессов в качестве сырья для других. Несмотря на то что Verbund объединяет всего 6 из 234 производственных площадок, которыми управляет BASF, на них выпускается более 50 % продукции, а две из существующих расположены в Азии, в том числе одна – в Китае[13].

В городе Нанкин функционирует и с 2022 г. расширяется совместный завод Verbund концерна BASF и китайской нефтехимической корпорации Sinopec. При этом в Чжаньцзяне, городском округе китайской провинции Гуандун, создается седьмой объект Verbund. В 2022 г. на объекте был запущен в эксплуатацию завод, выпускающий инженерные пластмассы, затем в 2023 г. начал функционировать завод по производству термопластичных полиуретанов. В настоящее время основные усилия сосредоточены на создании установок для производства промежуточных и нефтехимических продуктов. По завершении строительства всех объектов данный проект станет вторым крупным производственным центром в Китае и третьим по величине комплексом Verbund после Людвигсхавена и Антверпена. Наряду с инвестированием в строительство и модернизацию производственных площадок в Китае BASF с 2023 г. продолжает финансировать проекты в США, где спрос на химическую продукцию формируется преимущественно за счет энергетического сектора, автомобильной и электронной промышленности. Однако, несмотря на положительную динамику изменения ВВП в 2023 г. и сравнительно низкую стоимость энергетических ресурсов, в химическом секторе преобладало снижение. В качестве одной из значимых причин эксперты выделяют слабый промышленный рост, а также недостаточный внутренний спрос на оборудование для частных домохозяйств и строительной отрасли. Тем не менее, BASF реализует заключительную фазу проекта по расширению производства дифенилметандиизоцианата (далее – МДИ) на заводе Verbund в США, штат Луизиана. Объем инвестиций в данный этап строительства с 2022 г. по 2025 г. составит 780 млн долл. США. В результате BASF сможет увеличить производственные мощности МДИ до 600 тыс. т в год, что позволит удержать растущее число покупателей МДИ в США[14]. Конечно, темп роста химического производства в стране не характеризуется такой динамичностью, как в Китае, однако показатель является более устойчивым, чем в ЕС и Японии.

В связи с этим можно сделать вывод о фрагментации мирового нефтегазохимического производства, сопровождаемой движением организаций НГХК в страны с наиболее доступными и дешевыми электрической энергией и углеводородным сырьем, таким как нафта, этан и ШФЛУ, непосредственно участвующим в процессе создания нефтегазохимической продукции. Это также подтверждается при проведении

[12] BASF. Rethinking chemistry. BASF report 2023. Режим доступа: https://www.basf.com/dam/jcr:78992bb6-9a76-3392-8b51-6c069ad8ca94/basf/www/global/documents/en/investor-relations/calendar-and-publications/reports/2024/BASF_Report_2023.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

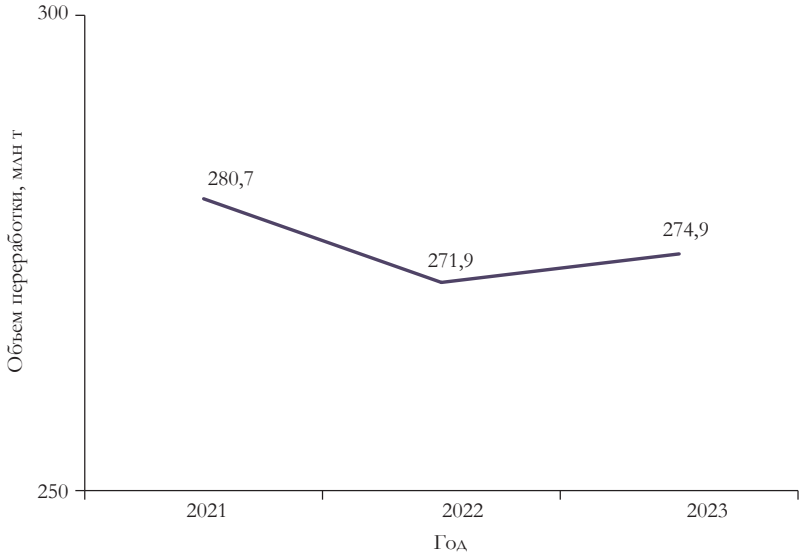
[13] BASF. BASF Verbund. Режим доступа: https://www.basf.com/global/en/investors/calendar-and-publications/factbook/basf-group/verbund (дата обращения: 14.11.2024).

[14] BASF. BASF breaks ground on MDI capacity expansion project at Geismar site. Режим доступа: https://www.basf.com/us/en/media/news-releases/2023/01/basf-breaks-ground-on-mdi-capacity-expansion-project-at-geismar- (дата обращения: 14.11.2024).

анализа представленных концерном BASF ожидаемых тенденций изменения ВВП и химического производства на период с 2024 г. по 2026 г., свидетельствующих о наиболее значительном приросте данных показателей в среднесрочной перспективе на развивающихся рынках Азии (ВВП – +5,0 %, химическое производство – +3,4 %) а также в Китае (ВВП – +4,7 %, химическое производство – +4,1 %). Этот тренд в области развития мировой химической промышленности необходимо учитывать в текущей ситуации в процессе проведения исследования для выявления наиболее перспективных направлений модернизации российского НГХК в условиях санкционной экономики.

РАЗВИТИЕ НГХК РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В период всеобъемлющей трансформации мировой экономики российский НГХК нуждается в преобразованиях для поддержания конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках, поскольку позволяет производить продукцию высоких переделов посредством рационального использования ценного сырья, выделяемого из ископаемых углеводородов. Так, среди основных целей обновленной в 2024 г. государственной программы РФ «Развитие энергетики» обозначено осуществление к концу 2030 г. продуктовой и географической диверсификации экспорта энергетических ресурсов, в частности, в направлении стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Их доля должна будет составить 76 % от общего объема поставок за рубеж. Также к этому периоду предполагается увеличить долю направляемого на нефтегазохимию углеводородного сырья, а именно сжиженного углеводородного газа (далее – СУГ), этана и нафты до 33–35 %[15]. В свою очередь, наиболее важными продуктами НГХК, производимыми из данных углеводородов, являются полимеры, такие как полиэтилен (далее – ПЭ), полипропилен (далее – ПП), полистирол (далее – ПС), поливинилхлорид (далее – ПВХ) и полиэтилентерефталат, что позволяет рассматривать газо- и нефтепереработку совместно с нефтегазохимией[16]. Несмотря на снижение объема переработки нефти в 2022 г. до 271,9 млн т по сравнению с 280,7 млн т, достигнутыми по итогам 2021 г., в 2023 г. она выросла до 274,9 млн т (рис. 3) [7].



Составлено авторами по материалам источников[17] и [7]

Рис. 3. Объем переработки нефти в РФ

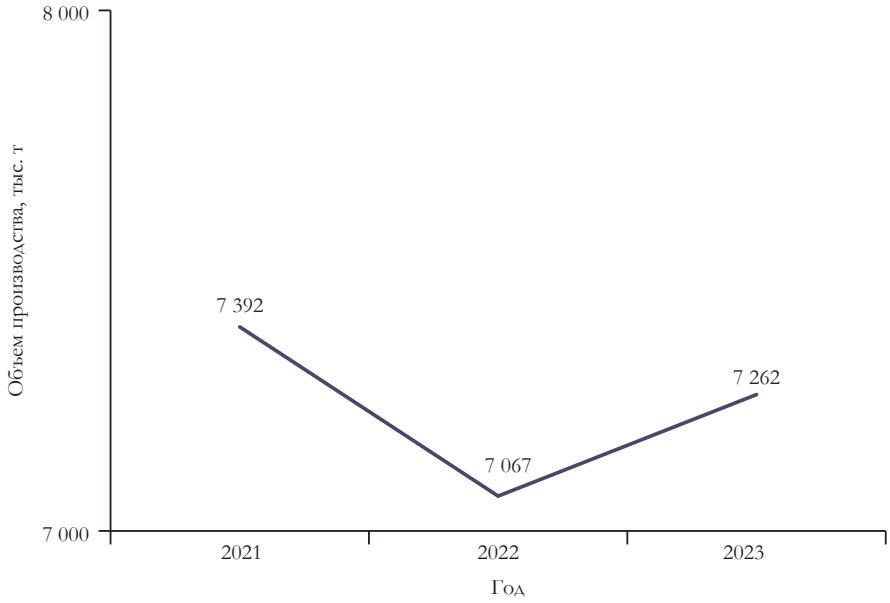
Производство ПЭ, ПП и прочих олефинов, ПС, ПВХ или прочих галогенированных олефинов показывает схожую динамику. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, в 2022 г. значение показателя снизилось до 7 067 тыс. т по сравнению с 7 392 тыс. т в 2021 г., но в 2023 г. снова увеличилось, составив 7 262 тыс. т (рис. 4)[18].

[15] Государственная программа Российской Федерации «Развитие энергетики». Режим доступа: https://minenergo.gov.ru/activity/government-program (дата обращения: 14.11.2024).

[16] Добывающая промышленность. Добыча-2021. С какими результатами Россия завершила год? Режим доступа: https://dprom.online/unsolution/dobycha-2021-itogi-goda/# (дата обращения: 14.11.2024).

[17] Там же.

[18] Федеральная служба государственной статистики. Производство основных видов продукции в натуральном выражении. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Proizvodstvo_god_s_2017.xlsx (дата обращения: 14.11.2024).



Составлено авторами по материалам источника[19]

Рис. 4. Производство базовых полимеров в РФ

Статистические данные свидетельствуют о том, что объемы нефтепереработки и производства полимеров по итогам 2023 г. так и не достигли уровня 2021 г., однако отсутствие резкого спада значений данных показателей, их возврат на траекторию роста и постепенное увеличение доли направляемых на нефтегазохимию СУГ, этана и нафты с 26 % в 2022 г. до 27,28 % в 2023 г. могут выступать в роли индикатора, свидетельствующего об устойчивости НГХК России к применяемым недружественными странами санкциям[20].

Несмотря на это, следует учитывать последствия от продолжительного санкционного давления, направленного на разрыв технологических связей компаний российского НГХК с мировыми лидерами химической отрасли, а также на усложнение международной логистики и ухудшение возможности выхода на экспортные рынки сбыта [8]. Для преодоления возникающих вызовов и минимизации негативного влияния вышеперечисленных факторов необходимо принимать во внимание международный опыт развития нефтегазохимии и формирующиеся в мировом химическом производстве тенденции, свидетельствующие о приоритетности расположения масштабных нефтегазохимических предприятий в странах с наиболее доступными и дешевыми электроэнергией и углеводородным сырьем, сосредоточенных преимущественно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, Индия обладает предпосылками к динамичному развитию НГХК. На сегодняшний день химическая промышленность занимает приблизительно 6 % в ВВП страны, к 2030 г. планируется увеличение нефтехимических мощностей на 55 %, за этот период предполагается их рост с 29,62 млн т до 46 млн т, а ожидаемый приток инвестиций в следующем десятилетии должен превысить 87 млрд долл. США[21].

В свою очередь, в Китае избыточные производственные мощности и ослабление спроса на продукцию нефтепереработки вследствие замедления экономического роста и электрификации автопарка в 2025 г. могут привести к закрытию связанного с российским нефтепроводом «Восточная Сибирь – Тихий океан» крупнейшего на севере страны НПЗ компании PetroChina, обладающего мощностью 410 тыс. баррелей в сутки[22]. Взамен этого завода компания CNPC (англ. China National Petroleum Corporation – китайская национальная нефтегазовая корпорация) планирует реализовать проект на острове Чансин, подразумевающий строительство НПЗ, способного перерабатывать 200 тыс. баррелей в сутки, и создание химического комплекса по производству этилена мощностью 1,2 млн т в год, что может

[19] Федеральная служба государственной статистики. Производство основных видов продукции в натуральном выражении. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Proizvodstvo_god_s_2017.xlsx (дата обращения: 14.11.2024).

[20] Государственная программа Российской Федерации «Развитие энергетики». Режим доступа: https://minenergo.gov.ru/activity/government-program (дата обращения: 14.11.2024).

[21] Игнатьева А. Индия планирует увеличить нефтехимические мощности на 55 % к 2030 г. Режим доступа: https://neftegaz.ru/news/neftechim/861563-indiya-planiruet-uvelichit-neftekhimicheskie-moshchnosti-na-55-k-2030-g/ (дата обращения: 14.11.2024).

[22] Кожемячинко К. Крупнейший НПЗ на севере Китая закроют в 2025 г. Режим доступа: https://neftegaz.ru/news/neftechim/863024-krupneyshiy-npz-na-severe-kitaya-zakroyut-v-seredine-2025-g-/ (дата обращения: 14.11.2024).

свидетельствовать о продолжающейся модернизации китайской нефтегазовой промышленности в направлении сокращения избыточных нефтеперерабатывающих мощностей к созданию нефтегазохимической продукции высоких переделов на фоне прогнозов о достижении пика общемирового спроса на нефть к 2025 г. и его замедлении к 2050 г.[23]

В этой связи с целью своевременной адаптации российской нефтегазовой промышленности к формирующимся трендам предлагаем сконцентрироваться на стимулировании развития НГХК, отдавая приоритет расширению и модернизации отечественных производственных мощностей. В долгосрочной перспективе для этого можно осуществлять переориентацию существующих топливных и топливно-масляных НПЗ в сторону интеграции с нефтехимией или создавать новые топливно-нефтехимические НПЗ. В РФ уже есть положительный опыт строительства таких объектов. Одним из примеров является крупнейший нефтехимический комплекс России – общество с ограниченной ответственностью (далее – ООО) «Газпром нефтехим Салават», расположенный в Республике Башкортостан. В его составе находятся НПЗ, газохимический завод и нефтехимический завод «Мономер». На мощностях предприятия осуществляется выпуск более 150 наименований продукции. Крупнотоннажная превышает 50 % из них и включает в себя автомобильные бензины, дизельное топливо, водород, мазут и нефтяные битумы, ПС, ПЭ низкого и высокого давления, аммиак, карбамид и др. Кроме того, на заводе «Мономер» производят не только промежуточную продукцию нефтехимии, такую как мономеры и полимеры, но и товары народного потребления, полиэтиленовую пленку, а также листы из полиолефинов[24].

Безусловно, создание единого комплекса в виде топливно-нефтехимического НПЗ обладает рядом преимуществ по сравнению с заводами других профилей, позволяя наряду с газо- и нефтепереработкой производить нефтехимическую продукцию, но строительство данных объектов характеризуется повышенной капиталоемкостью и временными затратами, а осуществление масштабных инвестиций в такие мегапроекты затруднительно в условиях ужесточения денежно-кредитной политики Центральным банком РФ (далее – ЦБ РФ), способного в целом оказывать потенциальное влияние на замедление темпов развития НГХК России. Об этом свидетельствует наблюдаемое в РФ по итогам 2023 г. отставание объемов производства нефтегазохимической продукции от их суммарного потребления, что подтверждается заявлением участников рынка о росте импорта полимеров на 10 % вследствие сохранения тенденции к повышению цен внутри страны и дефицита отдельных марок, однако этот показатель также связан с низкой базой 2022 г.

В то же время тревожным сигналом является решение ряда российских переработчиков пластмасс сократить закупки российского сырья в 2024 г. из-за ценовой политики на основе импортного паритета, приводящей к потере конкурентных преимуществ, а также к снижению инвестиций в модернизацию производственных мощностей или к их привлечению за счет кредитов, обслуживание которых становится чрезмерно дорогим в период действия установленной ЦБ РФ высокой ключевой ставки, а обновленный 25 октября 2024 г. прогноз предполагает ее среднее значение на уровне 17–20 % в 2025 г.[25,26] В такой ситуации в качестве одного из приоритетных направлений для устойчивого технологического развития нефтегазовых и нефтегазохимических предприятий целесообразно рассмотреть возможность выстраивания скоординированного взаимодействия государства, науки и бизнеса с целью расширения ассортимента продукции нефте- и газопереработки, необходимой для функционирования и модернизации производственных мощностей НГХК [9]. Показательным примером такого взаимодействия является строительство российской компанией публичным акционерным обществом (далее – ПАО) «СИБУР» совместно с китайской нефтехимической корпорацией Sinopec Амурского газохимического комплекса (далее – АГХК), который станет крупным потребителем этана и ШФЛУ, производимых Амурским ГПЗ. При этом на этапе эксплуатации АГХК будет создано более 800 высокотехнологичных рабочих мест, а подготовка инженеров для комплекса ведется с 2016 г. В АГХК будет осуществляться выпуск востребованных на российском и мировом рынках марок ПЭ и ПП, а его производственная мощность составит до 2,7 млн т готовой продукции в год, включая 2,3 млн т ПЭ и 0,4 млн т ПП, что окажет существенное влияние на темпы развития Дальнего Востока и в целом на экономику России [1].

[23] АО «Татнефтехиминвест-холдинг». Тренды и прогнозы в нефтегазохимическом комплексе на 2024 год и долгосрочную перспективу. Режим доступа: https://tnhi.ru/upload/iblock/4b6/8xmk84hapz3gp7mcw7t01dg97bxgghge/Тренды%20на%202024%20год_финал.pdf (дата обращения: 14.11.2024).

[24] ООО «Газпром нефтехим Салават». Продукция. Режим доступа: https://salavat-neftekhim.gazprom.ru/about/working/ (дата обращения: 14.11.2024).

[25] Коммерсантъ. Нет полимера в своем отечестве. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6479683 (дата обращения: 14.11.2024).

[26] Кухарчук Г. Курс на ужесточение: что будет с индексом Мосбиржи до нового года и после. Режим доступа: https://www.rbc.ru/quote/news/article/671f95669a79476222c71ee0 (дата обращения: 14.11.2024).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО НГХК

В современных условиях и в целом в период действия жесткой денежно-кредитной политики, осуществляемой ЦБ РФ, в качестве ключевого инструмента для повышения экономической привлекательности инвестиционных проектов в расширение производственных мощностей НГХК следует рассматривать применение различных мер государственной поддержки. Так, созданный по инициативе Министерства промышленности и торговли России Фонд развития промышленности (далее – ФРП) предоставляет производителям НГХК льготное заемное софинансирование сроком не более 5 лет на проекты в области импортозамещения и производства конкурентоспособной продукции в рамках программы «Проекты развития». Базовая процентная ставка составляет 5 % годовых, но при условии предоставления банковской гарантии, а также гарантии государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ», корпорации по поддержке малого и среднего предпринимательства, она может быть снижена до 3 % годовых, что особенно важно в условиях двузначной ключевой ставки в России. Одним из примеров успешного применения данной меры поддержки является осуществление инвестиций компанией «Никатор» в строительство завода, специализирующегося на выпуске меловых добавок на основе полимеров, а также процессинговых добавок и индивидуальных компаундов для производства ПЭ высокого и низкого давления, линейного ПЭ высокого давления, ПП и полиэтиленнафталата. В 2023 г. завод был успешно введен в эксплуатацию. Уровень локализации составляет 95 %, мощность – до 60 тыс. т в год, а общий объем вложенных средств в создание объекта превысил 1 млрд руб., из которых 500 млн руб. были выданы ФРП[27].

Оказываемая институтами развития государственная поддержка позволяет снижать зависимость НГХК России от зарубежных производителей посредством соинвестирования в проекты российских нефтегазохимических компаний, что немаловажно в условиях санкционной экономики. Однако наряду с этим для движения к технологическому суверенитету и повышения конкурентоспособности отечественной нефтегазохимии необходимо рассмотреть механизм заключения инвестиционных соглашений с производителями НГХК.

Так, с целью создания условий для модернизации нефтехимических предприятий и содействия увеличению их мощностей, а также для стимулирования инвестиционной активности в отрасли Правительством РФ были утверждены форма и правила заключения соглашений между Министерством энергетики РФ (далее – Минэнерго РФ) и предприятиями нефтехимии в рамках механизма обратного акциза на этан и СУГ, введенного с 2022 г. Для получения обратного акциза с повышающим коэффициентом, равным 2, организациям требовалось заключить соглашения с Минэнерго РФ, предусматривающие инвестирование в модернизацию производства не менее 65 млрд руб. в период с 2022 г. по 2027 г.[28] Так, в 2022 г. ПАО «СИБУР Холдинг» подписало с Министерством инвестиционные соглашения о модернизации действующих и создании новых мощностей на трех дочерних предприятиях, таких как «Нижнекамскнефтехим», «Казаньоргсинтез» и «Запсибнефтехим». В рамках данных договоров холдинг принял на себя обязательства инвестировать в развитие производства не менее 395 млрд руб. в период с 2022 г. по 2027 г., при этом в расширение мощностей «Запсибнефтехим» в Тобольске вложения составят не менее 110 млрд руб., а в предприятия «Нижнекамскнефтехим» и «Казаньоргсинтез», расположенные на территории Республики Татарстан, – 285 млрд руб. Предполагаемым результатом реализации комплекса данных проектов должен стать запуск производства продуктов мало- и среднетоннажной химии, не имеющих на момент заключения инвестиционных соглашений отечественных аналогов[29].

Наряду с этим Минэнерго России заключило инвестиционные соглашения с ООО «Каспийская инновационная компания» и ПАО «Уфаоргсинтез». ООО «Каспийская инновационная компания» планирует осуществить строительство ГХК по производству полимеров и переработке природного газа в Астраханской области вблизи Астраханского ГПЗ[30]. Предполагается, что ГХК будет производить

[27] Plastinfo. «Никатор» запустил завод добавок для полимеров в ИП «Ворсино». Режим доступа: https://plastinfo.ru/information/news/51740_07.07.2023/ (дата обращения: 14.11.2024).

[28] Правительство России. Правительство утвердило правила заключения соглашений в рамках механизма обратного акциза в нефтехимии. http://government.ru/docs/41727/ (дата обращения: 14.11.2024).

[29] СИБУР. СИБУР заключил инвестиционные соглашения с Министерством энергетики на сумму около 400 млрд рублей. Режим доступа: https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/SIBUR-zaklyuchil-investitsionnye-soglasheniya-s-Ministerstvom-energetiki-na-summu-okolo-400-mlrd-rub/ (дата обращения: 14.11.2024).

[30] MRC. КИК и Уфаоргсинтез подписали инвестсоглашения с Минэнерго РФ о вводе нефтехимических мощностей. Режим доступа: https://www.mrc.ru/news/406228-kik-i-ufaorgsintez-podpisali-investsoglasheniya-s-minenergo-rf-o-vvode-neftehimicheskih-moschnostey (дата обращения: 14.11.2024).

430 тыс. т каустической соды и 650 тыс. т ПВХ в год, а нефтехимическое предприятие «Уфаоргсинтез» акционерной нефтяной компании «Башнефть», входящей в структуру нефтяной компании «Роснефть», реализует строительство новых производственных мощностей по ежегодному выпуску 300 тыс. т этилена, 250 тыс. т ПЭ и 150 тыс. т ПП. Однако в 2023 г. стало известно, что вследствие смещения сроков реализации проекта «Уфаоргсинтез» представитель «Роснефти» обратился к Правительству РФ с предложением о продлении продолжительности предоставляемой для переработчиков этана и СУГ поддержки до 2029 г., после чего в 2024 г. было принято решение о сохранении возможности применения инвестиционной надбавки в случае несоблюдения ранее установленных сроков ввода объектов основных средств в эксплуатацию[31].

Безусловно, взаимодействие Правительства РФ с нефтегазохимическими компаниями в рамках инвестиционных соглашений и другие формы государственной поддержки оказывают содействие расширению производственных мощностей НГХК России. Однако для того чтобы в условиях ограниченных возможностей бюджета эффективность мер была выше, необходим комплексный подход к выбору основных направлений развития российского НГХК и потенциальных стимулирующих мер для роста инвестиций в отрасль и усиления ее конкурентоспособности на внутреннем и глобальных рынках.

Во-первых, такой подход должен учитывать основные выявленные мировые тенденции отрасли и прогнозы развития промышленности в регионах мира, в частности тенденцию фрагментации мирового нефтегазохимического производства, сопровождаемую движением предприятий НГХК в страны с наиболее доступными и дешевыми электрической энергией и углеводородным сырьем, таким как нафта, этан и ШФЛУ, непосредственно участвующим в процессе создания нефтегазохимической продукции. Во-вторых, для разрешения возникающих у отраслевых компаний проблем в процессе адаптации к современным условиям существования необходимо осуществление дополнительных мероприятий, преимущественно в рамках взаимодействия государства, науки и бизнеса, направленных на завершение начатых проектов, таких как строительство Каспийской инновационной компанией ГХК в Астраханской области, строительство Амурского ГХК, расширение мощностей «Запсибнефтехима», «Нижнекамскнефтехима» и «Казаньоргсинтеза», в которые уже вложены значительные средства, а их продукции отведено место во внутренней структуре производства и потребления. Также имеется потенциал роста экспорта в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. В-третьих, на основе оценки ожидаемых выгод и вероятных рисков инвестиций возможна поддержка (в рамках федеральных и региональных программ) реализации новых проектов строительства предприятий НГХК, например создание топливно-нефтехимических НПЗ с применением передовых технологий и технической базы, а также переориентации существующих НПЗ в сторону интеграции с газо- и нефтехимией для выпуска конкурентоспособной на мировом уровне продукции нефтегазохимического синтеза [1; 10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование позволяет оценить перспективы развития отечественного НГХК в период современных геополитических изменений с учетом формируемых трендов в мировой нефтегазохимии, систематизирует ряд основных мероприятий, нацеленных на адаптацию отрасли в России. Благодаря этому были сформулированы рекомендации по главным направлениям развития российского НГХК и потенциальному приоритетному использованию стимулирующих мер, для того чтобы в условиях ограниченных возможностей бюджета эффективность мер государственной поддержки была выше, что должно положительно сказаться на росте инвестиций в отрасль и повышении ее конкурентоспособности. В этом нам видится значимость данной работы.

В результате проведения исследования, основываясь на выявлении и анализе современных тенденций в мировой химической промышленности, авторы сформулировали вывод о концентрировании масштабных производственных мощностей мирового НГХК в регионах с наиболее доступной электрической энергией и дешевым углеводородным сырьем, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Как уже было отмечено, данный тренд не только обладает очевидными преимуществами, но и сопровождается риском появления избыточного предложения нефтегазохимической продукции, опережающего возможности ее потребления в случае несоответствия прогнозов экспертов относительно темпов

[31] Интерфакс. Новак поручил продлить инвестнадбавку к обратному акцизу на нефть и изменить демпфер по топливу. Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/971550 (дата обращения: 14.11.2024).

экономического роста. Однако, несмотря на это, ожидается, что в ближайшей перспективе азиатские страны, в том числе Китай и Индия, останутся среди наиболее перспективных направлений для производства и реализации продуктов нефтегазохимии, а формируемые в этой области мировые тенденции и международный опыт развития имеют важное значение для своевременного выбора оптимального вектора развития российского НГХК. Также в исследовании отражена взаимосвязь сформулированного вывода о сосредоточении нефтегазохимических мощностей в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и одной из приоритетных целей государственной программы РФ «Развитие энергетики», предусматривающей осуществление продуктовой и географической диверсификации экспорта энергетических ресурсов, преимущественно в азиатском направлении, и результатов деятельности в данной области.

Наряду с этим для оценки перспектив развития российского НГХК в современных условиях следует отметить относительную устойчивость отечественной нефтегазохимической промышленности к применяемому санкционному режиму. Несмотря на беспрецедентное давление со стороны недружественных стран и ряд проблем, возникающих в полимерной индустрии, в 2023 г. наблюдались восстановительный рост нефтепереработки и производства базовых полимеров, а также увеличение доли направляемых на нефтегазохимию СУГ, этана и нафты, что свидетельствует о стабилизации в НГХК и возрастающей загруженности нефтегазохимических мощностей. В свою очередь, основной задачей отрасли является увеличение доли российской продукции НГХК на мировом и внутреннем рынках одновременно с расширением внутреннего спроса на нее. С этой целью со стороны государства нефтегазохимическим компаниям предоставляются различные меры поддержки для стимулирования импортозамещения и повышения инвестиционной привлекательности проектов. Это будет способствовать созданию конкурентоспособного производства и востребованной продукции как внутри страны, так и за рубежом, содействуя своевременному переходу от сырьевой ориентации российской экономики к инновационной, с высокими темпами развития.

Список литературы

1. *Афанасьев В.Я., Байкова О.В., Большакова О.И., Романцов А.А.* Создание стимулов для развития нефтегазохимии в условиях санкционной экономики. Вестник университета. 2024;6:45–54. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-45-54
2. *Зайцев Д.А., Зворыкина Ю.В., Писарева О.М.* Трансформация модели российской экономики в условиях изменения миропорядка: предпосылки и принципы. Вестник университета. 2023;12:32–43. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-32-43
3. *Козеняшева М.М., Пьянов А.В.* Развитие мирового рынка нефтегазохимии в современных экономических условиях. Экономические науки. 2023;221:467–476. https://doi.org/10.14451/1.221.467
4. *Setiadi U.H., Dhewanto W.* Business strategy for oil refinery company in facing challenges in the crude oil refining industry. European Journal of Business and Management Research. 2022;5(7):24–29. https://doi.org/10.24018/ejbmr.2022.7.5.1632
5. *Сергеев Е.А.* Трансформация внешнеэкономической политики Европейского союза в контексте открытой стратегической автономии. Современная мировая экономика. 2024;2(6(2):76–91. https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-76-91
6. *Iacob C.G.* The strategic repositioning of the European Union in the new global geopolitical context. The Romanian Economic Journal. 2023;86:88–100. https://doi.org/10.24818/rej/2023/86/05
7. *Новак А.В.* ТЭК России сегодня и завтра: итоги и задачи. Энергетическая политика. 2024;1(192):6–13. https://doi.org/10.46920/2409-5516_2024_1192_6
8. *Брагинский О.Б.* О моделировании развития отрасли промышленности в условиях санкций. В кн.: Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXIV Всероссийского симпозиума, Москва, 11–12 апреля 2023 г. М.: Центральный экономико-математический институт Российской академии наук; 2023. С. 316–320. https://doi.org/10.34706/978-5-8211-0814-2-s2-11
9. *Байкова О.В., Большакова О.И., Чеботаева Е.С., Громыко Е.О.* Оценка результатов модернизации и перспектив развития российской нефтепереработки в условиях санкционных ограничений. Вестник университета. 2023;11:81–91. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-81-91
10. *Брагинский О.Б.* Развитие нефтегазохимической отрасли России в условиях ужесточения экономических санкций. Экономическая наука современной России. 2024;3(106):51–65. https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-51-65

References

1. *Afanasiev V.Ya., Baykova O.V., Bolshakova O.I., Romantsov A.A.* Creating incentives for petrochemistry development in sanctioned economy. Vestnik universiteta. 2024;6:45–54. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-6-45-54

2. *Zaitsev D.A., Zvorykina Yu.V., Pisareva O.M.* Transformation of the Russian economic model in the context of a changing world structure: prerequisites and principles. Vestnik universiteta. 2023;12:32–43. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-12-32-43
3. *Kozenyasheva M.M., Pyanov A.V.* The world oil and gas chemistry market development under modern economic conditions. Economic Sciences. 2023;221:467–476. (In Russian). https://doi.org/10.14451/1.221.467
4. *Setiadi U.H., Dhewanto W.* Business strategy for oil refinery company in facing challenges in the crude oil refining industry. European Journal of Business and Management Research. 2022;5(7):24–29. https://doi.org/10.24018/ejbmr.2022.7.5.1632
5. *Sergeev E.A.* Transformation of the European Union's foreign economic policy in the context of open strategic autonomy. Contemporary World Economy. 2024;2(6(2):76–91. (In Russian). https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-2-76-91
6. *Iacob C.G.* The strategic repositioning of the European Union in the new global geopolitical context. The Romanian Economic Journal. 2023;86:88–100. https://doi.org/10.24818/rej/2023/86/05
7. *Novak A.V.* Russian fuel and energy complex today and tomorrow: results and tasks. Energy Policy. 2024;1(192):6–13. (In Russian). https://doi.org/10.46920/2409-5516_2024_1192_6
8. *Braginsky O.B.* On modelling the development of an industrial sector under sanctions. In: Strategic planning and development of enterprises: Proceedings of the XXIV All-Russian Symposium. Moscow, April 11–12, 2023. Moscow: Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences; 2023. Pp. 316–320. (In Russian). https://doi.org/10.34706/978-5-8211-0814-2-s2-11
9. *Baykova O.V., Bolshakova O.I., Chebotaeva E.S., Gromyko E.O.* Assessment of the results of modernisation and prospects for the development of the Russian oil refining in the context of sanction restrictions. Vestnik universiteta. 2023;11:81–91. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-11-81-91
10. *Braginsky O.B.* Development of the Russian petrochemical industry in the context of tightening economic sanctions. Economics of Contemporary Russia. 2024;3(106):51–65. (In Russian). https://doi.org/10.33293/1609-1442-2024-3(106)-51-65

УДК 332.146.2 JEL G38, M21, Q01, Q13, Q17, Q18, R58, DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-104-112

Роль стратегического и бизнес-планирования в устойчивом развитии сельских территорий (на примере депрессивных юго- и северо-восточных районов Республики Башкортостан)

Ахметов Вилюр Ямилевич[1]

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр. Сектора экономики и управления развитием территорий
ORCID: 0000-0003-0575-0903, e-mail: willi76@mail.ru

Якшимбетова Гульшат Ильдаровна[2]

Канд. экон. наук, зав. каф. экономики и менеджмента
ORCID: 0000-0002-6419-7637, e-mail: glcht_07@mail.ru

[1]Институт социально-экономических исследований – обособленное структурное подразделение Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, г. Уфа, Россия

[2]Сибайский институт (филиал) Уфимского университета науки и технологий, г. Уфа, Россия

Аннотация

Работа посвящена анализу роли стратегического и бизнес-планирования в устойчивом развитии сельских территорий. Авторы на примере депрессивных и дотационных юго- и северо-восточных районов Республики Башкортостан акцентируют внимание на актуальности разработки эффективных стратегий и бизнес-планов для преодоления социальных и экономических проблем, характерных для данных территорий. В работе рассматриваются методы и подходы к планированию, а также их влияние на улучшение жизненных условий населения, развитие инфраструктуры и устойчивое ведение сельского хозяйства. Четко обозначены проблемы, препятствующие развитию данных территорий, и предложены практические рекомендации для органов власти и местных сообществ. Исследование подчеркивает целесообразность создания Центра мониторинга устойчивого развития сельских территорий при Министерстве сельского хозяйства Республики Башкортостан с привлечением известных ученых и опытных специалистов, важность комплексного подхода к планированию, учитывающего местные особенности и ресурсы, а также активно вовлекающего местное население в процессы принятия решений. Работа предоставляет ценные выводы и рекомендации для специалистов и исследователей в области социально-экономического развития и управления сельскими территориями.

Ключевые слова

Сельские территории, депрессивные районы, стратегическое планирование, бизнес-планирование, диверсификация экономики села, качество жизни, российский регион, Республика Башкортостан

Благодарности. Данное исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук № 075-00571-25-00 на 2025 г. и на плановый период 2026 г. и 2027 г.

Для цитирования: Ахметов В.Я., Якшимбетова Г.И. Роль стратегического и бизнес-планирования в устойчивом развитии сельских территорий (на примере депрессивных юго- и северо-восточных районов Республики Башкортостан)//Вестник университета. 2025. № 1. С. 104–112.

© Ахметов В.Я., Якшимбетова Г.И., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Role of strategic and business planning in sustainable development of rural areas (on the example of depressed south- and north-eastern regions of the Republic of Bashkortostan)

Vilyur Ya. Akhmetov[1]

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Sector of Economy and Management of Territorial Development
ORCID: 0000-0003-0575-0903, e-mail: willi76@mail.ru

Gulshat I. Yakshimbetova[2]

Cand. Sci. (Econ.), Head of the Economy and Management Department
ORCID: 0000-0002-6419-7637, e-mail: glcht_07@mail.ru

[1]Institute of Social and Economic Researches –Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia

[2]Sibai Institute (Branch) of the Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

Abstract

The article is devoted to the analysis of the role of strategic and business planning in the sustainable development of rural areas. Using the example of depressed and subsidised south- and north-eastern regions of the Republic of Bashkortostan, the authors focus on the relevance of developing effective strategies and business plans to overcome the social and economic problems characteristic of these territories. The paper examines methods and approaches to planning as well as their impact on improving the living conditions of the population, infrastructure development and sustainable agriculture. The problems hindering the development of these territories are clearly identified, and practical recommendations for authorities and local communities are proposed. The study highlights the expediency of creating a Monitoring Centre for Sustainable Rural Development under the Ministry of Agriculture of the Republic of Bashkortostan with the involvement of well-known scientists and experienced specialists, the importance of an integrated approach to planning that considers local characteristics and resources as well as actively involving the local population in decision-making processes. The article provides valuable conclusions and recommendations for specialists and researchers in the field of socio-economic development and rural management.

Keywords

Rural areas, depressed regions, strategic planning, business planning, rural economic diversification, quality of life, Russian region, Republic of Bashkortostan

Acknowledgments. This study has been conducted within the framework of the state assignment of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences No. 075-00571-25-00 for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027.

For citation: Akhmetov V.Ya., Yakshimbetova G.I. (2025) Role of strategic and business planning in sustainable development of rural areas (on the example of depressed south- and north-eastern regions of the Republic of Bashkortostan). *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 104–112.

© Akhmetov V.Ya., Yakshimbetova G.I. , 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Одним из приоритетных направлений современной политики Правительства Российской Федерации (далее – РФ, Россия) является устойчивое развитие сельских территорий. С 2019 г. действует государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий на 2020–2025 годы»[1], которая была принята в развитие предыдущих программ «Социальное развитие села»[2] и «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года»[3]. В Республике Башкортостан (далее – РБ) в декабре 2019 г. также приняли региональную государственную программу по комплексному развитию сельских территорий[4]. Кроме того, в 2011 г. Правительство РБ утвердило две среднесрочные программы для развития депрессивных районов Зауралья[5] и северо-востока республики[6] до 2024 г. Однако их реализация не была достаточно эффективной из-за различных объективных и субъективных причин. Поэтому сейчас, кроме стратегического планирования, также актуальна активизация бизнес-планирования применительно к развитию конкретных сельских депрессивных территорий и предприятий.

Разработка стратегий регионов, муниципалитетов до 2000-х гг. больше носила рекомендательный характер, но с принятием Федерального закона № 172-ФЗ от 20 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в РФ»[7] это стало обязательным для всех субъектов РФ и, соответственно, для городов и муниципальных районов. Кроме федерального законодательства, в РБ вопросы стратегирования регулируются региональными нормативно-правовыми актами, в частности Законом «О стратегическом планировании в Республике Башкортостан»[8] и Указом Главы республики «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостана до 2024 года»[9]. В настоящее время, согласно вышеуказанным нормативно-правовым актам, во всех муниципалитетах РБ разработаны стратегии социально-экономического развития до 2030 г., которые были доработаны с учетом принятых целевых показателей социально-экономического развития страны в соответствии с Посланием Президента России В.В. Путина Федеральному собранию и майским Указом Президента № 204[10].

В настоящее время стратегическое и бизнес-планирование начинают играть ключевую роль в развитии не только предприятий, но и сельских территорий, обеспечивая системный подход к улучшению экономических, социальных и экологических аспектов жизни в сельской местности. Эти виды планирования способствуют созданию долгосрочных и устойчивых стратегий, программ, бизнес-планов, направленных на определение точек роста экономики села, повышение экономической активности и качества жизни в сельских районах [1].

Стратегическое планирование предполагает:

– комплексный анализ и оценку социально-экономической ситуации, качества производственной и непроизводственной инфраструктуры, природно-ресурсного потенциала территории;

[1] Постановление Правительства Российской Федерации от 31.05.2019 г. № 696 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_326085/?ysclid=m7d23yzjjr961810543 (дата обращения: 20.09.2024).

[2] Постановление Правительства Российской Федерации от 03.12.2002 г. № 858 «О федеральной целевой программе «Социальное развитие села до 2013 года» (редакция от 15.07.2013 г.). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64705/ (дата обращения: 20.09.2024).

[3] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 годы и на период до 2020 года» (с изменениями и дополнениями). Режим доступа: http://base.garant.ru/70419016/#ixzz5z5mgstWr (дата обращения: 20.09.2024).

[4] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 12.12.2019 г. № 728 «Об утверждении государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий Республики Башкортостан» и о внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан» (с изменениями на 08.12.2020 г.). Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/561663813 (дата обращения: 20.09.2024).

[5] Министерство сельского хозяйства Республики Башкортостан. Среднесрочная комплексная программа экономического развития Зауралья на 2011–2015 годы. Режим доступа: https://agriculture.bashkortostan.ru/about/projects/all/47/?ysclid=m7d2ferau8397449494 (дата обращения: 20.09.2024).

[6] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 09.11.2011 г. № 395 «О среднесрочной комплексной программе социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2011–2015 годы». Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/463515111?ysclid=m7d2ler5oc782705532 (дата обращения: 20.09.2024).

[7] Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (последняя редакция). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 20.09.2024).

[8] Закон Республики Башкортостан от 27.02.2015 г. № 194-з «О стратегическом планировании в Республике Башкортостан» (в редакции Законов Республики Башкортостан от 06.12.2016 г. № 433-з, от 04.02.2019 г. № 58-з, от 05.06.2019 г. № 105-з, от 04.02.2020 г. № 214-з, от 03.03.2021 г. № 385-з). Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/424038990 (дата обращения: 20.09.2024).

[9] Указ Главы Республики Башкортостан от 23.09.2019 г. № УГ-310 «О стратегических направлениях социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2024 года». Режим доступа: https://npa.bashkortostan.ru/25191/ (дата обращения: 20.09.2024).

[10] Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/ (дата обращения: 20.09.2024).

– выделение приоритетных направлений развития, таких как сельское хозяйство, перерабатывающая промышленность, туризм, народные промыслы и ремесла и т.д.;

– разработку комплексных стратегий, направленных на достижение поставленных целей, включая диверсификацию экономики села, улучшение социальной инфраструктуры, поддержку малого и среднего бизнеса, развитие человеческого капитала и защиту окружающей среды [2];

– постоянный мониторинг и оценку, в том числе Министерством сельского хозяйства РФ (далее – Минсельхоз РФ), реализации стратегий, программ, корректировку планов в зависимости от изменяющихся внешних и внутренних факторов[11].

Бизнес-планирование, в отличие от стратегического, нацелено на разработку конкретных бизнес-планов и проектов, способствующих экономическому росту сельских территорий за счет широкой диверсификации экономики села, развития несельскохозяйственных видов деятельности, организации новых предприятий и рабочих мест [3].

К ключевым элементам бизнес-планирования применительно к сельским территориям относятся следующие:

– поиск и оценка возможностей для развития бизнеса в сельских районах, включая агробизнес, переработку сельскохозяйственной продукции, экотуризм и т.д.;

– разработка детальных бизнес-планов (анализ рынка, маркетинговая стратегия, финансовые расчеты и план реализации);

– поиск источников финансирования, включая государственные программы поддержки, гранты, кредиты и частные инвестиции;

– реализация бизнес-планов с использованием эффективных методов управления проектами и постоянный мониторинг выполнения поставленных задач.

Стратегическое и бизнес-планирование взаимодополняют друг друга, обеспечивают устойчивое и комплексное развитие сельских территорий, так как подразумевают получение не только экономического, но и социального эффекта за счет роста доходов, активизации малого и среднего бизнеса, кооперации на селе, снижения безработицы, улучшения благоустройства сел и решения демографических и экологических проблем (роста рождаемости, снижения смертности, сдерживания оттока населения и привлечения молодежи в сельскую местность, сохранения уникальных природных ландшафтов, качества воды и почвы). Бизнес-планирование через реализацию отдельных проектов и инициатив конкретизирует общие векторы и приоритеты социально-экономического развития, которые задает стратегическое планирование. Это, как показывает передовой международный и отечественный опыт, позволяет создать устойчивую социально-экономическую среду, улучшить качество жизни населения и обеспечить долгосрочное поступательное развитие сельских территорий.

Создание Центра мониторинга устойчивого развития сельских территорий (далее – Центр) при Министерстве сельского хозяйства РБ (Минсельхоз РБ) позволила бы, на наш взгляд, более эффективно разрабатывать и корректировать федеральные, региональные и муниципальные программы, стратегии, бизнес-планы и проекты организации конкретных предприятий в сельской местности. Специалисты данного центра смогли бы более компетентно адаптировать существующие шаблоны типовых бизнес-планов Минсельхоз РФ к условиям определенных регионов с учетом экономико-географического положения, благоприятных факторов для развития тех или иных направлений сельского хозяйства, а также перспективных несельскохозяйственных видов деятельности, включая туризм, народные промыслы, ремесла и др.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Вопросам устойчивого развития территорий, в том числе сельских, их стратегического развития посвящены труды многих отечественных ученых. В частности, можно особо отметить научные статьи и монографии И.Г. Ушачева, В.В. Милосердова, И.Н. Буздалова, О.В. Ухалиной, А.В. Горячевой, В.Н. Кузьмина, М.Д. Горячко, Н.В. Седовой, С.Г. Сальникова, И.А. Семиной, С.А. Копниной, С.С. Ефимова, К.В. Шинова, С.Б. Ческидова, Т.Е. Маринченко, А.П. Корольковой, А.И. Валеевой [4], А.А. Барлыбаева [5].

[11] Приказ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации от 20.04.2020 г. № 212 «Об утверждении ведомственной целевой программы «Обеспечение государственного мониторинга сельских территорий». Режим доступа: https://mcx.gov.ru/upload/iblock/241/241ec3510463ea96200f8195e78dff4e.pdf (дата обращения: 20.09.2024).

Несмотря на значительную теоретическую разработанность исследуемой проблематики, многие вопросы практической реализации научных идей остаются открытыми. Кроме того, глобальные проблемы современности, информатизация и цифровизация аграрного сектора, рост производительности труда машин и оборудования в агропромышленном комплексе, западные санкции и другие факторы требуют пересмотра многих стратегических подходов к развитию современного села, в том числе с использованием лучших международных практик управления развитием сельских территорий.

Передовой зарубежный опыт показывает важность комплексного подхода к стратегическому планированию сельских территорий, включающего экономические, социальные и экологические аспекты. Эти примеры могут служить ориентиром для разработки и реализации эффективных программ развития данных территорий и в РФ, учитывая местные особенности и потребности.

В качестве зарубежных примеров успешного развития сельских территорий с применением инструментария стратегического и бизнес-планирования можно отметить следующие.

1. Развитие агротуризма в Тоскане (Италия), славящейся своими живописными ландшафтами, виноградниками и оливковыми рощами. Местными властями и предпринимателями в рамках стратегических планов по развитию агротуризма, предусматривающих поддержку фермерских хозяйств и продвижение местной культуры, были разработаны туристические маршруты, улучшение гостиничной инфраструктуры на базе сельских домов, организация винных туров и кулинарных мастер-классов, которые привлекли туристов со всего мира, что существенно повысило доходы местного населения.

2. Внедрение инновационных технологий в сельское хозяйство во Франции, в частности проект «ГринТех», разработанный для поддержки стартапов и малого бизнеса, занимающихся продвижением экологичных технологий, систем точного земледелия. Использование дронов и сенсоров для мониторинга урожая привело к повышению эффективности и устойчивости сельскохозяйственного производства.

3. Модернизация сельской инфраструктуры в Китае. Реализация государственной программы, направленной на развитие транспортной, водной и энергетической инфраструктуры в сельских районах, способствовала экономическому росту и ощутимо повысила качество жизни населения.

4. В Бразилии большое внимание уделяется поддержке мелких фермеров в рамках программы «Семейные фермы», по которой предусмотрены льготные кредиты, образовательные курсы и консультационная поддержка. Это дало результаты в виде новых рабочих мест, повышения доходов фермеров и роста устойчивости сельского хозяйства.

5. Министерством сельского хозяйства Соединенных Штатов Америки реализуются различные программы по развитию сельских территорий, в том числе предусматривающие поддержку малых фермерских хозяйств, кооперативов, внедрение инновационных агротехнологий, повышение доступности образовательных и медицинских услуг.

6. В Канаде программы по развитию сельских территорий направлены на стимулирование экономического роста через инвестиции в инфраструктуру, поддержку инноваций и развитие сельских сообществ. Они включают гранты и кредиты для фермеров, а также инициативы по сохранению окружающей среды.

7. Австралийское правительство активно поддерживает сельские территории через программы, направленные на повышение конкурентоспособности аграрного сектора, улучшение транспортной и коммуникационной инфраструктуры и развитие туризма. Особое внимание уделяется климатическим изменениям и адаптации сельского хозяйства к новым условиям.

8. В Новой Зеландии уделяется внимание развитию органического сельского хозяйства и устойчивых практик землепользования. Государственные программы включают поддержку инновационных фермерских методов, развитие сельского туризма и инициативы по сохранению биоразнообразия.

ЦЕЛЬ, МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данное исследование ставит целью актуализировать роль стратегического и бизнес-планирования в устойчивом развитии сельских территорий России. Подробнее проблематика рассмотрена на материалах юго- и северо-восточных районов РБ, которые занимают более четверти территории региона и находятся на протяжении последних десятилетий в депрессивном состоянии.

Информационно-методологическую базу изучения развития сельских территорий составили статистические данные по РФ, РБ, результаты личных наблюдений авторов, социально-экономических работ Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского

центра Российской академии наук (далее – ИСЭИ УФИЦ РАН), коллег из Сибайского института (филиала) Уфимского университета науки и технологий, Академии наук РБ, других научных и образовательных учреждений РФ [5–7].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно государственной программе РБ «Комплексное развитие сельских территорий Республики Башкортостан» на начало 2023 г. сельское население региона составляло 1 535,2 тыс. чел. (37,7 % от общей численности населения республики), сократившись по сравнению с 2020 г. на 26 тыс. чел.

Доля сельского населения в общей численности населения региона в 2020 г. – 38,2 %. Оно проживает в 54 муниципальных районах Башкортостана, объединивших 4 538 сельских населенных пунктов. Плотность населения – 28,3 чел. на 1 км^2.

Преобладающая часть людей проживает в сельских поселениях с численностью до 10 тыс. чел. Эти населенные пункты отличаются недостаточно развитой коммуникационной, транспортной и инженерной инфраструктурой, не имеют соответствующей современным условиям базы для оказания сельскому населению образовательных, медицинских, жилищно-коммунальных и социально-культурных услуг, характеризуются высоким уровнем безработицы и бедности.

В большинстве административных районов сельское хозяйство по-прежнему остается основной сферой приложения труда жителей, вследствие чего сельскую экономику можно характеризовать как моноотраслевую.

Уровень жизни сельского населения остается низким, увеличивается разрыв между городом и селом по величине доходов. В 2022 г. среднемесячная номинальная заработная плата в сельском хозяйстве составила 35 294,2 руб.[12], что практически в два раза ниже средней заработной платы по региону.

Наиболее сложная ситуация наблюдается в юго- и северо-восточных районах региона, которые уже долгие годы относятся к категории депрессивных и дотационных.

Ниже нами приводятся исследования сотрудников Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов России (далее – НИФИ Минфина России) по данным Федеральной службы государственной статистики, проведенные ими в рамках подготовки Стратегии развития Зауралья РБ до 2030 г. (см. таблицу).

Таблица

Доля отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства)

Регион	Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства), млн руб., 2020 г.	Доля в показателе по региону, %	Доля в показателе по Зауралью, %
Республика Башкортостан	1 938 395	100	–
Зауралье, всего	70 477	4	100
Сибай	10 618	1	15
Абзелиловский район	2 234	0,1	3
Баймакский район	3 200	0,2	5
Бурзянский район	291	–	0,4
Зианчуринский район	566	–	1
Зилаирский район	343	–	0,5
Учалинский район	42 120	2	60
Хайбуллинский район	11 105	1	16

Составлено авторами по материалам источника[13]

[12] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 12.12.2019 г. № 728 «Об утверждении государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий Республики Башкортостан» и о внесении изменений в некоторые решения Правительства Республики Башкортостан» (с изменениями на 08.12.2020 г.). Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/561663813 (дата обращения: 20.09.2024).

[13] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 07.09.2022 г. № 516 «О Стратегии социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 года и плане мероприятий по ее реализации». Режим доступа: https://npa.bashkortostan.ru/36398/ (дата обращения: 20.09.2024).

По данным таблицы видно, что доля отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) Зауралья РБ в целом и отдельных районов ничтожно мала. Аналогичная ситуация характерна и для северо-восточных районов региона. При этом они имеют огромный природно-ресурсный потенциал, богатые месторождения различных полезных ископаемых, значительные земельные площади (территории Зауралья и северо-востока РБ занимают в совокупности более четверти площади республики).

Эти территории характеризуются сейчас спадом объемов сельскохозяйственного и промышленного производства ввиду массового банкротства в 1990–2000-е гг. ключевых предприятий, безработицей, оттоком молодежи в города, деградацией населения, снижением качества сельской жизненной среды [6].

Для вывода экономики этих субрегионов из кризиса в 2010–2011 гг. сотрудниками ИСЭИ УФИЦ РАН совместно с учеными Академии наук РБ, специалистами различных министерств и ведомств РБ, администраций городов и районов были разработаны вышеупомянутые среднесрочная комплексная программа экономического развития Зауралья на 2011–2015 гг.[14] и среднесрочная комплексная программа социально-экономического развития северо-восточных районов РБ на 2011–2015 гг.[15]

Данные программы в дальнейшем были дополнены и пролонгированы вначале до 2020 г., а затем до 2024 г. Однако многое из запланированного в них еще не выполнено, в частности, в области повышения эффективности производства и занятости населения, диверсификации экономики, развития перерабатывающей промышленности, сельскохозяйственной кооперации, малого и среднего бизнеса, из-за недостаточного финансирования проектов, неэффективного муниципального и агроменеджмента, нецелевого использования бюджетных средств и ряда других объективных и субъективных причин.

Поэтому в 2023 г. при участии авторов данного исследования специалистами НИФИ Минфина России была разработана и утверждена Правительством РБ новая Стратегия социально-экономического развития Зауралья РБ до 2030 г.[16], и сейчас рабочие группы по различным направлениям Центра стратегических разработок РБ и Министерства экономического развития РБ создают, также при участии авторов данной статьи, аналогичную стратегию применительно к северо-востоку Башкортостана.

Как нам представляется, для комплексного анализа и решения социально-экономических проблем депрессивных сельских территорий и эффективной разработки новых, для контроля, корректировки существующих региональных, субрегиональных и муниципальных стратегий, программ и бизнес-планов сейчас актуальна организация в республике при Минсельхозе РБ Центра.

Центр может стать ключевой составляющей многопрофильного научно-образовательного аграрного кластера, основная цель которого – комплексное исследование приоритетных направлений и научное обеспечение социально-экономического, экологического и культурно-образовательного развития сельских районов РБ [6].

При этом он не должен копировать функции существующих федеральных, региональных и муниципальных структур, так или иначе занимающихся мониторингом развития территорий, а дополнять их работу, указывать на пробелы в реализации социально-экономической и экологической политики в отношении проблемных сельских районов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Стратегическое планирование сельских территорий за рубежом может быть полезно для адаптации и применения в различных регионах РФ.

В настоящее время в качестве примеров успешного, результативного планирования применительно к социально-экономическому развитию сельских территорий России, в том числе с использованием лучших зарубежных практик, можно отнести следующее.

1. Стратегические программы по развитию агро- и этнотуризма, малого и среднего предпринимательства, включая поддержку за счет государственных грантов сельскохозяйственных товаропроизводителей, сельскохозяйственных потребительских кооперативов (гранты на строительство соответствующей

[14] Министерство сельского хозяйства Республики Башкортостан. Среднесрочная комплексная программа экономического развития Зауралья на 2011–2015 годы. Режим доступа: https://agriculture.bashkortostan.ru/about/projects/all/47/?ysclid=m7d2ferau8397449494 (дата обращения: 20.09.2024).

[15] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 09.11.2011 г. № 395 «О среднесрочной комплексной программе социально-экономического развития северо-восточных районов Республики Башкортостан на 2011–2015 годы». Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/463515111?ysclid=m7d2ler5oc782705532 (дата обращения: 20.09.2024).

[16] Постановление Правительства Республики Башкортостан от 07.09.2022 г. № 516 «О Стратегии социально-экономического развития Зауралья Республики Башкортостан до 2030 года и плане мероприятий по ее реализации». Режим доступа: https://npa.bashkortostan.ru/36398/ (дата обращения: 20.09.2024).

производственной, транспортной и социальной инфраструктуры, покупку оборудования для переработки и упаковки сельскохозяйственной продукции, на продвижение гастрономических и этнографических туристических маршрутов).

2. Внедрение экологических проектов по сохранению и восстановлению природных ресурсов, таких как лесовосстановление, развитие органического земледелия и устойчивого туризма. Эти инициативы не только защищают окружающую среду, но и создают новые рабочие места и источники дохода.

3. Внедрение инновационных технологий в аграрный сектор, включая использование дронов для мониторинга полей, системы точного земледелия и умные теплицы. Это позволяет повысить производительность и эффективность сельскохозяйственных работ.

4. Разработка новых агро-, этно- и гастротуров, этнокультурных проектов, таких как исторические экскурсии, этнографические музеи и этнофестивали, которые способствуют привлечению туристов, повышению инвестиционной привлекательности села и развитию местной экономики, сохранению народных промыслов и ремесел, обычаев и культуры сельского населения.

Одним из ключевых аспектов успешного стратегического и бизнес-планирования на сельских территориях является активное вовлечение местных жителей. Участие местного сообщества и предпринимателей в процессе планирования, рост их гражданской активности обеспечивает учет потребностей, идей и предложений жителей, что дает большие гарантии в реализации бизнес- и социальных проектов по более эффективному и устойчивому развитию сельской местности.

Однако в настоящее время во многих деревнях и селах население резко сокращается и не проявляет должную активность из-за оттока в города, высокой смертности как результата роста алкоголизма, сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний, суицидов.

В качестве основных способов вовлечения селян в процесс стратегического и бизнес-планирования можно выделить следующие:

1) проведение регулярных встреч с местным населением для обсуждения планов и стратегий развития, что позволяет учитывать мнения и предложения жителей;

2) формирование специализированных рабочих групп и комитетов, включающих представителей местного бизнеса, общественных организаций и органов власти для совместной работы над проектами;

3) использование публичных опросов и анкетирования для сбора мнений и предложений от широкой аудитории жителей;

4) организация обучающих семинаров, тренингов и информационных кампаний в целях повышения осведомленности и навыков местного населения.

Для успешного стратегического и бизнес-планирования развития сельских территорий необходимо учитывать следующие аспекты:

1) комплексный учет всех составляющих развития сельской местности, включая экономику, экологию, социальные и культурные аспекты;

2) активное вовлечение местных жителей в процесс планирования и реализации проектов;

3) внедрение современных технологий и инновационных решений для повышения эффективности и устойчивости;

4) разработка и внедрение государственных программ и субсидий для поддержки сельского бизнеса и инфраструктуры;

5) участие в международных проектах и программах, обмен опытом и привлечение иностранных инвестиций;

6) развитие образовательных программ и программ повышения квалификации для местного населения.

В РБ, как и в других субъектах РФ, к настоящему времени стратегии развития до 2030 г. формально имеются у всех муниципальных образований. Они выложены на сайтах городов и районов региона. Однако качество разработки многих стратегий низкое, так как они были выполнены в сжатые сроки и с нарушением многих обязательных процедур стратегирования.

В частности, публичного обсуждения многих стратегий практически не было, в некоторых не учтены основные положения национальных проектов РФ и других программных документов, индикаторы и основные пункты которых носят не только рекомендательный, но и обязательный характер.

Поэтому к настоящему времени нет примеров успешной полноценной реализации стратегий в сельских районах РБ на практике с соответствующими цифрами по окупаемости тех или иных проектов.

Отдельные же данные отчетности администраций районов, выложенные на сайтах, часто уже неактуальны, больше носят декларативный характер и часто не соответствуют реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, стратегическое и бизнес-планирование в настоящее время играют ключевую роль в устойчивом развитии сельских территорий, обеспечивая комплексный и системный подход к решению социальных и экономических проблем.

Бизнес-планы, стратегии и программы социально-экономического развития села в РФ должны разрабатываться с учетом передового зарубежного опыта и предполагать реальный вывод сельских районов, прежде всего депрессивных, на новый качественный уровень социально-экономического развития за счет широкой диверсификации экономики села, повышения эффективности использования государственных и частных финансовых ресурсов, совершенствования производственной и непроизводственной инфраструктуры, роста туристической и инвестиционной привлекательности сельских территорий.

Список литературы

1. *Ахметов В.Я., Садыков Р.М.* К вопросу о необходимости разработки стратегий развития АПК муниципальных образований Республики Башкортостан. АПК: Экономика, управление. 2020;3:4–13. https://doi.org/10.33305/203-4
2. *Калафатов Э.А.* Сельские территории как объект системы стратегического планирования. Московский экономический журнал. 2019;12. https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-10210
3. *Альдракипова Э.И.* Роль бизнес-планирования в развитии сельскохозяйственных организаций. В кн.: Интеллектуальный потенциал молодых ученых как драйвер развития АПК: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и обучающихся, Санкт-Петербург – Пушкин, 15–17 марта 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет; 2023. С. 630–632.
4. *Ухалина О.В., Горячева А.В., Кузьмин В.Н., Горячко М.Д., Седова Н.В., Сальников С.Г. и др.* Стратегическое планирование комплексного развития сельских территорий. М.: Росинформагротех; 2023. 128 с.
5. *Барлыбаев А.А., Ахметов В.Я.* Мониторинг социально-экономической ситуации на селе как предпосылка эффективной аграрной политики. В кн.: Стратегия развития региона: социально-экономические инновации: материалы конференции, Орел, 16 мая 2000 г. Орел: ОРАГС; 2001. С. 183–186.
6. *Ахметов В.Я., Садыков Р.М.* Социально-экономический мониторинг развития сельских территорий Республики Башкортостан: современное состояние и направления совершенствования. АПК: Экономика, управление. 2021;7:82–87. https://doi.org/10.33305/217-82
7. *Барлыбаев А.А., Барлыбаев У.А.* Стратегия устойчивого развития сельской территории (на примере Баймакского муниципального района Республики Башкортостан). Никоновские чтения. 2009;14:109–111.

References

1. *Akhmetov V.Ya., Sadykov R.M.* On the issue of the need to develop strategies for the development of agro-industrial complex of municipalities of the Republic of Bashkortostan. Agro-industrial complex: Economics, management. 2020;3:4–13. (In Russian). https://doi.org/10.33305/203-4
2. *Kalafatov E.A.* Rural territories as an object of the strategic planning system. Moscow Economic Journal. 2019;12. (In Russian). https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-1021
3. *Aldrakipova E.I.* The role of business planning in the development of agricultural organizations. In: Intellectual potential of young scientists as a driver of agricultural development: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists and Students, St. Petersburg – Pushkin, March 15–17, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University; 2023. Pp. 630–632. (In Russian).
4. *Ukhalina O.B., Goryacheva A.B., Kuzmin B.H., Goryachko M.D., Sedova H.B., Salnikov C.G. et al.* Strategic planning of an integrated rural development. Moscow: Rosinformagrotech; 2023. 128 p. (In Russian).
5. *Barlybaev A.A., Akhmetov V.Ya.* Monitoring of the socio-economic situation in rural areas as a prerequisite for effective agrarian policy. In: Regional development strategy: socio-economic innovations: Proceedings, Oryol, May 16, 2000. Oryol: ORAGS; 2001. Pp. 183–186. (In Russian).
6. *Akhmetov V.Ya., Sadykov R.M.* Socio-economic monitoring of rural development of the Republic of Bashkortostan: current state and directions of improvement. Agro-industrial complex: Economics, management. 2021;7:82–87. (In Russian). https://doi.org/10.33305/217-82
7. *Barlybaev A.A., Barlybaev U.A.* Strategy of sustainable development of rural territory (on the example of the Baymaksky municipal district of the Republic of Bashkortostan). Nikonovskie readings. 2009;14:109–111. (In Russian).

УДК 332.1 JEL I3, R1 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-113-120

Концептуальные подходы к определению социально-экономической защищенности на региональном уровне

Кривенцова Людмила Анатольевна

Ведущий экономист Центра экономической безопасности
ORCID: 0000-0001-9172-4239, e-mail: kriventsova.la@uiec.ru

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

В работе исследуется вопрос применимости термина социально-экономической защищенности на региональном уровне. Ввиду разделения экономических и социальных аспектов данный термин до сих пор не получил широкого распространения, однако, учитывая тесную взаимосвязь этих аспектов, целесообразно исследование социально-экономической защищенности с использованием интегративного подхода. Целями настоящей работы являются формулировка авторского видения концептуальных подходов к определению социально-экономической защищенности региона и построение ее понятийно-категориальной схемы. В работе используются методы критического анализа и систематизации опубликованных теоретических и прикладных исследований российских ученых. Результаты выявили, с одной стороны, многофакторность понятия социально-экономической защищенности, а с другой – наличие общих тенденций социально-экономического развития, направленных на обеспечение уровня и качества жизни населения на региональном уровне. Авторское обоснование концептуального подхода к определению социально-экономической защищенности региона заключается в интегративном рассмотрении данной категории как достижения такого уровня развития, при котором экономическое состояние субъекта является гарантом достойного уровня жизни населения и наличия достаточных ресурсов для его обеспечения. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшем для разработки методического аппарата для оценки степени социально-экономической защищенности регионов.

Ключевые слова

Социально-экономическая защищенность, социальная защищенность, экономическая безопасность, социальная защита, рынок труда, благосостояние, качество жизни, российские регионы

Благодарности. Работа выполнена в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Для цитирования: Кривенцова Л.А. Концептуальные подходы к определению социально-экономической защищенности на региональном уровне//Вестник университета. 2025. № 1. С. 113–120.

© Кривенцова Л.А., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Conceptual approaches to defining socio-economic protection at the regional level

Liudmila A. Kriventsova
Leading Economist of the Centre for Economic Security
ORCID: 0000-0001-9172-4239, e-mail: kriventsova.la@uiec.ru

Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Abstract

The paper examines the applicability of the term "socio-economic protection at the regional level. Since there is a division between economic and social aspects, this term has not yet become widespread. However, considering the close relationship between these aspects, it is important to study socio-economic protection using an integrative approach. The purposes of this research are to formulate the author's vision of conceptual approaches to defining the socio-economic protection of a region and to construct its conceptual and categorical scheme. The study uses methods of critical analysis and systematisation of published theoretical and applied research by Russian scientists. The results have revealed, on the one hand, the multifactor nature of the concept of the socio-economic protection, and, on the other hand, the existence of general trends in socio-economic development aimed at ensuring the standard and quality of life of the population at the regional level. The author's substantiation of the conceptual approach to defining the socio-economic protection of a region implies an integrated consideration of this category as achievement of the level of development when the economic state of the region acts as a guarantor of a decent standard of living for the population and availability of sufficient resources to ensure it. The results of the study can be used in the future to develop a methodological apparatus for assessing the level of the socio-economic protection of regions.

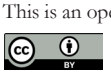
Keywords

Socio-economic protection, social security, economic security, social protection, laboru market, welfare, quality of life, Russian regions

Acknowledgments. The paper has been conducted in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kriventsova L.A. (2025) Conceptual approaches to defining socio-economic security at the regional level. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 113–120.

© Kriventsova L.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).



ВВЕДЕНИЕ

Обширные исследования российских ученых в сфере социально-экономического развития и экономической безопасности делают целесообразным выделение одного из важнейших направлений – социально-экономической защищенности. Обращаясь к понятию «социально-экономическая защищенность», ученые, как правило, рассматривают вопросы социального обеспечения, социальной политики, наличия необходимых и достаточных ресурсов для ее реализации. Однако в качестве самостоятельного термина данное понятие не получило широкого распространения ввиду разделения экономических и социальных аспектов. Особенно актуально исследование социально-экономической защищенности в сложной геополитической обстановке, в условиях беспрецедентного количества санкций по отношению к Российской Федерации (далее – РФ): следует отметить как угрозы экономического характера на уровне страны и регионов, так и угрозы социального характера для населения региона, связанные с уровнем качества жизни, защищенностью в финансовой сфере, в сфере инвестиций, бизнесе, на рынке труда.

Учитывая взаимосвязь и взаимовлияние экономических и социальных аспектов на уровень социально-экономического развития региона, а также на социально-экономическое благополучие граждан, возможности полноценной реализации человеческого потенциала, целесообразно исследование социально-экономической защищенности с использованием интегративного подхода.

Целями данной работы являются формулировка авторского видения концептуальных подходов к определению социально-экономической защищенности региона, построение ее понятийно-категориальной схемы. В работе используются методы критического анализа и систематизации опубликованных теоретических и прикладных исследований российских ученых.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЗАЩИЩЕННОСТИ

Научное обоснование феномена социально-экономической защищенности получило свое развитие в трудах отечественных ученых с начала XXI в. Первое исследование защищенности как экономической категории было представлено В.А. Шабашевым и Е.А. Морозовой [1]. Авторами предпринята попытка объединить и определить взаимосвязь понятия защищенности с уровнем и качеством жизни. С позиции социально-ориентированного подхода авторы оперируют понятием социальной защищенности, рассматриваемой как степень гарантированного обеспечения равного доступа граждан к определенному минимуму социальных благ, основной задачей которой является сглаживание социального неравенства. Социально-ориентированного подхода придерживаются и Н.Ю. Комарова, и Е.И. Холостова. Так, Н.Ю. Комарова рассматривает социальную защищенность как синоним системы социальной защиты и анализирует теоретические вопросы социального обеспечения [2]. Е.И. Холостова подчеркивает роль государства как гаранта социальной защищенности населения в направлении снижения социальных рисков [3].

Социально-экономическая защищенность занятого населения обсуждается в работе О.Ю. Богдановой. По мнению автора, развитие рыночных отношений привело к появлению новых социальных рисков, что и актуализирует проблему усиления социально-экономической защищенности занятого населения. Социальная защита при этом должна включать не только выплату пособий и компенсаций, но и создание экономических условий для эффективного труда и гарантированного получения дохода населением с целью повышения благосостояния и развития человеческого потенциала. При этом массовую безработицу автор относит к основным угрозам защищенности. Термин «социальная защищенность» О.Ю. Богданова видит как комбинацию социально-экономических и правовых гарантий и как характеристику эффективности системы мер социальной защиты. Автор дает следующее определение данной экономической категории: система мер по организации социальной защиты, обеспечивающих гарантированный уровень основных важных условий жизнедеятельности не только самого человека, но и воспроизводства его как общественного существа [4].

И. Соболева, Т. Чадова определяют социальную защищенность как составляющую качества жизни населения, характеризующую стабильность его социально-экономического положения, уверенность в будущем, эффективность механизмов защиты от рисков [5]. На основе опроса работающих респондентов

в трех регионах РФ авторы провели сопоставление динамики социальной защищенности различных категорий населения в разные периоды экономического развития и выявили, что состояние здоровья работающих является серьезным дестабилизирующим фактором. Авторы опираются на концепцию достойного труда и теорию человеческого капитала.

В работе Ю.А. Фридмана, Г.Н. Речко и Ю.А. Писарова исследованы теоретические вопросы экономической защищенности региона и выделены такие характеристики, как уровень его экономического потенциала; эффективность использования экономического потенциала; привлекательность региона для населения; привлекательность региона для бизнеса; инновационность экономики региона [6]. Развитие теоретических аспектов защищенности позволило авторам сформулировать собственный подход: степень безопасности экономики как уровень ее защищенности, тем самым они предлагают толковать словосочетание «экономическая безопасность» словосочетанием «безопасность экономики».

Отдельные исследования Т.В. Стариковой и Д.Е. Овчинникова касаются вопросов влияния инвестиций на социально-экономическую защищенность населения региона. Старикова Т.В. в качестве основного индикатора уровня социальной и экономической защищенности использует показатель напряженности на рынке труда [7]. Автор подтверждает гипотезу о положительном влиянии реализации инвестиционных проектов на сокращение численности безработных и анализирует социальные эффекты инвестиций. Овчинников Д.Е. доказывает, что формирование благоприятного инвестиционного климата в регионе способствует повышению защищенности прав инвесторов [8].

Л.И. Берестова, Т.А. Ярославцева делают акцент на защищенности определенных категорий граждан в качестве поддержки людей, испытывающих финансовые трудности и имеющих неудовлетворительные жилищные условия [9]. Авторы рассматривают социально-экономическую защищенность в широком смысле как часть национальной безопасности страны, а в узком смысле – как систему мер, направленную на защиту населения от экономической бедности и социальной деградации. То есть социально-экономическая защищенность в институциональном плане является аспектом уровня жизни населения. К целям ее системы авторы относят стабилизацию среднего уровня жизни граждан, сокращение масштабов бедности и уменьшение разрывов в уровне жизни между различными категориями населения. По мнению авторов, доходы той или иной группы населения влияют на социальный статус, а экономическое развитие конкретного региона напрямую оказывает воздействие на качество жизни населения той или иной территории. Положительное влияние уровня социально-экономического развития региона на социальную защищенность граждан и их экономическое благосостояние подтверждается в работах А.А. Поляковой, А.С. Карасевой, Е.А. Кумалаговой [10; 11].

Социологическое исследование категории защищенности представлено в работе А.В. Мозговой, Е.В. Шлыковой [12]. Авторы используют методологические принципы социологии риска, основанные на динамическом подходе, и концепцию приемлемого риска. Приемлемый риск рассматривается как показатель определенного уровня защищенности субъектов (объектов) от вредных воздействий различных источников. Авторы подчеркивают проблему неравномерности и неравенства регионов не только по уровню социально-экономического развития, но и по распределению рисков. В рамках теории человеческого капитала и на основе данных всероссийского проекта «Социокультурные портреты регионов России» Г.Ф. Ромашкина и М.В. Худякова проанализировали индекс защищенности жителей региона как составляющую индекса социального самочувствия [13]. Авторы определяют уровень защищенности от потери работы, преступности, одиночества и заброшенности, бедности, преследований за политические убеждения, произвола правоохранительных органов, экологической угрозы. К основным параметрам защищенности авторы относят материальное благополучие, образование, состояние здоровья. Особо отмечена положительная взаимосвязь между удовлетворенностью жизнью и материальной обеспеченностью семьи.

Теоретическое исследование понятия социальной защищенности проведено в работе В.А. Никонова [14]. В рамках социально-правового подхода автор определяет социальную защищенность как такое состояние социальной безопасности граждан, при котором выполняется весь комплекс гарантируемых государством конституционных, законодательных и социальных обязательств. Акцент сделан на необходимости реализации государственной социальной политики, направленной на гарантирование социальных прав и свобод. Отмечая психологический аспект восприятия человеком уровня своей защищенности, автор приходит к выводу о взаимосвязи данного аспекта восприятия с конкретными

социально-экономическими условиями развития региона проживания. Поэтому в задачи социальной политики государства необходимо включать обеспечение достойного уровня жизни людей, реализацию их интеллектуального и профессионального потенциала.

Социально-правовые аспекты социальной защищенности личности рассмотрены также в работе В.М. Сайфутдиновой [15]. По мнению автора, социальная защищенность является элементом социальной и экономической безопасности личности и позволяет сформулировать основные положения для реализации социальной политики государства. Таким образом, под социальной защищенностью автор понимает результат всего комплекса мер, направленных на повышение качества и уровня жизни населения. Социально-экономические права, реализуемые через систему социальных гарантий и экономических возможностей общества, изучены в работе Н.А. Левченко, С.А. Иващенко и Е.В. Романенко [16]. В качестве основных параметров социальных прав выделены возможности получения дохода в результате трудовой деятельности, достижение конкретного уровня жизни, гарантии социального обеспечения определенных категорий граждан, то есть предоставление материальных благ для достойной жизни. Правовые аспекты экономической и социальной защищенности человека также рассмотрены в работе Г.Д. Садовниковой [17].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИЩЕННОСТИ

В работе А.С. Лылова отдельно рассматривается социально-экономическая защищенность сельской территории, включая такие категории, как доходность, занятость, социальные стандарты и инфраструктура [18]. Анализ трудовой сферы села выявил следующие угрозы (негативные факторы) социально-экономической защищенности: высокий уровень безработицы, низкая оплата труда, низкий уровень развития социальной и коммунальной инфраструктуры.

Оперируя понятием защищенности экономической системы регионов как интегральной характеристикой состояния экономики субъекта, Е.С. Сапожникова разработала методику оценки степени защищенности регионов, определяемую через категории угроз: рост инфляции, неисполнение финансовых обязательств (рост дефицита бюджета), увеличение задолженности по налогам и сборам, рост уровней бедности населения и безработицы, ухудшение экологической ситуации [19]. Качество жизни граждан и устойчивое развитие являются объектами защиты. В расчетах используются индикативный метод оценки уровня защищенности экономики субъектов РФ и сравнение с пороговым значением. В качестве порогов применяются среднероссийские значения показателей.

Т.А. Бондарская и О.В. Бондарская определяют термин социально-экономической защищенности как синоним безопасности [20]. Используя методы статистического анализа, авторы рассмотрели социально-экономические угрозы в контексте выполнения стратегии социально-экономического развития региона: динамика численности постоянного населения; среднемесячная заработная плата; обеспеченность населения жилыми помещениями; число больничных коек; число преступлений на 100 тыс. населения; структура инвестиций в основной капитал. Авторы отмечают определенную зависимость между уровнем социально-экономического развития территории и ее социально-экономической защищенностью.

Уровень социальной защищенности как проблемная зона устойчивого развития региона исследуется в работе С.Н. Третьяковой [21]. Концепция устойчивого регионального развития предполагает создание сбалансированного сочетания экономических, социальных и экологических целей в региональном планировании, оказывая содействие экономическому росту при сохранении природных ресурсов и обеспечении социальной интеграции [22]. С.Н. Третьякова подчеркивает актуальность и необходимость в системном управлении устойчивым развитием регионов для устранения диспропорций в уровне их развития, что способствует не только повышению степени социальной защищенности населения, но и укреплению национальной безопасности страны.

П.А Ильин разработал математическую модель оценки уровня экономической безопасности личности, учитывающую оценку доходов, расходов, долговых обязательств, наличия имущества, семьи, образования, а также влияния окружающей среды, для идентификации очагов социальной напряженности [23]. Тем самым автор объединил финансово-экономические аспекты защищенности и социально-культурные особенности личности. Исследование дополнено математическим моделированием уровня экономической защищенности интересов региона с использованием балльной оценки факторов его финансово-экономического, социального, производственного, а также миграционного состояния [24]. Финансовая

безопасность и защищенность личности как достижение определенного уровня благосостояния человека обсуждается в работе Л.Р. Курмановой, Д.А. Курмановой, Р.Г. Хабибуллина [25]. К показателям, которые характеризуют степень защищенности важнейших интересов социума и личности от различных угроз, авторы отнесли уровень безработицы, номинальные и реальные доходы населения, темпы роста численности последнего.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ

Проведенный анализ теоретико-методологических подходов к определению социально-экономической защищенности позволил сформировать понятийно-категориальную схему, представленную на рисунке.

Составлено атором по материалам исследования

Рисунок. Понятийно-категориальная схема социально-экономической защищенности

Авторский подход заключается в комплексном рассмотрении влияния экономических и социальных факторов для обеспечения социально-экономической защищенности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ имеющихся исследований показал, что главными проблемами защищенности населения являются неравенство в распределении и использовании доходов от трудовой деятельности, низкий уровень благосостояния и качества жизни, неудовлетворительное состояние рынка труда, безработица, бедность и неблагоприятный инвестиционный климат в регионе. Требуются изучение экономического положения субъекта в неразрывной связи с исследованиями устойчивого пространственного развития, социальной защищенности населения регионов, выявление несоответствий полученных экономических результатов и уровня благосостояния населения, возможности предоставления необходимых объемов образовательных, медицинских услуг, уровня защищенности трудовых ресурсов.

Авторское обоснование концептуального подхода к определению социально-экономической защищенности региона заключается в интегративном рассмотрении данной категории как достижения такого уровня развития, при котором экономическое состояние региона является гарантом достойного уровня жизни населения и наличия достаточных ресурсов для его обеспечения.

Следовательно, главными параметрами защищенности населения выступают, с одной стороны, реализация потенциальных возможностей для экономического роста территории, что обеспечивается благодаря защищенности в финансовой сфере, в ведении бизнеса, инвестиционного климата в регионе, а с другой – состояние рынка труда, уровень безработицы, справедливое получение, распределение и использование доходов от трудовой деятельности, уровень благосостояния и качество жизни.

Предложенный концептуальный подход позволит в дальнейшем сформировать методический аппарат по оценке степени социально-экономической защищенности регионов для достижения устойчивого и сбалансированного пространственного развития.

Список литературы

1. *Шабашев В.А., Морозова Е.А.* Уровень жизни, качество жизни, социальная защищенность общее и особенное. Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005;6(51):103–109.
2. *Комарова Н.Ю.* Социальная защищенность и экономическая эффективность. Государственная служба. 2012;6(80):34–37.
3. *Холостова Е.И.* Современные проблемы социальной защиты в России. Отечественный журнал социальной работы. 2017;3(70):58–67.
4. *Богданова О.Ю.* О социальной защищенности трудозанятого населения в современных условиях. Вестник Ростовского государственного экономического университета. 2009;2(28):57–64.
5. *Соболева И., Чадова Т.* Социально-экономическая защищенность населения: ключевые аспекты и тенденции изменения. Вестник Института экономики Российской академии наук. 2013;6:70–91.
6. *Фридман Ю.А., Речко Г.Н., Писаров Ю.А.* Экономическая безопасность, экономическая защищенность и конкурентоспособность: региональный аспект. Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2015;1(107):122–126.
7. *Старикова Т.В.* Влияние социальной эффективности инвестиционных проектов на макроэкономические показатели регионального развития. Теория и практика общественного развития. 2014;14:84–86.
8. *Овчинников Д.Е.* Факторы участия финансовых институтов в региональном инвестиционном процессе. Финансовый бизнес. 2023;8(242):219–222.
9. *Берестова А.И., Ярославцева Т.А.* Социальная политика и социально-экономическая защищенность многодетных семей в регионах Дальнего Востока. Власть и управление на Востоке России. 2016;4(77):62–75.
10. *Полякова А.А.* Оценка уровня социально-экономического развития региона. Вестник сельского развития и социальной политики. 2018;2(18):22–24.
11. *Карасева А.С., Кумалагова Е.А.* Оценка социально-экономического развития республики Северная Осетия – Алания. Учет и контроль. 2022;12:29–36.
12. *Мозговая А.В., Шлыкова Е.В.* Региональная безопасность как объект социологического мониторинга. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2016;4(16):830–843.
13. *Ромашкина Г.Ф., Худякова М.В.* Социологический анализ факторов и ресурсов человеческого капитала. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020;6(13):232–251. https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.14
14. *Никонов В.А.* Социальная защищенность: суть и значение. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2016;3(37):46–51. https://doi.org/10.18323/2073-5073-2016-3-46-51
15. *Сайфутдинова В.М.* Социальная защищенность и экономическая безопасность личности. Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2020;4(8):51–55. https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2020.8.7
16. *Левченко Н.А., Иващенко С.А., Романенко Е.В.* Социально-экономические права и их роль в обеспечении защищенности человека. Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2021;5(14):113–120. https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-113-120
17. *Садовникова Г.А.* Конституционно-правовая основа экономической и социальной защищенности человека. Образование и право. 2022;2:65–70. https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-65-70
18. *Лылов А.С.* Оценка социально-экономической защищенности сельской территории. Агропродовольственная политика России. 2017;8(68):77–82.
19. *Сапожникова Е.С.* Теоретико-аналитические аспекты диагностики состояния защищенности экономической системы регионов России. Экономика и управление: проблемы, решения. 2018;9(1):92–99.
20. *Бондарская Т.А., Бондарская О.В.* Мониторинг социально-экономических угроз на региональном уровне. Вопросы современной науки и практики. Университет имени В.И. Вернадского. 2019;4(74):48–55. https://doi.org/10.17277/voprosy.2019.04.pp.048-055
21. *Третьякова С.Н.* Устойчивое развитие региона: анализ отдельных показателей Краснодарского края. Вектор экономики. 2023;8(86). https://doi.org/10.51691/2500-3666_2023_8_3
22. *Heisler K.* Sustainable regional development. In: Encyclopedia of quality of life and well-being research. Dordrecht: Springer; 2014. Pp. 6513–6514.
23. *Ильин П.А.* Формирование управленческой модели оценки экономической защищенности интересов личности. Управленческие науки. 2022;3(12):114–128. https://doi.org/10.26794/2304-022X-2022-12-3-114-128
24. *Ильин П.А.* Модель уровня экономической защищенности интересов региона. Экономика устойчивого развития. 2023;2(54):30–37. https://doi.org/10.37124/20799136_2023_2_54_30

25. *Курманова Л.Р., Курманова Д.А., Хабибуллин Р.Г.* Финансовая безопасность личности в условиях нестабильности мировой экономики. Инновационное развитие экономики. 2022;3–4(69–70):289–297. https://doi.org/10.51832/2223798420223-4289

References

1. *Shabashev V.A., Morozova E.A.* Standard of living, quality of life, social security in general and in particular. Bulletin of the Kuzbass State Technical University. 2005;6(51):103–109. (In Russian).
2. *Komarova N.Yu.* Social security and economic efficiency. Public Administration. 2012;6(80):34–37. (In Russian).
3. *Kholostova E.I.* Modern problems of social protection in Russia. Domestic Journal of Social Work. 2017;3(70):58–67. (In Russian).
4. *Bogdanova O.Yu.* On social protection of the employed population in modern conditions. Vestnik of Rostov State University of Economics. 2009;2(28):57–64. (In Russian).
5. *Soboleva I., Chadova T.* Social and economic security of the population: key aspects and change tendencies. Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2013;6:70–91. (In Russian).
6. *Friedman Yu.A., Rechko G.N., Pisarov Yu.A.* Economic safety, economic protection and competitiveness: regional aspect. Bulletin of the Kuzbass State Technical University. 2015;1(107):122–126. (In Russian).
7. *Starikova T.V.* The impact of social efficiency of investment projects on macroeconomic showings of regional development. Theory and Practice of Social Development. 2014;14:84–86. (In Russian).
8. *Ovchinnikov D.E.* Factors of participation of financial institutions in the regional investment process. Financial Business. 2023;8(242):219–222. (In Russian).
9. *Berestova L.I., Yaroslavtseva T.A.* Social policy and socio-economic security of large families in the regions of the Far East. Power and Administration in the East of Russia. 2016;4(77):62–75. (In Russian).
10. *Polyakova A.A.* Assessment of the level of socio-economic development of the region. Bulletin of Rural Development and Social Policy. 2018;2(18):22–24. (In Russian).
11. *Karaseva A.S., Kumalagova E.A.* Assessment of the socio-economic development of the Republic of North Ossetia – Alania. Accounting and control. 2022;12:29–36. (In Russian).
12. *Mozgovaya A.V., Shlykova E.V.* Regional safety as an object of sociological monitoring. RUDN Journal of Sociology. 2016;4(16):830–843. (In Russian).
13. *Romashkina G.F., Khudyakova M.V.* Sociological analysis of human capital factors and resources. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020;6(13):232–251. (In Russian). https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.14
14. *Nikonov V.A.* Social security: essence and significance. Science Vector of Togliatti State University. 2016;3(37):46–51. (In Russian). https://doi.org/10.18323/2073-5073-2016-3-46-51
15. *Saifutdinova V.M.* Social security and economic stability of the person. Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. 2020;4(8):51–55. (In Russian). https://doi.org/10.33184/vest-law-bsu-2020.8.7
16. *Levchenko N.A., Ivashchenko S.A., Romanenko E.V.* Socio-economic rights and their role in ensuring human security. Bulletin of the South-Russian State Technical University. Series: Socio-Economic Sciences. 2021;5(14):113–120. (In Russian). https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-5-113-120
17. *Sadovnikova G.D.* Constitutional and legal basis of economic and social protection of a person. Education and Law. 2022;2:65–70. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2076-1503-2022-2-65-70
18. *Lylov A.S.* Assessment of socio-economic security of rural areas. Agro-food policy in Russia. 2017;8(68):77–82. (In Russian).
19. *Sapozhnikova E.S.* Theoretical analytical aspects of diagnostics of the state of protection of the economic system of Russia's regions. Economics and Management: Problems, Solutions. 2018;9(1):92–99. (In Russian).
20. *Bondarskaya T.A., Bondarskaya O.V.* Monitoring of socio-economic threats at the regional level. Problems of Contemporary Science and Practice. Vernadsky University. 2019;4(74):48–55. (In Russian). https://doi.org/10.17277/voprosy.2019.04.pp.048-055
21. *Tretyakova S.N.* Sustainable development of the region: analysis of individual indicators of the Krasnodar Territory. Vector Economy. 2023;8(86). (In Russian). https://doi.org/10.51691/2500-3666_2023_8_3
22. *Heisler K.* Sustainable regional development. In: Encyclopedia of quality of life and well-being research. Dordrecht: Springer; 2014. Pp. 6513–6514.
23. *Ilyin P.A.* Formation of management model for assessment the economic security of individual interests. Management Sciences. 2022;3(12):114–128. (In Russian). https://doi.org/10.26794/2304-022X-2022-12-3-114-128
24. *Ilyin P.A.* Model of the level of economic protection of the interests of the region. Economics of Sustainable Development. 2023;2(54):30–37. (In Russian). https://doi.org/10.37124/20799136_2023_2_54_30
25. *Kurmanova L.R., Kurmanova D.A., Khabibullin R.G.* Financial security of the individual in the conditions of instability of the world economy. Innovative Development of Economy Journal. 2022;3–4(69–70):289–297. (In Russian). https://doi.org/10.51832/2223798420223-4289

УДК 004.4, 629.113 JEL L8, L62 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-121-129

Оптимизация логистических процессов в автомобильной промышленности

Ляченков Николай Юрьевич

Магистрант

ORCID: 0009-0004-5388-0264, e-mail: Kart2075lyach@gmail.com

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Оптимизация логистических процессов, в частности, в автомобильной индустрии, может идти двумя путями. Первый заключается в том, что создаются совместные предприятия со смежниками-производителями комплектующих на территории базового предприятия по сборке автомобилей. Это позволяет минимизировать логистические цепочки, которые сокращаются до расстояния между соседними цехами. Однако невозможно распространить подобный опыт на всю номенклатуру комплектующих. Поэтому вторым, комплексным путем оптимизации логистики представляется применение современных цифровых технологий: интернета вещей, SCM-систем (англ. supply chain management – управление цепочками поставок). Однако внедрение современных технологичных решений сопряжено с высокими финансовыми и ресурсными затратами, что обусловливает необходимость их эффективного вложения. Следовательно, оценка целесообразности внедрения цифровых решений для оптимизации логистических цепочек в автомобилестроении является актуальной задачей, чему преимущественно и посвящено наше исследование. В ходе работы установлено, что уровень использования цифровых технологий компаниями автомобилестроения невысок. Ключевыми причинами здесь являются их низкая практическая эффективность, слишком высокие затраты на внедрение, а также отсутствие приоритета цифровизации для самих организаций по причине опять же несоответствия ожиданий от внедрения и фактических показателей эффективности той или иной технологии.

Ключевые слова

Автомобилестроение, системный анализ, интернет вещей, искусственный интеллект, логистика, оптимизация, цифровизация, эффективность цифровых технологий, RFID, SCM-системы

Для цитирования: Ляченков Н.Ю. Оптимизация логистических процессов в автомобильной промышленности// Вестник университета. 2025. № 1. С. 121–129.

© Ляченков Н.Ю., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Optimisation of logistics processes in the automotive industry

Nikolay Yu. Lyachenkov
Graduate Student
ORCID: 0009-0004-5388-0264, e-mail: Kart2075lyach@gmail.com

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

Optimisation of logistics processes, in particular, in the automotive industry, can go two ways. The first one implies that joint ventures are created with related component manufacturers on the territory of the base car assembly plant. This allows minimising logistics chains, which are reduced to the distance between neighbouring workshops. However, it is impossible to extend such experience to the entire range of components. Therefore, the second, comprehensive way for logistics optimisation is the use of modern digital technologies: internet of things, SCM (supply chain management) systems. However, implementation of modern technological solutions is associated with high financial and resource costs, which necessitates their effective investment. Consequently, assessing the feasibility of implementing digital solutions to optimise the logistics chains in the automotive industry is an urgent task, which is mainly the focus of our study. In the course of the work, it has been found that the level of use of the digital technologies by automotive companies is low. The key reasons here are their low practical efficiency, too high implementation costs as well as lack of digitalisation priority for the organisations themselves due, again, to the discrepancy between expectations from the implementation and actual performance indicators of a particular technology.

Keywords

Automotive industry, system analysis, internet of things, artificial intelligence, logistics, optimisation, digitalisation, efficiency of digital technologies, RFID, SCM systems

For citation: Lyachenkov N.Yu. (2025) Optimisation of logistics processes in the automotive industry. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 121–129.

© Lyachenkov N.Yu., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Глобализация мирового рынка требует от бизнеса постоянного повышения эффективности внутренних процессов, неотъемлемой частью которых является логистика. Ускорение внутренних потоков сырья, услуг, комплектующих, промежуточных и готовых продуктов выступает ключевой составляющей общего технологического процесса. В автомобилестроении, где количество комплектующих исчисляется тысячами позиций, производство которых может быть разнесено на значительные расстояния, проблемы контроля за движением ресурсов и его оптимизация являются решающими в скорости и эффективности работы конвейерного производства в целом. Различают два основных подхода в оптимизации логистики: сокращение транспортного плеча и внедрение цифровых решений в управлении процессами.

На первом этапе выигрыш в улучшении логистических процессов может быть получен за счет максимизации организации производства комплектующих в непосредственной близости от производства, что снижает риски логистических задержек. Например, «Группа ГАЗ» разместила на своей территории ряд совместных предприятий с партнерами[1], что позволило сократить время на транспортировку и сопутствующие складские операции, а также упростить контроль за качеством отдельных комплектующих.

Однако стоит заметить, что передача ряда операций на аутсорсинг, напротив, является одним из направлений повышения качества отдельных процессов [1]. Следовательно, обратный процесс возврата и совмещения производств в одной точке может отрицательно повлиять на эффективность работы предприятия в целом.

Очевидно, однако, что подобный подход реально осуществить лишь в ограниченном масштабе, поскольку совместить на одной территории производство даже большинства видов продукции смежников не представляется возможным, не говоря уже о полной номенклатуре деталей. Поэтому необходимо более комплексное решение, которое позволяет повысить эффективность всей логистической цепочки в общем без существенных капитальных затрат на перенос целых производств компонентов ближе к конвейеру.

Цифровизация – основной современный тренд мирового развития [2; 3]. Автомобилестроение, являясь одной из самых инновационных отраслей промышленности, является локомотивом внедрения цифровых технологий, что обусловлено спецификой массового производства и высокой конкуренцией на этом рынке. Именно технологии становятся важнейшим конкурентным преимуществом [4]. По мнению ряда авторов, например А.О. Ахмедова [5], Н.А. Карпович [6], Е.В. Кобылиной [7], Д.В. Лемешко [8], Е.А. Малышева, Е.О. Шевеля [9], О.Ю. Морозовой [10], такие технологии, как интернет вещей (англ. Internet of Things, далее – IoT), радиочастотная идентификация (англ. radio frequency identification, далее – RFID) и SCM-системы (англ. supply chain management – управление цепочками поставок) в целом представляют собой новейшие и наиболее перспективные инструменты для выстраивания современной логистики в рамках формирования индустрии 4.0. Они существенно повышают эффективность и упрощают управление ресурсами, складскими запасами и готовой продукцией.

Исходя из работы перечисленных авторов и соображений, высказанных относительно направлений оптимизации логистики в автомобилестроении, мы можем определить главную цель нашего исследования: это оценка масштаба и эффективности внедрения цифровых средств в автомобилестроении на основании анализа статистических данных Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат) об использовании отдельных цифровых технологий в разрезе видов экономической деятельности[2]. В работе применяются системный метод, анализ, синтез для исследования происходящих процессов цифровизации в автомобилестроительном производственном сегменте.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В опрос Росстата в 2022 г. касательно использования организациями отдельных видов цифровых технологий из автомобилестроительной отрасли (код Общероссийского классификатора видов экономической деятельности 2 (далее – ОКВЭД2) – 29) попала 521 организация. В 2023 г. – 536 (из общего количества 5 365 зарегистрированных предприятий по данным сервиса «Прозрачный бизнес» Федеральной налоговой службы[3]). Таким образом, опросом охвачено примерно 10 % компаний. Однако, несмотря

[1] Павлова А. ГАЗ укомплектовали иностранными запчастями. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/2277696 (дата обращения: 27.10.2024).
[2] Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 27.10.2024).
[3] Прозрачный бизнес. Официальный сайт. Режим доступа: https://pb.nalog.ru/ (дата обращения: 27.10.2024).

на кажущийся сравнительно небольшим охват автомобилестроительной отрасли, выборка достаточно равномерна по всем кодам ОКВЭД2, поэтому представляется репрезентативной и удовлетворительной по качеству для задач нашего исследования.

Наша работа будет структурирована по трем основным направлениям. Сначала мы определимся с уровнем распространенности в автомобильной промышленности цифровых технологий, применяющихся для целей оптимизации логистики в работе предприятий в 2022 г. и 2023 г. Второй подраздел текущей статьи будет посвящен анализу препятствий, ограничивающих внедрение современных цифровых технологий. К сожалению, разрез организаций, указавших препятствия, в 2023 г. лимитирован лишь регионами, а данные по экономическим направлениям и кодам ОКВЭД2 относятся только к 2022 г. В третьей, заключительной части мы оценим эффективность отдельных цифровых технологий, применяемых в автомобилестроении Российской Федерации (далее – РФ, Россия) для решения задач повышения качества управления логистикой. Эти данные также относятся к 2022 г., поскольку в 2023 г. описываемый индикатор Росстатом не разрабатывался.

РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЛОГИСТИКОЙ

Рассмотрим число предприятий, применяющих технологичные решения в целях регулирования процессов логистики.

Таблица 1

Количество организаций, использующих цифровые технологии для управления логистическими процессами в 2022 г. и 2023 г.

Технология	Экономика в целом		Автомобильная промышленность в целом (код ОКВЭД2 29)		Автомобилестроение (код ОКВЭД2 29.1)		Выпуск комплектующих (код ОКВЭД2 29.3)	
	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.	2022 г.	2023 г.
SCM-системы	44 494	38 118	109	94	6	28	69	62
ИИ	–	516	–	0	–	0	–	0
Интернет вещей	8 785	9 015	36	30	9	9	23	16
RFID	5 878	5 408	48	36	20	13	22	17

Примечание: ИИ – искусственный интеллект; данные представлены в ед.

Составлено автором по материалам источника[4]

Из материалов табл. 1 можно заключить, что автомобилестроение в целом не является ключевой областью приложения цифровых технологий в логистике. Количество использующих их предприятий едва превысило 100 ед., и динамика применения в целом отрицательная. Хотя непосредственно направление выпуска автотранспортных средств (код ОКВЭД2 29.1) в 2023 г. значительно расширилось применение технологий SCM (рост с 6 до 28 предприятий). В направлении выпуска комплектующих (код ОКВЭД2 29.3) в 2023 г. также снизилось использование всех видов цифровых решений. Очевидно, во многом это объясняется санкциями и уходом с российского рынка ряда зарубежных производителей.

Отметим, что системы управления цепями поставок, ИИ, IoT наибольшее применение нашли в торговом секторе: на них приходится более трети использований. Решения RFID примерно в 20 % случаев также относятся к этому направлению. Поэтому торговля – в определенном, конечно, смысле – является локомотивом внедрения современных логистических решений в стране. Хотя, казалось бы, это далеко не самое инновационное направление в экономике по сравнению, скажем, с автомобильной промышленностью. Однако именно здесь цифровой формат оказался наиболее применим.

Проанализируем число и долю предприятий, прибегающих к технологичным решениям в целях регулирования процессов логистики, по кодам ОКВЭД2.

[4] Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 27.10.2024).

Таблица 2

Количество и доля организаций, использующих цифровые технологии для управления логистическими процессами в автомобильной промышленности в 2022 г. и 2023 г. по кодам ОКВЭД2

Технология	Используют предприятий, ед.	Всего организаций, ед.	Доля использующих технологии, %
29. Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов			
SCM-системы	94	536	17,5
ИИ	0	536	0,0
Интернет вещей	30	536	5,6
RFID	36	536	6,7
29.1. Производство автотранспортных средств			
SCM-системы	28	176	15,9
ИИ	0	176	0,0
Интернет вещей	9	176	5,1
RFID	13	176	7,4
29.3. Производство комплектующих и принадлежностей для автотранспортных средств			
SCM-системы	62	299	20,7
ИИ	0	299	0,0
Интернет вещей	16	299	5,4
RFID	17	299	5,7

Составлено автором по материалам источника[5]

Табл. 2 демонстрирует относительно небольшую широту применения основных видов цифровых технологий для оптимизации логистических процессов. Так, доля использования SCM-систем в автомобилестроении в целом составляет всего лишь 17,5 %, интернета вещей для улучшения качества логистических процессов – 5,6 %, RFID, применение которой тесно увязано с технологией интернета вещей, – всего лишь 6,7 %. ИИ в целях оптимизации логистики предприятиями автомобилестроения не используется вовсе. Хотя в общем по стране число компаний, применяющих ИИ для логистики, достигало в 2023 г. 516 ед.

В производстве автотранспортных средств (код ОКВЭД2 29.1) в среднем уровень использования цифровых технологий для управления логистическими процессами несколько ниже, чем в направлении производства комплектующих и принадлежностей для автотранспортных средств (код ОКВЭД2 29.3), и второе направление видится немного более технологичным, чем основное первое. Хотя, конечно, в целом степень внедрения цифрового формата в обоих невелика. Столь невысокие показатели использования современных технологий имеют ряд причин, поясненных в следующем разделе.

ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассмотрим основные трудности, мешающие организациям применять технологичные решения в своей деятельности (табл. 3).

Таблица 3

Доля организаций автомобилестроения, указавших препятствия к использованию цифровых технологий в своей деятельности в 2022 г.

Препятствие	Код ОКВЭД2					
	29		29.1		29.3	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Технологии ИИ						
Другое	28	72	24	76	32	68

[5] Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 27.10.2024).

Окончание табл. 3

Препятствие	Код ОКВЭД2					
	29		29.1		29.3	
	Да	Нет	Да	Нет	Да	Нет
Слишком высокие затраты в сравнении с эффектом от внедрения	54	46	48	52	58	42
Недостаток или низкое качество данных, необходимых для внедрения технологии	47	53	38	62	53	47
Слабое развитие ИКТ-инфраструктуры	45	55	35	65	50	50
Недостаток кадров	45	55	36	64	50	50
Законодательные и этические ограничения	19	81	14	86	21	79
Отсутствие приоритета использования этой технологии	60	40	47	53	67	33
Интернет вещей						
Другое	28	72	24	76	31	69
Слишком высокие затраты в сравнении с эффектом от внедрения	42	58	37	63	45	55
Недостаток или низкое качество данных, необходимых для внедрения технологии	39	61	33	67	41	59
Слабое развитие ИКТ-инфраструктуры	38	62	33	67	39	61
Недостаток кадров	38	62	33	67	40	60
Законодательные и этические ограничения	19	81	14	86	20	80
Отсутствие приоритета использования этой технологии	53	47	46	54	57	43

Примечание: ИКТ – информационно-коммуникационные технологии; ответ «Да» – препятствует использованию технологии, «Нет» – не препятствует; данные представлены в %

Составлено автором по материалам источника[6]

Как мы видим из табл. 3, довольно существенным фактором, ограничивающим перспективы ИИ в автомобилестроении России, является экономика: затраты на его внедрение просто слишком высоки по сравнению с потенциальным эффектом от реализации в деятельности. Около половины организаций указали на влияние чересчур высокого уровня расходов, и в направлении производства комплектующих эта доля больше (58 % ответов «Да» по сравнению с 54 % в среднем по отрасли).

Также примерно пополам распределились положительные и отрицательные ответы касательно препятствующих факторов в отношении слабого уровня развития информационно-коммуникационной инфраструктуры, недостатка данных для внедрения, а также недостаточной обеспеченности квалифицированными кадрами и просто отсутствия приоритета в развитии своего производства на базе ИИ. Законодательные или этические ограничения практически не влияют на совершенствование технологий ИИ в автомобилестроении.

Препятствий для развития интернета вещей в автомобильной отрасли, судя по табл. 3, существенно меньше, что и понятно: уровень внедрения IoT несравним с практически полным отсутствием технологий ИИ. Впрочем, 5–6 %, которыми характеризуется степень распространения интернета вещей в логистике автомобилестроения, – тоже небольшая цифра. В целом же порядка 30–40 % ответов касаются действительных проблем с высокими затратами, отсутствием инфраструктуры и напряженной ситуации с кадрами.

Самым же распространенным фактором, препятствующим внедрению IoT (как ИИ), является несколько размытый по содержанию ответ «отсутствие приоритета использования технологии». В целом это можно трактовать как простое нежелание обременять себя трудностями с изучением и внедрением новых технологий, что и приводит к отсутствию понимания действительных препятствующих факторов.

Отметим, что на ответ «другое» приходится минимум положительных ответов, поэтому можно считать, что все значимые барьеры уже отражены в табл. 3.

Второй по значимости причиной слабого распространения цифровых технологий в логистике автомобилестроительных компаний, судя по табл. 3, оказался экономический фактор, поэтому следующий раздел нашей работы посвящен именно оценке эффективности внедрения интернета вещей и технологий ИИ для автомобилестроительной отрасли.

[6] Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 27.10.2024).

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Проанализируем, как компании оценили результативность внедрения технологичных решений в свою деятельность (табл. 4).

Таблица 4

Доля ответов на вопрос об оценке влияния внедрения цифровых технологий на предприятиях автомобилестроительной отрасли по данным опроса в 2022 г.

Параметр	Код ОКВЭД 2								
	29			29.1			29.3		
	Оценка влияния от использования								
	–	Нет	+	–	Нет	+	–	Нет	+
ИИ									
Финансовые результаты	4	89	7	1	95	3	5	89	6
Безопасность труда	2	90	8	1	94	5	3	91	7
Повышение качества и характеристик продукции	2	90	9	1	92	7	2	90	7
Рост производительности труда и эффективности внутренних процессов	2	89	9	1	92	7	2	90	7
Рост эффективности взаимодействия с контрагентами	2	90	8	1	93	6	2	90	7
Экология	2	93	6	1	97	2	2	93	5
Интернет вещей									
Финансовые результаты	3	77	20	2	85	13	4	74	22
Безопасность труда	2	82	16	2	88	10	3	81	16
Повышение качества и характеристик продукции	3	82	15	2	86	12	3	82	15
Рост производительности труда и эффективности внутренних процессов	2	77	21	2	80	17	3	76	21
Рост эффективности взаимодействия с контрагентами	2	79	18	2	87	11	3	77	20
Экология	2	88	9	2	96	2	3	87	10

Примечание: данные представлены в %; знаком – отмечено отрицательное влияние; «Нет» – влияния нет; знаком + показано положительное влияние

Составлено автором по материалам источника[7]

Как мы видим из табл. 4, отсутствие технологий ИИ в логистической деятельности автомобилестроительных компаний (описано в табл. 1 и табл. 2 выше) полностью объясняется его фактической бесполезностью. От 89 до 93 % компаний отрасли вообще не ощутили никакого эффекта от внедрения ИИ в свою деятельность. Во-первых, организации, отметившие положительный эффект, составляют крайне малую долю, а во-вторых, она еще и сопоставима с долей тех организаций, для которых новая технология оказалась, скорее, вредна и привела к ухудшению показателей.

Интернет вещей демонстрирует лучшие показатели результативности применения: уже порядка 75–85 % ответов характеризуют степень влияния технологии на деятельность как нулевую, а 15–20 % ответов касаются положительной степени воздействия IoT на работу. Отрицательных ответов чуть меньше – для них более характерна доля 2–3 %.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основной мыслью статьи было разделение инструментов оптимизации логистики для автомобильной промышленности на две группы: первая касалась физического переноса производств комплектующих ближе к основному конвейеру, что привело бы к простому сокращению транспортного плеча. Однако в силу невозможности в большинстве случаев перенести производство или организовать его на новом месте наиболее целесообразным нам представляется оптимизировать саму схему логистики предприятий путем внедрения цифровых технологий в ее управление.

[7] Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/statistics/science (дата обращения: 27.10.2024).

На основе анализа значительного массива данных Росстата по опросам компаний в сфере использования ими цифровых технологий был получен ряд интересных наблюдений, касающихся аспектов применения современных технологических решений в оптимизации логистики автомобилестроительных компаний РФ.

Мы зафиксировали относительно невысокую степень распространенности отдельных цифровых решений: ИИ, интернета вещей и SCM-систем. Причем ИИ вообще не получил практического применения в автомобилестроении.

Ключевой причиной низкого уровня внедрения современных технологий для оптимизации логистических процессов в автомобилестроении является невысокая степень влияния подобных технологических решений на деятельность компаний. Подавляющее большинство организаций автомобилестроительной отрасли (порядка 80–90 %, в зависимости от направления) не ощутили значимой пользы от внедрения тех или иных технологий, в частности, в направлении повышения эффективности внутренних процессов.

Таким образом, оптимизация логистики в автомобильной промышленности за счет использования современных цифровых технологий не представляется эффективной и, очевидно, подходит только для конкретного применения на текущем уровне развития и ограниченных затрат на внедрение.

Список литературы

1. *Сабадаш Ф.А., Толмачев О.М.* Роль логистики при реструктуризации предприятий автомобильной промышленности России. МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016;4(28(7):41–45. https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.4.41.45
2. *Банников С.А.* Управление предприятием в условиях цифровизации – целесообразность внедрения цифровых решений в зеркале статистики. Вестник Челябинского государственного университета. 2024;6(488):190–199. https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-488-6-190-199
3. *Толмачев М.Н., Лосева А.В.* Анализ процессов цифровизации российского бизнеса. Экономические науки. 2022;210:239–243. https://doi.org/10.14451/1.210.239
4. *Лисовский О.С.* Роль логистики в автомобильном производстве: ключевые аспекты отрасли. Экономика и предпринимательство. 2024;7(168):167–170. https://doi.org/10.34925/EIP.2024.168.7.027
5. *Ахмедов А.О.* Цифровизация логистики: от Big Data к интернету вещей. Universum: технические науки. 2024;4–1(121):36–38.
6. *Карпович Н.А.* Применение системы управления складом на основе Интернета вещей для интеллектуальной логистики. Вестник магистратуры. 2022;12–2(135):28–33.
7. *Кобылина Е.В., Червяков В.М.* Интернет вещей в современной транспортной логистике. Экономика и бизнес: теория и практика. 2022;5–2(87):58–62. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-2-58-62
8. *Лемешко А.В.* Потенциальные угрозы интернета вещей в логистике и способы их преодоления. Цифровая наука. 2021;S5:11–24.
9. *Малышев Е.А., Шевель Е.О.* Использование технологии интернет вещей и «умный склад» в складской логистике и ее перспективы развития. Актуальные проблемы экономики и управления. 2023;1(12):304–309. https://doi.org/10.52899/978-5-88303-660-5_304
10. *Морозова О.Ю.* Интернет вещей в логистике. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021;6–1(11):296–302. https://doi.org/10.34670/AR.2021.50.54.030

References

1. *Sabadash F.A., Tolmachev O.M.* The role of logistics in enterprise restructuring in the automobile industry. MIR (Modernization. Innovation. Development). 2016;4(28(7):41–45. (In Russian). https://doi.org/10.18184/2079-4665.2016.7.4.41.45
2. *Bannikov S.A.* Enterprise management in digitalization conditions – the feasibility of implementing digital solutions in the mirror of statistics. Bulletin of Chelyabinsk State University. 2024;6(488):190–199. (In Russian). https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-488-6-190-199
3. *Tolmachev M.N., Loseva A.V.* Analysis of business digitalization processes in Russia. Economic Sciences. 2022;210:239–243. (In Russian). https://doi.org/10.14451/1.210.239
4. *Lisovskii O.S.* The role of logistics in automotive production: key aspects of the industry. Economy and Entrepreneurship. 2024;7(168):167–170. (In Russian). https://doi.org/10.34925/EIP.2024.168.7.027

5. *Akhmedov A.O.* Digitalization of logistics: from Big Data to the Internet of Things. Universum: Technical Sciences. 2024;4–1(121):36–38. (In Russian).
6. *Karpovich N.A.* Application of a warehouse management system based on the Internet of Things for intelligent logistics. Vestnik Magistratury. 2022;12–2(135):28–33. (In Russian).
7. *Kobylina E.V., Chervyakov V.M.* Internet of things in modern transport logistics. Economy and business: theory and practice. 2022;5–2(87):58–62. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2411-0450-2022-5-2-58-62
8. *Lemeshko D.V.* Potential threats of the Internet of Things in logistics and ways to overcome them. Digital science. 2021;S5:11–24. (In Russian).
9. *Malyshev E.A., Shevel E.O.* The use of internet of things technology and "smart warehouse" in warehouse logistics and its development prospects. Actual Problems of Economics and Management. 2023;1(12):304–309. (In Russian). https://doi.org/10.52899/978-5-88303-660-5_304
10. *Morozova O.Yu.* Internet of Things in logistics. Economy: Yesterday, Today, and Tomorrow. 2021;6–1(11):296–302. (In Russian). https://doi.org/10.34670/AR.2021.50.54.030

УДК 338.12.017 JEL F53, L92, O18 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-130-142

Перспективы развития транспортных проектов Евразийского экономического союза и методы их научного анализа и мониторинга

Чепков Арсений Александрович

Аспирант

ORCID: 0009-0008-0359-8171, e-mail: chep991@mail.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

Основным из ключевых направлений развития экономического, торгового и транспортного сотрудничества в регионе Евразии является Евразийский экономический союз. Проведя сравнительный анализ интеграции транспортной системы с международными рынками, мы должны оценить потенциальные риски и возможности, связанные с расширением экономической кооперации. Особое внимание уделяется инновационным решениям в логистике и развитию транспортных коридоров, способных повысить эффективность грузоперевозок. Представлены анализ состояния транспортной отрасли в странах-участницах союза и ключевых вопросов стратегии развития их проектов, а также ряд научных методик, рекомендованных к изучению деятельности проектов и, методы мониторинга; произведен анализ статистики на основе открытых источников и даны выводы по перспективе развития проектов. В работе проводится обоснование необходимости дальнейшего исследования эффективности предложенных методик и стратегий для успешной реализации проектов в долгосрочной перспективе с участием стран, граничащих с членами союза. Результаты исследования могут быть полезны для государственных органов и частного сектора при планировании и реализации транспортных проектов, направленных на укрепление экономических связей в Евразийском регионе.

Ключевые слова

Анализ транспортных проектов, мониторинг транспортных проектов, Евразийский экономический союз, стратегия развития, транспортный коридор, проекты развития ЕАЭС, международная логистика

Для цитирования: Чепков А.А. Перспективы развития транспортных проектов Евразийского экономического союза и методы их научного анализа и мониторинга//Вестник университета. 2025. № 1. С. 130–142.

© Чепков А.А., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Prospects for the development of the Eurasian Economic Union transport projects and methods of their scientific analysis and monitoring

Arsenii A. Chepkov
Postgraduate Student
ORCID: 0009-0008-0359-8171, e-mail: chep991@mail.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The Eurasian Economic Union is one of the key areas for the development of economic, trade and transport cooperation in the Eurasia region. By conducting a comparative analysis of transport system integration with international markets, we should assess potential risks and opportunities associated with the expansion of economic cooperation. Special attention is paid to innovative solutions in logistics and development of transport corridors that can improve the efficiency of the freight. The article presents an analysis of the state of the transport industry in the member states of the Union and key issues of the development strategy of their projects as well as a number of recommended scientific methods for studying the project activities and monitoring methods. Analysis of statistics on the basis of open sources is conducted, and conclusions on the prospects for the development of the projects are given. The article substantiates the need for further research into the effectiveness of the proposed methodologies and strategies for successful implementation of the projects in the long term involving the countries bordering the Union. The results of the study may be useful for government agencies and private sector in planning and implementing transport projects aimed at strengthening economic ties in the Eurasian region.

Keywords

Analysis of transport projects, monitoring of transport projects, Eurasian Economic Union, development strategy, transport corridor, EAEU development projects, international logistics

For citation: Chepkov A.A. (2025) Prospects for the development of the Eurasian Economic Union transport projects and methods of their scientific analysis and monitoring. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 130–142.

© Chepkov A.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Основные векторы развития в транспортной отрасли стран-участниц Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, союз), как следует из исследований: руководство в приоритетных направлениях проектами развития международных транспортных коридоров (далее – МТК) и проектами структурной адаптации экономики, а также заложенные в концепции технологического развития на период до 2030 г.[1,2] С учетом этих положений возникает необходимость решения проблем формирования адекватной системы и контроля за приоритетными отраслями, что, в свою очередь, предполагает использование индикаторов трансформации. Следует отметить, что актуальность выбора транспортной отрасли для изучения тенденций и развития процессов обусловлена не только ее ключевой ролью в экономике, но и наличием признаков, которые могут быть экстраполированы на другие сферы, что поспособствует потребности в поддержании связи и координации работы всех отраслей экономики стран ЕАЭС. Важно учитывать, что сотрудничество между странами-участницами для гармонизации стандартов и упрощения процедур может благоприятствовать увеличению грузооборота и укреплению экономических связей. Безусловно, такие аспекты подчеркивают важность интеграции научных подходов в процесс исследования. В связи с этим становится необходимым комплексный анализ факторов, влияющих на динамику развития, создание систем, которые позволяют более эффективно оценивать процессы внутри данной отрасли и управлять ими. Особое внимание следует уделить оценке разработок и внедрению инновационных технологий, что позволит обеспечить более высокую эффективность и устойчивость транспортных процессов. Поддержка научных исследований и экспериментов поможет выявлять критические точки и заранее реагировать на возможные кризисы. В конечном итоге устойчивое развитие транспортной отрасли будет способствовать экономическому росту и повышению качества жизни в странах ЕАЭС.

СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ СТРАН-УЧАСТНИЦ ЕАЭС

Проанализировав статистические данные[3], можно с уверенностью утверждать, что в евразийском пространстве формируется новая модель мировой торговли. На фоне стремительного роста товарооборота между двумя ключевыми экономическими центрами – Китайской Народной Республикой (далее – КНР, Китай) и союзом – страны ЕАЭС играют все более заметную роль. Это первоочередное значение изучения современных тенденций в международной логистике региона, что делает данный вопрос очень важным.

В 2020–2023 гг. транспортная отрасль ЕАЭС и, в частности, Российской Федерации (далее – РФ, Россия) столкнулась с рядом проблем. Первой волной кризиса была пандемия COVID-19, которая затормозила многие логистические процессы и привела к коллапсу перевозок. Вторым ударом по транспортно-логистической отрасли ЕАЭС и, в частности, РФ стало введение санкций со стороны недружественных стран, в результате которых в 2022 г. произошли логистический кризис и уход многих компаний из разных секторов экономики, что привлекло к глобальному перестроению логистических, финансовых цепочек в сфере логистики и торговли между странами союза. Данные процессы смогли определить, насколько важно технологически и экономически адаптировать эту отрасль с перспективой на будущее, чтобы позволить как частным компаниям, так и государственным развивать большинство ее аспектов с точки зрения перспективы создания новых транспортных коридоров и решений. На данный момент существует ряд документов, описывающих транспортно-логистическое развитие зоны ЕАЭС, принятых на совместных заседаниях[4]. Одним из основных является декларация «Евразийский экономический путь»[5].

С экономической точки зрения в 2023 г. главы государств ЕАЭС поддерживали данную декларацию, направленную на дальнейшее развитие экономических процессов в стране до 2030 г. и на период

[1] Решение Высшего совета Евразийского экономического союза от 16.10.2015 г. № 28 «Об основных направлениях экономического развития Евразийского экономического союза». Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/15vr0028/?ysclid=m6yvm0jcos334584560 (дата обращения: 04.11.2024).

[2] Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01443175/ms_26122023 (дата обращения: 04.11.2024).

[3] Евразийская экономическая комиссия. Статистика ЕАЭС по отраслям статистики. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/ (дата обращения: 04.11.2024).

[4] Итоги заседания Высшего Евразийского экономического совета 25 мая 2023 г. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/news/itogi-zasedaniya-vysshego-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soveta-25-maya-2023-g/ (дата обращения: 05.11.2024).

[5] Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01443175/ms_26122023 (дата обращения: 05.11.2024).

до 2045 г. Следует отметить, что одним из главных принципов ее создания является сложное транспортно-логистическое пространство. Это означает, что предполагается координация стран в развитии транспортной, логистической и цифровой занятости на МТК. Кроме того, имеет значение тот факт, что важной целью данных инициатив является увеличение транзитных перевозок посредством создания транспортных средств хабов и логистических центров.

В этой связи данная декларация включает в себя планы, касающиеся:

– реализации и развития транзитного потенциала в рамках ЕАЭС и координации транспортной инфраструктуры;

– реализации пилотного проекта по внедрению электронного таможенного транзита по маршрутам между Россией и Казахстаном;

– реконструкции автомобильных и железных дорог;

– обеспечения реализации мероприятий комплексного плана развития евразийских транспортных коридоров и проработки вопроса о внесении изменений в Положение о Совете руководителей уполномоченных органов в области транспорта государств-членов ЕАЭС.

Также следует отметить, что в цели акта входит подготовка нормативных актов органов союза касательно:

– развития отдельных участков евразийских транспортных коридоров (маршрутов), выявления и устранения «узких мест»;

– установления целевых индикаторов (показателей) развития евразийских транспортных коридоров (маршрутов);

– создания паспортов евразийских транспортных коридоров (маршрутов);

– определения требований к данным коридорам (маршрутам).

Необходимо подчеркнуть, что в настоящее время завершаются внутригосударственные процедуры, необходимые для подписания проекта соглашения, касающихся допустимых масс, принятых представителей и габаритов.

В 2023 г. в ЕАЭС продолжилось активное развитие транспортной занятости. Несмотря на возникшие сложности, государства не только успешно их преодолели, но и реализовали ряд крупных инфраструктурных проектов. Важно отметить, что в 2023 г. транспортный сектор сыграл ключевую роль в поддержании стабильности.

В 2024 г. стороны и Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК, комиссия) продолжили работу над развитием законодательства союза, касающегося транспортной инфраструктуры. В Договоре о ЕАЭС государства-участники обозначили ключевые направления для согласованной транспортной политики в области инфраструктуры:

– координация улучшения транспортной инфраструктуры (п. 4 ч. 3 ст. 86);

– развитие и создание евразийских транспортных коридоров (п. 2 ч. 3 ст. 86)[6].

Анализ вышеперечисленных факторов демонстрирует факт того, что ЕЭК совместно с государствами-членами союза занимается вопросами создания и развития транспортных коридоров, а также координацией транспортной инфраструктуры. Эта работа ведется в рамках реализации Договора о ЕАЭС, Основных направлений согласованной транспортной политики (утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 197). Прежде всего следует отметить, что в утвержденные планы включены дорожные карты, которые принимаются Евразийским межправительственным советом на трехлетний период, а также другие стратегические документы. Следовательно, стоит подчеркнуть, что современные тенденции развития транспортной отрасли в рамках ЕАЭС ясно указывают на необходимость расширения и увеличения транспортно-логистической занятости для обеспечения более эффективных и устойчивых экономических связей между всеми странами мира. Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что декларация Евразийского экономического пути обеспечивает стратегическую основу для развития данной сферы, акцентируя внимание на глобальной политике государств-членов, модернизации и внедрении передовых технологий. Следовательно, это позволяет адаптироваться к изменениям и вызовам в глобальной экономике, поэтому для эффективной оценки

[6] Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014 г.), (редакция от 25.05.2023 г.), (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 24.06.2024 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 05.11.2024).

[7] Решение Высшего совета Евразийского экономического союза от 26.12.2016 г. № 19 «Об Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств-членов Евразийского экономического союза». Режим доступа: https://www.alta.ru/tamdoc/16vr0019/ (дата обращения: 06.11.2024).

необходима система мониторинга и контроля реализации проектов в отрасли транспорта. Эта система должна не только учитывать текущие тенденции и риски, но и иметь элементы гибкости и проводить мониторинг за каждый определенный этап.

ОБЗОР ПОДХОДОВ И ОЦЕНКИ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНЫХ ПРОЕКТОВ ЕАЭС

Основываясь на приведенном тексте, можно выделить следующие научные аспекты. Для начала мониторинг и повышение эффективности транспортной отрасли, в частности, подразумевают выбор методов контроля, которые, в свою очередь, позволяют обеспечить оценку и стабильное развитие. Примечательно, что этот процесс включает сборку и анализ данных, отражающих динамику изменений в состоянии отрасли и ее развитии. Следовательно, главные методы оценки базируются на качественных и количественных анализах. На основании этих данных формулируются управленческие решения и рекомендации для дальнейшего развития. Кроме того, большинство подходов к оценке развития транспортных коридоров оказываются узконаправленными. Они учитывают отраслевую и целевую специфику и разработаны под конкретную задачу. Например, методика критериев оценки эффективности программ ЕАЭС ориентирована на комплексную оценку эффективности использования бюджетных средств государств союза на совместные программы [1]. Специфически данный подход предполагает, что:

– внедрение проектной структуры бюджетных расходов предусматривает анализ факторов, влияющих на размещение и развитие продукции, а также внедрение процедур управления проектами, что в конечном итоге включает переход к поддержке политических инициатив, которые вносят максимальный вклад в достижение стратегических целей;

– оценка эффективности применения результатов программ стран ЕАЭС проводится с учетом налоговых, таможенных и тарифных мер регулирования. Соответственно, целями этой оценки являются повышение эффективности бюджетной политики и оптимизация ее применения на практике.

Если рассматривать смежные отрасли, а именно экономический аспект, то с точки зрения продвижения товарооборота и развития логистических проектов важной вехой является приграничная электронная торговля в исследовании Ф.Ф. Шарипова и М.А. Дьяконовой [2]. В данном исследовании предложены рекомендации по упрощению правил таможенного оформления, модернизирнизации инфраструктуры логистических каналов и по использованию инновационных способов оплаты.

Также для оценки более точечной эффективности исполнения поставленных задач и реализации проектов существуют рекомендации Коллегии комиссии, принятые государствами-членами ЕАЭС[8,9,10,11]. Разумеется, прежде всего следует отметить, что, согласно научным данным, эти рекомендации обсуждаются на специализированных профильных площадках подкомитетов Консультативного комитета по транспорту и инфраструктуре комиссии. Следовательно, с научной точки зрения они направлены на:

1) создание условий для развития цифровых технологий в транспортной сфере, которые нацелены на значительное повышение качества транспортных услуг с учетом комплексного подхода к интеграции инновационных технологий;

2) совершенствование организации грузовых железнодорожных перевозок посредством внедрения безбумажных технологий, что представляется важным шагом к увеличению эффективности и снижению издержек в логистической цепочке;

3) оптимизацию международных автомобильных грузоперевозок в рамках ЕАЭС за счет снижения затрат, упрощения процессов и активного совершенствования документооборота, что является ключевым фактором в повышении конкурентоспособности и устойчивости транспортной системы региона;

[8] Рекомендация Коллегии Евразийской экономической коллегии от 07.10.2014 № 10 «О Единой методологии тарифообразования в сферах естественных монополий». Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/bf9/Rekomendatsiya-_-10-ot-07.10.2014-g-_s-prilozheniem_ (дата обращения: 07.11.2024).

[9] Рекомендация Коллегии Евразийской экономической коллегии от 22.03.2022 г. № 9 «О количественных и качественных показателях оценки гармонизации законодательства государств-членов Евразийского экономического союза в сфере естественных монополий». Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/515/Rekomendatsiya-EEK-_-9-_-kolich.i-kachestv.-s-pril._-RF (дата обращения: 07.11.2024).

[10] Рекомендация Коллегии Евразийской экономической коллегии от 19.04.2022 г. № 15 «Об основных критериях и условиях отнесения услуг к сфере естественных монополий». Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/880/Rekomendatsiya-_-15-ot-19.04.22-s-prilozh._RF_ (дата обращения: 07.11.2024).

[11] Рекомендация Коллегии Евразийской экономической коллегии от 19.04.2023 г. № 8 «О применении единых принципов и общих правил регулирования деятельности субъектов естественных монополий государств-членов Евразийского экономического союза». Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/0fa/Rekomendatsiya-Kollegii-_-8-ot-19-aprelya-2023-g.-_s-prilozheniem_-RF (дата обращения: 07.11.2024).

4) координацию комплексного развития транспортно-логистических центров в странах ЕАЭС с приоритетом на стратегическое развитие евразийских коридоров, что, по имеющимся исследованиям, обусловлено необходимостью усиления экономической интеграции и повышения транзитного потенциала союза.

Следует также подчеркнуть, что важную роль для успешной и эффективной работы и развития транспортных коридоров играет таможенная безопасность. В соответствии с исследованиями Т.М. Воротынцевой оценка эффективности транспортного потока зависит от комплекса целей, задач и управления государственной территорией в таможенной сфере, включая механизмы обеспечения таможенной безопасности и защиты таможенных интересов [3]. Предполагается, что ключевые элементы процесса – защита внутреннего товаропроизводителя и создание благоприятного инвестиционного климата. В этом контексте таможенная безопасность является главным фактором, обеспечивающим реализацию государственных приоритетов как на международной арене, так и внутри стран ЕАЭС.

Если рассматривать партнерство в сфере транспорта стран-участниц союза при обращении к исследованию Е.В. Пустынниковой, интегративное управление евразийской транспортной системой потенциально обеспечивает синергетический эффект для субъектов на корпоративном, национальном и международном уровнях [4]. Участие разнообразных субъектов с широким отраслевым, территориальным и ресурсным охватом способствует оптимизации ресурсопользования и усилению конкурентоспособности системы. Результативность каждого уровня формирует системную синергию. Модернизация евразийской транспортной инфраструктуры не только важна для участников внешнеторговых операций, но и стимулирует экономическое развитие регионов, государств ЕАЭС и укрепляет международные экономические отношения.

Важно упомянуть тот факт, что после 2022 г., в связи с проведением специальной военной операции, против России и Белоруссии были применены ограничения, которые существенно повлияли на многие секторы экономики. В исследовании о состоянии транспортно-логистического комплекса ЕАЭС после введения ограничительных мер со стороны Европейского союза (далее – ЕС) указываются основные аспекты того, как влияют и могут повлиять санкции, введенные ЕС [5]. В частности, они оказывают значительное воздействие на транспортно-логистический комплекс ЕАЭС, приводя к снижению объемов международных грузоперевозок, особенно между союзом и Европой. В ответ на указанные санкции, как известно, страны ЕАЭС активизировали торговые связи с азиатскими государствами, например с Китаем, что, таким образом, вызвало увеличение грузопотоков через восточные маршруты, преимущественно по железным дорогам. Ограничение доступа к западным технологиям и инвестициям, как следствие, замедлило модернизацию транспортной инфраструктуры. Однако развитие новых маршрутов, таких как «Восток – Запад» и «Север – Юг», позволяет в определенной мере снизить зависимость от западных рынков. Снижение объемов торговли и инвестиций, безусловно, негативно сказалось на занятости в транспортном секторе, вызвав потерю рабочих мест и уменьшение доходов. Тем не менее, транспортно-логистический сектор ЕАЭС, согласно наблюдениям, продолжает развиваться благодаря расширению сотрудничества с Восточной Азией и Ближним Востоком, а также совершенствованию железнодорожной и морской инфраструктуры, что потенциально открывает перспективы для дальнейшего роста.

Реализация инфраструктурных проектов обладает множеством специфических особенностей, которые необходимо учитывать при их оценке. Прежде всего следует отметить, что длительные сроки реализации преимущественно обусловлены большой масштабностью и значительной ресурсоемкостью таких проектов. Помимо этого, необходимо учитывать постоянный дефицит финансирования, который, как известно, является характерной чертой для инфраструктурных проектов. Важно также отметить, что для их успешной реализации требуется высокий инвестиционный порог [6]. Существенным фактором в этой связи являются значительные сроки возврата инвестиций, что подразумевает длительный период, необходимый для получения дохода от вложенных средств. Также стоит подчеркнуть: высокая капиталоемкость свидетельствует о значительных финансовых затратах на строительство и поддержание инфраструктурных объектов. Наконец, мультипликативный эффект демонстрирует широкое влияние данных проектов на экономику, способствуя развитию различных отраслей и созданию новых рабочих мест. С учетом вышеупомянутых особенностей становится очевидным, что оценка и планирование инфраструктурных проектов требуют тщательного и всестороннего подхода, предполагающего принятие во внимание всех аспектов финансовой, временной и ресурсной составляющих.

Таким образом, в научной литературе справедливо отмечается, что в процессе мониторинга и повышения эффективности транспортной отрасли ЕАЭС, безусловно, используется комплексный подход,

включающий как качественные, так и количественные методы анализа. В частности, это в первую очередь подразумевает сбор и анализ данных для принятия управленческих решений и рекомендаций. Вдобавок, согласно современным исследованиям, большинство методов оценки являются узконаправленными и разрабатываются под конкретные задачи. С точки зрения научных исследований и разработок за основу оценки стоит брать рекомендации комиссии ЕАЭС, которые, согласно имеющимся данным, включают развитие цифровых технологий и повышение качества транспортных услуг; внедрение безбумажных технологий для организации грузовых железнодорожных перевозок; оптимизацию международных автоперевозок; координацию развития транспортно-логистических центров с акцентом на евразийские коридоры. Необходимо подчеркнуть, что таможенная безопасность в этом контексте играет важную роль в реализации государственных приоритетов, защите внутреннего товаропроизводителя и в создании благоприятного инвестиционного климата. Следовательно, основные акценты в процессе оценки и мониторинга эффективности, как правило, включают комплексную оценку и использование данных; методы оценки развития, направленные на конкретные задачи; развитие цифровых и безбумажных технологий; оптимизацию и координацию транспорта и инфраструктуры.

ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА ЕАЭС И ИХ МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ

В научной среде широко признается, что в перечне целей развития транспортных коридоров ЕАЭС имеется увеличение грузопотока между странами в разных областях перевозок, таких как авиационные, морские, железнодорожные, автомобильные перевозки и трубопроводный вид транспорта. Исследования показывают, что логистика государств союза динамично прибавляет темпы роста. С каждым годом значительно больше грузов перемещаются в зоне ЕАЭС между странами, что указывает на обнаружение тенденции о необходимости внедрения новейших технологий, улучшения экономической интеграции государств союза в сферу транспорта. Применение развитой транспортной инфраструктуры, а также отсутствие внутренних таможенных границ и свободное перемещение товаров внутри ЕАЭС, согласно современным взглядам, могут стать ключевыми стабилизирующими элементами для экономик государств-членов в нынешних условиях. Эти факторы поддерживают взаимосвязи и обеспечивают устойчивое развитие на фоне постоянных вызовов, как отмечается в ряде исследований.

В 2023 г. этап текущей оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ) приведен на основе отчета ЕЭК[12]. В соответствии с данными исследования в 2023 г. в рамках оценки (публичных обсуждений) было рассмотрено 53 проекта решений комиссии, что, согласно статистическим данным, на 28,4 % меньше по сравнению с 2022 г., когда таких было 74. В дополнение к этому итоговая ОРВ (подготовка заключений об ОРВ) в 2023 г. охватила 61 проект решения комиссии. Это, в свою очередь, свидетельствует о существенном снижении количества участников публичного обсуждения: со 166 в 2022 г. до 57 в 2023 г., что, по вычислениям, составляет сокращение на 65,66 %. Следует отметить: распределение участников публичного обсуждения проектов среди государств-членов ЕАЭС в ходе процедуры ОРВ проектов решений ЕЭК в 2023 г. (см. рисунок).

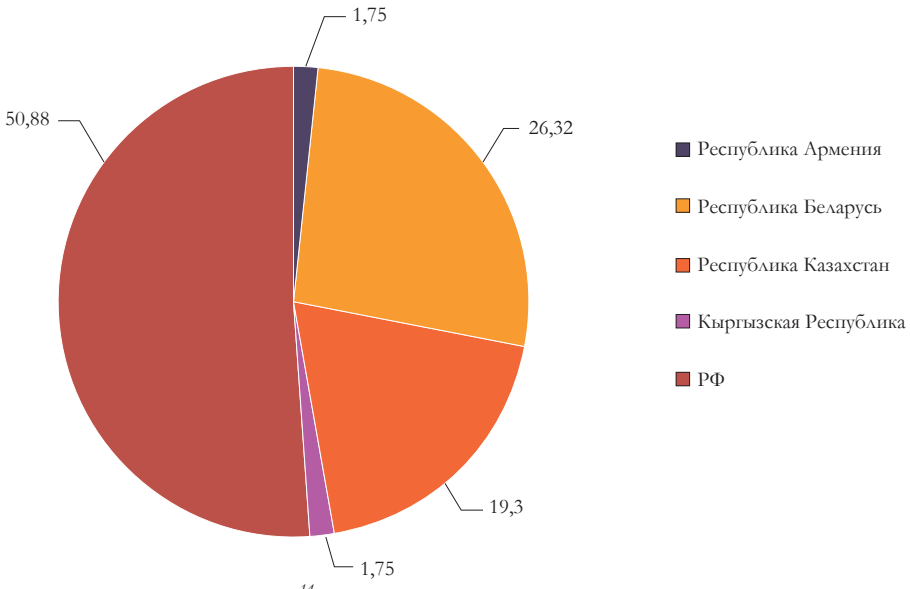
По результатам 2023 г. также наблюдается значительное уменьшение доли государственных органов, участвующих в публичных обсуждениях, практически в два раза. Если в 2022 г. их доля составляла 21,08 %, то в 2023 г. данный показатель снизился до 12,28 %. Однако примечательно, что фиксируется увеличение доли участников из числа представителей бизнес-сообщества государств-членов ЕАЭС.

Если углубляться в оценку транспортных проектов союза, то стоит обратиться к анализу динамических рядов в категории статистики разных видов транспорта[13].

Анализ индекса перевозок грузов по всем видам транспорта демонстрирует, что по итогу к июню 2024 г. тенденция к увеличению индекса грузопотока наблюдается у большинства стран ЕАЭС, в особенности самый высокий рост показала Россия, что составляет 106,9 % по сравнению с предыдущим годом (табл. 1).

[12] Ежегодный отчет Евразийской экономической комиссии «О мониторинге проведения оценки регулирующего воздействия проектов решений Евразийской экономической комиссии в 2023 году». Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dobd/advpred/Otchet_monitoring_orv_2023 (дата обращения: 07.11.2024).

[13] Евразийская экономическая комиссия. Транспорт. Динамические ряды. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/transport/series/ (дата обращения: 08.11.2024).



Составлено автором по материалам источника[14]

Рисунок. Распределение участников публичного обсуждения проектов решений ЕЭК в рамках процедуры ОРВ в 2023 г. по государствам-членам ЕАЭС

Таблица 1

Индексы перевозок грузов по всем видам транспорта за 2024 г.

Страна-участник	Период											
	Январь	Январь – февраль	Январь – март	Январь – апрель	Январь – май	Январь – июнь	Январь – июль	Январь – август	Январь – сентябрь	Январь – октябрь	Январь – ноябрь	Январь – декабрь
ЕАЭС (в общем)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Армения	80,5	87,3	81,2	83,2	82,4	83,2	–	–	–	–	–	–
Беларусь	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Казахстан	99,5	99,5	103,4	104,4	104,1	104,8	–	–	–	–	–	–
Кыргызстан	104,3	104,9	104,8	108,8	105,8	106,8	–	–	–	–	–	–
Россия	100,1	105,9	106,3	106,7	106,9	106,9	–	–	–	–	–	–

Примечание: данные представлены в процентах к соответствующему периоду предыдущего года

Составлено автором по материалам источника[15]

[14] Евразийская экономическая комиссия. Транспорт. Динамические ряды. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/transport/series/ (дата обращения: 08.11.2024).

[15] Евразийская экономическая комиссия. Транспорт. Динамические ряды. Индексы перевозок грузов по видам транспорта. 2014–2024. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/transport/series/ (дата обращения: 08.11.2024).

Из статистических данных можно понять: индекс растет в Казахстане, Кыргызстане и РФ, что сигнализирует о повышении спроса на перевозки в странах ЕАЭС. В Армении наблюдается обратная тенденция по сравнению с другими государствами-членами союза. Согласно проведенным исследованиям республика остается менее интегрированной в грузооборот МТК. Тем не менее, в 2023 г., по последним данным и аналитическим прогнозам, наметилась положительная тенденция – рост грузооборота через пограничные пункты Армении. Эти изменения могут указывать на начало новых процессов в логистической инфраструктуре региона.

Далее следует обратиться к динамике грузооборота по всем видам транспорта на основе отчета ЕЭК (табл. 2).

Таблица 2

Динамика грузооборота по всем видам транспорта за 2024 г.

Страна-участница	Период											
	Январь	Январь – февраль	Январь – март	Январь – апрель	Январь – май	Январь – июнь	Январь – июль	Январь – август	Январь – сентябрь	Январь – октябрь	Январь – ноябрь	Январь – декабрь
ЕАЭС (в общем)	98,1	100,5	100,6	100,0	100,1	100,0	–	–	–	–	–	–
Армения	86,8	89,4	92,7	90,5	88,5	88,3	–	–	–	–	–	–
Беларусь	95,6	101,6	103,1	104,1	103,9	103,4	–	–	–	–	–	–
Казахстан	98,5	96,8	97,1	96,8	97,1	98,2	–	–	–	–	–	–
Кыргызстан	118,8	108,8	110,3	108,5	108,4	106,3	–	–	–	–	–	–
Россия	98,2	100,8	100,9	100,2	100,3	100,2	–	–	–	–	–	–

Примечание: данные представлены в процентах к соответствующему периоду предыдущего года

Составлено автором по материалам источника[16]

По таблицам можно отметить, что динамика грузооборота по видам транспорта в большинстве своем показала незначительный рост у РФ и худшую динамику для Казахстана и Армении. Это в том числе связано с тем, что, согласно текущим научным данным, в настоящий момент наблюдается больший грузопоток через направление «Восток – Запад», а не через направление «Север – Юг». Если использовать данные за 2023 г., то увеличение грузопотока представляет собой положительное явление. В упомянутых данных за этот год можно отметить, что объем перевозок достиг более 19 млн т на участке «Север – Юг». Если рассматривать аспект оценки реализации приоритетных проектов, осуществляемой сторонами на национальном уровне, то на этот момент не инициировано принятие решений о совместной реализации и об участии бюджета ЕАЭС в финансировании проектов на уровне союза. Важную роль в грузообороте и развитии логистических маршрутов ЕАЭС играет Китай, являющийся стратегическим партнером союза и рассматриваемый в качестве кандидата. КНР по большей части выступает мощным и крупным импортером всех разновидностей товаров. Согласно научным исследованиям и историческому

[16] Евразийская экономическая комиссия. Транспорт. Динамические ряды. Динамика грузооборота по видам транспорта (в процентах к предыдущему периоду). 2014–2024. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/transport/series/ (дата обращения: 08.11.2024).

контексту несколько лет назад главы государств-членов ЕС и Китая озвучили идею объединения евразийской интеграции и китайского проекта «Один пояс – один путь». Это, в частности, является четким выражением в совместном заявлении РФ и КНР о содействии созданию евразийского экономического мира и Экономического пояса Шелкового пути, подписанном 8 мая 2015 г., а также в соглашении между ЕАЭС и Китаем о торгово-экономическом правительстве.

В соответствии с конкретными задачами проекта «Один пояс – один путь» одной из главных целей является создание международных транспортных магистралей и экономических коридоров, способствующих развитию международной торговли. Для обеспечения надежной, безопасной и эффективной транспортной сети, как говорят эксперты, необходимо совместными усилиями сформировать новую Евразийскую трансконтинентальную магистраль, а также транспортные коридоры между Китаем и Монголией, Китаем и Центральной Азией, а также Китаем и Южной Азией. Следует отметить, что каждое из 5 государств ЕАЭС играет главную роль партнера в этом проекте, и КНР уже ведет связное сообщение с большинством из данных стран. С экономической точки зрения Евразийская трансконтинентальная магистраль ориентирована прежде всего на повышение уровня жизни в странах-участниках инициативы «Один пояс – один путь» и ЕАЭС, а также на ускорение экономического развития региона. Исходя из экономических и социальных исследований этот проект может значительно способствовать укреплению экономических связей и повышению инвестиционной привлекательности региона. Строительство международных железнодорожных объектов будет благоприятствовать развитию железнодорожной интеграции и углублению технического сотрудничества между вариантами. Кроме того, эксплуатация этих железных дорог создаст новые рабочие места и позволит быстро провести крупные магистрали.

Обращаясь к динамике грузооборота по железнодорожному транспорту в странах ЕАЭС за период с 2015 г., можно заметить, что прирост был стабильным по всем государствам союза. 2018 г. стал самым успешным по показателям, однако после пандемии рост в большинстве стран после 2019 г. начал наблюдаться только с 2022 г. (табл. 3).

Таблица 3

Динамика грузооборота по железнодорожному транспорту за 2014–2023 гг.

Страна-участница	Год									
	2014	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**
ЕАЭС (в общем)	106,3	99,5	100,4	107,0	104,5	100,1	98,3	103,3	–	–
Армения	92,4	81,5	102,7	104,8	106,1	118,0	97,5	96,4	111,8	58,3
Беларусь	102,7	90,6	100,8	118,1	108,3	91,7	88,0	104,9	–	–
Казахстан	121,3	95,3	89,4	111,6	106,3	101,2	104,4	99,4	103,4	106,9
Кыргызстан	100,8	90,9	87,9	116,1	101,4	91,6	107,7	107,0	101,1	107,1
Россия	104,7	100,2	101,7	106,4	104,2	100,2	97,8	103,7	99,9	100,0

Примечание: данные представлены в процентах к предыдущему году

Составлено автором по материалам источника[17]

Известно, что на морские перевозки приходится более 90 % от общего грузооборота государств-членов ЕАЭС, что свидетельствует о высокой значимости международных морских транспортных перевозок в глобальном масштабе. Анализ динамики грузопотоков через пограничные пункты в странах союза на основе данных за 2023 г. показывает смещение транспортных потоков в направлении «Восток – Запад». При этом значение морского транспорта остается неизменно высоким, подчеркивая необходимость его дальнейшего развития.

[17] Евразийская экономическая комиссия. Транспорт. Динамические ряды. Динамика грузооборота по железнодорожному транспорту. 2005–2023, 2014-2024. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/transport/series/ (дата обращения: 08.11.2024).

В то же время в 2023 г. наблюдались существенные изменения в железнодорожном грузообороте РФ[18]. Суммарный грузооборот через железнодорожные пункты пропуска составил 58,89 млн т брутто в исходящем сообщении и 13,537 млн т брутто во входящем. По сравнению с 2022 г. исходящий грузооборот сократился на 12 %, а входящий – на 37 %. Это снижение обусловлено прежде всего уменьшением объемов перевозок в Западную Европу, продолжающейся реорганизацией транспортных коридоров и реконструкцией железнодорожной инфраструктуры. Однако, несмотря на эти факторы, грузопоток в направлении восточных морских портов Дальнего Востока, а также Китая и Монголии увеличился на 7 %.

Что касается автомобильного транспорта, то в 2023 г. его грузооборот на всех российских пограничных переходах составил 11,302 млн т брутто на экспорт и 11,357 млн т брутто на импорт. Примечательно, что годом ранее наблюдалось значительное снижение этого показателя – на 24,7 % по сравнению с 2021 г.[19]

С точки зрения научного анализа особое внимание в настоящее время уделяется развитию МТК, в частности направления «Север – Юг», роль которого неуклонно растет. Согласно аналитическим данным для этого предпринимаются серьезные усилия: создаются коллегиальные органы для оценки данных как на международном, так и на национальном уровне. Примечательно, что РФ и Республика Казахстан активно работают над развитием Каспийского транспортного блока, ключевого участка МТК «Север – Юг». Эти инициативы, как показывают предварительные исследования, могут значительно усилить логистический потенциал региона, что, в свою очередь, способствует укреплению экономических связей. Таким образом, развитие данного направления имеет важное значение для обеспечения устойчивого роста экономики. Ожидается, что в 2024 г. на юге России будет открыт крупнейший контейнерный хаб, способный значительно повысить судоходные возможности региона. Хотя местная портовая инфраструктура (морские порты Оля и Астрахань) может перерабатывать более 16 млн т грузов в год, она используется лишь на 25 % от своей мощности. Недавний рост грузооборота во многом связан с увеличением объемов перевозок по транскаспийскому сегменту МТК «Север – Юг».

Кроме того, с точки зрения научного анализа реализация мероприятий в рамках евразийской интеграции, как правило, включает разработку плана по развитию экономического и торгового сотрудничества между Китаем и ЕАЭС, предполагающего цифровизацию железнодорожных перевозок, что является важным шагом в дальнейшем углублении интеграционных процессов. Эта ведущая мера должна быть внедрена не только в странах союза, но и в КНР, что обусловливает ее транснациональный характер. Следует отметить: для успешной реализации создали рабочую группу, включающую представителей таможенных ведомств, таможенных органов, а также специалистов в области фитосанитарного и ветеринарного контроля и железнодорожных перевозчиков стран ЕАЭС. Это свидетельствует о комплексном подходе к решению поставленных задач. Сотрудничество в данном направлении может превратиться в ключевой фактор в укреплении экономических связей в регионе, что подчеркивает важность комплексного подхода к интеграционным процессам, занимающего вопросами цифровых транспортных коридоров. Для регулярного взаимодействия и оперативного решения возникающих проблем сформирована группа по обсуждению и реагированию на инциденты и вопросы.

С точки зрения авторского подхода, согласно современным исследованиям, для обеспечения национальной эффективности применения таможенно-тарифных мер следует учитывать их потенциальное воздействие на развитие международной торговли между государствами-членами ЕАЭС, специфику функционирования всех участников международных цепей поставок. С другой стороны, важно анализировать взаимодействие этих мер с внутренними экономическими условиями и международными торговыми тенденциями. В данном контексте использование научно обоснованных подходов позволит оптимизировать таможенно-тарифную политику с целью ее наибольшего вклада в экономическое сотрудничество и интеграцию. В этой связи ключевым аспектом становится разработка механизмов, стимулирующих деятельность каждого хозяйствующего субъекта в реализации собственных экономических интересов, но не наносящих ущерба национальным интересам.

Более того, концепция такой системы должна предусматривать механизмы, которые наиболее эффективно влияют на каждый субъект для достижения ими общественно значимых целей.

[18] Евразийская экономическая комиссия. Транспорт. Динамические ряды. Динамика грузооборота по железнодорожному транспорту. 2014-2024. Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/transport/series/ (дата обращения: 08.11.2024).

[19] Там же.

Это предполагает создание инструментов, способных гармонизировать частные экономические интересы с общенациональными приоритетами, что является фундаментом устойчивого развития международной торговли в рамках ЕАЭС.

Таким образом, разработка и внедрение соответствующих стимулов требует комплексного подхода, учитывающего как индивидуальные потребности хозяйствующих субъектов, так и коллективные интересы государства. Это позволит обеспечить сбалансированное развитие международной торговли и укрепить экономическое сотрудничество между странами-участницами союза. Формирование транспортных коридоров ЕАЭС происходит динамично, особенно в сферах авиационных, морских, железнодорожных и автомобильных перевозок. Логистические процессы внутри стран союза способствуют увеличению грузопотоков в направлении «Восток – Запад», что обусловлено такими факторами, как развитие трудовой деятельности, экономическая интеграция и отсутствие внутренних таможенных границ. Однако стоит отметить: показатели грузооборота между странами ЕАЭС остаются неравномерными, что требует дальнейшего анализа и принятия мер для сбалансированного развития транспортной системы союза и ее основных проектов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из анализа данных исследований развития транспортной отрасли в странах ЕАЭС, можно выделить несколько ключевых моментов и факторов, которые определяют перспективы и задачи.

С научной точки зрения прежде всего следует отметить, что основной стратегический акцент сделан на создании единого транспортно-логистического пространства между различными организациями ЕАЭС. Это проявляется в комплексном подходе к интеграции транспортных систем и инфраструктур. Согласно Декларации «Евразийский экономический путь», подписанной в 2023 г., особое внимание уделяется, с одной стороны, развитию транспортных коридоров, таких как «Север – Юг» и «Восток – Запад», а с другой – повышению эффективности логистических процессов. В результате системного анализа данных инициатив можно ожидать значительного роста экономической взаимосвязанности между странами-членами союза. Одним из ключевых направлений, как показывают исследования, является увеличение транзитных грузоперевозок, что предполагает модернизацию и расширение занятости, а также цифровизацию производства. Кроме того, важным этапом стало осуществление таможенного транзита между Россией и Казахстаном, что способствует повышению скорости и эффективности грузоперевозок.

В 2023 г. особый акцент, согласно статистическим данным, был сделан на развитии железнодорожных и портовых перевозок. Планируется, что запуск крупнейшего контейнерного хаба на юге РФ позволит увеличить пропускную способность региона. Следует подчеркнуть: порты Астрахань и Оля уже могут перерабатывать более 16 млн т грузов в год, однако на данный момент они загружены лишь на 25 %. Примечательно, что развитие транскаспийского сегмента транспортного коридора «Север – Юг» также внесло значительный вклад в рост грузооборота. Анализ статистических данных подтверждает, что транспортные отрасли ЕАЭС динамично развиваются, несмотря на вызовы, такие как пандемия и санкции. Наибольший прирост грузоперевозок наблюдается в России, Кыргызстане и Казахстане, тогда как в Армении отмечаются меньшие темпы продвижения в направлении транспортных коридоров. Дополнительно важно обратить внимание на устранение «узких мест» в них.

Таким образом, благодаря оценке транспортных проектов ЕАЭС можно сделать вывод, что нынешнее развитие транспортной системы союза свидетельствует о необходимости инвестиций в инфраструктуру и технологии с акцентом на интеграцию стран и их позиции в мире, которые достигаются вследствие транспортных связей.

Список литературы

1. *Котилко В.В.* Критерии оценки эффективности программ ЕАЭС. В кн.: Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: материалы XVII Международной научной конференции «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения», выпуск 1, часть 1, Москва, 1 января – 31 декабря 2017 г. М.: Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; 2018. С. 470–471.
2. *Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А.* Перспективы развития трансграничной электронной торговли между РФ и КНР. Путеводитель предпринимателя. 2021;3(14):18–28. https://doi.org/10.24182/2073-9885-2021-14-3-18-28
3. *Воротынцева Т.М.* Алгоритм формирования набора показателей эффективности таможенного регулирования международной торговли в государствах-членах ЕАЭС. Управление. 2024;2(12):23–30. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-23-30

4. *Пустынникова Е.В.* Процесс эффективного управления евроазиатской транспортной системой на условиях интеграции. Управление. 2023;4(11):25–34. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-23-30
5. *Аллахвердиев Э.М., Мустафаев Т.Г.* Транспортно-логистический комплекс ЕАЭС после введения ограничительных мер со стороны Европейского союза. Инновации и инвестиции. 2023;7:432–435.
6. *Булохова Т.А., Оленцевич В.А.* Ключевые аспекты финансирования программ развития инфраструктурного комплекса ЕАЭС. Постсоветский материк. 2022;2(34):42–52. https://doi.org/10.48137/23116412_2022_2_42

References

1. *Kotilko V.V.* Criteria for evaluating the effectiveness of EAEU programmes. In: Great Eurasia: development, security, cooperation: Proceedings of the XVII International Scientific Conference "Modernisation of Russia: priorities, problems, solutions", issue 1, part 1, Moscow, January 1 – December 31, 2017. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; 2018. Pp. 470–471.(In Russian).
2. *Sharipov F.F., Dyakonova M.A.* Prospects for the development of cross-border electronic commerce between the Russian Federation and the People's Republic of China. Entrepreneur's Guide. 2021;3(14):18–28. (In Russian). https://doi.org/10.24182/2073-9885-2021-14-3-18-28
3. *Vorotyntseva T.M.* Algorithm for forming a set of indicators of international trade customs regulation effectiveness in the EAEU member states. Management. 2024;2(12):23–30. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-23-30
4. *Pustynnikova E.V.* Process of effective management of the Eurasian transport system on the terms of integration. Management. 2023;4(11):25–34. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-2-23-30
5. *Allahverdiyev E.M., Mustafayev T.G.* Transport and logistics complex of the EAEU after the introduction of restrictive measures by the European Union. Innovation & Investment. 2023;7:432–435. (In Russian).
6. *Bulokhova T.A., Olentsevich V.A.* Key aspects of financing the development programs of the EAEU infrastructure complex. Post-Soviet Continent. 2022;2(34):42–52. (In Russian). https://doi.org/10.48137/23116412_2022_2_42

УДК 332.62 JEL L74 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-143-148

Роль оценки недвижимого имущества в управлении собственностью субъектов хозяйственной деятельности

Астафьева Ольга Евгеньевна[1]

Канд. экон. наук, зав. каф. экономики и управления в строительстве
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Власов Данил Михайлович[2]

Руководитель проектов
ORCID: 0009-0004-4002-8726, e-mail: danilansk22@mail.ru

[1]Государственный университет управления, г. Москва, Россия

[2]Публичное акционерное общество «Ростелеком», г. Москва, Россия

Аннотация

В работе исследуется роль оценки недвижимого имущества в управлении собственностью. Цель – подтвердить гипотезу об эффективности использования методов и методик, применяемых в российской практике оценки рыночной стоимости недвижимого имущества. Гипотеза базируется на постулате о том, что для успешной работы предприятия любой актив должен приносить положительный эффект в величине, нивелирующей затраты на приобретение, эксплуатацию и модернизацию. Вследствие этого в контексте исследования эффективность управления собственностью рассматривается через призму экономической эффективности. Так, наиболее экономически эффективным управленческим решением при управлении собственностью считается то, которое приносит наибольший денежный поток на выбранном горизонте планирования. Основной задачей в рамках данной работы выступает проведение анализа российской практики оценки недвижимого имущества в контексте поиска эффективных инструментов, позволяющих принимать управленческие решения касательно распоряжения собственностью. Для достижения поставленной цели и задач были использованы в основном общенаучные методы, включая анализ, синтез и обобщение. Было доказано, что применение методов и методик, используемых в российской практике оценки, является целесообразным при принятии управленческого решения касательно распоряжения собственностью. В связи с этим субъектам управления собственностью рекомендуются к изучению основы оценки рыночной стоимости объектов недвижимости.

Ключевые слова

Оценка недвижимости, управление собственностью, эффективность управления, внеоборотные активы, оценочная стоимость, регрессионный анализ, ценообразование

Для цитирования: Астафьева О.Е., Власов Д.М. Роль оценки недвижимого имущества в управлении собственностью субъектов хозяйственной деятельности//Вестник университета. 2025. № 1. С. 143–148.

© Астафьева О.Е., Власов Д.М., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Role of real estate valuation in the management of property of business entities

Olga E. Astafyeva[1]
Cand. Sci. (Econ.), Head of the Economy and Management in Construction Department
ORCID: 0000-0003-3957-790X, e-mail: oe_astafyeva@guu.ru

Danil M. Vlasov[2]
Project Manager
ORCID: 0009-0004-4002-8726, e-mail: danilansk22@mail.ru

[1]State University of Management, Moscow, Russia

[2]Public Joint-Stock Company "Rostelecom", Moscow, Russia

Abstract

The article examines the role of real estate valuation in property management. The purpose of the scientific work is to confirm the hypothesis about the efficiency of applying methods and techniques used in the Russian practice of assessing the market value of real estate. The hypothesis is based on the postulate that for successful operation of an enterprise, any asset should bring a positive effect in the amount that levels the costs of acquisition, operation and modernisation. As a result, in the context of the article, the efficiency of the property management is considered through the prism of economic efficiency. Thus, the most economically efficient management decision in the property management is the one that brings the greatest cash flow on the selected planning horizon. The main objective of this article is to analyse the Russian practice of the real estate valuation in the context of searching for effective tools that allow making management decisions regarding the disposal of property. To achieve the stated goal and objectives, mainly general scientific methods have been used, including analysis, synthesis and generalisation. The article proves that the application of the methods and techniques used in the Russian practice of valuation is appropriate when making a management decision regarding the disposal of the property. Thus, property management entities are recommended to study the basis for assessing the market value of real estate objects.

Keywords

Real estate valuation, property management, management efficiency, non-current assets, estimated value, regression analysis, pricing

For citation: Astafyeva O.E., Vlasov D.M. (2025) Role of real estate valuation in the management of property of business entities. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 143–148.

© Astafyeva O.E., Vlasov D.M., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Недвижимое имущество, являясь одним из самых распространенных внеоборотных активов, часто занимает весомую долю в капитале компании. В то время как для девелоперов недвижимость выступает в качестве определенного рода товара, реализуемого покупателям, для большинства предприятий она принимает форму основных фондов или непрофильных активов, что часто связано с реорганизацией бизнеса.

Одной из главных проблем, с которой сталкиваются субъекты, управляющие собственностью, выступает проблема корректной оценки эффективности принятия управленческого решения: так, управленец, при условии достаточной ликвидности, всегда имеет в качестве альтернативы возможность реализовать объект недвижимости на рынке, что обязывает его непрерывно оценивать целесообразность выбранного способа распоряжения собственностью. Так как владение и распоряжение собственностью априори сопряжено с постоянными затратами, то корректно при принятии решения руководствоваться именно экономической эффективностью, которая оценивает соотношение достигнутых результатов и понесенных затрат.

В то же самое время при проведении оценки рыночной стоимости объекта недвижимого имущества выполняется широкий набор процедур, результатом которого выступает достаточно полная характеристика экономического состояния объекта. Так, при оценке в числе прочего используются методы регрессионного анализа, позволяющие определить факторы, обладающие наибольшим влиянием на стоимость имущества; методы сравнительного анализа, дающие возможность в большей мере изучить рынок; метод дисконтирования денежных потоков, позволяющий учесть временную стоимость денег и оценить эффективность управления, и прочие методы и методики.

На основании указанных выше особенностей выдвигается гипотеза о целесообразности использования существующих методов и методик, применяемых при оценке рыночной стоимости недвижимого имущества, для принятия решений в процессе управления собственностью. В связи с этим в ходе работы необходимо проверить выдвинутую гипотезу, проанализировав российскую практику управления собственностью. Поставленная проблема в современных реалиях является достаточно актуальной. Так, в Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в 2023 г. был побит новый рекорд по объему инвестиций в недвижимое имущество с 2000 г.: объем вложений составил 833 млрд руб., что в 1,5 раза превзошло показатели 2022 г. Более того, 39 % от общих вложений пришлось на торговую недвижимость, для которой проблема управления собственностью является наиболее релевантной[1].

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Под управлением собственностью в рамках данного исследования подразумевается процесс принятия субъектом управления экономических решений, направленных на выбор способа использования недвижимого имущества. В то же время способ распоряжения имуществом включает в себя совокупность разнообразных действий управленца, направленных на достижение поставленной цели по реализации эффективности ведения бизнеса. Цели, преследуемые менеджером, в свою очередь, могут варьироваться от сохранения объекта в состоянии консервации до увеличения генерируемого недвижимостью денежного потока. В связи с этим эффективность управления будет неразрывно связана с поставленной задачей [1]. Для сужения области исследования принимается тот факт, что субъект управления первостепенно преследует цель максимизации экономической эффективности. Таким образом, выдвигается постулат о том, что недвижимость должна приносить достаточный положительный эффект, чтобы превзойти вложенные инвестиции и затраты на обслуживание. В то же время положительный эффект может выражаться как в виде прямого генерируемого денежного потока от использования имущества, так и в виде вклада в основной фонд при производстве товаров, выполнении работ и оказании услуг. Оценка величины вклада имущества в основное производство и эффективность его применения достаточно субъективна и существенно разнится от отрасли к отрасли, в связи с чем главный акцент работы делается на объекты недвижимости, которые не используются предприятием для производства продукции и могут самостоятельно генерировать денежные потоки. К последним в первую очередь относятся объекты коммерческой недвижимости.

[1]Густова Н. Инвестиции в недвижимость в 2023-м побили новый рекорд. Что будет дальше. Режим доступа: https://realty.rbc.ru/news/659e9a9e9a79477fef92287d (дата обращения: 07.09.2024).

Оценка экономической эффективности сводится к анализу соотношения получаемого дохода и понесенных затрат. Целесообразность ее оценки появляется, если управленец имеет как минимум два альтернативных решения касательно распоряжения собственностью, в противном случае результат оценки не может быть использован. Таким образом, основными целями ее проведения выступают получение показателей экономической эффективности определенных способов управления собственностью и их последующее сопоставление [2]. После сопоставления управляющий субъект принимает ту альтернативу из имеющихся управленческих решений, которая показала наилучшую экономическую эффективность. Наибольшая сложность при оценке последней связана с корректным выбором подхода, методов и методик, позволяющих получить достоверный результат, так как менеджеру необходимо определить возможные способы использования недвижимости, затраты на поддержание объекта и требуемые модернизации, состояние соответствующего рынка и перспективы роста [3]. Такой широкий набор факторов, влияющих на принятие управленческого решения, на практике анализируется в процессе проведения оценки недвижимого имущества, в связи с чем выдвигается гипотеза о целесообразности использования методов и методик оценочной деятельности.

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СФЕРЫ ОЦЕНКИ НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

С целью понимания ключевых методов и методик, используемых для оценки недвижимого имущества, необходимо прежде всего обратиться к нормативному регулированию отрасли оценки в России. Основным нормативным документом признается Федеральный закон (далее – ФЗ) № 135-ФЗ от 29 июля 1998 г. «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»[2], который содержит общие положения об оценочной деятельности и, соответственно, о ее регулировании. Согласно ст. 20 закона федеральные стандарты оценочной деятельности являются фундаментальными, в связи с чем содержат ключевые положения о методах и методиках последней в более конкретных обстоятельствах, чем ФЗ № 135-ФЗ.

В рамках оценки недвижимого имущества наиболее полная информация отражена в федеральном стандарте оценки (далее – ФСО) № 7 «Оценка недвижимости», утвержденном приказом Министерством экономического развития РФ от 25 сентября 2014 г. № 611[3]. Данный стандарт выделяет три ключевых подхода к оценке недвижимого имущества, регламентированных в российской практике: сравнительный, доходный и затратный. Каждый из них имеет отличительные предпосылки использования и подразумевает применение различных методов и методик. Так как каждый из подходов направлен на достижение единственной цели, провозглашенной в ст. 3 ФЗ № 135-ФЗ, а именно «установление в отношении объекта оценки рыночной, кадастровой, ликвидационной, инвестиционной или иной стоимости»[4], то в рамках данной работы наибольшее значение имеет не столько получение количественной оценки, сколько аналитический процесс, сопровождающий ее.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОВ И МЕТОДИК ОЦЕНОЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРОЦЕССЕ УПРАВЛЕНИЯ СОБСТВЕННОСТЬЮ

Раздел VI ФСО № 7 устанавливает, что анализ эффективного использования недвижимости лежит в основе оценки рыночной стоимости объекта. В то же время под эффективным использованием, согласно стандарту, подразумевается такой способ, который соответствует наибольшей стоимости объекта. Зависимость оценочной стоимости объекта от способа эксплуатации проявляется при применении доходного и сравнительного подходов. В первом случае способ использования напрямую влияет на объем генерируемого денежного потока, а во втором – на сегмент рынка, в котором будет производиться поиск объектов-аналогов. При анализе способов использования, в соответствии с п. 13 ФСО № 7, оценщик ограничивает анализируемую область юридически разрешенными способами использования объекта оценки. На практике специалист, проводящий анализ и имеющий достаточную квалификацию, обладает информацией о наиболее типичных способах использования недвижимости, соответствующих разрешенному виду использования, конструкционным особенностям, а также географическому

[2] Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 07.09.2024).

[3] Приказ Министерства экономического развития Российской федерации от 25.09.2014 г. № 611. «Об утверждении федерального стандарта оценки «Оценка недвижимости (ФСО № 7)». Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=435158 (дата обращения: 07.09.2024).

[4] Федеральный закон от 29.07.1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19586/ (дата обращения: 07.09.2024).

расположению. Если объект был введен в эксплуатацию и функционирует по определенному назначению, то способ фактического использования является приоритетным, так как не требует дополнительных капиталовложений и оценка будущих денежных потоков обеспечивает большую достоверность за счет наличия ретроспективных данных.

Соответственно, в первую очередь проводится расчет экономической эффективности использования объекта по текущему назначению. Далее управляющему субъекту необходимо выделить потенциально возможные аналогичные способы эксплуатации и рассчитать экономическую эффективность, учитывая в расчетах величину капиталовложений и риск, сопровождающий инвестиционную деятельность при определении новых подходов к использованию имущества.

Расчет экономической эффективности различных способов использования собственности производится на основе анализа соответствующих сегментов рынка. Первоочередно, в соответствии с разделом V ФСО № 7, проводится оценка рынка в совокупности, включая все сегменты. Анализируется влияние политической и социально-экономической обстановки в стране и регионе присутствия объекта на состояние рынка в макроэкономическом разрезе. Далее производится четкое определение сегмента, к которому относятся анализируемые способы использования объекта. После получения перечня рыночных сегментов начинается сбор фактических данных, доступных субъекту проведения оценки, при этом перечень достоверных источников является открытым и определяется посредством профессионального суждения с учетом допущения об уровне достоверности источников. Субъекту оценки необходимо выделить факторы, воздействующие на уровень спроса и предложения в каждом сегменте, на основании которых производится прогнозирование ключевых показателей инвестиционной модели. Так, по результатам данного этапа необходимо получить перечень сегментов рынка в зависимости от способа использования собственности, для каждого из которых представлен прогноз на определенный период, включая следующие характеристики, но не ограничиваясь ими: объем продаж, емкость рынка, ликвидность, диапазон колебания цен, мотивация покупателей и продавцов [4].

Полученные прогнозы динамики выбранных сегментов рынка далее переносятся непосредственно на объект оценки. При этом с целью принятия управленческого решения о выборе способа распоряжения собственностью необходимо произвести расчеты, используя как минимум сравнительный и доходный подходы. В рамках применения сравнительного подхода основной целью выступает получение рыночной стоимости объекта, по которой последний может быть реализован, что в подавляющем большинстве случаев является альтернативным вариантом распоряжения собственностью. Сравнительный подход возможно использовать в тех случаях, когда в доступе у оценщика имеется достаточная информация о стоимости сделок с объектами-аналогами. В таком случае могут быть применены различные методы и методики, присущие данному подходу.

Одной из наиболее точных методик может считаться регрессионный анализ, при котором оценщик конструирует модель ценообразования объекта, перебирая различные факторы влияния, в результате чего при подстановке характеристик объекта в модель на выходе получается его рыночная стоимость [5]. В рамках задачи управления собственностью менеджеру также необходимо составить модели ценообразования для прочих сегментов рынка, где потенциально может быть представлен объект, и рассчитать капитальные затраты на модернизацию последнего. Таким образом, разность полученной цены и капитальных затрат будет демонстрировать финансовый результат от продажи объекта недвижимости. Если применение сравнительного подхода недоступно, то его в данном контексте допустимо заменить на затратный подход, однако это может несколько снизить точность оценки. Доходный подход предполагает, что оценщик, используя полученные ранее прогнозы динамики рынка, а также финансового результата эксплуатации объекта в динамике (за 5–10 лет), при наличии последних рассчитывает денежные потоки в каждый период в рамках горизонта планирования. Наиболее полным методом сравнительного подхода в контексте настоящей работы признается метод дисконтирования денежных потоков, в связи с чем оценщику также необходимо рассчитать ставку дисконтирования.

Существует широкий набор методов расчета ставки дисконтирования, каждый из которых учитывает различные показатели, включая норму доходности, премию за риск, стоимость капитала, безрисковую ставку, но не ограничиваясь ими. Широта подходов позволяет более гибко проводить расчеты, подстраиваясь под задачи управления. После определения ставки субъект оценки производит дисконтирование спрогнозированных потоков и получает объем чистого денежного потока в текущих ценах за период проекта. Суммируя данные потоки с постпрогнозной стоимостью, оценщик получает рыночную стоимость объекта.

В результате проведенного комплексного анализа с применением методов и методик оценочной деятельности субъект управления собственностью владеет следующей информацией:

1) перечень способов использования объекта недвижимости;
2) характеристики сегментов рынка, охватывающих каждый из способов использования объекта;
3) величина капитальных затрат на модернизацию и изменение способа использования объекта;
4) метод ценообразования в каждом сегменте рынка, а также показатели деятельности объектов-аналогов;
5) инвестиционные модели проектов использования объекта.

В процессе получения указанной информации субъект принятия решения производит достаточно полный анализ рынка и доступных альтернатив, в связи с чем перечень методов и методик оценки рыночной стоимости объекта недвижимости может быть признан достаточным для принятия решения о распоряжении собственностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Для подтверждения выдвинутой гипотезы о целесообразности использования методов и методик оценки рыночной стоимости недвижимого имущества была проанализирована российская практика.

На территории России фундаментальные принципы оценки стоимости недвижимого имущества устанавливаются ФСО № 7, анализ текста которого позволяет в первом приближении ознакомиться с процессом оценки и его основными аспектами. В ходе рассмотрения документа были выделены три ключевых раздела нормативного акта, содержащие необходимую в рамках данной работы информацию: раздел V «Анализ рынка», раздел VI «Анализ наиболее эффективного использования» и раздел VII «Подходы к оценке». В каждом из них отражен набор методов, методик и рекомендаций, корректное применение которых позволяет получить рыночную стоимость объекта. Однако в ходе работы было выявлено, что собранная информация также является достаточной и для принятия управленческого решения касательно выбора способа распоряжения собственностью. Так, в процессе оценки производятся анализ различных способов использования недвижимого имущества, оценка соответствующих сегментов рынка и прогнозирование динамики, что, в свою очередь, дает субъекту управления обширную информацию об альтернативных способах распоряжения собственностью. Выделение в практике оценки недвижимого имущества трех подходов к оценке позволяет управленцу не только получить данные о рыночной стоимости реализации объекта, но и просчитать инвестиционную эффективность модернизации последнего.

Таким образом, определено, что с экономической точки зрения принятие управленческого решения о распоряжении собственностью признается целесообразным при использовании методов и методик, применяемых при рыночном подходе к оценке стоимости недвижимого имущества.

Список литературы

1. *Варламов А.А., Комаров С.И.* Оценка объектов недвижимости: учебник. М.: Инфра-М; 2024. 320 с.
2. *Ардзинов В.Д., Александров В.Т.* Ценообразование в строительстве и оценка недвижимости. СПб.: Питер; 2021. 384 с.
3. *Малыш М.Н., Суховольская Н.Б.* Экономические основы управления инвестициями в объекты недвижимости. 4е изд. СПб.: Проспект Науки; 2024. 264 с.
4. *Городнова Н.В., Маврина И.Н.* Экономические аспекты управления рынком недвижимости. 2е изд. М.: Уральский университет; 2022. 104 с.
5. *Дамодаран А.* Инвестиционная оценка: инструменты и методы оценки любых активов. 11е изд. М.: Альпина Паблишер; 2021. 1316 с.

References

1. *Varlamov A.A., Komarov S.I.* Valuation of real estate objects: textbook. Moscow: Infra-M; 2024. 320 p. (In Russian).
2. *Ardzinov V.D., Aleksandrov V.T.* Pricing in construction and real estate valuation. St. Petersburg: Piter; 2021. 384 p. (In Russian).
3. *Malysh M.N., Sukhovolskaya N.B.* Economic foundations of investment management in real estates. 4th ed. St. Petersburg: Prospekt Nauki; 2024. 264 p. (In Russian).
4. *Gorodnova N.V., Mavrina I.N.* Economic aspects of real estate market management. 2nd ed. Moscow: Ural University; 2022. 104 p. (In Russian).
5. *Damodaran A.* Investment valuation: tools and methods for evaluating any assets. 11th ed. Moscow: Alpina Publisher; 2021. 1316 p. (In Russian).

УДК 338.001.36 JEL O12 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-149-162

Экономическая диагностика операционной деятельности промышленного предприятия на основе бизнес-индикаторов

Белова Елена Юрьевна[1]

Ст. преп. каф. информационных систем
ORCID: 0000-0002-8680-627X, e-mail: ey_belova@guu.ru

Бадьина Анна Викторовна[1,2]

Канд. экон. наук, доц. каф. информационных систем[1], доц. каф. бизнес-информатики[2]
ORCID: 0000-0001-7292-5115, e-mail: av_badina@guu.ru

[1]Государственный университет управления, г. Москва, Россия

[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В современных условиях неопределенности, динамичности и недостаточной прогнозируемости, с учетом сложности и целеустремленности производственно-хозяйственных систем возникает необходимость регулярного отслеживания условий их внутренней и внешней среды и реагирования на происходящие изменения. В работе сформулированы новые и развиты существующие концептуальные положения и методические основы системы экономической диагностики в качестве средства управления результативностью операционной деятельности производственных предприятий. Выявлено, что существует определенная неоднозначность подходов к понятиям «эффективность» и «результативность» деятельности современных субъектов рыночной экономики. Под экономической диагностикой результативности операционной деятельности предприятий понимается процесс отбора экономических показателей с целью отслеживания их отклонения от критериальных значений для своевременного выявления и предупреждения проблем. Соответственно, ее рассматривают при помощи панели индикаторов и показателей результативности бизнес-процессов. На основе ключевых бизнес-процессов предприятия и критериев затраты – время – качество определены экономические показатели, отражающие результативность организации. Выявлен перечень ее экономических индикаторов, который учитывает направленность на долгосрочное функционирование предприятия. Обосновано применение методов прогнозирования в процессе экономической диагностики с использованием трендовых моделей, что обеспечивает улучшение репрезентативности прогнозов. Исследована результативность трех машиностроительных предприятий, входящих в группу компаний «Объединенные автомобильные технологии», и определены интегральные показатели результативности их деятельности, а также влияние на них бизнес-процессов предприятия.

Ключевые слова

Бизнес-процесс, интегральный показатель, результативность, себестоимость, модель тренда, бизнес-индикатор, экономическая диагностика

Для цитирования: Белова Е.Ю., Бадьина А.В. Экономическая диагностика операционной деятельности промышленного предприятия на основе бизнес-индикаторов//Вестник университета. 2025. № 1. С. 149–162.

© Белова Е.Ю., Бадьина А.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Economic diagnosis of operational activities of an industrial enterprise based on business indicators

Elena Yu. Belova[1]
Senior Lecturer at the Information Systems Department
ORCID: 0000-0002-8680-627X, e-mail: ey_belova@guu.ru

Anna V. Badina[1,2]
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Information Systems Department[1], Assoc. Prof. at the Business Informatics Department[2]
ORCID: 0000-0001-7292-5115, e-mail: av_badina@guu.ru

[1]State University of Management, Moscow, Russia
[2]Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract

In modern conditions of uncertainty, dynamism, and insufficient predictability, with consideration to complexity and goal-oriented nature of production and economic systems, there arises a necessity for regular monitoring of conditions of their internal and external environments and responding to ongoing changes. This article formulates new and advances existing conceptual positions and methodological foundations of an economic diagnostic system as a means to manage performance of operational activities in manufacturing enterprises. It is identified that there exists a certain ambiguity in approaches to the concepts of efficiency and performance of activities of modern market economy subjects. Economic diagnostic of the operational performance of enterprises is the process of selecting economic indicators to track their deviation from criterion values for timely problem identification and prevention. Accordingly, it is examined using a panel of indicators and performance metrics of business processes. Based on key business processes of the enterprise and criteria of cost – time – quality, the economic indicators reflecting the enterprise performance are determined. A list of its indicators is established, which considers the focus of the enterprise on long-term functioning. The application of forecasting methods in the economic diagnostic process is justified, utilising trend models to enhance forecast representativeness. The performance of three machine-building enterprises within the group of companies "United Automotive Technologies" is investigated. Their integrated performance indicators and influence of the enterprise business processes on them are indentified.

Keywords

Business process, integrated indicator, performance, cost, trend model, business indicator, economic diagnostics

For citation: Belova E.Yu., Badina A.V. (2025) Economic diagnosis of operational activities of an industrial enterprise based on business indicators. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 149–162.

© Belova E.Yu., Badina A.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В современной научной литературе понятие «экономическая диагностика» часто употребляется наряду с такими понятиями, как оценивание, мониторинг, контроллинг, анализ. Так, в теории управления диагностика выполняет функцию мониторинга, которая включает в себя этапы анализа (выявление положительных и отрицательных результатов) и этапы определения причин возникновения негативных отклонений [1], а оценивание является независимым процессом, строится в более строгом порядке, базируется на глубинном анализе действий по реализации и формированию результатов [2].

Контроллинг достаточно близок к диагностике в соответствии со своими методологическими основами, поскольку его главная функция заключается в использовании информации об отклонении фактических показателей от запланированных для принятия решений. При этом задачей контроллинга является отслеживание изменений показателей вследствие принятого ранее управленческого решения, а мониторинг предусматривает его принятие на основании результатов отслеживания индикаторов и их отклонений от критериальных значений [3]. Система экономической диагностики призвана обеспечивать объективными показателями результативности операционной деятельности производственного предприятия как в краткосрочном, так и в долгосрочном периоде.

С концептуальной точки зрения экономическую диагностику рассматривают в трех аспектах: как средство контролирования над ситуацией, как составляющую технологии управления и как фактор снижения риска при реализации стратегии объекта [4]. С другой стороны, «диагностический анализ, проводимый по индикаторам операционного анализа, позволяет оценить уровень перспективности и убыточности изучаемого вида деятельности предприятия» [5, с. 224]. Процесс экономического анализа предполагает структурное разложение показателей деятельности из общих составляющих с целью их дальнейшего тщательного изучения. Экономическая диагностика также основывается на оценивании системы показателей, но она может предусматривать и их синтез с целью комплексного исследования состояния объекта [6].

Практика показывает, что основными задачами экономической диагностики являются «определение эффективности процесса планирования на предприятии; оценка качества прогнозов развития среды конкуренции; совершенствование процессов планирования и прогнозирования; повышение адаптивных свойств предприятия, благоприятных для генерации конкурентных преимуществ; разработка и своевременная реализация мероприятий, направленных на адаптацию предприятия к изменениям условий хозяйствования» [7, с. 7]. Экономическая диагностика является неотъемлемой составляющей управления результативностью производственного предприятия в процессе операционной деятельности. При этом важно постоянно искать варианты развития организации, принимать решения и не забывать об инновациях, поскольку в долгосрочной перспективе потребности потребителей меняются [8].

Формирование системы показателей экономической диагностики должно происходить на основании качественного анализа факторов результативности операционной деятельности производственного предприятия. Наиболее важным средством экономической диагностики результативности операционной деятельности предприятия является панель индикаторов, которая содержит в себе совокупность показателей, характеризующих ее уровень, соответствующий обозначенным критериям. Сбалансированная система показателей представляет набор индикаторов, отражающий все стороны деятельности хозяйствующего субъекта. Достижение указанной сбалансированности и является основной проблематикой данного исследования.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Различные аспекты и проблемы экономической диагностики и повышения результативности операционной деятельности предприятия раскрыты в работах разных экономистов. При этом существует определенная неоднозначность подходов ученых к категориям «результативность» и «эффективность» в аспекте функционирования современных субъектов рыночной экономики.

Одни исследователи утверждают, что результативность является одним из базовых критериев оценки эффективности, а ее абсолютным показателем выступает эффект [9]. Другие, наоборот утверждают, что «показатели эффективности – устоявшийся термин, который используется для составления различных метрик результативности и продуктивности организаций, как правило, внутренних» [10, с. 3].

В пользу выбора созданной стоимости в качестве ключевого ориентира результативности операционной деятельности производственного предприятия свидетельствует то, что показатель добавленной стоимости не только измеряет деятельность организации в целом, но и оценивает ее общественный вклад. Новая тенденция в идеологии качества (англ. European Foundation for Quality Management – Европейский фонд управления качеством) состоит в гибком моделировании бизнес-процессов с использованием цифровых технологий [11]. В условиях агрессивных внешних перемен менеджмент предприятий стоит перед проблемой переосмысления стратегических подходов к оптимизации своих бизнес-процессов на основе интеллектуализации и цифровизации [12].

С точки зрения долгосрочной перспективы результаты предприятия приравниваются к добавленной стоимости, которую создает организация, и источником ее создания являются бизнес-процессы предприятия, на основе которых могут быть определены экономические показатели, отражающие результативность его операционной деятельности. Функциональное назначение и значимость бизнес-процессов предприятия в формировании добавленной стоимости раскрываются при их декомпозиции по определенным критериям. Эта же мысль развивается в исследовании, в котором рассматриваются ключевые бизнес-процессы. Их результатом являются создание добавленной стоимости предприятия и бизнес-процессы развития, которые обеспечивают ее формирование на новом уровне показателей и имеют значение для долгосрочного функционирования организации [13].

Сложность оценки результативности предприятия создает проблему выбора критериального формата для измерения индикаторов деятельности организаций. Проблема заключается в том, что, показатели результативности, определенные по одним критериям, могут отличаться от показателей, рассчитанных по другим [14]. Учеными в различных комбинациях формулируются принципы использования критериев результативности предприятия с разными объектными плоскостями, поэтому вопросы отбора критериев и показателей до сих пор остаются открытыми и приобретают особую актуальность, поскольку они должны не только состоять из финансовых показателей, но и учитывать факторы общеэкономической среды, быть ориентированными на долгосрочную перспективу [15]. Тем не менее, критериальный формат оценки результативности предприятия, основанный на ключевых факторах операционной деятельности, используется во многих современных системах экономической диагностики.

Существует проблема оценки и анализа результативности предприятия по показателям прибыли и рентабельности. Так, некоторые исследователи обосновывают необходимость использования для оценки результативности деятельности организации как традиционных относительных и абсолютных показателей (коэффициенты рентабельности, ликвидности, показатели финансового состояния, экономической устойчивости, деловой активности, объемов производства, реализации, дохода, прибыли), так и специфических [16].

В рамках данного исследования более обоснованным представляется подход, согласно которому индикаторы результативности определяются значением исходных параметров деятельности объекта. Они характеризуют достигнутый результат по отношению к ожидаемому. В качестве него выступают цели предприятия или запланированные действия. Это могут быть финансовые и нефинансовые показатели, которые добираются в зависимости от целей предприятия и его особенностей и являются репрезентативными индикаторами результативности организации [17]. Исходя из анализа проблем экономической диагностики и повышения результативности операционной деятельности предприятия цель исследования состоит в разработке и апробации методических основ определения панели индикаторов и соответствующих экономических показателей результативности операционной деятельности производственного предприятия, которая учитывает направленность на его долгосрочное функционирование. В соответствии с целью исследования сформулированы следующие задачи:

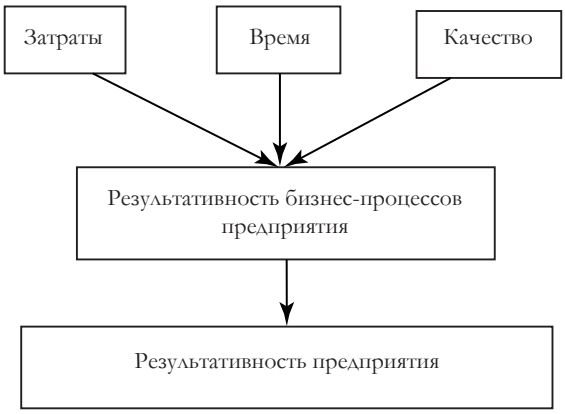
1) проанализировать научные достижения и проблемы результативности предприятия;
2) уточнить содержание понятия «экономическая диагностика»;
3) расширить понятие результативности через связь с ключевыми бизнес-процессами операционной деятельности производственного предприятия;
4) определить на основе ключевых бизнес-процессов предприятия панель экономических показателей с точки зрения тройственной ограниченности «затраты – время – качество»;
5) обосновать использование методов прогнозирования в процессе экономической диагностики;
6) исследовать результативность трех машиностроительных предприятий.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Концептуальная основа исследования. В качестве методологического основания работы и разработки методов оценки результативности операционной деятельности предприятия выступает методология международного стандарта моделирования IDEF0 (англ. Integration definition for function modeling), утвержденная Национальным институтом стандартов и технологии Соединенных Штатов Америки[1]. Считается, что такой методологический подход позволяет исследовать структуру, параметры и характеристики производственно-технических и организационно-экономических систем.

Методологический дизайн. Разработка методики оценки результативности операционной деятельности предприятия предусматривает исследование ее критериев и показателей. Показатели, отражающие результативность предприятия, имеют оценочный характер, то есть представляют собой критерии. Задача выбора критериев и показателей, по которым оцениваются результаты операционной деятельности производственного предприятия, является непростой и индивидуальной для каждой отдельной организации, но существуют критерии, без которых практически невозможно оценить каждый показатель операционной деятельности предприятия. Это время, затраты и качество.

Бизнес-модель результативности операционной деятельности организации можно изобразить следующим образом (рис. 1)



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Модель результативности операционной деятельности производственного предприятия

Материалы исследования. Наиболее важным средством экономической диагностики результативности операционной деятельности предприятия является панель индикаторов, которая содержит в себе совокупность показателей, характеризующих уровень результативности операционной деятельности, соответствующий выбранным критериям. При этом индикаторы разделяются на три группы: индикаторы для диагностики бизнес-процессов, индикаторы для анализа бизнес-процессов и индикаторы для управления бизнес-процессами. Индикаторы каждой группы отражают одну характеристику оцениваемого бизнес-процесса, между показателями внутри группы должны наблюдаться достаточно плотные корреляционные связи, а между показателями разных групп корреляционные связи должны быть незначительными. Другой подход предполагает выбор показателей результативности предприятия по таким характеристикам, как «а) достижение функциональных целей; б) состав системы и структуры связей; в) достижение целей экономических агентов и г) адаптация к изменениям во внешней среде» [18, с. 20–21].

Результативность операционной деятельности является интегральной характеристикой деятельности предприятия, которая содержит в себе ряд бизнес-процессов, формирующих ее результаты. Поэтому завершающим этапом формирования системы показателей является построение интегрального показателя результативности операционной деятельности производственного предприятия [19].

При выборе формы интегрального показателя необходимо принимать во внимание, что он должен предоставить возможность для проведения как ретроспективного, так и перспективного анализа. Нужно учитывать возможность перехода от качественных оценок к количественным с помощью математических

[1]Draft Federal Information Processing Standards Publication 183. 1993 December 21. Режим доступа: https://pcoding.ru/gost/idef0en.pdf (дата обращения: 29.10.2024).

и статистических методов и принимать во внимание все составляющие результативности операционной деятельности производственного предприятия.

Методологический инструментарий. Для построения интегрального показателя чаще всего используются две формы сверток: аддитивная и мультипликативная. Аддитивную свертку целесообразно использовать, когда уменьшение значения по одному критерию компенсируется ростом значения по какому-то другому критерию (или нескольким критериям). Таким образом, результативность предприятия целесообразно оценивать на основе интегрального показателя, который рассчитывается по формулам (1), (2).

$$I_p = \sum_{i=1}^{n} \alpha_i \cdot P_i$$

$$I_p \to 1 \qquad (1)$$

где I_p – уровень результативности операционной деятельности производственного предприятия; P_i – интегральный показатель, характеризующий результативность i-го бизнес-процесса предприятия; α_i – весовой коэффициент значимости i-го бизнес-процесса предприятия.

$$P_i = \sum_{j=1}^{n} w_{ji} \cdot Z_{ji}$$

$$P_i \to 1 \qquad (2)$$

где Z_{ji} – значение j-го показателя i-го бизнес-процесса предприятия; w_{ji} – весовой коэффициент значимости j-го показателя i-го бизнес-процесса предприятия.

В случае использования формул (1) и (2) множество значений в качестве базовых показателей и интегрального показателя будут находиться в диапазоне [0; 1], причем 0 – это самое низкое значение результативности операционной деятельности производственного предприятия, а 1 – самое высокое.

Для отбора индикаторов, используемых в системе экономической диагностики результативности операционной деятельности организации, применяется экспертный метод. На первом этапе группой экспертов с помощью метода мозгового штурма определяется панель индикаторов и соответствующих им экономических показателей, которые можно использовать для оценки результативности операционной деятельности предприятия. Отбор индикаторов осуществляется по следующим критериям: время, затраты и качество. В работе для формирования панели индикаторов результативности экспертами использовались как данные аудита операционной деятельности исследуемых предприятий, так и общедоступные данные, характеризующие их внешнюю среду.

Для расчета интегрального показателя результативности использованы весовые коэффициенты, значения которых получены на основе экспертной оценки с применением метода парных сравнений. Результатом сравнения пар бизнес-процессов, полученным от каждого эксперта, является матрица сравнения бизнес-процессов операционной деятельности исследуемых предприятий (табл. 1).

Таблица 1

Матрица парных сравнений бизнес-процессов

Бизнес-процесс	Производство	Поставка	Сбыт	Бизнес-процессы развития	Σ
Производство	1	2	0	2	5
Поставка	0	1	0	0	1
Сбыт	2	2	1	2	7
Бизнес-процессы развития	0	2	0	1	3
Σ	3	7	1	5	16

Составлено авторами по материалам исследования

В табл. 1. каждый элемент матрицы, согласно экспертной оценке, определяется как результат сравнения двух соответствующих показателей. В случае преобладания одного бизнес-процесса над другим ему присваивается 2 балла, а другому – 0 баллов. При их равенстве проставляется 1 балл. На основе полученных индивидуальных экспертных оценок построена матрица определения весомости бизнес-процессов для расчета интегрального (ω) показателя (табл. 2).

Таблица 2

Матрица определения весомости бизнес-процессов для расчета интегрального показателя результативности предприятий

Бизнес – процесс	Экспертная группа											
	1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**Σ**	**ω**
Производство	5	3	5	3	5	3	5	5	3	5	42	0,27
Поставка	1	1	3	1	1	1	3	1	1	1	14	0,09
Сбыт	7	7	7	7	7	7	7	7	5	7	68	0,42
Бизнес-процессы развития	3	5	1	5	3	5	1	3	7	3	36	0,22
Σ	16	16	16	16	16	16	16	16	16	16	160	1,00

Составлено авторами по материалам исследования

Как видно в табл. 2., соответственно результатам экспертного опроса, наибольшую весовую долю в операционной деятельности имеет сбытовая деятельность – 0,42, производственная деятельность – 0,27, бизнес-процессы развития – 0,22, а бизнес-процессы снабжения – 0,09.

Методологические ограничения. Несмотря на относительную прозрачность экспертного метода отбора показателей, в модели могут иметь место ограничения, связанные с ошибками выборки, которые не позволят реализовать экстраполяцию результатов на другие предприятия в полном объеме.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В качестве предприятий, результативность которых по предложенной методике предстояло оценить, в процессе эксперимента выбраны три машиностроительные предприятия, входящие в группу компаний «Объединенные автомобильные технологии» (далее – ОАТ). Критерием выбора организаций послужили сравнимые экономические показатели по данным аудиторских отчетов за 2021–2023 финансовые годы.

На первом этапе исследования была сформирована информационная база и вычислена результативность каждого бизнес-процесса предприятия за 2021–2023 гг., которая состоит из показателей результативности ключевых бизнес-процессов предприятий и соответствует таким характеристикам, как время, затраты и качество. Результаты расчетов показателей результативности бизнес-процессов производственных предприятий на примере организации, специализирующейся на выпуске топливной аппаратуры (далее – ТА), можно увидеть в табл. 3.

Таблица 3

Показатели результативности бизнес-процессов ТА за 2021–2023 гг.

Показатели	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Показатели результативности бизнес-процесса «снабжение»			
Расходоемкость поставки, %	51	54	39
Средняя продолжительность оборота кредиторской задолженности, дни	2	4	5
Доля материалов ненадлежащего качества в общем объеме поставок, %	0,40	0,35	1,1
Показатели результативности бизнес-процесса «производство»			
Затратоемкость производства, %	83	82	70
Средняя продолжительность производственного цикла, дни	43	116	103
Доля сдачи продукции с первого предъявления, %	97,54	98,10	97,40

Окончание табл. 3

Показатели	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Показатели результативности бизнес-процесса «сбыт»			
Расходоемкость сбыта, %	4	6	12
Средняя продолжительность оборота дебиторской задолженности, дни	6	18	16
Доля реализованной продукции ненадлежащего качества в составе чистого дохода от реализации, %	0,21	0,15	0,07
Показатели результативности бизнес-процесса развития			
Затратоемкость инноваций, %	4	5	6
Средний срок внедрения инновационных проектов, годы	4,6	4,5	5,1
Доля реализованной инновационной продукции в общем объеме реализации, %	3	5	7

Примечание: эксклюзивный доступ к статистическим данным и отчетности группы компаний ОАТ был предоставлен авторам в рамках настоящего исследования. В открытом доступе материалы не содержатся

Составлено авторами по материалам исследования

Экономические показатели, описывающие результативность бизнес-процессов, отобранные по критериям затраты – время – качество, имеют разную природу и отражают затратные, временные и качественные характеристики результативности, поэтому они имеют различные единицы измерения. Значение интегрального показателя результативности не должно зависеть от единиц измерения его составляющих. В связи с этим их агрегирование требует стандартизации, то есть приведения их к одной основе, что является необходимым этапом расчета интегрального показателя. Стандартизацию показателей можно провести с помощью унификации шкал, по которым исходно измерены базовые показатели. Эта процедура представляет собой преобразование шкалы (перенос начала отсчета и изменение масштаба), в результате которого множество значений измерения всегда устанавливается отрезком [0; N], где число N определяет размах новой шкалы и выбирается из содержательных соображений.

В исследовании стандартизация показателей выполнена с помощью метода нормирования относительно размаха вариации. Его недостатком является то, что размах вариации отражает иногда случайное, а не типичное для данного ряда колебание, что сужает область практического применения метода, но, с другой стороны, он несложный в расчетах и используется в основном для предварительной оценки. Результаты стандартизации для предприятия ТА приведены в табл. 4.

Таблица 4

Стандартизированные показатели результативности бизнес-процессов ТА за 2021–2023 гг.

Показатели	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Показатели результативности бизнес-процесса «снабжение»			
Расходоемкость поставки, %	0,23	0,00	1,00
Средняя продолжительность оборота кредиторской задолженности, дни	0,97	0,63	0,43
Доля материалов ненадлежащего качества в общем объеме поставок, %	0,96	1,00	0,44
Уровень результативности бизнес-процесса	0,71	0,54	0,62
Показатели результативности бизнес-процесса «производство»			
Затратоемкость производства, %	0,05	0,15	1,00
Средняя продолжительность производственного цикла, дни	1,00	0,00	0,18
Доля сдачи продукции с первого предъявления, %	0,78	1,00	0,72
Уровень результативности бизнес-процесса	0,60	0,38	0,63
Показатели результативности бизнес-процесса «сбыт»			
Расходоемкость сбыта, %	0,93	0,71	0,00

Окончание табл. 4

Показатели	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Средняя продолжительность оборота дебиторской задолженности, дни	0,95	0,08	0,19
Доля реализованной продукции ненадлежащего качества в составе чистого дохода от реализации, %	0,32	0,52	0,77
Уровень результативности бизнес-процесса	0,73	0,43	0,32
Показатели результативности бизнес-процесса развития			
Доля затрат на инновации в составе чистого дохода от реализации продукции, %	0,71	0,82	1,00
Средний срок внедрения инновационных проектов, годы	0,43	0,48	0,19
Доля реализованной инновационной продукции в общем объеме реализации, %	0,17	0,40	0,59
Уровень результативности бизнес-процессов развития	0,43	0,56	0,59

Примечание: эксклюзивный доступ к статистическим данным и отчетности группы компаний ОАТ был предоставлен авторам в рамках настоящего исследования. В открытом доступе материалы не содержатся

Составлено авторами по материалам исследования

Стоит отметить, что интегральный показатель за год не позволяет отразить общее направление развития деятельности предприятия, поэтому необходимо проанализировать результативность в динамике за определенный период времени. Динамика индикаторов результативности производственных организаций за 2021–2023 гг. приведена в табл. 5.

Таблица 5

Динамика показателей результативности производственных предприятий за 2021–2023 гг.

Бизнес-процесс	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Машиностроительное предприятие АЗ			
Производство	0,74	0,83	0,91
Поставка	0,46	0,63	0,64
Сбыт	0,38	0,48	0,43
Бизнес-процессы развития	0,54	0,49	0,50
Интегральный показатель результативности	0,52	0,59	0,60
Машиностроительное предприятие СТ			
Производство	0,56	0,80	0,99
Поставка	0,75	0,81	0,87
Сбыт	0,74	0,69	0,75
Бизнес-процессы развития	0,00	0,00	0,00
Интегральный показатель результативности	0,53	0,59	0,67
Машиностроительное предприятие ТА			
Производство	0,60	0,38	0,63
Поставка	0,71	0,54	0,62
Сбыт	0,73	0,43	0,32
Бизнес-процессы развития	0,43	0,56	0,59
Интегральный показатель результативности	0,63	0,45	0,49

Примечание: АЗ – автомобильные запасные части; СТ – светотехника; данные представлены в %; эксклюзивный доступ к статистическим данным и отчетности группы компаний ОАТ был предоставлен авторам в рамках настоящего исследования. В открытом доступе материалы не содержатся

Составлено авторами по материалам исследования

По результатам анализа интегральных показателей результативности производственных предприятий сделан вывод, что на ТА ее снижение вызвано неэффективной сбытовой политикой организации. На СТ все процессы предприятия влияют на улучшение результативности операционной деятельности производственной организации, кроме бизнес-процессов развития. На АЗ произошло значительное увеличение результативности, вызванное улучшением сбытовых и производственных процессов.

Использование трендовых моделей для прогнозирования результативности операционной деятельности предприятия предполагает, что основные факторы и тенденции внешней и внутренней среды не претерпевают существенных изменений в прогнозный период, а также то, что направление этих изменений можно учесть. Поскольку устаревшие данные при моделировании часто искажают прогнозы и оказываются неспособными к получению объективного состояния результативности операционной деятельности производственного предприятия, возникает необходимость использовать модели, которые учитывали бы в большей степени самые последние данные, таким образом придавая модели адаптивные свойства. Для выбора типа функции трендовой модели проведена экстраполяция тренда за пределы ряда динамики результативности таких бизнес-процессов, как производство, снабжение, сбыт и бизнес-процессы развития. Для получения достоверных значений трендовой модели применен метод ранжирования, по итогу которого определены ее ранги по таким признакам, как коэффициент детерминации и близость прогнозируемого значения к фактическому. Окончательный ранг модели результативности бизнес-процессов предприятия определен путем итога полученных рангов, а трендовая модель выбрана с самым высоким из них, то есть с его минимальным значением. Для прогнозирования результативности бизнес-процессов «производство», «сбыт», «снабжение» и для бизнес-процессов развития выбраны следующие модели: с логарифмической зависимостью, с экспоненциальной зависимостью, с линейной зависимостью, с полиномиальной зависимостью третьей степени соответственно. Прогноз динамики интегральных показателей результативности на 2024–2025 гг. изображен в табл. 6.

Таблица 6

Прогнозная динамика результативности производственных предприятий за 2024–2025 гг.

Название предприятия	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
АЗ	0,52	0,59	0,60	0,58	0,57
СТ	0,53	0,59	0,67	0,73	0,77
ТА	0,63	0,45	0,49	0,51	0,49

Примечание: данные представлены в %; эксклюзивный доступ к статистическим данным и отчетности группы компаний ОАТ был предоставлен авторам в рамках настоящего исследования. В открытом доступе материалы не содержатся

Составлено авторами по материалам исследования

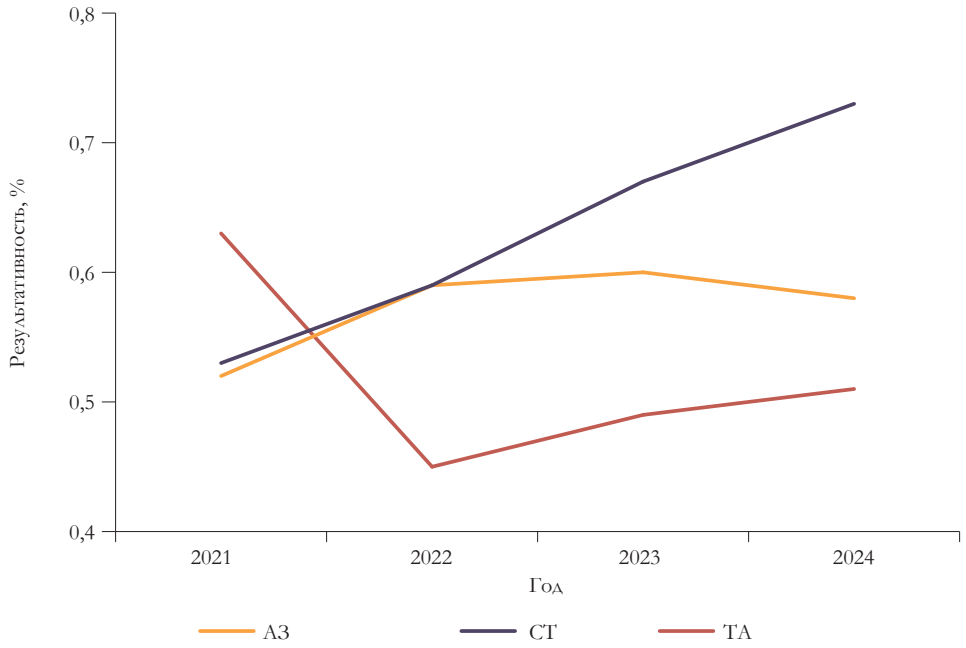
Графическое отображение результативности производственных предприятий за 2021–2023 гг. и ее прогнозирование на 2024–2025 гг. изображено на рис. 2.

На графике видно, что результативность производственных предприятий по прогнозу на 2024–2025 гг. для исследуемых организаций отличается качественно. Если для СТ-предприятия прогноз существенно положительный, то для двух других он отрицательный.

ОБСУЖДЕНИЕ

Принципы организации экономической диагностики сформированы на основе методологии международного стандарта моделирования, что не противоречит одному из фундаментальных принципов экономической диагностики – объективности экономических состояний, в которых может находиться хозяйствующий субъект.

Инновационность использования тройственной критериальной системы «затраты – время – качество» как аналитического инструментария и критерии формирования панели индикаторов и показателей результативности. Выбор тройственной критериальной системы экономической диагностики является достаточно распространенным подходом (например, соответствие – качество – прибыль).



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 2. Результативность производственных организаций за 2021–2023 гг. и ее прогнозирование на 2024–2025 гг.

Представление результатов операционной деятельности предприятий на основе использования такого инструмента, как панель индикаторов, что способствует улучшению восприятия информации и повышению эффективности процесса принятия решений. Панель индикаторов в экономической диагностике не имеет однозначного определения, но наиболее понятным является использование ее как средства визуализации сложного экономического явления.

Усовершенствованы методы прогнозирования экономических показателей результативности предприятий в процессе их оценки, которые, в отличие от существующих, предусматривают применение ранжирования трендовых моделей, что обеспечивает улучшение репрезентативности прогнозов. Экономическая диагностика располагает множеством равноценных методов прогнозирования (например, прогнозы, сгенерированные с помощью эволюционировавших показателей, превосходят прогнозы, полученные с помощью моделей временных рядов).

По итогу прогнозирования результативности производственных предприятий можно сделать вывод, что достаточный уровень результативности деятельности организации и ее положительная динамика наблюдаются в СТ, где все процессы предприятия, которые исследовались, положительно влияют на результативность, кроме бизнес-процессов развития, на что нужно обратить особое внимание. Удовлетворительный уровень наблюдается на других предприятиях. В частности, в АЗ заметно уменьшение прогнозной результативности деятельности при значительном падении результативности сбытовых процессов. На ТА уменьшение вызвало незначительную негативную прогнозную динамику результативности, что требует принятия соответствующих мер, в частности, в сбытовых процессах предприятия. Итоги прогнозирования результативности предприятий позволили выявить организации с негативной прогнозной динамикой, требующей управленческих решений с целью обеспечения функционирования предприятий в долгосрочном периоде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современных условиях сложности и целеустремленности операционной деятельности предприятия возникает необходимость постоянного отслеживания состояния их внутренней и внешней среды и реагирования на происходящие изменения. Экономическая диагностика результативности операционной деятельности является системой, включающей панель индикаторов, характеризующих уровень результативности.

Источником добавленной стоимости, которую создает предприятие, являются бизнес-процессы его операционной деятельности. Функциональное назначение и значимость бизнес-процессов в формировании добавленной стоимости раскрываются при их декомпозиции по определенным критериям. Критериями,

без которых практически невозможно оценить показатель операционной деятельности предприятия, служат время, затраты и качество. Панель индикаторов содержит совокупность показателей, характеризующих уровень результативности операционной деятельности предприятия, соответствующий выбранным критериям. Завершающим этапом формирования системы показателей является построение интегрального показателя результативности операционной деятельности производственной организации.

В рамках исследования формирование системы экономических показателей результативности проводился экспертами. Для расчета интегрального показателя последней использованы весовые коэффициенты, значения которых получено на основе экспертной оценки с применением метода парных сравнений. В качестве предприятий, результативность которых по предложенной методике предстояло оценить, в процессе эксперимента выбраны три машиностроительные организации. Критерием выбора предприятий послужили сравнимые экономические показатели по данным аудиторских отчетов за 2021–2023 финансовые годы.

На первом этапе исследования была сформирована информационная база и вычислена результативность каждого бизнес-процесса предприятия за 2021–2023 гг. Экономические показатели, характеризующие результативность бизнес-процессов, имеют разную природу и, следовательно, разные единицы измерения. В связи с этим агрегирование показателей требует стандартизации, что является необходимым этапом расчета интегрального показателя. В исследовании стандартизация выполнена с помощью метода нормирования относительно размаха вариации.

Использование трендовых моделей для прогнозирования результативности операционной деятельности предприятия предполагает, что основные факторы и тенденции внешней и внутренней среды не претерпевают существенных изменений в прогнозный период, так что направление последних можно учесть. Здесь основной упор делается на существенных трансформациях: если небольшие изменения есть, то их можно учесть. Результаты исследования могут быть использованы субъектами предпринимательской деятельности для создания или улучшения функционирования системы экономической диагностики результативности предприятия. Например, возможно включить соответствующий набор бизнес-индикаторов в диагностический аппарат функционирования конкретного предприятия за требуемый период.

Список литературы

1. *Vogl G.W., Weiss B.A., Helu M.* A review of diagnostic and prognostic capabilities and best practices for manufacturing. Journal of Intelligent Manufacturing. 2019;1(30):79–95. https://link.springer.com/article/10.1007/s10845-016-1228-8
2. *Bazeley P.* Qualitative data analysis. Practical strategies. New Delhi: Sage Publications; 2021. 552 p.
3. *Yuwono M.A., Rakhmavati D.* The process of controlling and monitoring operational risks using COSO ERM in PT.Agro. International Journal of Management, Accounting and Economics. 2023;10(10):833–860. http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.10437649
4. *Sanchez-Comas A., Osorio le V., Pérez-Vargas M., Caicedo-García M., Neira-Rodado D., Troncoso-Palacio A.* Diagnostic tool for radical improvement in business processes. In: IOP conference series: materials science and engineering: Proceedings, issue 1, volume 844, Cartagena, 30 October – 1 November, 2019. Bristol: Institute of Physics Publishing; 2020. https://doi.org/10.1088/1757-899x/844/1/012052
5. *Эйхлер А.В., Стринковская А.С.* Развитие методики комплексного диагностического анализа результатов деятельности предприятия. Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020;4(14):223–231. https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.27
6. *Palepu K.G., Healy P.M., Wright S., Bradbury M., Coulton J.* Business analysis and valuation. Using financial statements. Sydney: Cengage; 2020. 384 p.
7. *Fuertes G., Alfaro M., Vargas M., Gutierrez S., Ternero R., Sabattin J.* Conceptual framework for the strategic management: a literature review – descriptive. Journal of Engineering. 2020;1(2020). https://doi.org/10.1155/2020/6253013
8. *Адизес И.К.* Управляя изменениями. Как эффективно управлять изменениями в обществе, бизнесе и личной жизни. Пер. с англ. В. Кузина. 2е изд. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2015. 368 с.
9. *Popoola O.A., Adama H.E., Okeke Ch.D., Akinoso A.E.* The strategic value of business analysts in enhancing organizational efficiency and operations. International Journal of Management & Entrepreneurship Research. 2024;4(6):1288–1303. https://doi.org/10.51594/ijmer.v6i4.1059
10. *Глухова Е.В., Набок О.А.* Глобус SAPI. Гибкие индикаторы состояния организации для заинтересованных сторон. Вопросы инновационной экономики. 2021;3(11):1077–1092. https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113196
11. *Митрофанова И.П., Алексеева А.С.* Перспективные направления развития менеджмента организации. Вестник университета. 2023;10:20–28. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-20-28

12. *Белова Е.Ю., Шевченко М.О.* Трансформация систем менеджмента предприятий в контексте цифровизации. E-Management. 2023;1(6):17–28. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-1-17-28
13. *Mwaniki Z., Ngugi P., Nyang'au S.* Relationship between business development services and growth of small and medium enterprises in Kenya. European Journal of Business and Strategic Management. 2022;1(7). https://doi.org/10.47604/ejbsm.1480
14. *Joppen R., Enzberg von S., Gundlach J., Kühn A., Dumitrescu R.* Key performance indicators in the production of the future. Procedia CIRP. 2019;81:759–764. https://doi.org/10.1016/j.procir.2019.03.190
15. *Anjomshoa E.* Key performance indicators of construction companies in branding products and construction projects for success in a competitive environment in Iran. Engineering, Construction and Architectural Management. 2024;5(31):2151–2175. https://doi.org/10.1108/ecam-08-2023-0852
16. *He Q., Wang T., Chan A.P., Xu J.* Developing a list of key performance indicators for benchmarking the success of construction megaprojects. Journal of Construction Engineering and Management. 2021;2(147). https://doi.org/10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0001957
17. *Battesini M., Caten ten C.S., Pacheco D.A.D.J.* Key factors for operational performance in manufacturing systems: conceptual model, systematic literature review and implications. Journal of Manufacturing Systems. 2021;60:265–282. https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2021.06.005
18. *Стафеева И.А., Широнина Е.М.* Практические аспекты оценки эффективности системы управления промышленным предприятием. Вестник университета. 2021;3:19–24 https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-19-24
19. *Кочина С.К., Щетинина Е.А.* Критерии эффективности управления предприятием в условиях цифровой трансформации. Вестник университета. 2023;4:15–23. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-15-23

References

1. *Vogl G.W., Weiss B.A., Helu M.* A review of diagnostic and prognostic capabilities and best practices for manufacturing. Journal of Intelligent Manufacturing. 2019;1(30):79–95. https://link.springer.com/article/10.1007/s10845-016-1228-8
2. *Bazeley P.* Qualitative data analysis. Practical strategies. New Delhi: Sage Publications; 2021. 552 p.
3. *Yuwono M.A., Rakhmavati D.* The process of controlling and monitoring operational risks using COSO ERM in PT.Agro. International Journal of Management, Accounting and Economics. 2023;10(10):833–860. http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.10437649
4. *Sanchez-Comas A., Osorio le V., Pérez-Vargas M., Caicedo-García M., Neira-Rodado D., Troncoso-Palacio A.* Diagnostic tool for radical improvement in business processes. In: IOP conference series: materials science and engineering: Proceedings, issue 1, volume 844, Cartagena, 30 October – 1 November, 2019. Bristol: Institute of Physics Publishing; 2020. https://www.doi.org/10.1088/1757-899X/844/1/012052
5. *Eichler L.V., Strynkovskaya A.S.* Development of a technique for a comprehensive diagnostic analysis of enterprise performance. Russian Journal of Social Sciences and Humanities. 2020;4(14):223–231. (In Russian). https://doi.org/10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.27
6. *Palepu K.G., Healy P.M., Wright S., Bradbury M., Coulton J.* Business analysis and valuation. Using financial statements. Sydney: Cengage; 2020. 384 p.
7. *Fuertes G., Alfaro M., Vargas M., Gutierrez S., Ternero R., Sabattin J.* Conceptual framework for the strategic management: a literature review – descriptive. Journal of Engineering. 2020;1(2020). https://doi.org/10.1155/2020/6253013
8. *Adizes I.K.* Managing change. How to effectively manage changes in society, business and personal life. Trans. from Eng. V. Kuzin. 2nd ed. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2015. 368 p. (In Russian).
9. *Popoola O.A., Adama H.E., Okeke Ch.D., Akinoso A.E.* The strategic value of business analysts in enhancing organizational efficiency and operations. International Journal of Management & Entrepreneurship Research. 2024;4(6):1288–1303. https://doi.org/10.51594/ijmer.v6i4.1059
10. *Glukhova E.V., Nabok O.A.* SAPI globe. Stakeholders agile performance indicators (SAPI). Russian Journal of Innovation Economics. 2021;3(11):1077–1092. (In Russian). https://doi.org/10.18334/vinec.11.3.113196
11. *Mitrofanova I.P., Alekseeva A.S.* Perspective directions of organizational management development. Vestnik universiteta. 2023;10:20–28. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-10-20-28
12. *Belova E.Yu., Shevchenko M.O.* Transformation of enterprise management systems in the context of digitalization. E-Management. 2023;1(6):17–28. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-3445-2023-6-1-17-28
13. *Mwaniki Z., Ngugi P., Nyang'au S.* Relationship between business development services and growth of small and medium enterprises in Kenya. European Journal of Business and Strategic Management. 2022;1(7). https://doi.org/10.47604/ejbsm.1480
14. *Joppen R., Enzberg von S., Gundlach J., Kühn A., Dumitrescu R.* Key performance indicators in the production of the future. Procedia CIRP. 2019;81:759–764. https://doi.org/10.1016/j.procir.2019.03.190

15. *Anjomshoa E.* Key performance indicators of construction companies in branding products and construction projects for success in a competitive environment in Iran. Engineering, Construction and Architectural Management. 2024;5(31):2151–2175. https://doi.org/10.1108/ecam-08-2023-0852
16. *He Q., Wang T., Chan A.P., Xu J.* Developing a list of key performance indicators for benchmarking the success of construction megaprojects. Journal of Construction Engineering and Management. 2021;2(147). https://doi.org/10.1061/(ASCE)CO.1943-7862.0001957
17. *Battesini M., Caten ten C.S., Pacheco D.A.*D.J. Key factors for operational performance in manufacturing systems: conceptual model, systematic literature review and implications. Journal of Manufacturing Systems. 2021;60:265–282. https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2021.06.005
18. *Stafeeva I.A., Shironina E.M.* Practical aspects of evaluating the effectiveness of the industrial enterprise management system. Vestnik universiteta. 2021;3:19–24. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2021-3-19-24
19. *Kochina S.K., Schetinina E.D.* Criteria for the efficiency of enterprise management in the framework of digital transformation. Vestnik universiteta. 2023;4:15–23. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-15-23

УДК 005:65 JEL G32 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-163-172

Направления совершенствования системы управления дебиторской и кредиторской задолженностью предприятий молочной промышленности

Спицына Анна Олеговна

Канд. филос. наук, доц. каф. гуманитарных и социально-экономических дисциплин
ORCID: 0000-0001-7857-7238, e-mail: spicyna1984@mail.ru

Курский филиал Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Курск, Россия

Аннотация

Кризисное положение экономики способствует ухудшению бизнес-среды, при этом одной из важных проблем становится состояние расчетов с дебиторами и кредиторами, поскольку замедление темпов деловой активности формирует трудности со своевременностью расчетов между контрагентами. Поэтому состояние дебиторской и кредиторской задолженности, а также формирование эффективных механизмов управления ими является актуальным направлением финансового менеджмента. В ходе исследования было отобрано 5 предприятий молочной промышленности, для которых с использованием данных финансовых отчетностей произведены расчет и интерпретация основных показателей финансово-хозяйственной деятельности в период 2020–2023 гг., отражающих состояние и оборачиваемость дебиторской и кредиторской задолженности, а также соотношение между ними. По результатам проведенного комплексного исследования были выявлены общие для отрасли проблемы в существующей системе управления дебиторской и кредиторской задолженностью, а также сформированы направления совершенствования этой системы. Установлено, что в 2022–2023 гг. общей тенденцией являлся рост объема дебиторской задолженности и как следствие – снижение ее оборачиваемости. В результате этого существенно выросло значение коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности, что свидетельствует об отвлечении большого объема ликвидных активов из оборота и способно привести к потери финансовой устойчивости. Для предприятий молочной промышленности актуальным направлением остается совершенствование механизма управления дебиторской задолженностью, нацеленное на снижение ее объема и повышение оборачиваемости, что будет способствовать увеличению деловой активности и сокращению длительности операционного цикла.

Ключевые слова

Продовольственная безопасность, молочная промышленность, управление дебиторской задолженностью, управление кредиторской задолженностью, финансовый менеджмент, дебиторская задолженность, кредиторская задолженность, система управления, эффективность управления

Для цитирования: Спицына А.О. Направления совершенствования системы управления дебиторской и кредиторской задолженностью предприятий молочной промышленности//Вестник университета. 2025. № 1. С. 163–172.

© Спицына А.О., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Directions for improving the management system of accounts receivable and payable of dairy enterprises

Anna O. Spitsyna
Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Department
ORCID: 0000-0001-7857-7238, e-mail: spicyna1984@mail.ru

Kursk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Kursk, Russia

Abstract

The crisis state of the economy contributes to the deterioration of the business environment, while one of the important problems is the state of settlements with debtors and creditors, since the slowdown in business activity creates difficulties with the timeliness of settlements between counterparties. Therefore, the state of accounts receivable and accounts payable as well as the formation of effective mechanisms for managing them, is an urgent area of financial management. During the study, 5 dairy industry enterprises have been selected, for which, using these financial statements, the calculation and interpretation of the main indicators of financial and economic activity in the period 2020–2023 are conducted, reflecting the status and turnover of accounts receivable and accounts payable as well as the ratio between them. Based on the results of a comprehensive study, problems common to the industry in the existing system of accounts receivable and accounts payable management are identified as well as directions for improving the management system are formed. It has been established that in 2022–2023, the general trend is an increase in the volume of accounts receivable and, as a result, a decrease in its turnover. As a result, the value of the ratio of accounts receivable and accounts payable has increased significantly, which indicates the diversion of a large volume of liquid assets from circulation and can lead to loss of financial stability. For dairy industry enterprises, the improvement of the accounts receivable management mechanism remains an urgent direction, aimed at reducing its volume and increasing turnover, which will contribute to increasing business activity and reducing the duration of the operating cycle.

Keywords

Food safety, dairy industry, management of accounts receivable, management of accounts payable, financial management, accounts receivable, accounts payable, management system, management efficiency

For citation: Spitsyna A.O. (2025) Directions for improving the management system of accounts receivable and payable of dairy enterprises. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 163–172.

© Spitsyna A.O., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях сохраняющегося структурного экономического кризиса финансово-хозяйственная деятельность предприятий многих отраслей экономики Российской Федерации (далее – РФ, Россия) характеризуется снижением деловой активности и эффективности деятельности, что повышает риск потери финансовой устойчивости и актуализирует формирование успешных подходов к управлению с учетом актуальных угроз и вызовов [1].

Усиление санкционного давления в последнее десятилетие повысило значимость развития отраслей пищевой промышленности, которые в рамках реализации Стратегии продовольственной безопасности[1] должны были в кратчайшие сроки обеспечить внутренние продовольственные потребности, а также сохранить положительный производственно-экономический результат деятельности [2]. При этом отрасль молочной промышленности в России долгие годы оставалась одной из наиболее проблемных, что связано с дефицитом собственного сырья для переработки. Необходимость закупки импортного сырья предопределяла высокие затраты на производство, в результате чего уровень рентабельности производства молочной продукции был низким, а сама отрасль требовала поддержки со стороны государства. Несмотря на достигнутые за прошедшие годы результаты в развитии молочной промышленности в России, как и прежде, актуальным остается совершенствование системы управления с учетом отраслевых проблем и влияния экономических факторов [3; 4].

Кризисное положение экономики способствует ухудшению бизнес-среды, при этом одной из важных проблем становится состояние расчетов с дебиторами и кредиторами, поскольку замедление темпов деловой активности формирует трудности со своевременностью расчетов между контрагентами. Как следствие, происходят рост объема дебиторской задолженности и удлинение срока ее возврата, что снижает деловую активность предприятий и приводит к увеличению финансового цикла [5]. Также отдельного внимания требует состояние кредиторской задолженности, поскольку в совокупности дебиторская и кредиторская задолженности, а также их сбалансированное соотношение определяют возможности нормального функционирования предприятий [6]. Поэтому состояние дебиторской и кредиторской задолженности, а также формирование эффективных механизмов управления ими является актуальным направлением финансового менеджмента.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Исследование проводилось на примере крупнейших по объемам производственно-экономической деятельности предприятий молочной промышленности России по итогам 2023 г. Для целей исследования было отобрано 5 предприятий, для которых с использованием данных финансовых (бухгалтерских) отчетностей произведены расчет и интерпретация основных показателей финансово-хозяйственной деятельности, отражающих состояние и оборачиваемость дебиторской и кредиторской задолженности, а также соотношение между ними, что характеризует баланс между данными величинами. Период исследования органичен 2020–2023 гг., выбор 2020 г. в качестве базисного для проведения сравнительной оценки связан с его кризисным положением, сопоставление с 2021 г. отражает ситуацию в условиях выхода из пандемии, а 2022–2023 гг. – ситуацию в актуальных экономических условиях. По результатам проведенного комплексного исследования были выявлены общие для отрасли проблемы в существующей системе управления дебиторской и кредиторской задолженностью, а также сформированы направления совершенствования данной системы. Работа велась с использованием комплекса методов и подходов, таких как горизонтальный анализ, анализ финансово-хозяйственной деятельности, общенаучные инструменты анализа, обобщение и интеллектуальный анализ данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Среди рассматриваемых предприятий-лидеров молочной промышленности России общей тенденцией в исследуемом периоде является рост выручки, при этом масштабы деятельности предприятий различны. Абсолютным лидером по итогам 2023 г. стало акционерное общество (далее – АО) «Вимм-Билль-Данн», где в последние три года выручка превышает 100 млрд руб. Среди предприятий, занимающих 2–5-е место, ее вариация составила 21–46 млрд руб. При этом наиболее высокие темпы прироста выручки в исследуемом периоде наблюдаются в обществе с ограниченной ответственностью (далее – ООО)

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73338425/ (дата обращения: 25.10.2024).

«Хохланд Руссланд» – более 20 %, а самые низкие – в закрытом акционерном обществе (далее – ЗАО) «КМКК» (чуть больше 5 %).

Несмотря на рост выручки, чистая прибыль по годам варьируется волнообразно: в 2020–2021 гг. положительная динамика сохранилась только в открытом акционерном обществе (далее – ОАО) «Милком» – на 25,5 %, а наибольшее снижение оказалось в ЗАО «КМКК», где был получен чистый убыток 327,6 млн руб. Однако в 2022–2023 гг. для многих предприятий наметилась динамика роста чистой прибыли, при этом наибольший прирост показателя отмечен в ОАО «Милком» – в 1,5 раза. Лидером по ее размеру в 2023 г. стало АО «Вимм-Билль-Данн» – более 8,8 млрд руб., также самое большое значение отмечено в ООО «Хохланд Руссланд» – 5,2 млрд руб. Среди оставшихся предприятий чистая прибыль варьировалась в пределах 2,5 млрд руб.

В 2020 г. среди рассматриваемых организаций уровень рентабельности производства варьировался в пределах 4,9–17,2 %, где лидером по эффективности было ООО «Хохланд Руссланд». Ухудшение экономической ситуации на фоне пандемии оказало негативное влияние на эффективность деятельности предприятий в 2021 г., при этом в наибольшей степени снизилась рентабельность производства ЗАО «КМКК», а сохранить достаточно высокий уровень значения показателя удалось только ООО «Хохланд Руссланд». В 2022–2023 гг. на всех предприятиях, кроме публичного акционерного общества (далее – ПАО) молочного комбината (далее – МК) «Воронежский», уровень рентабельности производства вырос, при этом значение более 10 % отмечено в ООО «Хохланд Руссланд» и ЗАО «КМКК» (табл. 1).

Таблица 1

Динамика основных производственно-экономических показателей крупнейших предприятий молочной промышленности России в 2020–2023 гг.

Предприятие	Значение				Изменение, %	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	В 2021 г. к 2020 г.	В 2023 г. к 2022 г.
Выручка, млрд руб.						
АО «Вимм-Билль-Данн»	99,0	107,8	117,2	128,9	8,9	10,0
ОАО «Милком»	26,9	31,9	39,9	45,8	18,3	14,9
ООО «Хохланд Руссланд»	24,6	30,5	36,7	44,3	24,2	20,5
ПАО МК «Воронежский»	22,6	24,9	30,8	33,1	10,5	7,6
ЗАО «КМКК»	17,4	18,3	20,3	21,4	5,2	5,4
Чистая прибыль (убыток), млн руб.						
АО «Вимм-Билль-Данн»	3 400,1	2 136,4	6 278,9	8 825,6	−37,2	40,6
ОАО «Милком»	561,8	705,0	754,5	1 874,0	25,5	148,4
ООО «Хохланд Руссланд»	2 823,6	2 752,0	3 972,7	5 197,0	−2,5	30,8
ПАО МК «Воронежский»	1 074,8	425,7	1 449,1	1 259,4	−60,4	−13,1
ЗАО «КМКК»	515,3	−327,6	1 279,2	2 412,7	–	88,6
Рентабельность производства, %						
АО «Вимм-Билль-Данн»	4,9	3,2	8,2	9,6	−1,8	1,4
ОАО «Милком»	8,2	4,5	5,2	7,0	−3,6	1,9
ООО «Хохланд Руссланд»	17,2	12,9	16,4	16,5	−4,3	0,1
ПАО МК «Воронежский»	7,7	3,1	8,8	7,4	−4,5	−1,4
ЗАО «КМКК»	6,4	0,01	11,1	13,4	−6,4	2,4

Составлено автором по материалам источников[2,3,4,5,6]

[2] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность АО «Вимм-Билль-Данн». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/6677012 (дата обращения: 25.10.2024).

[3] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ОАО «Милком». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/509262 (дата обращения: 25.10.2024).

[4] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ООО «Хохланд Руссланд». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/5864700 (дата обращения: 25.10.2024).

[5] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ПАО МК «Воронежский». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/1625589 (дата обращения: 25.10.2024).

[6] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ЗАО «КМКК». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/4681029 (дата обращения: 25.10.2024).

В результате рассматриваемые в рамках исследования предприятия, несмотря на схожесть по масштабам производственно-экономической деятельности, характеризуются существенным различием по уровню результативности и эффективности деятельности, на которые также оказывают влияние состояние дебиторской и кредиторской задолженности.

Объем дебиторской задолженности на предприятиях-лидерах молочной промышленности России ощутимо дифференцирован и сохраняет общую динамику роста в исследуемом периоде. При этом ее наибольший размер сохраняется в АО «Вимм-Билль-Данн» – 11,1 млрд руб. в 2023 г., вторым по размеру показателя является ПАО МК «Воронежский», а третьим – ОАО «Милком». На оставшихся двух предприятиях дебиторская задолженность в 2023 г. составляла менее 5 млрд руб. Среди всех самые высокие темпы прироста задолженности, как в 2020–2021 гг., так и в 2022–2023 гг., сохраняются в ООО «Хохланд Руссланд», где отмечен общий прирост в 2,5 раза. Несмотря на различие по объему дебиторской задолженности, наибольшая скорость оборота сохраняется в ООО «Хохланд Руссланд» – более 15 за год, в результате чего длительность одного оборота составляет чуть более 20 дней. При этом самая низкая оборачиваемость сохраняется в ПАО МК «Воронежский» – 5,5 оборотов за год. Сопоставление скорости оборота дебиторской задолженности по годам показало, что в 2020–2021 гг. существенных изменений не произошло, а общий тренд – рост оборачиваемости средств в расчетах. В период 2022–2023 гг., напротив, отмечено снижение скорости оборота дебиторской задолженности в трех из 5 предприятий (табл. 2).

Таблица 2

Динамика основных показателей состояния и оборачиваемости дебиторской задолженности на крупнейших предприятиях молочной промышленности России в 2020–2023 гг.

Предприятие	Значение				Изменение	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	В 2021 г. к 2020 г.	В 2023 г. к 2022 г.
Дебиторская задолженность, млрд руб.					%	
АО «Вимм-Билль-Данн»	9,8	10,1	10,0	11,1	2,8	11,7
ОАО «Милком»	2,6	3,4	4,4	5,8	30,7	31,3
ООО «Хохланд Руссланд»	1,3	2,6	2,4	3,4	93,2	43,2
ПАО МК «Воронежский»	3,4	4,1	5,1	7,0	21,5	35,2
ЗАО «КМКК»	2,1	2,3	2,1	2,9	11,1	37,4
Оборачиваемость дебиторской задолженности, количество оборотов					**Абсолютное**	
АО «Вимм-Билль-Данн»	9,9	10,8	11,7	12,2	1,0	0,5
ОАО «Милком»	10,5	10,6	10,2	9,0	0,2	−1,2
ООО «Хохланд Руссланд»	15,3	15,6	14,8	15,2	0,3	0,4
ПАО МК «Воронежский»	7,1	6,6	6,7	5,5	−0,4	−1,2
ЗАО «КМКК»	8,4	8,4	9,3	8,6	–	−0,6

Составлено автором по материалам источников[7,8,9,10,11]

По объему кредиторской задолженности лидирует АО «Вимм-Билль-Данн», где во все годы, за исключением 2022 г., показатель превышал 20 млрд руб., что является существенным значением. Среди прочих предприятий рассматриваемой выборки объем кредиторской задолженности в 2020 г. варьировался в пределах 0,8–2 млрд руб., а к 2023 г. вырос до 1,2–4,7 млрд руб. При этом наиболее высокие темпы роста

[7] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность АО «Вимм-Билль-Данн». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/6677012 (дата обращения: 25.10.2024).

[8] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ОАО «Милком». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/509262 (дата обращения: 25.10.2024).

[9] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ООО «Хохланд Руссланд». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/5864700 (дата обращения: 25.10.2024).

[10] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ПАО МК «Воронежский». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/1625589 (дата обращения: 25.10.2024).

[11] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ЗАО «КМКК». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/4681029 (дата обращения: 25.10.2024).

объема за четыре года отмечены в ООО «Хохланд Руссланд» – в три раза. Скорость оборота кредиторской задолженности на рассматриваемых предприятиях существенно дифференцирована, при этом лидером является ОАО «Милком», где кредиторская задолженность стала совершать более 30 оборотов к 2023 г., что свидетельствует о длительности одного оборота около 12 дней. Наиболее динамичный рост оборачиваемости кредиторской задолженности в исследуемом периоде отмечен в ЗАО «КМКК» – с 8,5 до 22 оборотов в год. Кроме того, высокая скорость оборота кредиторской задолженности отмечена в ПАО МК «Воронежский». В лидирующем по объему выручки АО «Вимм-Билль-Данн» его скорость, напротив, самая низкая – менее 10 в год, что обусловлено ее большим объемом в стоимостном выражении (табл. 3).

Таблица 3

Динамика основных показателей состояния и оборачиваемости кредиторской задолженности на крупнейших предприятиях молочной промышленности России в 2020–2023 гг.

Предприятие	Значение				Изменение	
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	В 2021 г. к 2020 г.	В 2023 г. к 2022 г.
Кредиторская задолженность, млрд руб.					**%**	
АО «Вимм-Билль-Данн»	22,1	23,0	18,2	22,1	4,4	21,5
ОАО «Милком»	1,1	1,2	1,5	1,5	9,5	3,2
ООО «Хохланд Руссланд»	1,5	2,2	2,1	4,7	43,0	1,3 раза
ПАО МК «Воронежский»	0,8	1,2	1,2	1,2	40,1	6,3
ЗАО «КМКК»	2,0	1,4	0,6	1,3	−30,5	103,7
Оборачиваемость кредиторской задолженности, количество оборотов					**Абсолютное**	
АО «Вимм-Билль-Данн»	4,8	4,8	5,7	6,4	–	0,9
ОАО «Милком»	22,6	26,9	29,3	30,5	4,2	2,5
ООО «Хохланд Руссланд»	17,2	16,3	17,2	13,0	−0,9	0,9
ПАО МК «Воронежский»	25,6	25,2	26,5	27,5	−0,3	1,3
ЗАО «КМКК»	8,5	10,9	20,1	22,0	2,5	9,2

Составлено автором по материалам источников[12,13,14,15,16]

Помимо стоимостного объема дебиторской и кредиторской задолженности, а также скорости их оборачиваемости, немаловажное значение имеет соотношение данных видов задолженности в каждой конкретной организации как одно из направлений в системе управления предприятием. Это связано с тем, что сбалансированное соотношение между дебиторской и кредиторской задолженностью является элементом обеспечения эффективности использования ресурсов и направлено на поддержание оптимального уровня деловой активности и финансовой устойчивости. При этом наиболее благоприятным выступает равное соотношение объема дебиторской и кредиторской задолженности на предприятиях. Также допустимым является значение показателя в пределах 0,9–1,1.

В разрезе рассматриваемых предприятий молочной промышленности отмечено существенное различие значений коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности, при этом наибольшее из них устойчиво сохраняется в ПАО МК «Воронежский», где в расчете на 1 руб. задолженности кредиторской в разные годы приходилось от 3,6 до 5,6 руб. задолженности дебиторской. Также достаточно высокие значения отмечены в ОАО «Милком» (2,3–3,8 руб. дебиторской задолженности

[12] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность АО «Вимм-Билль-Данн». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/6677012 (дата обращения: 25.10.2024).

[13] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ОАО «Милком». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/509262 (дата обращения: 25.10.2024).

[14] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ООО «Хохланд Руссланд». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/5864700 (дата обращения: 25.10.2024).

[15] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ПАО МК «Воронежский». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/1625589 (дата обращения: 25.10.2024).

[16] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ЗАО «КМКК». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/4681029 (дата обращения: 25.10.2024).

в расчете на 1 руб. кредиторской задолженности). Для данных предприятий общей тенденцией является рост значения коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности в динамике к 2023 г., что нельзя назвать благоприятным. Это связано с практически двукратным увеличением объема дебиторской задолженности и свидетельствует об ухудшении работы с дебиторами на фоне усиления кризиса в экономике, что требует пересмотра существующей политики, поскольку необоснованный рост дебиторской задолженности приводит к формированию большого объема отвлеченных из оборота средств и тем самым способствует снижению деловой активности (табл. 4).

Таблица 4

Расчет значения коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности на крупнейших предприятиях молочной промышленности России в 2020–2023 гг.

Показатель	Значение			
	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
АО «Вимм-Билль-Данн»				
Дебиторская задолженность, млрд руб.	9,8	10,1	10	11,1
Кредиторская задолженность, млрд руб.	22,1	23	18,2	22,1
Коэффициент соотношения	0,44	0,44	0,55	0,50
ОАО «Милком»				
Дебиторская задолженность, млрд руб.	2,6	3,4	4,4	5,8
Кредиторская задолженность, млрд руб.	1,1	1,2	1,5	1,5
Коэффициент соотношения	2,36	2,83	2,93	3,87
ООО «Хохланд Руссланд»				
Дебиторская задолженность, млрд руб.	1,3	2,6	2,4	3,4
Кредиторская задолженность, млрд руб.	1,5	2,2	2,1	4,7
Коэффициент соотношения	0,87	1,18	1,14	0,72
ПАО МК «Воронежский»				
Дебиторская задолженность, млрд руб.	3,4	4,1	5,1	7
Кредиторская задолженность, млрд руб.	0,8	1,2	1,2	1,2
Коэффициент соотношения	4,25	3,42	4,25	5,83
ЗАО «КМКК»				
Дебиторская задолженность, млрд руб.	2,1	2,3	2,1	2,9
Кредиторская задолженность, млрд руб.	2	1,4	0,6	1,3
Соотношение	1,05	1,64	3,50	2,23

Составлено автором по материалам источников[17,18,19,20,21]

Среди трех оставшихся предприятий только в АО «Вимм-Билль-Данн» объем кредиторской задолженности вдвое выше дебиторской, в результате чего значение коэффициента находится в пределах 0,4–0,5, что также выходит за рамки оптимального уровня, свидетельствуя о существенном превышении задолженности перед кредиторами по сравнению с задолженностью дебиторов. В свою очередь, ООО «Хохланд Руссланд» – единственное предприятие среди рассматриваемых, где коэффициент соотношения дебиторской и кредиторской задолженности имел приближенное к оптимальному значение. В ЗАО «КМКК» только в 2020 г. коэффициент был низок, а в 2021–2023 гг. существенно вырос из-за роста дебиторской задолженности (рис. 1).

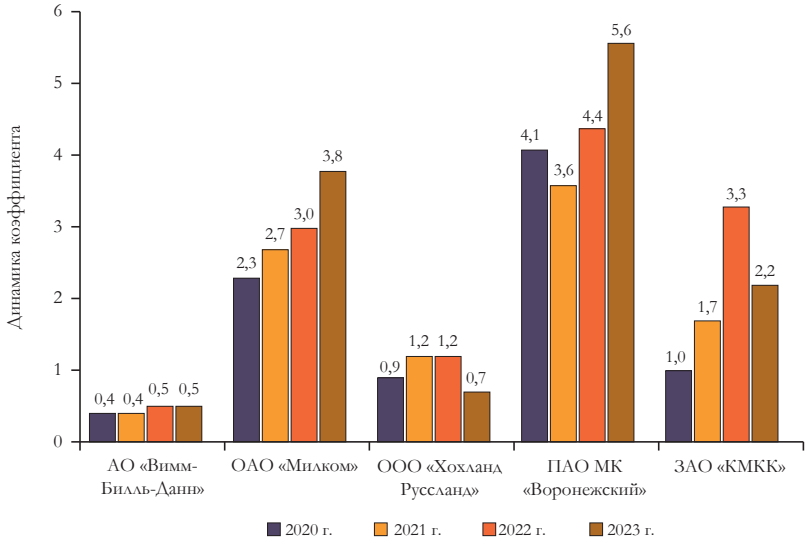
[17] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность АО «Вимм-Билль-Данн». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/6677012 (дата обращения: 25.10.2024).

[18] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ОАО «Милком». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/509262 (дата обращения: 25.10.2024).

[19] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ООО «Хохланд Руссланд». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/5864700 (дата обращения: 25.10.2024).

[20] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ПАО МК «Воронежский». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/1625589 (дата обращения: 25.10.2024).

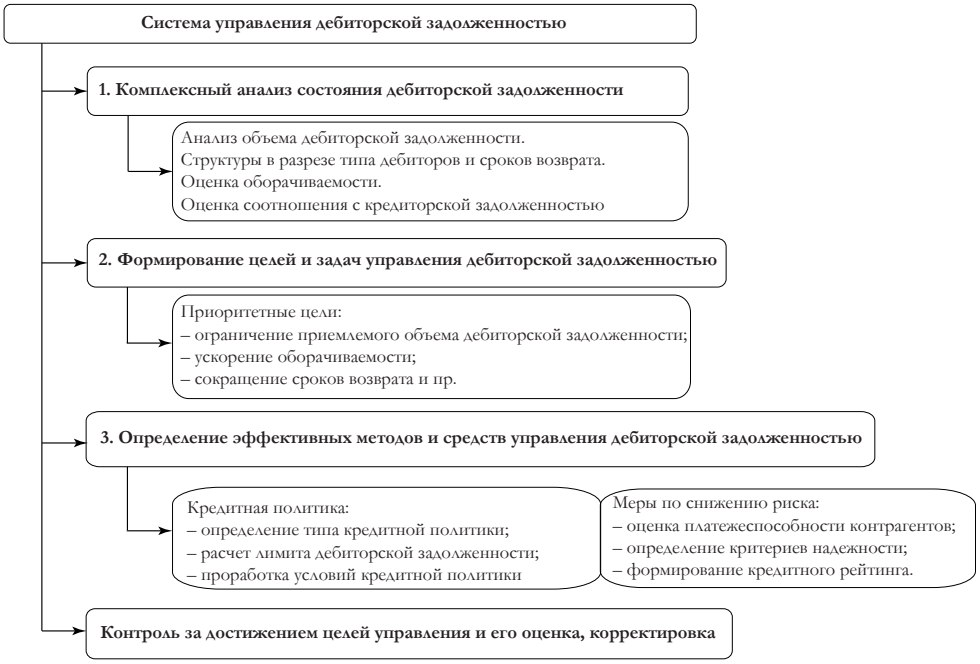
[21] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ЗАО «КМКК». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/4681029 (дата обращения: 25.10.2024).



Составлено автором по материалам источников[22,23,24,25,26]

Рис. 1. Динамика коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности на крупнейших предприятиях молочной промышленности России в 2020–2023 гг.

В результате для большинства предприятий молочной промышленности в 2022–2023 гг. общей тенденцией стал динамичный рост дебиторской задолженности, что свидетельствует об ухудшении платежеспособности дебиторов и проблемах в организации работы с ними. Поэтому первостепенной задачей является усиление контроля над объемом и состоянием данной задолженности, что особенно актуально в условиях сохранения экономического кризиса. Механизм управления дебиторской задолженностью должен включать в себя следующие основные этапы (рис. 2).



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Система управления дебиторской задолженностью

[22] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность АО «Вимм-Билль-Данн». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/6677012 (дата обращения: 25.10.2024).

[23] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ОАО «Милком». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/509262 (дата обращения: 25.10.2024).

[24] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ООО «Хохланд Руссланд». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/5864700 (дата обращения: 25.10.2024).

[25] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ПАО МК «Воронежский». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/1625589 (дата обращения: 25.10.2024).

[26] Государственный информационный ресурс бухгалтерской (финансовой) отчетности. Финансовая отчетность ЗАО «КМКК». Режим доступа: https://bo.nalog.ru/organizations-card/4681029 (дата обращения: 25.10.2024).

Помимо проведения комплексного анализа состояния дебиторской задолженности, одним из ключевых этапов является определение целей и задач управления ею на каждом конкретном предприятии, поскольку именно этим будет определяться выбор эффективных методов и средств управления.

Для рассмотренных предприятий молочной промышленности общей тенденцией стало увеличение объема дебиторской задолженности в 2022–2023 гг. Это является прямым следствием усиления кризиса, что замедлило темпы деловой активности и удлинило сроки взаиморасчетов между контрагентами. Поэтому с учетом актуальных экономических условий важно формировать эффективные методы управления имеющейся дебиторской задолженностью, а также предпринимать меры по недопущению ее дальнейшего роста более тщательным отбором новых контрагентов и бизнес-партнеров. В рамках системы управления дебиторской задолженностью приоритетными направлениями являются более детальная проработка политики «кредитования» контрагентов, а именно определение лимита отгрузки товаров без оплаты и создание эффективных рычагов обеспечения возникающего риска.

ОБСУЖДЕНИЕ

Многие исследователи отмечают, что в России для отраслей пищевой промышленности последние несколько лет стали финансово трудными, что связано на первом этапе с началом пандемии и вынужденной приостановкой деятельности во многих сферах. Это привело к нарушению цепочки движения «товар – деньги – товар», тем самым способствуя росту длительности операционного и финансового циклов и замедлению всех процессов [7; 8]. Как следствие, на многих предприятиях существенно вырос риск потери финансовой устойчивости и банкротства, поскольку часть оборотных средств оказалась отвлечена из оборота в виде дебиторской задолженности, что также снизило ликвидность предприятий и их возможности по своевременному возврату своих собственных обязательств – кредиторской задолженности [9].

В самой же отрасли молочной промышленности, по мнению О.В. Власовой, В.В. Дуплина и др. [10; 11], неблагоприятные экономические условия не стали ключевым фактором изменения деловой активности, поскольку ряду лидеров отрасли удалось сохранить темпы своей деятельности на базовом уровне. Это свидетельствует о том, что сложившиеся в ней проблемы обусловлены внутренними системными факторами, что требует проведения системного анализа и по его результатам – формирования эффективной системы управления в отрасли.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование состояния дебиторской и кредиторской задолженности на примере крупнейших предприятий молочной промышленности показало, что в 2022–2023 гг. общей тенденцией являлись рост объема дебиторской задолженности и, как следствие, – снижение ее оборачиваемости. При этом объем кредиторской задолженности в динамике увеличился не так существенно. В результате этого значительно выросло значение коэффициента соотношения дебиторской и кредиторской задолженности, что свидетельствует об отвлечении большого объема ликвидных активов из оборота и способно привести к потери финансовой устойчивости. Среди рассмотренных предприятий стоит выделить ОАО «Милком» и ПАО МК «Воронежский», где в 2023 г. в расчете на 1 руб. кредиторской задолженности приходилось 3–6 руб. задолженности дебиторской, что свидетельствует о сформировавшемся большом объеме задолженности со стороны дебиторов.

В результате для предприятий молочной промышленности актуальным направлением остается совершенствование системы управления дебиторской задолженностью, нацеленное на снижение ее объема и повышение оборачиваемости, что будет способствовать повышению деловой активности и сокращению длительности операционного цикла. В сформированной системе одним из ключевых этапов является определение целей и задач управления дебиторской задолженностью на каждом конкретном предприятии, поскольку именно этим определяется дальнейший выбор эффективных методов и средств управления. Также с учетом актуальных экономических условий важными остаются формирование эффективных методов управления имеющейся дебиторской задолженностью и реализация мер по недопущению ее дальнейшего роста.

Список литературы

1. *Латышева З.П., Святова О.В., Головин А.А., Головин А.А., Зюкин Д.А.* Оценка экономической деятельности предприятий мясоперерабатывающей промышленности региона. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022;1:77–83.

2. *Мельников Б.А., Власенко С.К., Черникова И.А.* Импортозамещение в национальном АПК как основа продовольственного самообеспечения РФ. Естественно-гуманитарные исследования. 2023;6(50):327–332. https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-17042
3. *Семенова А.М.* Влияние пандемии COVID-19 на молочное производство в России. Стратегии бизнеса. 2022;10(6):34–136. https://doi.org/10.17747/2311-7184-2022-6-134-136
4. *Зюкин Д.А., Сергеева Н.М., Беляев С.А., Иванова Ю.А.* Состояние продовольственной безопасности России в контексте самообеспечения ключевыми видами продуктов. Вестник НГИЭИ. 2023;4(143):99–11. https://doi.org/10.24412/2227-9407-2023-4-99-111
5. *Косолапова А.Д., Тарасова И.Н.* Оптимизация расчетов с дебиторами и кредиторами как фактор улучшения финансового состояния предприятия. Экономика и эффективность организации производства. 2019;30:107–110.
6. *Медведева О.Е., Слукина В.В., Трофимов Н.И.* Управление дебиторской задолженностью в условиях нестабильности экономики. Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2020;2:170–181. https://doi.org/10.17586/2310-1172-2020-13-2-170-181
7. *Штоколова К.В., Яковлев Н.А., Бушина Н.С., Наджафова М.Н.* Состояние дебиторской и кредиторской задолженности предприятий-лидеров рынка растительных масел России. Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023;12(2(43):74–78. https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_02_16
8. *Латышева З.И., Наджафова М.Н.* Об изменении деловой активности предприятий-лидеров мукомольной промышленности России. Азимут научных исследований: экономика и управление. 2024;13(1(46):80–83.
9. *Посная Е.А., Енишева Е.С., Яровая Н.В, Черемисинова Д.В.* Совершенствование процесса управления дебиторской и кредиторской задолженностью предприятия. Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2021;3(35):18–22.
10. *Власова О.В., Дуплин В.В, Бушина Н.С., Канунникова Н.А.* Финансовая устойчивость предприятий-лидеров молокоперерабатывающей промышленности России. Вестник евразийской науки. 2023;15(3).
11. *Власова О.В, Дуплин В.В., Доренская И.Н., Бушина Н.С.* Особенности учета кредитов и займов на предприятиях молочной промышленности России. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024;4–2:198–203. https://doi.org/10.17513/vaael.3381

References

1. *Latysheva Z.I., Svyatova O.V., Golovin A.A., Golovin A.A., Zyukin D.A.* Assessment of the economic activity of meat processing industry enterprises in the region. Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2022;1:77–83. (In Russian).
2. *Melnikov B.A., Vlasenko S.K., Chernikova I.A.* Import substitution in the national agro-industrial complex as the basis of food self-sufficiency of the Russian Federation. Natural sciences and humanities research. 2023;6(50):327–332. (In Russian). https://doi.org/10.24411/2413-046X-2019-17042
3. *Semenova A.M.* The impact of the COVID-19 pandemic on dairy production in Russia. Business strategies. 2022;10(6):34–136. (In Russian). https://doi.org/10.17747/2311-7184-2022-6-134-136
4. *Zyukin D.A., Sergeeva N.M., Belyaev S.A., Ivanova Yu.A.* The state of food security in Russia in the context of self-sufficiency with key types of products. Bulletin of the NGIEI. 2023;4(143):99–11. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2227-9407-2023-4-99-111
5. *Kosolapova A.D., Tarasova I.N.* Optimization of settlements with debtors and creditors as a factor in improving the financial condition of the enterprise. Economics and efficiency of production organization. 2019;30:107–110. (In Russian).
6. *Medvedeva O.E., Slukina V.V., Trofimov N.I.* Management of accounts receivable in conditions of economic instability. Scientific journal of the ITMO Research Institute. Series: Economics and Environmental Management. 2020;2:170–181. (In Russian). https://doi.org/10.17586/2310-1172-2020-13-2-170-181
7. *Shtokolova K.V., Yakovlev N.A., Bushina N.S., Najafova M.N.* The state of accounts receivable and accounts payable of enterprises-leaders of the vegetable oils market in Russia. The azimuth of scientific research: economics and management. 2023;12(2(43):74–78. (In Russian). https://doi.org/10.57145/27128482_2023_12_02_16
8. *Latysheva Z.I., Najafova M.N.* On the change in business activity of the leading enterprises of the flour milling industry in Russia. The azimuth of scientific research: economics and management. 2024;13(1(46):80–83. (In Russian).
9. *Posnaya E.A., Enisheva E.S., Yarovaya N.V., Cheremisinova D.V.* Improving the process of managing accounts receivable and accounts payable of the enterprise. Current problems and prospects of economic development: Russian and foreign experience. 2021;3(35):18–22. (In Russian).
10. *Vlasova O.V., Duplin V.V., Bushina N.S., Kanunnikova N.A.* Financial stability of the leading enterprises of the dairy processing industry in Russia. Bulletin of Eurasian Science. 2023;15(3). (In Russian).
11. *Vlasova O.V., Duplin V.V., Dorenskaya I.N., Bushina N.S.* Features of accounting for loans and borrowings at enterprises of the dairy industry in Russia. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024;4–2:198–203. (In Russian). https://doi.org/10.17513/vaael.3381

УДК 338 JEL D41 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-173-183

Инструменты стимулирования конкуренции в государственных закупках: международная практика

Тищенко Татьяна Владимировна

Канд. экон. наук, ст. науч. сотр. лаборатории исследований бюджетной политики
ORCID: 0000-0002-2675-0075, e-mail: tatyana-kat@yandex.ru

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящей работе рассматриваются используемые в зарубежной практике инструменты повышения конкуренции и снятия ограничений на участие компаний в государственных закупках. Открытая конкуренция означает, что все квалифицированные компании имеют право участия в государственных закупках на основе справедливого рассмотрения их заявок и выбора победителя и право на обжалование. По результатам исследования выявлены инструменты, обеспечивающие конкурентность закупок в зарубежных практиках, используемые при формировании нормативно-правовой основы контрактной системы, при проведении торгов, на стадии исполнения контрактов. На этапе подготовки конкурсных процедур конкуренция обеспечивается за счет использования единой онлайн-платформы и исключения необоснованных или излишних требований к участникам торгов, кроме квалификационных, что позволяет повысить привлекательность торгов для предприятий и увеличить численность участников. На стадии подготовки к торгам закупающие органы должны проводить анализ рынка и формировать спецификации, ориентированные на функциональные критерии к поставляемым товарам, для снижения рисков необъективного выбора победителя. На этапе проведения конкурсных процедур необходимо исключать возможность манипулирования критериями для оценки предложений и сговора участников. На постконтрактной стадии нужно разработать механизмы для выявления возможных нарушений и противоправных действий. По результатам исследования сформированы показатели, которые могут быть использованы для оценки конкуренции государственных закупок в Российской Федерации.

Ключевые слова

Государственные закупки, контрактная система, конкуренция, стимулирование конкуренции, тендер, критерии оценки, коррупция

Благодарности. Работа подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Для цитирования: Тищенко Т.В. Инструменты стимулирования конкуренции в государственных закупках: международная практика//Вестник университета. 2025. № 1. С. 173–183.

© Тищенко Т.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Instruments to stimulate competition in public procurement: international practice

Tatyana V. Tischenko

Cand. Sci. (Econ.), Senior Researcher of the Laboratory of the Budget Policy Research
ORCID: 0000-0002-2675-0075, e-mail: tatyana-kat@yandex.ru

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Abstract

This article considers the tools used in foreign practice to increase competition and remove restrictions on participation of companies in public procurement. Open competition means that all qualified companies have the right to participate in the public procurement on the basis of fair consideration of their bids and selection of the winner, and the right to appeal. The results of the study have identified the tools that ensure competitiveness of the procurement in foreign practices, are used in the formation of regulatory and legal framework of the contractual system, in bidding, at the stage of contract execution. When bidding procedures are prepared, competition is ensured through the use of a single online platform and exclusion of unreasonable or unnecessary requirements for bidders, except for qualification requirements, which makes it possible to increase attractiveness of the bidding for enterprises and number of participants. At the stage of preparation for the bidding, procuring authorities should analyse the market and form specifications focused on functional criteria for the goods to be supplied to reduce risks of biased selection of the winner. When competitive procedures are held, it is necessary to exclude the possibility of manipulation of criteria for evaluation of proposals and collusion of participants. At the post-contract stage one needs to develop mechanisms to identify possible violations and illegal actions. Based on the results of the study, the indicators that can be used to assess competition of the public procurement in the Russian Federation are formed.

Keywords

Public procurement, contract system, competition, stimulation of competition, tender, evaluation criteria, corruption

Acknowledgements. The work has been prepared as part of the research work of the state assignment of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

For citation: Tischenko T.V. (2025) Instruments to stimulate competition in public procurement: international practice. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 173–183.

© Tischenko T.V., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Реализация положений Указа Президента Российской Федерации (далее – РФ, Россия) от 21 декабря 2017 г. «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции»[1] в целях обеспечения прозрачности закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд актуализирует вопросы формирования инструментов повышения конкурентности государственных закупок для инновационного развития экономики, снижения коррупционных рисков и нецелевого использования бюджетных средств. Вопросы повышения эффективности государственных закупок, предотвращения противоправных действий и коррупции при их проведении остаются в центре внимания исследователей. Основными направлениями анализа являются:

– нормативно-правовые акты, регламентирующие условия допуска субъектов малого предпринимательства к участию в закупках [1];

– недоработки закупочных процедур, в том числе «высокая доля заключенных договоров (до 60 %) по форме проведения закупок, не подразумевающей конкурентную борьбу на основе неценовых критериев, и сложность проведения отдельных видов конкурсных торгов, длительность их проведения» [2, с. 124];

– причины расторжения контрактов и разработка потенциальных направлений для повышения гибкости и качества взаимодействия участников закупок [3];

– проблемы, препятствующие эффективному процессу государственных закупок, и определение механизмов их комплексного решения [4].

Целью проведенного автором исследования является выявление норм, правил и процедур, используемых в международной практике для повышения доступности компаний реального сектора экономики к государственным закупкам. Для анализа применялись теоретические методы исследования, включая системный анализ, методы обобщения. Источниками данных являются официальные сайты органов власти, публикации зарубежных ученых и экспертов. В качестве основной гипотезы принято предположение о наличии единых подходов, стимулирующих участие бизнеса в государственных закупках, на базе рекомендаций, сформированных Комиссией Организации Объединенных Наций по правовому регулированию международной торговли[2], Всемирной торговой организацией[3], общественными организациями, например Transparency International, и Организацией экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР). Выделим следующие положения:

1) рыночные механизмы отношения поставщиков и государства, которые подразумевают, что меры регулирования обеспечивают свободу для бизнеса;

2) больше вариантов выбора «цена – качество» за счет использования конкуренции, снижение издержек, связанных с коррупционностью, и, как следствие, снижение расходов на поставку;

3) доступность, определяемая как последовательно реализуемая и стабильная институциональная, юридическая и нормативно-правовая база для расширения участия бизнеса в правительственных поставках на основе конкуренции;

4) предотвращение коррупции и конфликта интересов, беспристрастное отношение к поставщикам;

5) понимание рынка, которое способствует формированию более реалистичных и эффективных товарных спецификаций, что повышает качество закупаемых товаров[4].

По результатам исследования выявлено наличие инструментов стимулирования конкуренции, действующих на всех этапах государственных закупок. Сформированы показатели для оценки уровня конкуренции государственных закупок в РФ.

---

[1] Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2017 г. № 618 «Об основных направлениях государственной политики по развитию конкуренции» (последняя редакция). Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712220004 (дата обращения: 05.11.2024).

[2] United Nations. Model Law on Public Procurement (2011). Режим доступа: https://uncitral.un.org/en/texts/procurement/modellaw/public_procurement (дата обращения: 05.11.2024).

[3] United Nations Commission on International Trade Law. The revised WTO GPA: an emerging pillar of twenty-first century trade and development. Policy coherence. The 2011 UNCITRAL Model Law on Public Procurement: synergies and complementarities with the revised GPA. Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/gproc_e/symp092015_e/S2-4Nicholas.pdf (дата обращения: 07.11.2024).

[4] OECD. Public procurement toolbox. Principles and tools. Режим доступа: https://web-archive.oecd.org/governance/procurement/toolbox/principlestools/ (дата обращения: 12.11.2024).

ПОВЫШЕНИЕ ДОСТУПНОСТИ ЗАКУПОК ДЛЯ КОМПАНИЙ

Основными инструментами обеспечения доступности являются нормы законодательства о своевременной публикации о проведении закупок и информирование о соответствующих законах, положениях, политике и процедурах. Опубликование всех тендерных предложений на одной онлайн-платформе представляет собой важный инструмент конкурентности закупок. Исследования, проведенные в Италии [5] и в Японии [6], также показали, что требования к публикации, большой объем легкодоступной информации о тендерах увеличивают количество участников торгов. Работа, оценивающая преимущества мер по обеспечению прозрачности, показывает, что число заявок на один контракт увеличилось в среднем на одну заявку, после того как онлайн-публикация о тендерах и контрактах стала обязательной [7].

Содержание публикации должно включать достаточную информацию, чтобы позволить потенциальным участникам торгов определить свою способность и интерес к предложению и цене, с учетом следующих аспектов: информация легко доступна для бизнеса; время между публикацией и датой проведения торгов соотносятся с уровнем сложности закупки, и его достаточно, чтобы получить документы, подготовить и представить предложения потенциальным поставщикам. Временные шкалы могут быть сокращены в случае электронной передачи уведомлений о закупке и тендерных документов.

Правила участия в закупках должны гарантировать, что они являются недискриминационными и отвечают следующим условиям:

– открытость процесса. Нормативно-правовые рамки должны устанавливать правила участия потенциальных поставщиков, а также других заинтересованных сторон, например представителей гражданского общества. Регулирующим положениям нужно определить объем информации для регистрации в открытых закупках, в том числе имена и адреса участников торгов, дату получения заявок, тендерные цены;

– отсутствие барьеров для участия в государственной закупке. Все компании, обладающие соответствующими требованиями, включая иностранные фирмы, не должны быть исключены в процессе по каким-либо другим причинам, кроме отсутствия квалификации. Возможны ограничения в отношении закупок только внутренним фирмам, находящимся под юрисдикцией страны-заказчика, или совместным предприятиям.

В очень сложных видах закупок предусмотрено использование предварительной квалификации, поскольку такой подход может сделать закупку более эффективной для заказчика за счет участия только компетентных компаний. Предварительная квалификация должна быть определена процедурами, чтобы гарантировать, что ею не злоупотребляют и не используют ее в качестве метода для ограничения конкуренции путем завышения квалификационных требований. В целях стимулирования предприятий к участию в закупках правительство может упростить процесс за счет отмены квалификационных анкет для некоторых типов контрактов и/или с ограничением их стоимости и обязательного использования стандартной анкеты для отбора участников.

Общепринятой международной практикой следует признать наличие преференциального режима для некоторых потенциальных поставщиков, например малых и средних предприятий (далее – МСП), предприятий, принадлежащих меньшинствам и женщинами, или для услуг и товаров, ориентированных на экологические закупки, устойчивое развитие, инновации. Предоставление преференций при закупках является распространенной международной практикой: около 60 % стран оказывают специальную поддержку МСП и «зеленым» закупкам, а 40 % – инновационным товарам и услугам [8]. Данные положения, когда закупки могут быть не только эффективными и конкурентными, обусловлены более широкими целями государственной политики и выполняют задачи поддержки наиболее уязвимых категорий предпринимателей. Нормативно-правовая база, регулирующая государственные закупки, должна включать положения, направленные на предоставление МСП справедливых шансов на участие в торгах и обеспечение равного отношения к участникам и поставщикам, например, через упрощенные процедуры, дробление лотов, более быстрые сроки оплаты и пр. Однако, предоставляя преимущества МСП, следует учитывать некоторые аспекты, в частности риски участия малых предприятий, аффилированных с крупными компаниями. Например, в Соединенных Штатах Америки (далее – США), где хорошо развиты инструменты публичного контроля, около двух третей государственных контрактов, зарезервированных для МСП, в конечном итоге так или иначе выполняются крупными корпорациями (из списка Fortune 500) [9]. Это связано с тем, что МСП, выполняющие контракты, являлись либо дочерними фирмами этих корпораций, либо покупались ими уже после оформления контракта.

Государственным органам крайне важно проводить тщательный анализ рынка, прежде чем приступать к закупкам, а также оценивать эффективность контрактов после их завершения. Для лучшего понимания, какие товары, работы и услуги, предлагаемые рынком, могут в большей мере соответствовать потребностям органов государственной власти, используются различные подходы. На предконкурсной стадии применяются такие способы, как публикация запросов на информацию, индивидуальные консультации с поставщиками, проведение дней промышленности/поставщиков. В некоторых странах подобные консультации осуществляются на постоянной основе. Например, во Франции проводят «отраслевые дни» для обмена информацией; в Канаде перед тендерами публикуются запросы предложений; в Латвии заказчики размещают на своем веб-сайте объявления о проведении предтендерных консультаций с рынком; в Новой Зеландии это мероприятие «Встреча с покупателем», предназначенная для определенных категорий поставщиков, таких как МСП. В руководстве по поиску поставщиков Министерства финансов Великобритании указывается, что все потенциальные проекты аутсорсинга должны включать оценку рынка на ранних этапах подготовки и планирования закупки.

Анализ рынка позволяет выявить наличие и характеристики закупаемых товаров, на основе которых и формируются спецификации. При анализе необходимо учитывать:

1) количество потенциальных поставщиков закупаемых товаров и есть ли среди них возможные участники торгов;

2) есть ли у них мощности и квалифицированный персонал для поставки;

3) какие цены можно признать конкурентными;

4) риски поставки, что критически важно в случае закупки услуг для внешних потребителей;

5) все цепочки поставки и вероятность сбоев;

6) существуют ли альтернативные варианты удовлетворения потребностей в закупаемых товарах, например аренда;

7) какие инновационные решения предлагаются и есть ли выгода в них как для закупающей организации, так и для внешнего потребителя.

Закупающее ведомство должно разработать спецификации, отвечающие следующим требованиям:

– простота и отсутствие излишней детализации, гарантирующие, что требования будут соответствовать своему назначению;

– использование терминологий, понятных как ведомствам, так и участникам закупки;

– точности, то есть применение единиц измерения, соответствующих отраслевым стандартам;

– исключение ненужных дополнений и свойств, которые могут снизить или устранить конкуренцию и увеличить затраты;

– гибкость требований, позволяющую рассмотреть и принять предложение с более высокой производительностью за меньшие деньги.

Одним из наиболее сложных вопросов при государственных закупках является определение того, какие свойства и характеристики товаров можно признать конкурентными. Государственные служащие, закупающие товары для собственных нужд, не имеют возможности и профессионального опыта для тщательного и полноценного изучения рынка товаров, работ и услуг, уровня их конкурентности и не всегда могут сформулировать и/или спрогнозировать, как долго закупаемая продукция будет работать качественно и соответствовать уровню решаемых задач в ближайшем будущем. Всегда есть риск закупить продукцию с низкими потребительскими свойствам, с устаревшими характеристиками.

Многие тендеры фокусируются на описании продукта, а не на его функциональных характеристиках, что порождает двусмысленность спецификаций. Чрезмерная информация и требования к содержанию заявки могут снизить конкуренцию или привести к дисквалификации потенциальных участников торгов на базе необоснованных требований и необъективности. Объективность означает, что существует мало возможностей для субъективной интерпретации критериев со стороны представителей закупающих органов. В целях повышения объективности предлагается использовать спецификации, которые фокусируются на результатах, а не на технических требованиях к товарам/работам. Спецификация на результаты может стимулировать компании предлагать инновационные решения для создания новых и лучших вариантов.

Пример обязательных требований к спецификациям для закупки услуг в здравоохранении предлагают США[5]. Они должны подробно описывать каждый из следующих пунктов, и если какой-либо пункт неприменим к запросу предложений, в спецификации необходимо указать, что он неприменим:

– минимальные или обязательные характеристики;
– планируемые объемы финансирования, источник и период действия;
– потребность или проблема, которую решает услуга;
– цели услуги;
– целевая группа населения, которую необходимо обслуживать;
– географический охват услуги;
– ожидаемые результаты измерений;
– единицы обслуживания и удельные расценки, если это возможно;
– требования качества и оценки (по возможности);
– планирование заключения разового или многоразового контракта и определение критериев для заключения многоразовых контрактов, если это возможно;
– вероятность заключения контрактов на определенный срок и их условия, включая, помимо прочего, первоначальный срок действия и условия продления;
– требования к отчетности по программным и финансовым данным и образцы форм и инструкций, если таковые имеются;
– минимальные или обязательные административные требования к персоналу;
– ценообразование или методология ценообразования, которые будут использоваться;
– способ и процедуры компенсации/оплаты.

СОЗДАНИЕ КОНКУРЕНТНЫХ УСЛОВИЙ НА ЭТАПЕ ПРОВЕДЕНИЯ КОНКУРСНЫХ ПРОЦЕДУР

Государственные закупающие органы должны выбирать наиболее подходящие процедуры закупок с учетом конкретных обстоятельств каждого контракта. Несмотря на то что открытый (конкурентоспособный) тендер должен быть принят в качестве стандартного метода закупки, выбор метода также зависит от времени, которое требуется, чтобы выполнить процесс и минимизировать задержки. Заказчики самостоятельно принимают решение использовать открытую процедуру или другой вид конкурентной процедуры, а также имеют право вносить изменения в условия закупок даже после их начала, но до наступления определенных ключевых сроков, например до крайнего срока подачи тендерных заявок в рамках открытой процедуры, при условии, что сроки будут гибкими с учетом изменения.

Открытые закупки – это процесс публичного размещения уведомлений (извещений) о закупках для участия в конкурсе. Данный тип стимулирует заинтересованность предприятий в закупках при условии, что предприятие не является мировым лидером в какой-то области или не имеет глубокой специализации в каком-либо другом направлении. При организации конкурсных процедур с ограничением участников закупающее ведомство учитывает, что только определенное число поставщиков может удовлетворить их конкретные потребности, хотя право подачи заявки на участие в ограниченном конкурсе есть у всех предприятий. Однако ведомство не обязано выдавать документацию о публичном тендере всем, кто выразит заинтересованность, и имеет право лимитировать объявление публичного тендера теми поставщиками, от которых оно хочет получить предложения. Небольшим предприятиям, обладающим соответствующей квалификацией и опытом, можно успешно конкурировать в этих тендерах, но им следует учитывать уровень взаимодействия с закупающим ведомством в сравнении с более крупными конкурентами, когда последние могут иметь больше информации о требованиях к поставляемым товарам/услугам.

Электронные закупки обеспечивают конкурентность выбора поставщика для большинства стандартных товаров/работ/услуг и не позволяют принять решение в пользу определенной компании за счет повышения прозрачности и отслеживания (мониторинга) процесса. В результате возрастает вероятность выявления правонарушений. Процесс позволяет сократить расходы компаний на участие в торгах и открывает новые рынки и возможности для небольших предприятий.

5 Hawaii.gov. Competitive purchase of services – health and human services. Режим доступа: https://spo.hawaii.gov/procurement-wizard/manual/competitive-hhs/?print=print.%20 (дата обращения: 12.11.2024).

Критерии выбора должны быть объективны и указаны заранее в документах по закупкам и таким образом, чтобы решение по поставщикам принималось только на основе тех, что отмечены в документах. Использование ценовых и неценовых критериев гарантируют лучшее соотношение цены и качества, если в документации по закупкам указаны относительные веса, которые будут распределены по критериям; способ, которым объединяются веса и критерии, для проведения итоговой оценки. Принцип соотношения цены и качества требует оценки соответствующих затрат и льгот наряду с оценкой рисков, неценовыми характеристиками, признаками и/или затратами жизненного цикла. Закупщики, которые покупают готовые товары на открытом рынке, например автомобили, лекарства, должны платить самую низкую доступную цену и добиваться скидок при оптовых закупках.

Стоимость контракта определяет, будут ли более крупные компании претендовать на тот же бизнес, что и заинтересованные МСП. В случае открытой процедуры с уведомлением на поставки или услуги, стоимость которых превышает соответствующий порог (для каждого товара или услуги определяется индивидуально), необходимо уведомлять всех потенциальных поставщиков. Поскольку это более крупные контракты, то они включают критерии, которые привлекают крупные предприятия по мере роста стоимости контракта. Высокие пороговые значения применяются к социальным услугам и услугам здравоохранения, так как контракты по своей природе могут быть относительно дорогостоящими.

По некоторым типам/видам закупаемой продукции установить первоначальную стоимость не представляется возможным, например для проектирования таких объектов, как электростанция, где работы выполняются исключительно в исследовательских или испытательных целях. В таких случаях ведомство должно опубликовать уведомление о контракте, в котором будут указаны критерии для его заключения и приглашение как минимум трех кандидатов для проведения обсуждений. С выбранными кандидатами обсуждение проводится до тех пор, пока не определятся все технические, экономические, юридические и другие требования для принятия решения. После завершения диалога выбранные кандидаты могут подать свои заявки.

Интересен опыт организации мини-аукционов в электронном формате[6]. Опрос 150 компаний, проведенный исследовательской группой в штате Амазонас в Бразилии, выявил две основные причины неучастия в государственных закупках: проблемы с получением оплаты и бюрократические препятствия при подготовке тендерного предложения, поэтому процесс становится дорогостоящим и трудоемким. Кроме того, времени, отведенного на подготовку тендерного предложения, оказалось недостаточно для сбора всех необходимых документов. Для любого тендерного процесса участники торгов должны были предоставить четыре комплекта: юридические документы, подтверждающие существование компании; налоговые документы для всех трех уровней власти; технические документы с подробной информацией о предлагаемом продукте и финансовые документы, показывающие финансовое состояние компании. Кроме того, в исследовании приводятся реальные примеры стоимости бюрократии для фирмы, участвующей в конкурсе. Например, 68 % опрошенных респондентов пришлось нанимать сотрудника, занимающегося хранением информации и документов, необходимых для государственных закупок. В результате, несмотря на большое количество компаний, которые потенциально могли бы поставлять продукцию для правительства, окончательное решение об участии принимало только небольшое число предприятий. Для снижения затрат на подготовку к конкурсу при закупках на сумму менее 8 тыс. бразильских реалов было предложено отказаться от представления компаниям документов, необходимых для участия. Все фирмы, зарегистрированные в государственной системе, информировались о закупках по электронной почте. Сокращалось и время для отбора поставщика до 24 часов.

Ограничение возможностей для сговора обеспечивается на законодательном уровне не только в рамках нормативно-правовых актов в сфере государственных закупок, но и в соответствии с антимонопольным законодательством. Закон о конкуренции Великобритании 1998 г. (англ. Competition Act) определяет сговор на торгах как любое соглашение между предприятиями или лицами, занимающимися идентичным/аналогичным производством или торговлей товарами или предоставлением услуг, которое имеет своим следствием устранение/снижение конкуренции на торгах, негативное влияние на процесс торгов, манипулирование ими. Сговор на торгах происходит, когда участники действуют согласованно и намеренно предопределяют из результат. Для него необходимо соглашение между участниками торгов, которые занимаются торговлей или производством идентичных/аналогичных товаров или предоставляют аналогичные по типу услуги.

[6] World Bank. Brazil. Procurement Reforms in Amazonas. Report No: AUS0001387. Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/en/409051583297021537/text/Brazil-Procurement-Reforms-in-Amazonas.txt (дата обращения: 12.11.2024).

Схемы сговора участников тендеров различны. Он может осуществляется на основе разделения территорий/рынка, когда фирмы договариваются не конкурировать за определенных клиентов или в определенных географических районах. Схема ротации базируется на очередности: все участвующие в сговоре компании сознательно снижают вероятность своей победы в пользу одного заявителя, который впоследствии поступает аналогичным образом в отношении всех других участников в ожидании, когда снова будет первым в очереди [10].

Потенциально подозрительными схемами сговора могут быть следующие ситуации:

– тендерные предложения подают одни и те же поставщики, и есть основания предполагать, что каждая компания становится победителем торгов согласно очередности;

– некоторые предложения намного превышают опубликованные прайс-листы и аналогичные, ранее поданные предложения по аналогичным товарам, работам, услугам;

– цена предложения снижается всякий раз, когда его подает новый или редкий участник торгов;

– победитель тендера обычно передает работы по субподряду конкурентам, которые подали неудачные заявки на тот же проект;

– компания отзывает свое выигравшее предложение и впоследствии получает работу как субподрядчик у выигравшего участника;

– тендерные предложения или формы, представленные разными поставщиками, содержат общие черты или нарушения, например идентичные расчеты, орфографические ошибки, почерк или шрифт, и это позволяет предположить, что они могли быть подготовлены совместно[7].

Основными инструментами для предотвращения сговора являются уголовное наказание; штрафы, превышающие размер выгоды от сговора; исключение из реестра поставщиков.

ИНСТРУМЕНТЫ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАКУПОЧНЫХ ПРОЦЕДУР

Несправедливое с точки зрения конкурсанта решение снижает мотивацию для дальнейшего участия в закупках, что и обусловливает необходимость формирования действенных инструментов защиты его прав. Нужно ограничить доступ недобросовестным поставщикам, участникам коррупционных схем, преступной или иной противозаконной деятельности. Примером реализации данной нормы является Федеральная информационная система о деятельности и добросовестности поставщиков (англ. Federal Awardee Performance and Integrity Information System) в США, которая собирает дополнительную информацию о работе поставщиков и проблемах деловой этики, включая контракты, расторгнутые из-за неисполнения обязательств, а также информацию об уголовных, гражданских или административных процедурах, связанных с федеральным контрактом. Государственные учреждения обязаны вносить в систему данные о прошлых результатах деятельности, которая затем будет доступна другим сотрудникам по всем контрактам и заказам на сумму более 150 тыс. долл. США. Информация о прошлой деятельности поставщика включает идентификацию и описание соответствующего контракта, рейтинги по его 6 параметрам, в том числе качество, график, стоимость, использование малого бизнеса.

В законодательстве Великобритании содержится перечень оснований для обязательного исключения поставщиков, включая нарушение законодательства о конкуренции и предыдущие неудовлетворительные результаты деятельности поставщика в случае невыполнения государственного контракта, повлекшее за собой серьезные последствия, такие как расторжение договора или возмещение ущерба и случаи, когда он не улучшил свои показатели, несмотря на предоставленную ему возможность сделать это. Поставщики могут быть исключены на основании статуса связанных с ними поставщиков и субподрядчиков, а не только их собственных показателей.

Право на оспаривание обеспечивается введением соответствующих норм/правил и возможностью обращения в суды по урегулированию споров. Во многих странах закупающая организация отвечает за рассмотрение заявлений на первом этапе опротестования. В некоторых странах жалобы можно послать непосредственно в независимую организацию по апелляциям. Независимый орган не имеет никакого прямого интереса к процессу закупки и не связан с агентством по закупке. В идеальном случае такой орган является отдельным агентством или предприятием. Учреждение, отвечающее за рассмотрение

[7] Unites States Department of Justice. Price-fixing, bid-rigging and market allocation schemes: what they are and what to look for. Режим доступа: https://www.justice.gov/d9/pages/attachments/2016/01/05/211578.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

жалобы, обязано принимать соответствующие меры в течение определенного периода времени, например решать, должно ли заявление быть принято или отклонено, нужно ли приостановить закупки.

Механизмы общественного контроля за исполнением контрактов могут быть действенным инструментом, однако существует мало систематических доказательств прямой связи между мониторингом гражданского общества и открытой конкуренцией. Некоторые исследования показали, что общественный мониторинг способен оказать положительное влияние на затраты при исполнении контрактов, особенно при работе в сотрудничестве с официальными контролирующими органами, такими как Национальное агентство по борьбе с коррупцией, как это было в Перу [11; 12]. Таким образом, мониторинг со стороны гражданского общества может помочь смягчить преднамеренные ограничения конкуренции и стимулировать органы власти проводить процессы закупок, обеспечивающие высокую честность и соотношение цены и качества.

Несмотря на то что в законодательстве многих стран прописаны нормы предотвращения картельного сговора участников закупок, необходимо разрабатывать способы их обнаружения. На стадии тендерных процедур ограничить возможность для сговора достаточно сложно. Наиболее эффективные механизмы его предотвращения действуют на стадии исполнения контракта и последующих расследований. Так, Министерство обороны США провело анализ статистических данных, по результатам которых выявили, что при поставке замороженных продуктов средняя цена была завышена более чем на 23,1 %. В рамках судебного преследования в Китае к ответственности привлекли 10 строительных компаний за сговор на торгах при строительстве школ (победитель получил заказ по более высокой цене, чем могли предложить другие потенциальные участники торгов)[8].

Одним из важнейших инструментов сдерживания сговора в США является создание стимулов для участников картеля информировать государственные антимонопольные органы о правонарушениях посредством так называемых программ смягчения наказания, которые поощряют членов картелей признаваться в своей деятельности и помогать компетентным органам в расследовании деятельности других участников. Взамен первый давший показания может претендовать на снисхождение, в то время как другие компании будут оштрафованы на сумму, превышающую двойную денежную выгоду от нарушения. Физических лиц могут оштрафовать на сумму до 1 млн долл. США или приговорить к тюремному заключению на срок до 10 лет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье рассмотрены вопросы законодательного регулирования закупочных процедур, подходы к определению конкурентности государственных закупок, предотвращения ограничений, снижения барьеров для конкуренции и особенности их применения для отдельных видов товаров, работ, услуг и отдельных типов поставщиков, например в отношении МСП. Следует отметить что нормативно-правовая база и процедурные инструменты поддерживают принципы конкурентности государственных закупок. Однако подходы к сопоставительной (рейтинговой) оценке уровня конкурентности не отработаны, что не позволяет сравнить, по каким процедурам имеются отставание и возможность улучшения, проанализировать динамику улучшений в какой-либо стране.

Методология оценки представлена в рекомендациях ОЭСР[9], в которых предлагается использовать ряд индикаторов. Показатели разработаны для применения при оценке национальной системы закупок в стране, они могут быть адаптированы для использования на субнациональном или ведомственном уровне, а предлагаемая методология позволяет стране провести оценку своей системы закупок самостоятельно и выявить сильные и слабые стороны их конкурентности. С учетом показателей ОЭСР и проведенного выше анализа, рекомендуется использовать следующие индикаторы в российской практике:

– число зарегистрированных поставщиков как доля общего количества поставщиков в стране, с которыми заключаются контракты (в %). Данный индикатор может быть расширен для региональных закупок и по отраслевым рынкам;
– доля контрактов государственного сектора, предоставляемых МСП;
– количество предприятий, имеющих патенты и участвующих в государственных закупках;
– количество конкурсов с единственным поставщиком, объем закупок и их доля в общем объеме;

[8] Organisation for Economic Co-operation and Development. OECD Global Forum on Competition. Режим доступа: https://one.oecd.org/document/CCNM/GF/COMP(2001)4/en/pdf (дата обращения: 10.11.2024).

[9] Organisation for Economic Co-operation and Development. Methodology for assessing procurement systems. Режим доступа: https://www.mapsinitiative.org/methodology/MAPS-methodology-for-assessing-procurement-systems.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

– число заявок на контракт по отдельным видам приобретаемых товаров;

– численность предприятий, в общем объеме доходов которых поступления по государственным контрактам составляют 30–50–100 %;

– количество апелляций от заключенных контрактов и договоров (в %).

Использование предлагаемых критериев позволит оценить конкурентность закупочных процедур в РФ, выявить направления дальнейшего развития.

Список литературы

1. *Позмогова Д.А.* Проблемы правоприменения при проведении закупок товаров, работ, услуг у субъектов малого предпринимательства. Меридиан. 2019;9(27):150–153.
2. *Решетов К.Ю., Баранова С.В., Лесников И.И., Абрамян А.Р.* Система государственных закупок в России: текущее состояние, проблемы, направления развития. Вестник Национального института Бизнеса. 2022;1(45):120–129.
3. *Геллер А.Я.* Анализ причин расторжения контрактов в системе государственных и муниципальных закупок Российской Федерации. Вестник университета. 2022;5:5–12. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-5-12
4. *Шацкий Д.Е.* Совершенствование государственной контрактной системы: причины возникновения проблем и пути их решения. Вестник университета. 2018;2:120–125. https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-2-120-125
5. *Coviello D., Mariniello M.* Publicity requirements in public procurement: evidence from a regression discontinuity design. Journal of Public Economics. 2014;109:76–100. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.10.008
6. *Ohashi H.* Effects of transparency in procurement practices on government expenditure: a case study of municipal public works. Review of Industrial Organization. 2009;3(34):267–285. https://doi.org/10.1007/s11151-009-9208-1
7. *Abdou A., Czibik Á., Tóth B., Fazekas M.* COVID-19 emergency public procurement in Romania: corruption risks and market behavior. In: Working paper series: GTI-WP/2021:03. Budapest: Government Transparency Institute; 2021.
8. *Cullen A.M.* The small business set-aside program: where achievement means consistently failing to meet small business contracting goals. Public Contract Law Journal. 2012;3(41):703–720.
9. *Fazekas M., Blum J.R.* Improving public procurement outcomes: review of tools and the state of the evidence base. Policy Research Working Paper Series. 2021;9690.
10. *Anderson R.D., Kovacic W.E.* Competition policy and international trade liberalization: essential complements to ensure good performance in public procurement markets. Public Procurement Law Review. 2009;2:67–101.
11. *Olken B.A.* Monitoring corruption: evidence from a field experiment in Indonesia. Journal of Political Economy. 2007;2(115):200–249. http://dx.doi.org/10.1086/517935
12. *Lagunes P.* Guardians of accountability: a field experiment on corruption & inefficiency in local public works. International Growth Centre Working Paper. 2017;54.

References

1. *Pozmogova D.A.* Problems of law enforcement in the procurement of goods, works, services from small businesses. Meridian. 2019;9(27):150–153. (In Russian).
2. *Reshetov K.Yu., Baranova S.V., Lesnikov I.I., Abrahamyan A.R.* The public procurement system in Russia: current state, problems, directions of development. Bulletin of the National Institute of Business. 2022;1(45):120–129. (In Russian).
3. *Geller A.Ya.* Issue analysis of contracts termination in Russian state and municipal public procurement procedures. Vestnik universiteteta. 2022;5:5–12. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2022-5-5-12
4. *Shatsky D.E.* Improvement of the state contract system: causes of problems and ways of their solutions. Vestnik universiteta. 2018;2:120–125. (In Russian). https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-2-120-125
5. *Coviello D., Mariniello M.* Publicity requirements in public procurement: evidence from a regression discontinuity design. Journal of Public Economics. 2014;109:76–100. https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2013.10.008
6. *Ohashi H.* Effects of transparency in procurement practices on government expenditure: a case study of municipal public works. Review of Industrial Organization. 2009;3(34):267–285. https://doi.org/10.1007/s11151-009-9208-1
7. *Abdou A., Czibik Á., Tóth B., Fazekas M.* COVID-19 emergency public procurement in Romania: corruption risks and market behavior. In: Working paper series: GTI-WP/2021:03. Budapest: Government Transparency Institute; 2021.
8. *Cullen A.M.* The small business set-aside program: where achievement means consistently failing to meet small business contracting goals. Public Contract Law Journal. 2012;3(41):703–720.
9. *Fazekas M., Blum J.R.* Improving public procurement outcomes: review of tools and the state of the evidence base. Policy Research Working Paper Series. 2021;9690.

10. *Anderson R.D., Kovacic W.E.* Competition policy and international trade liberalization: essential complements to ensure good performance in public procurement markets. Public Procurement Law Review. 2009;2:67–101.
11. *Olken B.A.* Monitoring corruption: evidence from a field experiment in Indonesia. Journal of Political Economy. 2007;2(115):200–249. http://dx.doi.org/10.1086/517935
12. *Lagunes P.* Guardians of accountability: a field experiment on corruption & inefficiency in local public works. International Growth Centre Working Paper. 2017;54.

УДК 336.714, 332.1 JEL E22 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-184-191

Экономическая сущность инвестиций: соотношение понятий

Семёнова Анастасия Евгеньевна

Аспирант

ORCID: 0009-0003-5234-7559, e-mail: semenova_ae@mail.ru

Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия

Аннотация

Инвестиции являются одним из основополагающих факторов развития экономики. Для формирования устойчивого развития региона необходимо осуществление активной инвестиционной деятельности. Поэтому понимание инвестиционных процессов в регионе должно быть связано с выявлением основных инвестиционных понятий и установлением связи между ними, что обусловливает высокие экономические результаты. Цель исследования состоит в выявлении базовых инвестиционных категорий и установлении взаимосвязи между ними для понимания инвестиционных процессов в субъекте, определяющих его устойчивое развитие. В исследовании использованы методы библиографического анализа, синтеза, системного подхода и метода сравнительного анализа. В результате библиографического анализа определены и рассмотрены основные характеристики инвестиционных понятий. Выявлена связь между инвестиционной деятельностью, инвестиционным риском и результатом. Определены отличительные особенности инвестиционного климата и инвестиционной привлекательности, а также установлены их основные параметры. Выделена значимость инвестиционной политики государства как способа воздействия на инвестиционные процессы. На основе исследования сущности понятий установлено их соотношение. В ходе анализа выявлено, что инвестиционный риск и инвестиционный потенциал сопровождаются процессом осуществления инвестиционной деятельности. Исходя из них формируется инвестиционная привлекательность. Интенсивность инвестиционной деятельности характеризует инвестиционную активность, что отражается на инвестиционном климате. Инвестиционная политика влияет на формирование благоприятного инвестиционного климата, что, в свою очередь, способствует инвестиционной привлекательности. Таким образом, соотношение инвестиционных понятий позволяет определить сущность инвестиционных процессов в регионе, необходимых для формирования его устойчивого развития.

Ключевые слова

Инвестиции, устойчивое развитие региона, инвестиционная деятельность, инвестиционный процесс, инвестиционный риск, инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционная активность, инвестиционная политика

Для цитирования: Семёнова А.Е. Экономическая сущность инвестиций: соотношение понятий//Вестник университета. 2025. № 1. С. 184–191.

© Семёнова А.Е., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Economic essence of investments: relationship between the concepts

Anastasiia E. Semenova
Postgraduate Student
ORCID: 0009-0003-5234-7559, e-mail: semenova_ae@mail.ru

Abstract

Investments are one of the fundamental factors of economic development. In order to form a sustainable development of the region, it is necessary to conduct active investment activities. Therefore, understanding investment processes in the region should be associated with identifying the main investment concepts and establishing a link between them, which leads to high economic results. The purpose of the study is to identify the basic investment categories and establish the relationship between them in order to understand the investment processes in the entity that determine its sustainable development. The research uses methods of bibliographic analysis, synthesis, systematic approach and a method of comparative analysis. As a result of the bibliographic analysis, the main characteristics of the investment concepts are identified and considered. The relationship between investment activities, investment risk and result has been revealed. The distinctive features of the investment climate and investment attractiveness are determined, and their main parameters are established as well. The importance of state investment policy as a way of influencing the investment processes is highlighted. Based on the study of the essence of the concepts, their relationship is established. The analysis has revealed that the investment risk and investment potential are accompanied by the process of the investment activities. Thus, the investment attractiveness is formed. The intensity of the investment activities characterises the investment activities, which affects the investment climate. Investment policy influences formation of a favourable investment climate, which, in turn, contributes to the investment attractiveness. Thus, the correlation of the investment concepts makes it possible to determine the essence of the investment processes in the region necessary for the formation of its sustainable development.

Keywords

Investment, sustainable regional development, investment activities, investment process, investment risk, investment climate, investment attractiveness, investment potential, investment activity, investment policy

For citation: Semenova A.E. (2025) Economic essence of investments: relationship between the concepts. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 184–191.

© Semenova A.E., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

На развитие экономики региона оказывают влияние различные факторы. Инвестиции являются одним из ключевых факторов экономического роста. В современных условиях для формирования устойчивого развития региона необходимо осуществление активной инвестиционной деятельности. В процессе этой деятельности происходит научно-технический прогресс, влияющий на развитие общества, экономики и окружающей среды, что является важным аспектом в исследовании данного вопроса. Поэтому особенно важно понимание инвестиционного процесса путем анализа и систематизации инвестиционных понятий.

Теория – фундамент развития любой науки. Улучшение практических результатов базируется на понимании терминологического аппарата, что является необходимым для формирования целостности картины инвестиционных процессов. Установление взаимосвязи между инвестиционными понятиями позволит создать инструмент для решения вопросов экономической, социальной и экологической направленности, что будет определять устойчивое развитие региона.

Целями данного исследования являются формирование понятийного аппарата в области инвестиций и выявление связей между основными категориями для понимания инвестиционных процессов, происходящих в регионе и оказывающих влияние на его устойчивое развитие.

К задачам исследования относятся рассмотрение понятий инвестиционной деятельности, инвестиционного процесса, инвестиционного риска, инвестиционного климата, инвестиционной привлекательности, инвестиционного потенциала, инвестиционной активности, инвестиционной политики; выявление особенностей терминологии; анализ установления связей между категориями и их соотношение.

Методы включают библиографический анализ, синтез, системный подход и метод сравнительного анализа.

ИНВЕСТИЦИИ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В экономической литературе представлено большое количество определений инвестиций. В первую очередь необходимо рассмотреть понятие, которое дано в Федеральном законе от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капиталовложения». Инвестиции рассматриваются как «денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта»[1].

Инвестиции – экономическая категория, которая характеризует целенаправленное вложение ценностей материального, нематериального и финансового характера в различные объекты коммерческой или какой-либо другой деятельности для получения прибыли или достижения другого положительного результата.

Деятельность – это выполнение каких-либо действий целенаправленного характера, связанных с получением необходимого результата. В соответствии с действующим законодательством инвестиционная деятельность определяется как вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта[2].

А.А. Дербичева и Л.И. Данилова рассматривают инвестиционную деятельность на уровне предприятия, выделяя субъекты инвестирования. Они определяют ее как ряд действий субъектов по осуществлению инвестирования в целях получения конкретного положительного эффекта [1].

Рассматривая деятельность в области инвестиций, можно определить, что данное понятие представляет совокупность мероприятий, связанных с осуществлением инвестирования.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ПРОЦЕСС

Инвестиционная деятельность непосредственно связана с инвестиционным процессом. Как было определено ранее, деятельность – это совокупность действий с целью достижения конкретных результатов. Следовательно, процесс – это последовательность данных действий.

[1]Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_22142/ (дата обращения 01.09.2024).

[2]Там же.

Д.А. Гулин, О.В. Зубкова рассматривают инвестиционный процесс в региональном аспекте. Они определяют его как деятельность субъектов, направленную на привлечение финансирования объектов инвестирования для получения роста валового внутреннего продукта и формирования устойчивого развития региона [2]. При обозначении инвестиционного процесса авторы выделяют определенную сферу отношений, при которой происходит взаимодействие субъекта и объекта инвестирования. Данная взаимосвязь носит целенаправленный характер и сопряжена с вложением средств и извлечением прибыли.

И.В. Лысенко определяет инвестиционный процесс как отношения, которые связаны с получением дохода. При этом они носят субъектно-объектный характер. Следует отметить, что он определяет основные элементы процесса, указывая на их взаимосвязанные отношения, имеющие положительный экономический результат [3].

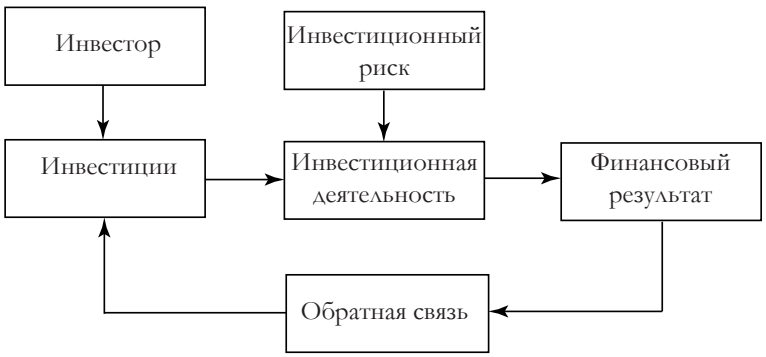
С точки зрения У.Ф. Шарпа, Г.Дж. Александера, Дж.В. Бэйли, инвестиционный процесс – это способ принятия решения инвестором при выборе бумаг, объемов и сроков вложения [4]. Данное определение имеет узкое значение, так как характеризует конкретную направленность субъекта инвестирования. При этом значения объекта и субъекта не дают представление о последовательности действий, связанных с получением необходимого результата.

А.Д. Денисов выделяет особенность инвестиционных процессов и определяет их как динамизм, который характеризуется движением активов из одного состояния в другое и обратно. Автор рассматривает эти состояния как объект инвестирования и инвестиции [5].

Таким образом, инвестиционный процесс – это процесс, при котором происходит осуществление субъектом инвестиционной деятельности в сложившихся условиях, то есть последовательности действий в определенной системе отношений, складывающихся между ее основными элементами в целях получения дохода.

Во время осуществления инвестиционной деятельности финансовый результат может иметь не только положительное значение. Существует возможность потери ожидаемого дохода. В случае вложения средств в различные инвестиционные проекты есть вероятность возникновения экономических, социальных, экологических, политических и иных рисков. С позиции Т.Н. Макаровой, инвестиционный риск представляет возможность потери вкладываемого капитала и, как следствие, неполучение в полном объеме предполагаемого дохода [6]. Следует отметить, что для минимизации потерь в процессе инвестиционной деятельности необходимо учитывать все факторы, которые могут повлиять на успех инвестирования. Поэтому при ее осуществлении нужна обратная связь, чтобы выявить и спрогнозировать возможность появления этих факторов и в случае необходимости принять меры по их устранению.

Графическое изображение инвестиционной деятельности как процесса представлено на рис. 1.



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 1. Инвестиционная деятельность как процесс

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ КЛИМАТ И ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ

Инвестиционный климат – это совокупность условий, благодаря которым осуществляется инвестиционный процесс. Л.В. Григорьева и А.А. Миролюбова считают, что инвестиционный климат – условия, которые определяют поток инвестиций [7]. Как отмечают авторы, поступление инвестиций, в том числе их объем, зависит от того, насколько благоприятную тенденцию имеют сложившиеся обстоятельства.

Л.Е. Намятова рассматривает инвестиционный климат как ряд определенных условий социального, экономического, географического, политического и правового характера, что является фактором

эффективного вложения средств в экономическое развитие предприятия, региона или страны [8]. Совокупность разных условий определяет рациональное использование имеющегося свободного капитала, необходимого для извлечения прибыли.

Иного подхода к инвестиционному климату придерживается В.Н. Щербаков. Он обозначает инвестиционный климат как «институциональную среду обитания субъектов инвестирования» [9, с. 297]. Институциональную среду можно охарактеризовать как совокупность правил, условий или ограничений, которые предопределяют деятельность инвестора.

Описывая инвестиционный климат, необходимо выделить понятие «инвестиционная привлекательность». Несмотря на использование их в экономической литературе как понятий, имеющих тождественное значение, можно выделить у них отличительные особенности.

Анализируя инвестиционную привлекательность в региональном аспекте, Ю.В. Гнездова рассматривает ее как совокупность некоторых условий, определяющих объем привлекаемых средств и имеющих оценку по показателю инвестиционной активности [10].

Под инвестиционной привлекательностью Н.З. Вельгош, О.С. Сиваш и С.С. Змияк понимают «комплексную характеристику региона в соответствии с множеством параметров, служащих индикаторами целесообразности вложений средств непосредственно в данный регион» [11, с. 3]. При определении инвестиционной привлекательности исследователи указывают на рациональность вложения средств в тот или иной регион, исходя из конкретных параметров, выделяющих его среди других.

Как было отмечено ранее, инвестиционный климат – совокупность условий, определяющих приток капитала. Тогда инвестиционная привлекательность характеризуется наличием таких условий или факторов, при которых вложение капитала будет более приоритетной задачей для инвестора. При определении инвестиционного климата рассматривается вся совокупность условий, тогда как при инвестиционной привлекательности – часть тех, что необходимы субъекту инвестиционной деятельности в целях извлечения наибольшего дохода в рамках региона или страны. Следовательно, эти два понятия имеют отличительные особенности и при рассмотрении должны быть разграничены.

Данный вопрос затрагивает в своей работе В.В. Литвинова. Она утверждает, что такие понятия, как инвестиционный климат и инвестиционная привлекательность, необходимо различать. В своей работе она делает вывод о том, что инвестиционный климат – это более широкое понятие, чем инвестиционная привлекательность. При этом автор выделяет их различие во временном промежутке [12].

Одним из основных критериев инвестиционного климата является инвестиционный потенциал. В своей работе М.С. Шейхова и другие авторы определяют инвестиционный потенциал как «способность всех экономических ресурсов, которые имеются в регионе, давать поддержание на необходимом уровне благоприятного инвестиционного климата и реализацию инвестиционной функции исходя из социальной и экономической политики ареала» [13, с. 282]. Другими словами, это возможность региона обеспечивать благоприятную инвестиционную среду за счет имеющихся или созданных ресурсов. Если регион обладает природно-ресурсным, трудовым, производственным или иным потенциалом, то он может стать привлекательным для инвестора и обеспечить приток капитала.

Еще одним, не менее важным параметром при определении привлекательности является инвестиционный риск. Если инвестиционный потенциал – возможность региона за счет имеющихся в распоряжении ресурсов осуществлять инвестиционную деятельность, то инвестиционный риск – неспособность региона использовать имеющиеся возможности ввиду сложившихся обстоятельств.

Эффективное применение инвестиционного потенциала субъекта в условиях существующего инвестиционного риска, как отмечает Т.С. Колмыкова и другие авторы, характеризует инвестиционную активность [14].

Рассматривая инвестиционную активность в региональном аспекте, Е.Л. Золотарева и А.А. Золотарев отмечают, что данное понятие можно определить как интенсивность поступления денежных средств в целях реализации региональных проектов [15].

Расширенное толкование инвестиционной активности приводит в своей работе П.А. Иванов. Он рассматривает данное понятие на региональном уровне, определяя его как «степень интенсивности процессов инвестирования, протекающих в рамках рассматриваемой территории и формирующихся с учетом имеющихся собственных финансовых ресурсов хозяйствующих субъектов, институциональных секторов экономики и территории в целом, а также средств, привлеченных ими для осуществления инвестиционной деятельности» [16, с. 498]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что

инвестиционная активность выступает как параметр, показывающий динамику осуществления инвестиционной деятельности в регионе, сформированную за счет собственного инвестиционного потенциала и средств, полученных в результате этой деятельности.

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

В целях создания благоприятного инвестиционного климата необходимо осуществление комплекса мер со стороны государства в рамках инвестиционной деятельности. Совокупность таких мер характеризует инвестиционная политика. С позиции О.В. Мандрощенко и ее коллег, инвестиционная политика государства представляет совокупность способов воздействия на участников процесса инвестирования согласно правовым документам. Автор рассматривает инвестиционную политику как комплекс мер нормативно-правового характера, определяющих инвестиционный процесс [17].

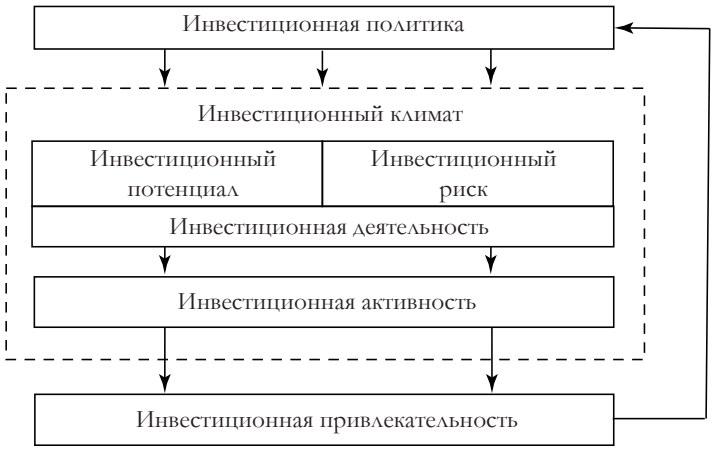
Подобного подхода придерживается Ю.Е. Локшина. Она также определяет инвестиционную политику как комплекс специализированных мер, целями которых являются вовлечение в инвестиционный процесс капитала и его перераспределение с максимальным эффектом [18]. В своем определении она не только рассматривает сущность инвестиционной политики, но и указывает на ее назначение.

Другими словами, государственная инвестиционная политика – это совокупность мер по улучшению инвестиционного климата с целью привлечения капитала. В.Ю. Буров отмечает, что она имеет важное значение, так как определяет развитие основных сфер экономики, обеспечивает стабильность главных инфраструктурных объектов и макроэкономических показателей, а также способствует изменению экономического роста [19].

СООТНОШЕНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПОНЯТИЙ

Таким образом, инвестиционная политика оказывает влияние на формирование благоприятного инвестиционного климата, который способствует инвестиционной привлекательности. В свою очередь, инвестиционная привлекательность формируется исходя из инвестиционного риска и инвестиционного потенциала, которые сопровождаются процессом осуществления инвестиционной деятельности. Ее интенсивность характеризует инвестиционную активность, что отражается на инвестиционном климате. Следовательно, соотношение инвестиционных понятий дает возможность определить их значимость и степень влияния при принятии экономического решения, что обусловлено пониманием сущности инвестиционных процессов в регионе.

Соотношение инвестиционных понятий представлено на рис. 2.



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Соотношение инвестиционных понятий

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В проведенном исследовании рассмотрены основные инвестиционные понятия: инвестиционная деятельность, инвестиционный процесс, инвестиционный риск, инвестиционный климат, инвестиционная привлекательность, инвестиционный потенциал, инвестиционная активность, инвестиционная политика. Выявлены и проанализированы основные аспекты инвестиционных категорий, а также установлена взаимосвязь между ними.

На базе материалов исследования автором представлено графическое изображение выявленной связи между инвестиционными понятиями. В результате работы определено, что инвестиционный риск и инвестиционный потенциал сопровождаются процессом осуществления инвестиционной деятельности, исходя из которых формируется инвестиционная привлекательность. Интенсивность инвестиционной деятельности характеризует инвестиционную активность, что отражается на инвестиционном климате. Инвестиционная политика влияет на формирование благоприятного инвестиционного климата, что, в свою очередь, способствует инвестиционной привлекательности.

В данном исследовании установлена логическая связь между инвестиционными категориями посредством анализа основных характеристик представленного терминологического аппарата, что позволяет определить сущность инвестиционных процессов в регионе. В практической деятельности данная работа будет базой для успешной разработки и реализации инвестиционных проектов, что способствует решению вопросов экономического, социального и экологического характера. Впоследствии результаты этого исследования позволят рассмотреть вопросы устойчивого развития экономики в регионе. Поскольку инвестиции являются инструментом, помогающим установить баланс между экономическим ростом и решением проблем социального и экологического характера, данная работа станет основой для дальнейшего исследования в этой области.

Список литературы

1. *Дербичева А.А., Данилова А.Н.* Инвестиции и инвестиционная деятельность. Калужский экономический вестник. 2017;2:37–39.
2. *Гулин Д.А., Зубкова О.В.* Использование сбалансированной системы показателей для оценки инвестиционного процесса в регионе. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». 2013;2(7):13–17.
3. *Лысенко И.В.* Современный этап развития инвестиционных процессов в российской экономике. Глобальный научный потенциал. 2019;2(95):114–116.
4. *Шарп У.Ф., Александер Г.Дж., Бэйли Дж.В.* Инвестиции. Пер. с англ. М.: Инфра-М; 2001. 1028 с.
5. *Денисов А.Д.* Инвестиционные процессы в хозяйствующих структурах: монография. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет; 2016. 92 с.
6. *Макарова Т.Н.* Риски при осуществлении инвестиционной деятельности. Вестник ОрелГИЭТ. 2016;1(35):134–140.
7. *Григорьева Л.В., Миролюбова А.А.* О соотношении понятий инвестиционного климата и инвестиционного потенциала. В кн.: Проблемы экономики, финансов и управления производством. Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет; 2009. С. 227–232.
8. *Намятова Л.Е.* Инвестиционный климат и инвестиционный имидж России. Теория и практика мировой науки. 2017;3:5–9.
9. *Щербаков В.Н., Дубровский А.В., Макарова И.В.* Макроэкономические аспекты коммерциализации инноваций: монография. М.: Дашков и К; 2018. 492 с.
10. *Гнездова Ю.В.* Совершенствование инвестиционного климата в регионе. Друкеровский вестник. 2020;6(38):94–99. https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-6-94-99
11. *Вельгош Н.З., Сиваш О.С., Змияк С.С.* Инвестиционная привлекательность как фактор динамичного развития региона. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2021;4(7):3–12.
12. *Литвинова В.В.* Инвестиционная привлекательность и инвестиционный климат региона: монография. М.: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; 2013. 116 с.
13. *Шейхова М.С., Сафонова С.Г., Бреусова Е.А., Орлова Е.П.* Инвестиционная политика: тенденции, особенности и перспективы реализации на современном этапе функционирования экономики России. Московский экономический журнал. 2022;3(7):279–291. https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_146
14. *Колмыкова Т.С., Приходько Ю.Н., Астапенко Е.О.* Исследование инвестиционной активности экономики региона. Регион: системы, экономика, управление. 2019;3(46):16–22.
15. *Золотарева Е.А., Золотарев А.А.* Анализ тенденций инвестиционной активности в регионе. Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2022;7:226–231.
16. *Иванов П.А.* Теоретико-методические аспекты оценки инвестиционной активности регионов. Ars Administrandi (Искусство управления). 2021;4(13):495–515. https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-495-515

17. *Мандрощенко О.В., Богачев С.В., Гончаренко Л.И., Гурнак А.В., Журавлева И.А., Зверева Т.В. и др.* Налоговые инструменты в реализации инвестиционной политики регионов: монография. 2е изд. М.: Дашков и К; 2022. 232 с.
18. *Локшина Ю.Е.* Опыт сравнительного исследования инвестиционной политики Свердловской области и некоторых регионов РФ. Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». 2012;22(281):70–76.
19. *Буров В.Ю.* Инвестиционная политика государства как инструмент экономического роста. Вестник Забайкальского государственного университета. 2022;3(28):88–95. https://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-3-88-95

References

1. *Derbicheva A.A., Danilova L.N.* Investments and investment activity. Kaluga Economic Bulletin. 2017;2:37–39. (In Russian).
2. *Gulin D.A., Zubkova O.V.* Use of balanced scorecard for the assessment of regional investment process. Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management". 2013;2(7):13–17. (In Russian).
3. *Lysenko I.V.* The current stage of development of investment processes in the Russian economy. Global Scientific Potential. 2019;2(95):114–116. (In Russian).
4. *Sharpe W.F., Alexander G.J., Bailey J.V.* Investments. Trans. from Eng. Moscow: Infra-M; 2001. 1028 p. (In Russian).
5. *Denisov A.D.* Investment processes in economic structures: monograph. Yekaterinburg: Russian State Vocational Pedagogical University; 2016. 92 p. (In Russian).
6. *Makarova T.N.* Risks in the exercise of investment activity. OrelSIET Bulletin. 2016;1(35):134–140. (In Russian).
7. *Grigorieva L.V., Mirolyubova A.A.* On relationship between the concepts of investment climate and investment potential. In: Problems of economics, finance, and production management. Ivanovo: Ivanovo State University of Chemistry and Technology; 2009. Pp. 227–232. (In Russian).
8. *Namyatova L.E.* Investment climate and investment image of Russia. Theory and practice of the world science. 2017;3:5–9. (In Russian).
9. *Shcherbakov V.N., Dubrovsky A.V., Makarova I.V.* Macroeconomic aspects of commercialization of innovations: monograph. Moscow: Dashkov & K; 2018. 492 p. (In Russian).
10. *Gnezdova Ju.V.* Improving the investment climate in the region. Drukerovskij vestnik. 2020;6(38):94–99. (In Russian). https://doi.org/10.17213/2312-6469-2020-6-94-99
11. *Velgosh N.Z., Sivash O.S., Zmiyak S.S.* Investment attractiveness as a factor of dynamic development of the region. Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Economics and management. 2021;4(7):3–12. (In Russian).
12. *Litvinova V.V.* Investment attractiveness and investment climate of the region: monograph. Moscow: Financial University under the Government of the Russian Federation; 2013. 116 p. (In Russian).
13. *Sheikhova M.S., Safonova S.G., Breusova E.A., Orlova E.P.* Investment policy: trends, features and prospects of implementation at the present stage of the functioning of the Russian economy. Moscow Economic Journal. 2022;3(7):279–291. (In Russian). https://doi.org/10.55186/2413046X_2022_7_3_146
14. *Kolmykova T.S., Prikhodko Yu.N., Astapenko E.O.* Research of investment activity of the region's economy. Region: systems, economics, management. 2019;3(46):16–22. (In Russian).
15. *Zolotareva E.L., Zolotarev A.A.* Analysis of investment activity trends in the region. Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy. 2022;7:226–231. (In Russian).
16. *Ivanov P.A.* Theoretical and methodological aspects of assessing the investment activity of regions. Ars Administrandi (Art of Governance). 2021;4(13):495–515. (In Russian). https://doi.org/10.17072/2218-9173-2021-4-495-515
17. *Mandroshchenko O.V., Bogachev S.V., Goncharenko L.I., Gurnak A.V., Zhuravleva I.A., Zvereva T.V. et al.* Tax instruments in the implementation of regional investment policy: monograph. 2nd ed. Moscow: Dashkov & K; 2022. 232 p. (In Russian).
18. *Lokshina Yu.E.* Experience in a comparative study of investment policy of the Sverdlovsk region and some regions of the Russian Federation. Bulletin of the South Ural State University. Series "Economics and Management". 2012;22(281):70–76. (In Russian).
19. *Burov V.Yu.* Investment policy of the state as an instrument of economic growth. Transbaikal State University Journal. 2022;3(28):88–95. (In Russian). https://doi.org/10.21209/2227-9245-2022-28-3-88-95

ФИНАНСЫ И БАНКОВСКОЕ ДЕЛО

УДК 336.02 JEL H25 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-192-200

Туристический налог – новый налог в российской налоговой системе с 2025 г.: итоги эксперимента и перспективы взимания

Гулькова Елена Леонидовна

Канд. экон. наук, доц. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0003-4218-2845, e-mail: el_gulkova@guu.ru

Карп Марина Викторовна

Д-р экон. наук, зав. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0001-7339-9911, e-mail: mv_karp@guu.ru

Типалина Мария Валерьевна

Канд. экон. наук, доц. каф. бухгалтерского учета, аудита и налогообложения
ORCID: 0000-0002-9984-1891, e-mail: mv_tipalina@guu.ru

Государственный университет управления, г. Москва, Россия

Аннотация

В работе отражены дискуссионные вопросы, касающиеся введения нового туристического налога. Целями исследования являются обзор изменений налогового законодательства с 1 января 2025 г. в области взимания туристического налога, особенностей определения его элементов; выявление актуальных проблем и поиск способов их решения. Авторами проведен анализ результатов эксперимента по установлению курортного сбора, который завершился 31 декабря 2024 г. Рассмотрены данные по поступлениям платежа, направлениям его использования и реализованным мероприятиям в субъектах-участниках (Алтайском, Краснодарском, Ставропольском краях, Санкт-Петербурге, на федеральной территории «Сириус»). Авторы пришли к выводам, что по итогам эксперимента в масштабах регионов-участников поступления курортного сбора не носили существенный характер, возникали проблемы с оценкой возможных поступлений и эффективностью использования уже полученных средств. Для того чтобы новый налог начал функционировать с 1 января 2025 г., представительные органы муниципальных образований до 1 декабря 2024 г. должны опубликовать соответствующие решения. При повсеместном введении туристического налога может появиться необходимость усиления налогового контроля, поскольку туристы начнут искать приемлемые варианты для отдыха, арендуя жилье в частном секторе, объекты которого не будут находиться в реестре. Соответственно, станет актуальной проблема налогового контроля за уклонением от уплаты налогов физических лиц-арендодателей квартир, жилых домов. Полученные результаты могут быть использованы при выработке решений по взиманию туристического налога, налогообложению доходов физических лиц, разработке законопроектов по совершенствованию положений налогового законодательства.

Ключевые слова

Курортный сбор, туристический налог, налоговая реформа 2025 г., экспериментальный платеж, развитие курортной инфраструктуры, реестры в сфере туризма, средства размещения, местный налог

Для цитирования: Гулькова Е.Л., Карп М.В., Типалина М.В. Туристический налог – новый налог в российской налоговой системе с 2025 г.: итоги эксперимента и перспективы взимания//Вестник университета. 2025. № 1. С. 192–200.

© Гулькова Е.Л., Карп М.В., Типалина М.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Tourist tax as a new tax in the Russian tax system since 2025: results of the experiment and levy prospects

Elena L. Gulkova
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Accounting, Auditing and Taxation Department
ORCID: 0000-0001-7339-9911, e-mail: mv_karp@guu.ru

Marina V. Karp
Dr. Sci. (Econ.), Head of the Accounting, Auditing and Taxation Department
ORCID: 0000-0001-7339-9911, e-mail: mv_karp@guu.ru

Maria V. Tipalina
Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Accounting, Auditing and Taxation Department
ORCID: 0000-0002-9984-1891, e-mail: mv_tipalina@guu.ru

State University of Management, Moscow, Russia

Abstract

The work reflects controversial issues concerning introduction of a new tourist tax. The purposes of the study are to overview changes in tax legislation from January 1, 2025 in the field of collecting the tourist tax, features of determining its elements; to identify current problems and find ways to solve them. The authors have analysed the results of the experiment on establishment of a resort fee which ended on December 31, 2024. Data on payment receipts, directions of its use and realised activities in the participating subjects (Altai, Krasnodar, Stavropol regions, St. Petersburg, federal territory "Sirius") has been analysed. The authors come to the conclusion that, based on the results of the experiment, across the participating regions, resort tax revenues are not significant, problems with assessing possible revenues and efficiency of using the received funds have arisen. In order for the new tax to come into effect on January 1, 2025, representative bodies of municipalities should publish the relevant decisions by December 1, 2024. With the widespread introduction of the tourist tax, there may be a need to strengthen tax control as tourists will look for acceptable vacation options, renting accommodation in the private sector, the objects of which are not be in the registers. Accordingly, the problem of the tax control over tax evasion by individuals – landlords of apartments and residential buildings – will become relevant. The obtained results can be used in developing decisions on the collection of the tourist tax, taxation of personal income, and in developing bills to improve provisions of tax legislation.

Keywords

Resort fee, tourist tax, tax reform 2025, experiment in the development of resort infrastructure, registers in the tourism sector, accommodation facilities, local tax

For citation: Gulkova E.L., Karp M.V., Tipalina M.V. (2025) Tourist tax as a new tax in the Russian tax system since 2025: results of the experiment and levy prospects. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 192–200.

© Gulkova E.L., Karp M.V., Tipalina M.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях индустрия отдыха и путешествий является одной из наиболее активно развивающихся направлений мировой экономики. В целях повышения эффективности отечественного туризма принят к реализации национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства».

Сфера туристических услуг расширяет горизонты и привлекает значительное количество людей. Поэтому наличие масштабных возможностей для развития влечет за собой генерацию новых регулирующих экономических инструментов [1].

Для повышения привлекательности внутреннего туризма требуется соответствующее финансирование, направленное на содержание и благоустройство объектов курортной инфраструктуры. С 1 января 2018 г. для решения данных задач был введен целевой экспериментальный платеж – курортный сбор[1].

Зоны туризма и отдыха, участвующие в экспериментальном процессе, регламентированы законами Алтайского, Краснодарского, Ставропольского краев, Санкт-Петербурга, Республики Крым, федеральной территории «Сириус». Соответствующие уполномоченные государственные органы данных субъектов регулярно отчитываются о поступлении и расходовании средств Фонда развития курортной инфраструктуры, а также о проведенных мероприятиях по благоустройству.

Действие эксперимента завершается 31 декабря 2024 г., и с 1 января 2025 г. изменится концепция взимания платежа, которая заключается во внесении поправок в Налоговый кодекс (далее – НК) Российской Федерации (далее – РФ, Россия)[2] и во введении нового местного налогового обязательства – туристического налога. Соответственно, все вопросы установления, взимания и особенностей его исчисления будут регулироваться налоговым законодательством.

Опираясь на вышеизложенное, мы поставили в данном исследовании следующие задачи:

– проанализировать порядок уплаты курортного сбора, оценить результаты эксперимента по его введению;

– рассмотреть и провести оценку изменений налогового законодательства с 1 января 2025 г. в части введения туристического налога;

– провести сравнительный анализ курортного сбора и туристического налога;

– дать оценку актуальным проблемам налогообложения в области взимания туристического налога и предложить возможные корректировки налогового законодательства.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Современное отечественное налоговое законодательство предлагает совершенствование налоговой системы России. В июле 2024 г. опубликован Федеральный закон № 176-ФЗ[3], вносящий существенные изменения в налоговую систему РФ: введена многоступенчатая прогрессивная шкала ставок налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ); повышена основная ставка налога на прибыль организаций; изменен порядок перехода к упрощенной системе налогообложения и ее применения; повышена государственная пошлина; предусмотрена налоговая амнистия за дробление бизнеса и прочие трансформации. Одним из существенных изменений станет и появление с 1 января 2025 г. нового местного налога – туристического налога, который может повлиять как на объем поступлений местных бюджетов, так и на стоимость гостиничных услуг, развитие внутреннего туризма[4].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБЗОР ИСТОЧНИКОВ

Основным источником для исследования служат нормы главы 33.1 «Туристический налог»[5] НК РФ. Поэтому для того чтобы новое налоговое обязательство функционировало, представительные органы

[1] Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры» (редакция от 28.04.2023 г.). Режим доступа: https://www.zakonrf.info/doc-33974051/?ysclid=m74qpht1070418819 (дата обращения: 09.09.2024).

[2] Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=1-1&bases=&req=doc&cacheid=2EBC3A64132CE328E405FC37EDA4D00C&mode=searchcard&base=LAW&n=480697&rnd=y24fQQ#1EAjzNUAD 3SeaqN01 (дата обращения: 09.09.2024).

[3] Там же.

[4] Практическая бухгалтерия. Налоговая система с 2025 года. Режим доступа: https://pb.buhgalteria.ru/articles/nalogovoe_planirovanie/217669/?ysclid=m78sxbjkjx675051187 (дата обращения: 09.09.2024).

[5] Там же.

муниципальных образований (законодательные органы городов федерального значения, федеральной территории) должны принять решения о введении налога, установлении налоговых льгот, определить ставки, то есть выполнить аналогичный порядок действий, как и по прочим местным налогам.

В состав налогоплательщиков включены организации и физические лица, оказывающие услуги по предоставлению мест для временного проживания физических лиц в средствах размещения. Особо выделено, что данные средства должны принадлежать налогоплательщикам и быть включенными в специализированный реестр.

Установленный реестр размещен на официальном сайте федеральной службы по аккредитации в разделе «Реестры в сфере туризма». В нем можно осуществить поиск гостиницы: по реквизитам собственника (наименование, идентификационный номер налогоплательщика, основной государственный регистрационный номер); по расположению (субъекту федерации); по виду гостиницы; по звездности; по организации, которая провела аккредитацию[6]. Также необходимо упомянуть и о классификации средств размещения, из которых выделены следующие категории: городская гостиница (отель), гостиница в здании – объекте культурного наследия, апарт-отель, комплекс апартаментов, хостел, мотель, загородный отель, база отдыха, туристская база, курортный отель, санаторий, дом отдыха, пансионат.

Кроме того, необходимо обратить внимание на Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», где указано, что из реестра классифицируемых объектов исключены следующие средства размещения: используемые для отдыха и оздоровления детей, организации социального обслуживания, реабилитационные, религиозные, медицинские организации (за исключением санитарно-курортных), данного закона и иные категории, предусмотренные ст. 5.1 данного закона[7]. Таким образом, при размещении в перечисленных объектах туристический налог уплачиваться не будет.

Его налоговая база заключается в определении стоимости услуги по предоставлению мест для временного проживания физических лиц без учета сумм самого туристического налога и налога на добавленную стоимость (далее – НДС). На федеральном уровне установлены категории туристов, стоимость услуг по проживанию которых не включается в налоговую базу туристического налога [2]. Представительные органы муниципальных образований (законодательные органы городов федерального значения, федеральных территорий) вправе устанавливать дополнительные льготные категории физических лиц, а также определять и дифференцировать налоговые ставки.

Перспективы развития в системе регулирования данного нового налога заключаются в том, что НК РФ предусматривает постепенное повышение максимальных налоговых ставок туристического налога от 1 % в 2025 г. до 5 % с 2029 г., а также выделяет его минимальную сумму не менее 100 руб. за сутки проживания.

Следует отметить и внесение изменений в гл. 25 НК РФ[8], которая указывает, что при определении доходов для целей исчисления налога на прибыль организаций туристический налог будет исключаться. Наряду с этим, в соответствии с новыми условиями, уплаченный туристический налог также нельзя учесть в составе расходов. В рамках законодательства устанавливается, что его сумма исчисляется и отражается отдельной строкой в расчетных документах. Налогоплательщики будут ежеквартально проводить общий расчет суммы туристического налога за налоговый период с последующей подачей декларации.

Следовательно, для выявления возможных проблем при взимании туристического налога необходимо проанализировать результаты эксперимента по взиманию курортного сбора.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

До введения туристического налога в РФ действовало законодательство об уплате неналогового платежа (курортного сбора), порядок которого был определен Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры». Главной задачей данного инструмента налогового администрирования являлось получение финансовых ресурсов для реализации благоустройства объектов курортной инфраструктуры [3].

[6] Национальная система аккредитации. Реестр классифицированных объектов: гостиницы и иные средства размещения. Режим доступа: https://fsa.gov.ru/use-of-technology/elektronnye-reestryy/reestr-klassifitsirovannykh-obektov-gostinitsy-i-inye-sredstva-razmeshcheniya/ (дата обращения: 09.09.2024).

[7] Федеральный закон от 24.11.1996 г. № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (редакция от 22.06.2024 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASE NODE=1-1&bases=&req=doc&cacheid=A9897D1B6DAF0F0FA9E80D7F80A95604&mode=search card&base=LAW&n=479338&rnd=kqZ91Q#mb8rLRUeK5xrD6381 (дата обращения: 12.09.2024).

[8] Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=1-1&bases=&req=doc&cacheid=2EBC3A64132CE328E405FC37EDA4D00C&mode=searchcard&base=LAW&n=480697&rnd=y24fQQ#1EAjzNUAD 3SeaqN01 (дата обращения: 09.09.2024).

Эксперимент проводился в Республике Крым, Алтайском, Краснодарском, Ставропольском краях, Санкт-Петербурге, на федеральной территории «Сириус». Завершение эксперимента запланировано на 31 декабря 2024 г. В табл. 1 представлен сравнительный анализ данных платежей по ключевым параметрам.

Таблица 1

Ключевые отличия курортного сбора и туристического налога

Критерий сравнения	Курортный сбор	Туристический налог
Природа платежа и нормативно-правовые акты, регулирующие его взимание	Неналоговый платеж. Закон от 29 июля 2017 г. № 214-ФЗ (редакция от 28 апреля 2023 г.) «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры» и законы субъектов федерации, участвующих в эксперименте	Налог. Взимается в соответствии с НК РФ и правовыми актами представительных органов муниципальных образований (законами городов федерального значения)
Плательщики	Физические лица (старше 18 лет), проживающие в объектах размещения более 24 ч. Перечисление курортного сбора в бюджет осуществляется оператором курортного сбора (лицом, оказывающим гостиничные услуги)	Организации и физические лица, оказывающие услуги по предоставлению мест для временного проживания физических лиц в средствах размещения
Обязательность уплаты	Уплачивается на курортных территориях, включенных в эксперимент	При наличии соответствующих нормативно-правовых актов может вводиться на территориях любых муниципальных образований РФ
Освобождение от уплаты	19 льготных категорий. Законами субъектов могут устанавливаться иные лица, подлежащие освобождению	8 льготных категорий. Актами муниципальных образований могут устанавливаться дополнительные категории
Налоговые ставки	Не более 100 руб. за день фактического проживания. Размер может дифференцироваться и снижаться до 0 руб.	Не более 1 % от стоимости услуг по предоставлению мест для временного проживания физических лиц в средствах размещения (2025 г.). Постепенное увеличение с 2029 г. до 5 %. Может быть предусмотрена дифференциация ставок в зависимости от сезонности и категории средств размещения. Введен минимальный налог – 100 руб. за сутки проживания
Порядок поступления средств в бюджетную систему РФ	Фонд развития курортной инфраструктуры – часть средств бюджета субъекта РФ. Использование средств исключительно для обеспечения работ по содержанию и благоустройству объектов курортной инфраструктуры на территориях эксперимента	Поступает в местные бюджеты по месту нахождения объектов размещения

Окончание табл. 1

Критерий сравнения	Курортный сбор	Туристический налог
Контроль за уплатой	Региональный государственный контроль, контроль общественного совета за исполнением плательщиками и операторами курортного сбора, требований закона. Установлена ответственность операторов курортного сбора за несвоевременное и неполное его перечисление в бюджет	Проводится Федеральной налоговой службой России в общем порядке

Составлено авторами по материалам источников[9,10]

Как можно увидеть из сравнительной таблицы, основные отличия заключаются в порядке установления платежа, исполнения обязанностей налогоплательщика, поступления в бюджетную систему РФ.

Итоги анализа результатов эксперимента по введению курортного сбора в федеральных субъектах-участниках, показали, что порядок его уплаты нуждается в совершенствовании. В частности, в разных регионах эксперимента установлен разный размер курортного сбора и получены различные итоги его использования. Если анализировать объемы поступлений курортного сбора, размеры и направления расходования средств, то можно сделать вывод как о возможных проблемах в сфере прогнозирования поступлений, так и о необходимости повышения эффективности использования уже полученных средств.

Например, с 1 мая 2018 г. на территории Алтайского края введен курортный сбор в городе Белокуриха в следующем размере за сутки проживания: 2018 г. – 30 руб., 2019–2020 гг. – 50 руб., 2021 г. – 30 руб., 2022–2024 гг. – 50 руб.[11] В 2020 г. на несколько месяцев приостанавливалось его взимание. При анализе поступлений по месяцам отслеживается сезонность: в весенние и летние месяцы они растут. На основании официальных отчетов о поступлении и расходовании средств Фонда развития курортной инфраструктуры сформирована табл. 2.

Таблица 2

Поступления курортного сбора в Алтайском крае

Год	Сумма поступлений, млн руб.
2018 (май – декабрь)	20,6
2019	53,6
2020	11,3
2021	31
2022	56,4
2023	53,8
2024 (январь – июнь)	23,3

Составлено авторами по материалам источника[12]

В законе о бюджете Алтайского края на 2024 г. и на плановый период 2025–2026 гг. утвержден объем бюджетных ассигнований Фонда развития курортной инфраструктуры на 2024 г. – 50 716,0 тыс. руб. В апреле внесены поправки и зафиксирована сумма 123 513,3 тыс. руб.[13]

[9] Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=1-1&bases=&req=doc&cacheid=2EBC3A64132CE328E405FC37EDA4D00C&mode=searchcard&base=LAW&n=480697&rnd=y24fQQ#1EAjzNUAD 3SeaqN01 (дата обращения: 09.09.2024).

[10] Федеральный закон от 29.07.2017 г. № 214-ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры» (редакция от 28.04.2023 г.). Режим доступа: https://www.zakonrf.info/doc-33974051/?ysclid=m74qpht1070418819 (дата обращения: 09.09.2024).

[11] Справочная информация: «Курортный сбор». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296594/?ysclid=m74sw9xhh149609118 (дата обращения: 16.09.2024).

[12] Управление Алтайского края по развитию туризма и курортной деятельности. Отчеты о поступлении и расходовании средств Фонда развития курортной инфраструктуры. Режим доступа: https://tourism.alregn.ru/turizm-i-otdykh-na-altae/kurortnyy-sbor/otchety-o-postuplenii-i-raskhodovanii-sredstv-fonda-razvitiya-kurortnoy-infrastruktury// (дата обращения: 16.09.2024).

[13] Закон Алтайского края от 05.12.2023 г. № 95-ЗС «О краевом бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов». Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/406976335 (дата обращения: 16.09.2024).

Безусловно, поступившие в качестве курортного сбора средства в масштабах бюджета Алтайского края не являются столь существенными. Если сравнить размеры поступлений с показателями бюджета города Белокурихи, то, например, в 2023 г. это порядка 7 % от общего объема доходов городского бюджета[14].

В Ставропольском крае курортный сбор взимается в Ессентуках, Железноводске, Кисловодске, Пятигорске, а также в Минераловодском городском округе. Размер курортного сбора в сутки с 1 мая 2018 г. по 31 декабря 2022 г. – 50 руб., с 1 января 2023 г. по 31 декабря 2024 г. – 100 руб. В Минераловодском городском округе – 100 руб. с 1 августа 2023 г. по 31 декабря 2024 г.[15]

По данным Министерства туризма и оздоровительных курортов Ставрополья, в крае ведется постоянная работа по наращиванию номерного фонда и увеличению числа мест туристической привлекательности. Собираемость курортного сбора превышает запланированные объемы: с 2018 г. поступило более 2 млрд руб., за счет которых было проведено 86 мероприятий по благоустройству и улучшению общественных пространств[16]. Объем плановых поступлений курортного сбора на 2024 г. составляет 602 млн руб.[17]

В Санкт-Петербурге курортный сбор взимался с 1 апреля 2024 г. по 31 декабря 2024 г. в размере 100 руб. в сутки. По данным Комитета по развитию туризма Санкт-Петербурга, по состоянию на 22 июля 2024 г. в бюджет города поступило более 130 млн руб.[18]

Наибольшее число городских округов и поселений задействовано в эксперименте в Краснодарском крае – 16. С 1 января 2022 г. по 31 декабря 2024 г. размер платы за сутки следующий: 50 руб. на территории городского округа города-курорта Сочи; 30 руб. на территориях остальных муниципальных образований. За весь период реализации эксперимента общий объем денежных средств, фактически поступивших в бюджет Краснодарского края от уплаты курортного сбора, составил более 2,1 млрд руб. В 2023 г. было собрано 742,2 млн руб. при плановом значении в 605 млн руб. В первом квартале 2024 г. – более 125 млн руб.[19]

С 11 марта 2022 г. на территории Республики Крым курортный сбор отменили. Изначально планировалось его взимание в Алуште, Евпатории, Саки, Судаке, Феодосии, Ялте, Черноморском районе с дифференциацией размера платежа в зависимости от сезона от 0 до 10 руб. за сутки[20].

При оценке результатов функционирования курортного сбора следует отметить разную степень открытости данных для общественности об эффективности эксперимента в регионах-участниках. Например, детализация данных о поступлениях, количестве операторов, направлениях и суммах расходования средств и т.д. Поступления курортного сбора были не столь существенны для региональных бюджетов, но их прогнозирование вызывало трудности, требовались трудовые и финансовые затраты на его администрирование.

Повсеместное введение нового туристического налога может вызвать необходимость усиления налогового контроля и повлиять на НДФЛ. Вероятно, туристы начнут искать приемлемые варианты для отдыха, арендуя жилье в частном секторе, объекты которого не будут находиться в реестре. Соответственно, станет актуальной проблема налогового контроля за уклонением от уплаты налогов физических лиц-арендодателей квартир, комнат, жилых домов. Возрастет актуальность проблемы по ужесточению контроля за физическими лицами, размещающими объявления на сервисах по аренде жилья. Также может произойти перераспределение туристов в сторону нелегальных гостевых домов, поскольку стоимость отдыха в классифицированных гостиницах вырастет.

[14] Город Белокуриха. Решения о бюджете. Режим доступа: https://belokuriha-gorod.ru/docs/byudjet/resheniya (дата обращения: 16.09.2024).

[15] Справочная информация: «Курортный сбор». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_296594/?ysclid=m74sw9xhh149609118 (дата обращения: 16.09.2024).

[16] Портал органов государственной власти Ставропольского края. С начала 2024 года на Ставрополье собрано более 350 млн рублей курортного сбора. Режим доступа: https://stavregion.ru/news/offcoment/2024/07/29/s-nachala-goda-na-stavropole-sobrano-bolee-350-mln/?ysclid=m78q776ovx91268053 (дата обращения: 19.09.2024).

[17] Портал органов государственной власти Ставропольского края. На Ставрополе в 2024 году планируют получить более 600 млн рублей курортного сбора. Режим доступа: https://stavregion.ru/news/offcoment/2024/03/18/na-stavropole-v-2024-godu-planiruyut-poluchit-bole/?ysclid=m78q9iiwez504519167 (дата обращения: 19.09.2024).

[18] Администрация Санкт-Петербурга. Заседание Правительства Санкт-Петербурга 02.07.2024. https://www.gov.spb.ru/press/video/665/ (дата обращения: 16.09.2024).

[19] Министерство курортов, туризма и олимпийского наследия Краснодарского края. Депутаты ЗСК приняли постановление о ходе реализации эксперимента по курортному сбору на территории Краснодарского края. Режим доступа: https://kurort.krasnodar.ru/news/common/s/common/e/335160 (дата обращения: 16.09.2024).

[20] Закон Республики Крым от 30.11.2017 г № 435-ЗРК/2017 «О введении курортного сбора». Режим доступа: https://rk.gov.ru/documents/086568b3-bab1-4b85-873b-f2c09b702533 (дата обращения: 16.09.2024).

Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства России еще в 2021 г. предлагало непопулярную меру – создание государственной информационной системы для учета арендного жилья, что позволило бы сделать попытку «обелить» часть договоров и доходов, с которых не уплачиваются налоги. Одним из непопулярных вариантов может быть введение обязанности для агрегаторов предоставлять в налоговые органы информацию о физических лицах, не являющихся самозанятыми и без статуса индивидуального предпринимателя.

Таким образом, введение туристического налога повлияет и на другие налоги, сделает актуальным вопрос об усилении контроля за уплатой НДФЛ или налога на профессиональный доход при аренде жилья. Также есть вероятность возникновения проблемы контроля за перепрофилированием апартаментов в жилые помещения с целью избежания уплаты налога.

Его введение следует анализировать во взаимосвязи с другими изменениями налогового законодательства в сфере туризма. Например, с 1 июля 2022 г. для повышения привлекательности внутреннего туризма и поддержки гостиничного бизнеса при реализации услуг по предоставлению мест для временного проживания в гостиницах ставка НДС – 0 %. В общем случае эта мера будет действовать до 30 июня 2027 г., есть исключения для объектов, введенных в эксплуатацию после 1 января 2022 г. [4]. Анализируя исследования специалистов в сфере гостиничного бизнеса, можно констатировать, что эффекта снижения цен не произошло: наблюдается рост цен на подобные услуги, особенно для сегментов трех-, четырех- и пятизвездочных гостиниц[21].

Взимание налога со стоимости проживания туристов повысит нагрузку на классифицированные гостиницы, в том числе в части увеличения документооборота и отслеживания льготных категорий граждан. С 2025 г. туристический налог будет выделен отдельной строкой в расчетных документах и оплачен туристом. Если законодательство в сфере НДС останется без изменений, то после 30 июня 2027 г. в расчетных документах гостиниц появится еще и соответствующая сумма НДС.

Следующий вопрос касается поступлений туристического налога. Если курортный сбор носил целевой характер, то туристический налог имеет статус местного налога и его средства не будут направлены именно на развитие курортной инфраструктуры. Кроме того, могут возникнут проблемы с прогнозированием поступлений [5; 6].

Территории, участвующие в эксперименте по взиманию курортного сбора, будут более подготовлены для введения нового налога, чем другие территории. Для введения с 1 января 2025 г. представительные органы муниципальных образований до 1 декабря 2024 г. должны опубликовать соответствующие решения. Если этого не случится, то налог на данных территориях взиматься не будет.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С 1 января 2025 г. вносятся изменения в НК РФ, влияющие на налоговую систему. Одним из таких изменений является новая гл. 33.1 «Туристический налог» НК РФ[22]. Можно сказать, что ее появление выступает одним из итогов эксперимента по взиманию курортного сбора в Алтайском, Краснодарском, Ставропольском краях, Санкт-Петербурге, на федеральной территории «Сириус».

Однако следует отметить, что курортный сбор и туристический налог имеют существенные различия, ключевыми из которых являются порядок их введения, целевое назначение, контроль за взиманием, особенности установления ставок. Для того чтобы новый налог начал функционировать с 1 января 2025 г., представительные органы муниципальных образований до 1 декабря 2024 г. должны опубликовать соответствующие решения.

При повсеместном введении туристического налога может появиться необходимость усиления налогового контроля, поскольку туристы начнут искать приемлемые варианты для отдыха, арендуя жилье в частном секторе, объекты которого не будут находиться в реестре.

По итогам эксперимента можно констатировать, что в масштабах регионов-участников поступления курортного сбора не носили существенный характер, возникали трудности с оценкой возможных

[21] РБК. Магазин исследований. Рост цен на гостиничные услуги в 2023 году в России был самым высоким за последние 10 лет. Режим доступа: https://marketing.rbc.ru/articles/14870/ (дата обращения: 16.09.2024).

[22] Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?searchFilters=&BASENODE=1-1&bases=&req=doc&cacheid=2EBC3A64132CE328E405FC37EDA4D00C&mode=searchcard&base=LAW&n=480697&rnd=y24fQQ#1EAjzNUAD 3SeaqN01 (дата обращения: 09.09.2024).

поступлений и эффективностью использования уже полученных средств. Соответственно, станет актуальной проблема налогового контроля за уклонением от уплаты налогов физических лиц-арендодателей квартир, комнат, жилых домов. Возрастет актуальность проблемы по ужесточению контроля за физическими лицами, размещающими объявления на сервисах по аренде жилья.

Тем не менее, практика использования данного вида налоговых взиманий показывает, что вступление в силу изменений налогового законодательства в части применения туристического налога можно охарактеризовать как естественную стадию трансформаций в развитии российской экономики, целями которых являются улучшение курортной инфраструктуры и повышение уровня сервиса.

Список литературы

1. *Жукова М.А., Жуков В.А., Цаболова О.Р.* Перспективы развития отечественного гостиничного бизнеса и подготовки кадров. Управление. 2023;3(11):15–27. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-15-27
2. *Кузнецова Ю.* Вводят новый туристический налог: кто, когда и как будет его платить. Главбух. 2024;15:53–55.
3. *Жиркова А.* Курорты и курортный сбор. Особенности взимания с налогоплательщика. Финансовая газета. 2019;14:7–9.
4. *Герасимова Н.В.* Нулевая ставка НДС в гостиничном бизнесе и туриндустрии: практика применения. Туристические и гостиничные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. 2023;1:20–25.
5. *Рубан-Лазарева Н.В.* Прогнозирование доходов от туристического налога. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024;10–1:83–90. https://doi.org/10.17513/vaael.3780
6. *Панскова В.Г.* Туристический налог: проблемы и перспективы развития. Финансы. 2024;8:32–39.

References

1. *Zhukova M.A., Zhukov V.A., Tsabolova O.R.* Prospects for the development of the domestic hotel business and personnel training. Management. 2023;3(11):15–27. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-3-15-27
2. *Kuznetsova Yu.* New tourist tax is being introduced: who will pay it, when and how. Glavbukh. 2024;15:53–55. (In Russian).
3. *Zhirkova A.* Resorts and resort fee. Features of collection from the taxpayer. Financial newspaper. 2019;14:7–9. (In Russian).
4. *Gerasimova N.V.* Zero VAT rate in the hotel business and tourism industry: application practice. Travel and hotel services: accounting and taxation. 2023;1:20–25. (In Russian).
5. *Ruban-Lazareva N.V.* Forecasting income from tourist tax. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2024;10–1:83–90. (In Russian). https://doi.org/10.17513/vaael.3780
6. *Panskov V.G.* Tourist tax: problems and prospects of development. Finance. 2024;8:32–39. (In Russian).

УДК 336.226.322:334.7.012.6 JEL H25 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-201-211

Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: последствия для бизнеса и бюджета

Зотиков Николай Зотикович

Канд. экон. наук, доц. каф. финансов, кредита и экономической безопасности
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

Аннотация

Появление специальных налоговых режимов в российской налоговой системе непосредственно связано с развитием сектора малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). Зарождение упрощенной системы налогообложения (далее – УСН) можно увязать с принятием Федерального закона № 222-ФЗ, заменившего единым налогом большое количество налогов. Значимым стало введение с 1 января 2003 г. гл. 26.2 Налогового кодекса (далее – НК) Российской Федерации (далее – РФ, Россия). Несмотря на принимаемые меры, по показателям развития малого бизнеса Россия намного отстает от развитых стран. По данным Федеральной службы государственной статистики (далее – Росстат), доля МСП в валовом внутреннем продукте за 2022 г. составила 21 %. Преобладает доля объекта «доходы», сферами деятельности продолжают оставаться торговля, оказание услуг, незначительна доля МСП в доходах бюджетов регионов. Цель исследования – проанализировать изменения в гл. 26.2 НК РФ, вводимые с 2025 г. Федеральным законом № 176-ФЗ, в частности вменение в обязанность упрощенцев уплачивать налог на добавленную стоимость (далее – НДС), их влияние на финансовое положение субъектов малого предпринимательства, их контрагентов на доходы бюджета. В исследовании использованы методы анализа, синтеза, сравнения, табличный метод. Работа опирается на федеральные законы, официальные документы Правительства РФ, данные Росстата, отчеты Федеральной налоговой службы России по изучаемой теме. Проведенным исследованием установлено, что введение в УСН НДС по ставке 5 или 7 % без права на вычет увеличивает цену продаваемого упрощенцем товара, продукции.

Ключевые слова

Упрощенная система налогообложения, общий режим налогообложения, условия применения УСН, коэффициент-дефлятор, освобождение от НДС, налоговый вычет по НДС, налоговая база по НДС, доходы бюджета

Для цитирования: Зотиков Н.З. Налог на добавленную стоимость при упрощенной системе налогообложения: последствия для бизнеса и бюджета//Вестник университета. 2025. № 1. С. 201–211.

© Зотиков Н.З., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Value added tax under the simplified taxation system: consequences for business and budget

Nikolay Z. Zotykov

Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof. at the Finance, Credit, and Economic Security Department
ORCID: 0000-0001-5631-9123, e-mail: Zotikovcontrol@yandex.ru

Chuvash State University, Cheboksary, Russia

Abstract

The emergence of special tax regimes in the Russian tax system is directly related to the development of small and medium-sized enterprises (hereinafter referred to as SME). The birth of a simplified taxation system (hereinafter referred to as STS) can be linked to the adoption of the Federal Law No. 222-FZ which replaced a large number of taxes with a single tax. The introduction of Chapter 26.2 of the Tax Code (hereinafter referred to as TC) of the Russian Federation (hereinafter referred to as RF, Russia) on January 1, 2003 was significant. Despite the measures taken, in terms of small business development indicators, Russia lags far behind developed countries. According to the Federal State Statistics Service (hereinafter referred to as Rosstat), the share of SME in gross domestic product for 2022 was 21%. The share of the "income" object predominates, trade and services continue to be the spheres of activity, the share of SME in regional budget revenues is insignificant. The purpose of the study is to analyse the changes in Chapter 26.2 of the TC of the RF introduced from 2025 by the Federal Law No. 176-FZ, in particular, imposition of the obligation of STS users to pay value added tax (hereinafter referred to as VAT), their impact on the financial position of small business entities, their counterparties, and budget revenues. The study uses methods of analysis, synthesis, comparison, and the tabular one. The work is based on federal laws, official documents of the Government of the RF, Rosstat data, and reports of the Federal Tax Service of Russia on the topic in question. The study has found that introduction of the VAT at a rate of 5 or 7% without the right to deduction into the STS increases the price of goods or products sold by a STS user.

Keywords

Simplified taxation system, general taxation regime, conditions for applying STS, coefficient-deflator, VAT exemption, VAT deduction, VAT tax base, budget revenue

For citation: Zotykov N.Z. (2025) Value added tax under the simplified taxation system: consequences for business and budget. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 201–211.

© Zotykov N.Z., 2025.

This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В соответствии с действующим в настоящее время Налоговым кодексом (далее – НК) Российской Федерации (далее – РФ, Россия) в России существуют несколько налоговых режимов: общий и специальные налоговые режимы (далее – СНР), (упрощенная система налогообложения (далее – УСН), патентная система налогообложения (далее – ПСН), единый сельскохозяйственный налог (далее – ЕСХН) и др.). Применять СНР на добровольной основе могут субъекты малого и среднего предпринимательства (далее – МСП). Их использование, как правило, означает уплату единого налога взамен некоторых налогов, в том числе налога на прибыль организаций, налога на доходы физических лиц, налога на имущество организаций, а также налога на добавленную стоимость (далее – НДС), (за исключением НДС, уплачиваемого при ввозе товаров через таможенную территорию РФ), что обеспечивает низкую налоговую нагрузку.

Как показала практика, освобождение от исполнения обязанностей по уплате НДС, уменьшая налоговую нагрузку, играет также отрицательную роль: в связи с невозможностью принять к вычету сумму «входного» НДС представители крупного бизнеса, применяющие общий режим налогообложения, не сотрудничают с малым бизнесом, что не позволяет последним укрупняться, развиваться; также преобладают микропредприятия.

С 2025 г. организации и индивидуальные предприниматели (далее – ИП), применяющие УСН, становятся плательщиками НДС с его уплатой по ставкам 5 %, 7 % или 20 (10) %.

Цель статьи – исследование влияния введения НДС в УСН на деятельность субъектов малого предпринимательства. Гипотеза исследования заключается в следующем: в статье рассматривается влияние обязанности упрощенцев платить НДС на контрагентов, сотрудничающих с ними, а также на состояние бюджета.

С отменой с 2021 г. единого налога на вмененный доход (далее – ЕНВД) УСН стала основным режимом налогообложения для малого бизнеса, чем объясняется актуальность вопроса дальнейшего совершенствования данной системы налогообложения (табл. 1).

Таблица 1

Динамика изменения налогоплательщиков, применяющих УСН

Год	ЕНВД			УСН			Патент	Всего		
	Всего, тыс. ед. / чел.	В том числе		Всего, тыс. ед. / чел.	В том числе		ИП, тыс. чел.	Всего, тыс. ед. / чел.	В том числе	
		Организации	ИП		Организации	ИП			Организации	ИП
2020	1 637,5	171,5	1 466	3 536,4	1 426,7	2 109,7	493,6	5 667,5	1 598,2	4 069,3
2021	–	–	–	4 214	1 445,4	2 768,0	2 060	6 274	1 445,4	4 828
2022	–	–	–	4 268,1	1 432,7	2 835,4	1 936,2	6 204,3	1 432,7	4 771,6
2023	–	–	–	4 482,7	1 443,0	3 039,7	2 046,6	6 529,3	1 443,0	5 086,3
2023 /2020, %				126,8	101,1	144,1	414,6	115,2	90,3	125,9

Составлено автором по материалам источников[1,2,3]

Как следует из данных табл. 1, в 2020 г. применяли систему налогообложения в виде ЕНВД 1 637,5 тыс. ед. / чел., в том числе 171,5 тыс. организаций, 1 466 тыс. ИП. С отменой ЕНВД с 2021 г. количество организаций-плательщиков УСН увеличилось на 18,7 тыс., численность ИП – на 658,3 тыс. чел.,

[1] Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Отчет о налоговой базе и структуре начислений по единому налогу на вмененный доход для отдельных видов деятельности. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/?ysclid=m70bkypd3k501559721 (дата обращения: 17.11.2024).

[2] Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/?ysclid=m70bkypd3k501559721 (дата обращения: 17.11.2024).

[3] Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Отчет о количестве индивидуальных предпринимателей, применяющих патентную систему налогообложения, и выданных патентов на право применения видов предпринимательской деятельности. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/?ysclid=m70bkypd3k501559721 (дата обращения: 17.11.2024).

количество ИП, применяющих ПСН, – 1 566,4 тыс. чел. Увеличение численности ИП, использующих ПСН, обусловлено тем, что с 2021 г. при применении ПСН появилась возможность уменьшения стоимости патента на сумму страховых взносов, уплачиваемых ИП за себя в фиксированном размере, что резко снижает нагрузку на ИП, а до 2021 г. они были обязаны платить данные взносы дополнительно.

В 2023 г. в сравнении с 2020 г. количество налогоплательщиков, применяющих СНР, увеличилось на 15,2 %, в том числе численность ИП – на 25,9 %, при снижении количества организаций на 9,7 %. Численность ИП, использующих УСН, увеличилась за данный период с 2 109,7 тыс. чел. до 3039,7 тыс. чел., или на 44,1 %.

ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ТЕМЕ

В качестве недостатков УСН в действующей редакции авторы отмечают:

– ограничение по объему доходов, лимитированный перечень расходов [1];

– обязанность оплаты минимального налога, уплачиваемого в случае получения отрицательного финансового результата [2];

– сложность реализации продукции покупателям, находящимся на общей системе налогообложения (далее – ОСНО), в силу отсутствия возможности для последних принять к вычету суммы «входного» НДС с ее стоимости [3].

С.А. Голыш и Ю.В. Лазич указывают, что «одним из самых существенных недостатков является проблема, возникающая при освобождении налогоплательщиков от уплаты налога на добавленную стоимость: при переходе на УСН бизнес может потерять контрагентов, которые платят НДС, так как последние не смогут применять вычет по НДС. Строгие критерии для перехода и применения УСН, установленные НК РФ, являются серьезным препятствием для динамично развивающихся предприятий малого и среднего бизнеса» [4, с. 43].

По мнению С. Чапаровой, «институт освобождения от обязанностей по исполнению и уплате НДС направлен на снижение налогового бремени налогоплательщиков, имеющих незначительные обороты по реализации товаров (работ, услуг), облагаемых НДС. В связи с этим данная льгота актуальна в первую очередь для предприятий малого и среднего бизнеса» [5, с. 88].

Как указывает Т.Г. Давлетшин, «в соответствии с законом № 335-ФЗ с 2019 г. прекратила действие норма ст. 346.1 НК РФ, абз. 3, согласно которой плательщики ЕСХН были освобождены от уплаты НДС. Закон № 335-ФЗ отменил освобождение от обязанности плательщика НДС сельхозтоваропроизводителей, применяющих ЕСХН, что может и должно получить распространение и для УСН. Непродуманные и необоснованные освобождения от НДС создали целую индустрию фирм-однодневок, которые стали неотъемлемой частью экономики» [6, с. 384–385].

Н.С. Алексеева и И.А. Степанов, основываясь на соответствующих расчетах, указывают, что чем больше доля расходов в величине доходов, тем выгоднее объект «доходы, уменьшенные на расходы» [7].

По мнению Е.В. Гугниной, О.А. Задеры, Т.В. Бородиной, «как динамично развивающийся институт упрощенная система налогообложения требует исследования в плане выявления проблем применения и дальнейшего совершенствования» [8, с. 182].

Анализируя вводимые с 2025 г. новшества в УСН, Е.Е. Голова указывает, что «если организация начала применять пониженные ставки по НДС (5 и 7%), то она использует это право на протяжении 12 последних кварталов. Это означает лишь одно – перед выбором ставок необходимо тщательно взвесить все плюсы и минусы каждой из ставок» [9, с. 58].

ИССЛЕДОВАНИЕ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

В начале исследования рассмотрим роль и значение УСН в величине налоговых доходов консолидированных бюджетов регионов по данным за два года: 2020 г. и 2023 г., что обусловлено ограниченностью размера статьи определенными рамками (табл. 2 и табл. 3). Выбор 2020 г. объясняется следующим: он постпандемийный, а также это последний год действия системы налогообложения в виде ЕНВД.

Таблица 2

Налоговая база и структура начислений по УСН

Показатель	2020 г.			2023 г.		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		Организации	ИП		Организации	ИП
Налоговая база, млрд руб.						
Доходы	9 437,4	3 782,6	5 654,8	20 051,5	6 258,4	13 793,1
Доходы, уменьшенные на расходы	1 323,5	856,3	467,2	2 694,2	1 598,1	1 096,1
Начислен налог, млрд руб.:	659,8	306,2	353,6	1 364,2	535,4	828,8
– объект «доходы»;	520,5	211,0	309,4	1 070,9	351,2	719,7
– объект «доходы, уменьшенные на расходы»	139,3	95,2	44,2	293,2	184,2	109,0
Страховые взносы, млрд руб.	157,0	73,7	83,3	296,3	113,5	182,8
Налог к уплате, млрд руб.:	485,9	219,1	266,8	1 037,8	399,6	638,2
– объект «доходы»;	363,4	137,1	226,3	774,0	237,5	536,5
– объект «доходы, уменьшенные на расходы»	122,5	82,0	40,5	263,8	162,1	101,7
Количество налогоплательщиков, представивших декларации, тыс. ед.:	3 536,4	1 426,7	2 109,7	4 482,8	1 443,0	3 039,8
– объект «доходы»;	2 494,3	716,8	1 777,5	3 348,2	726,3	2 621,9
– объект «доходы, уменьшенные на расходы»	1 042,1	709,9	332,2	1 134,6	716,7	417,9
Из представленных деклараций нулевые	969,1	483,3	485,8	1 219,8	464,2	755,6

Составлено автором по материалам источника[4]

Из табл. 2 следует, что в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

1) налоговая база по УСН с объектом «доходы» увеличилась в 2,12 раза, в том числе по организациям – на 65,5 %, ИП – в 2,44 раза; доля ИП выросла с 59,9 до 68,5 %;

2) сумма единого налога к уплате увеличилась в 2,1 раза, в том числе по организациям – на 82,4 %, ИП – в 2,39 раза; доля ИП выросла с 54,9 до 61,5 %;

3) доля единого налога к уплате с объектом «доходы» увеличилась в 2,1 раза, в том числе по организациям – на 73,2 %, ИП – в 2,37 раза;

4) сумма единого налога при объекте «доходы» уменьшилась на сумму страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, медицинское страхование, пособия по временной нетрудоспособности, выплачиваемые за счет средств работодателя, платежей по договорам добровольного личного страхования, не более чем на 50 %, а у ИП, не имеющих наемных работников, – полностью без ограничения. В связи с этим в бюджет недопоступило до 30 % единого налога, начисленного при объекте «доходы»;

5) доля единого налога при объекте «доходы» в его общей величине составило 74,9 %, в том числе по организациям – около 60 %, ИП – более 84,0 %;

6) количество налогоплательщиков, представивших декларацию по УСН, увеличилось с 3 536 392 до 4 482 765 ед., или на 26,8 %, в том числе количество организаций – на 1,1 %, ИП – на 44,1%; из них с объектом «доходы» – соответственно, на 34,2 %, 1,3 % и 47,5 %; примерно 78 % ИП применяют данный объект;

7) около трети организаций, четверти ИП представляют нулевую отчетность по УСН.

Таблица 3

Поступление налогов, сборов в КБС РФ

Показатель	2020 г.		2023 г.		2023 г. к 2020 г., %	
	КБС РФ	МБ	КБС РФ	МБ	КБС РФ	МБ
Налоговые доходы, в том числе:	10 033,8	1 362,6	16 512,7	1 904,7	164,6	139,8
– СНР	571,5	179,5	1 025,9	266,6	179,5	148,5

[4] Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Отчет о налоговой базе и структуре начислений по налогу, уплачиваемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/?ysclid=m70bkypd3k501559721 (дата обращения: 17.11.2024).

Окончание табл. 3

Показатель	2020 г.		2023 г.		2023 г. к 2020 г., %	
	КБС РФ	МБ	КБС РФ	МБ	КБС РФ	МБ
УСН: – объект «доходы»; – объект «доходы, уменьшенные на расходы»	502,1 353,6 148,5	104,6 71,1 33,5	951,9 662,4 289,5	235,9 158,2 77,7	189,6 187,3 194,9	225,5 222,5 231,9
ЕНВД	52,0	51,9	–	–	–	–
ЕСХН	15,3	15,3	17,4	17,1	113,7	111,8
ПСН	13,3	7,7	19,3	13,6	145,1	176,6
Налог на профессиональный доход	2,1	–	37,3	–	17 раз	–

Примечание: данные представлены в млрд руб.; КБС – консолидированный бюджет субъектов РФ; МБ – местные бюджеты

Составлено автором по материалам источника[5]

Согласно данным табл. 3, в 2023 г. в сравнении с 2020 г.:

1) налоговые доходы КБС РФ увеличились на 64,6 %, а доходы, зачисляемые в МБ, – на 39,8 %;
2) несмотря на увеличение СНР более быстрыми темпами (на 79,5 %), их доля в доходах КБС РФ остается незначительной (6,2 % в 2023 г.);
3) доля УСН в общей сумме СНР выросла с 87,8 до 92,8 %, а доходы, зачисляемые в МБ, – с 58,3 до 88,5 %;
4) сумма единого налога по УСН с объектом «доходы» в его общей сумме составляет около 70 %.

ОБСУЖДЕНИЕ

В начале обсуждения приведем действующую классификацию предприятий в зависимости от численности работников и доходов от деятельности.

В соответствии с Федеральным законом № 209-ФЗ к субъектам МСП относятся хозяйственные общества, среднесписочная численность работников которых составляет:

– для малых предприятий – до 100 чел.;
– для микропредприятий – до 15 чел.;
– для средних предприятий – от 101 до 250 чел.[6]

Правительство РФ установило величины доходов для указанных категорий субъектов предпринимательства:

– для микропредприятий – 120 млн руб.;
– для малых предприятий – 800 млн руб.;
– для средних предприятий – 2 млрд руб.[7]

До 2025 г., согласно существующей редакции гл. 26.2 НК РФ, условиями перехода к УСН и ее применения являются следующие ограничения:

– сумма доходов за 9 месяцев предшествующего к переходу на УСН года не превышает 112,5 млн руб.;
– численность работников организаций, ИП – не больше 100 чел.;
– остаточная стоимость основных средств не превышает 150 млн руб.[8]

Если доходы за год будут больше 150 млн руб., но не больше 200 млн руб., и (или) численность работников превысит 100 чел., но не превысит 130 чел., то право на применение УСН сохраняется, однако ставка единого налога в части превышения дохода увеличивается: при объекте «доходы» с 6 до 8 %, при объекте «доходы, уменьшенные на расходы» – с 15 до 20 %.

[5] Федеральная налоговая служба. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации. Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/?ysclid=m70bkypd3k501559721 (дата обращения: 17.11.2024).

[6] Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/?ysclid=m70ej57l5m917596443 (дата обращения: 18.11.2024).

[7] Постановление Правительства Российской Федерации от 04.04.2016 г. № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196415/?ysclid=m70ekici3p915853019 (дата обращения: 18.11.2024).

[8] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 г. № 117-ФЗ. Глава 26.2. Упрощенная система налогообложения (редакция от 28.12.2024 г., с изменениями от 21.01.2025 г.). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/d29da7b903e5cc351ee08a2f10414ccee3c12bad/?ysclid=m70e23t37y317828400 (дата обращения: 18.11.2024).

Как следует из сказанного, имеется большой разрыв в критериях показателей выручки и численности работников, используемых при классификации предприятий, и для целей налогообложения.

Приведем пример. На предприятии численность работников 130 чел., выручка за год – 500 млн руб. При этом по числу сотрудников организация относится к средним, по величине выручки – к малым, однако она не может применять УСН, так как выручка превышает 200 млн руб.

Изменениями, вносимыми с 2025 г. в гл. 26.2 НК РФ[9], приведенные несоответствия в некоторой степени сглаживаются: с 2025 г. на УСН можно будет перейти с выручкой за 9 месяцев не более 337,5 млн руб., с численностью работников до 130 чел. и остаточной стоимостью основных средств до 200 млн руб. Увеличивается и порог выручки за год с 200 млн руб. до 450 млн руб. Обнаружено, что ее величина и величина остаточной стоимости основных средств подлежат индексации на коэффициент-дефлятор (в 2024 г. его значение составляло 1, 329). Таким образом, с учетом коэффициента выручка составит около 600 млн руб. и приблизится к критерию выручки, установленной для отнесения предприятий к малым. При этом следует иметь в виду, что на 2025 г. в целях применения УСН коэффициент-дефлятор установлен в размере 1.

Вводимые с 2025 г. изменения в систему налогообложения МСП направлены также на достижение к 2030 г. базовых индикаторов, принятых Правительством РФ:

1) увеличение оборота МСП в 2,5 раза по отношению к 2014 г.;
2) повышение производительности труда в два раза по отношению к 2014 г.;
3) увеличение доли обрабатывающей промышленности в обороте сектора МСП до 20 % (без учета ИП);
4) повышение доли занятого населения в секторе МСП в общей численности занятого населения до 3%;
5) увеличение доли МСП в валовом внутреннем продукте в два раза (с 20 до 40 %)[10].

С учетом того, что в России регионы являются основой федеративного устройства, СНР, применяемые субъектами МСП, поступают в бюджеты регионов, по мнению В.В. Строева, В.М. Свистунова и С.В. Сидоренко: «региональная экономическая политика должна обеспечивать преобразования, которые будут способствовать развитию рыночных отношений, необходимо стимулировать экономический рост в таких секторах народного хозяйства, в котором производится конкурентоспособная продукция для внутреннего и мирового рынка, там, где стабилизация производства имеет важное значение» [10, с. 33]. Решение данной задачи невозможно без сотрудничества малого и крупного бизнеса.

Этому должно способствовать нововведение, согласно которому с 1 января 2025 г. организации и ИП, применяющие УСН, становятся плательщиками НДС. При соблюдении определенных условий предусмотрено их право получить освобождение от исполнения обязанностей плательщика в соответствии со ст. 145 НК РФ[11] или применить ставки НДС 5 %, 7 % или 20 %.

При этом условия получения освобождения для плательщиков, использующих общий режим налогообложения и перешедших на УСН, отличаются:

1) за три предшествующих последовательных календарных месяца сумма выручки от реализации товаров (работ, услуг) без учета налога не должна превысить в совокупности 2 млн руб.;

2) у упрощенцев за календарный год, предшествующий календарному году, начиная с которого организация или ИП переходит на УСН, сумма доходов не должна превысить в совокупности 60 млн руб.;

3) за предшествующий налоговый период по налогу, уплачиваемому в связи с использованием УСН, сумма доходов не должна превысить в совокупности 60 млн руб.

При переходе налогоплательщика на УСН с применением освобождения от НДС суммы налога, принятые к вычету, подлежат восстановлению в налоговом периоде, предшествующем переходу на указанный режим, и учитываются в составе прочих расходов (это касается налогоплательщиков, применяющих до перехода на УСН общий режим налогообложения и уплачивающих НДС).

[9] Федеральный закон от 12.07.2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_480697/?ysclid=m70eq567va124218969 (дата обращения: 18.11.2024).

[10] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.06.2016 г. № 2083-р «Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=310854 (дата обращения: 18.11.2024).

[11] Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Раздел VIII. Глава 21. Статья 145. Освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика. Режим доступа: https://base.garant.ru/10900200/3780a465c57513165f942ba713db0691/ (дата обращения: 18.11.2024).

Согласно методическим рекомендациям предусматривается следующий алгоритм действий упрощенцев с 2025 г.[12]

Как и при общем режиме налогообложения, упрощенцы определяют налоговую базу по НДС на самую раннюю из дат: день отгрузки и (или) день оплаты, частичной оплаты.

В отличие от общего режима налогообложения, при применении которого «у организации в момент отгрузки покупателю продукции, не оплаченной покупателем, возникает обязанность по уплате налога на прибыль» [11, с. 72], при использовании УСН уплата единого налога освобождает от уплаты налога на прибыль.

Что касается НДС, то с 1 января 2025 г. упрощенцы, не получившие освобождение от него (с выручкой более 60 млн руб. в год), вправе платить налог по общей ставке (20, 10 %) с вычетами «входного» НДС или по льготной (5 или 7 %) без права на вычет. Выбранная ставка применяется ко всем облагаемым им операциям в отношении всех покупателей, указывается в счетах – фактурах без уведомления налогового органа. Упрощенец самостоятельно решает, какую ставку НДС использовать.

Общие ставки (20, 10 %) с правом вычета целесообразно применять, если покупатели используют облагаемую НДС деятельность. Применять льготные ставки (5 или 7 %) без права на вычет целесообразно при существенной доле затрат без этого налога (оплата труда, покупки у неплательщиков НДС), если основными покупателями являются физические лица либо организации, освобожденные от НДС. Предъявленную упрощенцем сумму налога по льготной ставке может принять к вычету покупатель на общем режиме налогообложения или упрощенец, использующий ставку 20 или 10 %.

При этом следует учитывать, что применять льготную ставку необходимо в течение 12 кварталов (три года) начиная с периода, за который представлена декларация с ней (за исключением случаев утраты права на использование УСН или получения освобождения от НДС при доходах за прошлый год менее 60 млн руб.). Сказанное не касается упрощенцев, выбравших общую ставку (в размере 20 %).

В 2025 г. применяются следующие ставки НДС:

1) 5 % – при доходе от 60 млн руб. до 250 млн руб.;
2) 7 % – при доходе более 250 млн руб., до 450 млн руб.;
3) 20 или 10 % – с первого числа месяца, в котором доходы превысили 450 млн руб.

Упрощенцы, выбравшие льготную ставку НДС, вправе использовать нулевую ставку при экспорте товаров при документальном подтверждении реальности экспорта. В то же время они не могут применять льготную ставку при ввозе товаров в РФ в случае исполнения обязанностей налогового агента по НДС (при покупке услуг у иностранной организации), при этом право на вычеты отсутствует.

При получении авансов упрощенец с льготной ставкой НДС использует расчетную ставку 5/105 % или 7/107 %. При последующей отгрузке товаров в счет авансов налог считается по ставкам 5 или 7 %, уплаченный с предоплаты НДС принимается к вычету.

Далее рассмотрим, как повлияют вводимые новшества на положение упрощенцев (табл. 4). Приведем пример. Товар приобретен за 100 руб., кроме того, НДС – 20 руб. (эти условия используем для всех случаев).

Таблица 4

Влияние изменений на положение упрощенцев

Случай	Продажа упрощенцем, руб.		Валовая прибыль, руб.	НДС к уплате, руб.	Единый налог при УСН с объектом, руб.	
	Стоимость	НДС			Доходы	Доходы – расходы
2024 г.	200	–	80	–	12	12
2025 г.	Освобождение от НДС по ст. 145 НК РФ					
	200	–	80	–	12	12
2025 г., ставка НДС 5 %	200	10	80	10	12	12
2025 г., ставка НДС 20 %	200	40	100	20	12	12

Составлено автором по материалам исследования

[12] Письмо Федеральной налоговой службы России от 17.10.2024 г. № СД-4-3/11815@ «О направлении Методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями по НДС для УСН»). Режим доступа: https://legalacts.ru/doc/pismo-fns-rossii-ot-17102024-n-sd-4-311815-metodicheskie-rekomendatsii/ (дата обращения: 18.11.2024).

Из приведенных данных табл. 4 можно сделать следующие выводы.

1. В 2025 г. при получении упрощенцем освобождения от НДС ситуация по сравнению с 2024 г. остается без изменения: валовая прибыль упрощенца та же (80 руб.), НДС к уплате – 0 руб., единый налог к уплате – 12 руб.

2. При применении ставки в размере 5 % валовая прибыль упрощенца и сумма единого налога не изменятся, НДС к уплате составит 10 руб. Таким образом, если ранее упрощенец продавал товар за 200 руб., то теперь его стоимость увеличится на 5 %.

Как указывалось выше в пояснениях к табл. 2, сумма единого налога при объекте «доходы» уменьшается на сумму страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, медицинское страхование, пособия по временной нетрудоспособности, которые выплачиваются за счет средств работодателя, платежей по договорам добровольного личного страхования, при этом не более чем на 50 %, а у ИП, не имеющих наемных работников, – полностью без ограничения. В показанном в табл. 4 расчете применено допущение: расчет проведен без учета этого фактора.

3. При использовании ставки НДС в размере 20 % валовая прибыль увеличится на 20 руб., НДС к уплате в бюджет составит 20 руб., единый налог к уплате останется без изменения. При этом стоимость продаваемого товара увеличится на 20 % (если ранее он продавался за 200 руб., то теперь – за 240 руб.), что может привести к значительному снижению спроса на него.

Далее рассмотрим, как изменится положение контрагентов (плательщиков НДС), приобретающих товары у упрощенцев (табл. 5). Условимся, что контрагент продает товар за 300 руб., кроме того, НДС – 60 руб.

Таблица 5

Влияние изменений на положение налогоплательщиков, сотрудничающих с упрощенцами

Случай	Приобретен товар у упрощенца, руб.		Продан товар, руб.		Валовая прибыль контрагента, руб.	НДС к уплате, руб.
	Стоимость	НДС	Стоимость	НДС		
2024 г.	200	–	300	60	100	60
2025 г., ставка НДС 5 %	200	10	300	60	100	50
Ставка НДС 20 %	200	40	300	60	100	20

Составлено автором по материалам исследования

Из данных табл. 5 следуют выводы.

1. Независимо от того, у кого приобретается товар (у плательщика НДС или у лица, не являющегося налогоплательщиком), а также независимо от ставки, применяемой упрощенцем, валовая прибыль у контрагента остается неизменной (100 руб.).

2. Во всех приведенных случаях сумма НДС, поступающая в бюджет от продажи товара стоимостью 300 руб., не изменяется (60 руб.):

– в 2024 г. продавец товара облагает НДС всю сумму продажи (300 руб.), включая 200 руб., которая ранее не облагалась налогом, и всю сумму полученного налога без применения вычета ввиду отсутствия суммы «входного» НДС уплачивает в бюджет;

– в 2025 г. при использовании упрощенцем ставки в размере 5 % НДС на 10 руб. уплачивает упрощенец, 50 руб. – контрагент (предъявляя своему покупателю налог на 60 руб., принимает к вычету НДС, уплаченный упрощенцу);

– при применении ставки в размере 20 % от своей продажи упрощенец платит НДС в сумме 40 руб., контрагент – 20 руб. (предъявив своему покупателю 60 руб., к вычету принимает 40 руб., уплаченные упрощенцу).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что вводимые с 2025 г. изменения в части увеличения величин дохода и численности работников, позволяющих применять УСН, приводят к сближению с критериями отнесения предприятий к субъектам МСП, что позволит малому бизнесу укрупняться, расширяться. В то же время

сохраняющееся ограничение стоимости основных средств при значительном увеличении предельных значений дохода вынуждают малый бизнес заниматься видами деятельности, в которых низка фондоемкость (торговля, сфера услуг и т.п.). На достижение этих же целей направлено и вменение в обязанность налогоплательщиков, применяющих УСН, оплаты НДС.

Как показало проведенное исследование, освобождение от исполнения обязанностей налогоплательщика НДС при использовании УСН снижает его доходы, так как сумма «входного» НДС включается в стоимость товара, продукции. Положение контрагента, независимо от применяемой упрощенцем ставки, не ухудшается: уплачивая НДС поставщику, он меньше платит в бюджет, валовая прибыль остается неизменной.

Применение ставок в размере 5 и 7 % организациями и ИП, использующими УСН, без права вычета на сумму «входного» НДС увеличивает цену продаваемого товара. В этой ситуации более привлекательным как для продавца, так и для контрагентов-налогоплательщиков становится применение ставки в размере 20 % с принятием к вычету суммы «входного» НДС. Однако при этом резко увеличивается на сумму НДС стоимость продаваемого упрощенцами товара (продукции), что приводит к уменьшению спроса потребителей. При переходе налогоплательщика УСН на уплату НДС важным становится восстановление его стоимости (счет 19) на остаток товаров, продукции, нереализованных по состоянию на 1 января 2025 г.

В связи с введением НДС в УСН с 2025 г. налоговая нагрузка на упрощенца увеличивается, что может привести к уменьшению спроса на его продукцию, увеличивается на них и административная нагрузка, вызванная необходимостью оформления счетов – фактур, книг продаж, книг покупок, представления декларации по НДС и др.

Кроме этого, с 2025 г. организации и ИП, применяющие УСН, у которых уже есть длящиеся договоры без указания НДС, встанут перед выбором: при отсутствии оснований для освобождения от НДС либо платить его из собственных средств, выделяя налог из цены договора по расчетным ставкам 5/105 %, 7/107 % или 20/120 % (что приведет к уменьшению прибыли упрощенца), либо увеличивать стоимость договора на НДС, уплачиваемый по ставкам 5 %, 7 % или 20 (10) %. В этом случае бремя несения лишних расходов ложится на покупателя, которому придется дополнительно оплачивать предъявленную сумму налога.

По мнению Верховного Суда России[13], если совершаемые между участниками оборота операции становятся облагаемыми вследствие изменения законодательства, то по общему правилу цена, по которой оплачивается исполнение договора, не включающая в себя НДС, должна быть увеличена на сумму налога в силу закона.

Поэтому, если договор заключен в 2024 г. и в нем указана цена товара (работы, услуги) без НДС, то после 1 января 2025 г. контрагентам понадобится заключить дополнительное соглашение, обозначив в нем новую цену с учетом налога.

Список литературы

1. *Овсийчук В.В., Овсийчук В.Я.* Теоретические аспекты применения упрощенной системы налогообложения, преимущества и недостатки ОСНО и УСН. Вестник Академии управления и производства. 2024;1:108–113.
2. *Осокин М.А., Садыкова А.Г.* Резерв под уплату минимального налога в рамках УСН: порядок формирования, учета. Современные инновации. 2019;3(31):35–38.
3. *Курочкина Н.В.* Роль и место упрощенной системы налогообложения в налоговом стимулировании субъектов малого предпринимательства. В кн.: Современная налоговая система: состояние, проблемы и перспективы развития: материалы XIV Международной научной конференции, Уфа, 1–2 июня 2021 г. Уфа: Уфимский государственный авиационный технический университет; 2021. С. 215–225.
4. *Голыш С.А., Лазич Ю.В.* Преимущества и недостатки применения упрощенной системы налогообложения. Вестник Института экономики и управления Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018;4(29):40–45.
5. *Чапарова С.* Освобождение от исполнения обязанностей плательщика НДС. Хозяйство и право. 2016;8(475):88–91.

[13] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.04.2024 г. № 305-ЭС23-26201 по делу № А40-236292/2022. Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-04042024-n-305-es23-26201-po-delu-n-a40-2362922022/?ysclid=m70j68nb31672844069 (дата обращения: 19.11.2024).

6. *Давлетшин Т.Г.* Реформирование НДС и специальных налоговых режимов, гармонизация налоговой системы. Финансы и кредит. 2020;2(794(26):380–395. https://doi.org/10.24891/fc.26.2.380
7. *Алексеева Н.С., Степанов И.А.* Алгоритм выбора налогооблагаемой базы при упрощенной системе налогообложения. Актуальные проблемы экономики и управления. 2019;1(21):3–7.
8. *Гугнина Е.В., Задёра О.А., Бородина Т.В.* Анализ обоснованности выбора объекта налогообложения при использовании УСН. Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021;5–2:181–187. https://doi.org/10.17513/vaael.1703
9. *Голова Е.Е.* Уплата и учет НДС при упрощенной системе налогообложения с 2025 года. Экономика и бизнес: теория и практика. 2024;8(114):57–60. https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-8-57-60
10. *Строев В.В., Свистунов В.М., Сидоренко С.В.* Региональная экономическая политика, цели, оценка результатов (на примере Краснодарского края). E-Management. 2024;3(7):31–39. https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-3-31-39
11. *Зотиков Н.З.* Способы оптимизации налога на прибыль и их влияние на доходы бюджетов субъектов Российской Федерации. Управление. 2024;1(12):70–80. https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-1-70-80

References

1. *Ovsiichuk V.V., Ovsiichuk V.Ya.* Theoretical aspects of the application of the simplified taxation system, advantages and disadvantages of the GST and STS. Herald of Academy of management and production. 2024;1:108–113. (In Russian).
2. *Osokina M.A., Sadykova L.G.* Reserve for payment of the minimum tax within the framework of the STS: procedure for formation and accounting. Modern Innovations. 2019;3(31):35–38. (In Russian).
3. *Kurochkina N.V.* Role and place of the simplified taxation system in tax incentives for small businesses. In: Modern tax system: state, problems and development prospects: Proceedings of the XIV International Scientific Conference, Ufa, June 1–2, 2021. Ufa: Ufa State Aviation Technical University; 2021. Pp. 215–225. (In Russian).
4. *Golysh S.A., Lazich Yu.V.* Advantages and disadvantages of simplified taxation system. Bulletin of the Institute of Economics and Management of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. 2018;4(29):40–45. (In Russian).
5. *Chaparova S.* Exemption from the performance of duties of a VAT payer. Economy and Law. 2016;8(475):88–91. (In Russian).
6. *Davletshin T.G.* Reform of VAT and special tax regimes: the tax system harmonization. Finance and Credit. 2020;2(794(26):380–395. (In Russian). https://doi.org/10.24891/fc.26.2.380
7. *Alekseeva N.S., Stepanov I.A.* Algorithm for choosing a taxable base under a simplified taxation system. Actual problems of economics and management. 2019;1(21):3–7. (In Russian).
8. *Gugnina E.V., Zadyora O.A., Borodina T.V.* The analysis of the justification of the choice of the object of taxation with the simplified system of taxation. Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2021;5–2:181–187. (In Russian). https://doi.org/10.17513/vaael.1703
9. *Golova E.E.* Payment and accounting of VAT under the simplified taxation system from 2025. Economy and Business: Theory and Practice. 2024;8(114):57–60. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2411-0450-2024-8-57-60
10. *Stroev V.V., Svistunov V.M., Sidorenko S.V.* Regional economic policy, goals, results assessment (the Krasnodar region case). E-Management. 2024;3(7):31–39. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2658-3445-2024-7-3-31-39
11. *Zotikov N.Z.* Ways to optimize income tax and their impact on income budgets of the constituent entities of the Russian Federation. Management. 2024;1(12):70–80. (In Russian). https://doi.org/10.26425/2309-3633-2024-12-1-70-80

УДК 159.9 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-212-221

Разработка и апробация методики изучения типов профессионально-трудовой Я-концепции лиц с ограниченными возможностями здоровья

Истомина Елена Владимировна[1]

Канд. психол. наук, доц. каф. психологии
ORCID: 0000-0001-0777-2455, e-mail: 89151479832@mail.ru

Бонкало Татьяна Ивановна[2,3]

Д-р психол. наук, вед. науч. сотр.[2], проф. каф. психологии[3]
ORCID: 0000-0003-0887-4995, e-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

[1]Санкт-Петербургская академия постдипломного педагогического образования имени К.Д. Ушинского, г. Санкт-Петербург, Россия

[2]Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, г. Москва, Россия

[3]Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация

Предмет исследования – представления лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) о себе как о субъектах труда и как о специалистах определенной области. Цель исследования – разработка опросника, позволяющего определить преобладающие типы профессионально-трудовой Я-концепции лиц с ОВЗ. Работа осуществлялась в несколько этапов, содержание которых было направлено на психометрическую проверку опросника: его содержательной валидности, включающей дискриминативную способность пунктов, внутренней согласованности его шкал, соответствия каждого пункта изучаемому конструкту; критериальной валидности; конструктной валидности первичной апробации методики на выборке в 117 чел. с нарушениями опорно-двигательного аппарата легкой и средней тяжести при сохранности интеллекта в возрасте от 17 до 42 лет (корреляция шкал опросника со шкалами других методик, измеряющих схожие конструкты, и конфирматорный факторный анализ), а также ретестовой надежности. Первичная апробация авторской методики показала ее соответствие психометрическим требованиям, предъявляемым к психологическим тестам. Опросник позволяет выявить четыре типа оценок лицами с ОВЗ себя как субъектов труда и как представителей определенной группы профессий: обнаруживается преобладание адекватно-позитивной оценки, псевдопозитивной, индифферентной и негативной. На основании сочетания оценок можно выявить преобладающий тип профессионально-трудовой Я-концепции: сбалансированный и несбалансированный, адаптивный и дезадаптивный. Использование опросника в процессе профессионального и трудового ориентирования лиц с ОВЗ обеспечивает построение прогностических моделей их профессионального развития.

Ключевые слова

Профессионально-трудовая Я-концепция, сбалансированные типы, несбалансированные типы, адаптивные типы, дезадаптивные типы, ценностно-смысловое отношение, труд, самовосприятие, самооценка, профессиональная идентичность, лица с ОВЗ

Для цитирования: Истомина Е.В., Бонкало Т.И. Разработка и апробация методики изучения типов профессионально-трудовой Я-концепции лиц с ограниченными возможностями здоровья//Вестник университета. 2025. № 1. С. 212–221.

© Истомина Е.В., Бонкало Т.И., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Development and testing of a methodology for studying types of professional and labour self-concept of people with disabilities

Elena V. Istomina[1]

Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Psychology Department[1]
ORCID: 0000-0001-0777-2455, e-mail: 89151479832@mail.ru

Tatyana I. Bonkalo[2,3]

Dr. Sci. (Psy.), Leading Researcher[2], Prof. at the Psychology Department[3]
ORCID: 0000-0003-0887-4995, e-mail: bonkalotatyanaivanovna@yandex.ru

[1]Saint Petersburg Academy of Postgraduate Pedagogical Education named after K.D. Ushinsky, St. Petersburg, Russia

[2]Research Institute for Healthcare and Medical Management of Moscow Healthcare Department, Moscow, Russia

[3]Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract

The ideas of people with disabilities about themselves as subjects of labour and as representatives of a certain group of professions are the subject of the study. The purpose of the study is to develop a questionnaire that allows us to determine the prevailing types of professional and labour self-concept of people with disabilities. The research has been conducted in several stages, the content of which is aimed at psychometric testing of the questionnaire, namely, testing its substantive validity, including the discriminatory ability of the items, internal consistency of its scales, correspondence of each item to the studied construct; criterion validity; construct validity of the primary testing of the methodology on a sample of 117 people with mild and moderate musculoskeletal disorders with intact intelligence aged 17 to 42 years (correlation of the questionnaire scales with the scales of other methodologies measuring similar constructs, and confirmatory factor analysis) as well as retest reliability. The primary testing of the authors' methodology has showed its compliance with the psychometric requirements for psychological tests. The questionnaire allows identifying four types of assessments by people with disabilities of themselves as subjects of labour and as representatives of a certain group of professions: the predominance of an adequately positive assessment, pseudo-positive, indifferent and negative is revealed. Based on the combination of the assessments, it is possible to identify the prevailing type of the professional and labour self-concept: balanced and unbalanced, adaptive and maladaptive. The use of the questionnaire in the process of professional and labour orientation of people with disabilities ensures the construction of predictive models of their professional development.

Keywords

Professional and labour self-concept, balanced types, unbalanced types, adaptive types, maladaptive types, value-semantic attitude to work, self-perception, self-esteem, professional identity, persons with disabilities

For citation: Istomina E.V., Bonkalo T.I. (2025) Development and testing of a methodology for studying types of professional and labour self-concept of people with disabilities. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 212–221.

© Istomina E.V., Bonkalo T.I., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время, в связи с изменившимися представлениями о социальных условиях жизнедеятельности лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ), с трансформацией государственной политики в области их образования и интеграции в общество, интенсифицировались исследования профессионального развития и профессионального самоопределения личности, формирование которой происходит в условиях вынужденной когнитивной, эмоциональной и социальной депривации [1].

При огромном внимании к прикладным аспектам проблемы профессионально-личностного развития лиц с ОВЗ (к разработке для них конкретных программ профессионального ориентирования [2; 3], к формированию мотивации к профессиональной деятельности [4], профессиональной перспективы [5], к поиску подходящей профессии [6]) практически отсутствуют исследования, направленные на выявление его психологических особенностей, факторов, закономерностей и механизмов, что не может не влиять на качество разрабатываемых и предлагаемых мер их психологической поддержки и программ их психологического сопровождения [7].

Одним из доминирующих факторов профессионально-личностного развития человека является его профессиональная Я-концепция как одна из составляющих общей Я-концепции личности [8].

Здесь заключается сущность различий в формировании профессиональной Я-концепции у лиц, имеющих и не имеющих ОВЗ, то есть лиц, развитие которых протекает в разных условиях восприятия своего настоящего, прошлого и будущего. Исследование таких различий, выявление их психологической природы выведут теоретические обобщения на другой уровень осмысления и раскрытия специфических закономерностей профессионально-личностного развития лиц с ОВЗ [9].

ОБОСНОВАНИЕ КОНСТРУКТА «ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВАЯ Я-КОНЦЕПЦИЯ ЛИЦ С ОВЗ»

Традиционно профессиональная Я-концепция рассматривается как необходимое условие самоактуализации личности [10], достижения профессионального мастерства, становления профессионализма [11], формирования профессиональных компетенций [12]. При этом считается, что она является результатом профессионального саморазвития как непрерывного процесса, включенного в общий процесс формирования личности [13].

Термин «профессиональная Я-концепция» был введен Д.Э. Сьюпером в 1949 г. для обозначения ряда характеристик самовосприятия, осознанных и соответствующих профессиональному развитию личности. За годы изучения профессиональной Я-концепции разработаны психологические теории, раскрывающие ее сущность, содержание и структуру [14–16].

В структуру профессиональной Я-концепции исследователи, как правило, включают представления о себе, или Я-образ, самооценку, самоэффективность, убеждения, установки относительно себя как профессионала, поведенческие реакции, связанные с представлениями о своей профессиональной карьере, профессиональной востребованности, профессионально важных качествах личности, то есть представления о конкретной профессии и о своем соответствии ей.

С.Т. Джанерьян в рамках системного подхода видит сущность профессиональной Я-концепции в ее системной организации, где системообразующим фактором выступает ценностно-смысловое отношение личности к профессии, которое, по мнению автора, оказывает доминирующее влияние на устойчивость и адекватность профессиональных оценок. Выделяя разные типы профессиональной Я-концепции, С.Т. Джанерьян акцентирует свое внимание на различиях людей в отношениях к профессии и целях ее выбора.

Изучая проблемы становления профессиональной Я-концепции, которое, по сути, рассматривается в контексте общего профессионально-личностного развития, исследователи изначально исходят из признания самого труда человека и его трудовой деятельности в качестве базисной потребности, присущей каждому человеку [17].

На самом деле в своей философской трактовке труд представляет собой деятельность, основные мотивы которой связаны с потребностями личности и общества, а также с условиями полноценного существования и жизни любого человека цивилизационного общества [18]. Он выступает той базисной ценностью, которая придает смысл всей жизни [19]. Это положение является отправной точкой для исследования психологической природы профессиональной Я-концепции [20].

Вместе с тем при изучении процесса формирования профессиональной Я-концепции исследователи не раз указывали на то, что одним из ее важных факторов являются условия семейного и школьного воспитания, а сам процесс становления рассматривается во взаимосвязи с особенностями личностного развития.

Что касается лиц с ОВЗ, развитие которых проходит в ситуации вынужденной когнитивной, физической, эмоциональной и социальной депривации, то в силу их особенностей некоторые стадии их личностного развития будут иными: например, по эпигенетической теории Э. Эриксона, те же комплексы трудолюбия, самостоятельности, коллективизма могут и не сформироваться. Существуют исследования, свидетельствующие об уникальных детско-родительских отношениях в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ, о том, что вследствие наличия у ребенка нарушений в развитии возникает стремление родителей оградить его от любых физических нагрузок и снять с него бремя ответственности, что влияет на особенности трудового воспитания [21]. Поэтому и потребность в труде может быть не актуализирована и не являться для многих из них базисной и сущностной [22].

Все вышеизложенное позволяет говорить о целесообразности исследования особенностей формирования у лиц с ОВЗ не профессиональной, а именно профессионально-трудовой Я-концепции как системы самовосприятия, связанной с оценкой себя как субъекта трудовой деятельности и как представителя определенной профессии.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ ОПРОСНИКА

Профессионально-трудовая Я-концепция как системное образование выступает взаимосвязью убеждений, представлений, самооценки себя, отношения к труду и к профессии, к себе как специалиста. Структурно профессионально-трудовая Я-концепция состоит из двух взаимосвязанных подсистем: трудовой Я-концепции и профессиональной Я-концепции, каждая из которых включает в себя когнитивный (убеждения, представления), эмоционально-оценочный (самоотношение), ценностно-смысловой (отношение к труду и к профессии) и поведенческий (действия по реализации своих намерений) компоненты. Системообразующим фактором в каждой подсистеме выступает отношение к труду и к профессии, которое может быть адекватно-позитивное, псевдопозитивное, негативное и индифферентное. Соответственно, и оценка себя как субъекта трудовой деятельности адекватно-позитивная, псевдопозитивная, негативная и индифферентная. При совпадении оценок и отношений в двух подсистемах говорят о сбалансированной профессионально-трудовой Я-концепции, которая, однако, может стать источником адаптации в мире профессий и производственной сфере жизнедеятельности общества или, напротив, дезадаптации. Поэтому выделяются сбалансированные адаптивные, сбалансированные дезадаптивные, несбалансированные адаптивные и несбалансированные дезадаптивные типы профессионально-трудовых Я-концепций лиц с ОВЗ.

В связи с отсутствием методического инструментария изучения особенностей развития у лиц с ОВЗ профессионально-трудовой Я-концепции было проведено исследование, направленное на разработку и апробацию соответствующего опросника.

МЕТОДЫ И ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Разработка и апробация опросника осуществлялись в несколько этапов. На первом этапе определялись пункты опросника и их наполнение через организацию фокус-групп и интервьюирования лиц с ОВЗ. Проведены две фокус-группы, в которых приняли участие 24 практикующих психолога со стажем профессиональной деятельности от 3 до 24 лет. Из них четверо мужчин и 20 женщин. Интервьюирование проходило на выборке студентов-старшекурсников в количестве 28 чел., имеющих врожденные нарушения функций опорно-двигательного аппарата легкой и средней тяжести при сохранности интеллекта и обучающихся в условиях инклюзивного высшего образования (Московский государственный гуманитарно-экономический университет (далее – МГГЭУ).

Для проверки опросника на содержательную валидность использован метод экспертных оценок, где экспертами выступили 6 докторов психологических наук, для проверки пунктов-утверждений на дискриминативную способность – корреляционный анализ внутренней согласованности шкал– метод Кронбаха.

Критериальная валидность устанавливалась с помощью сравнительного анализа показателей, выявленных посредством авторского опросника в двух контрастных группах: в группе «успешных» лиц с ОВЗ, достигших высоких результатов в своей профессиональной карьере (18 чел. с врожденными нарушениями функций опорно-двигательного аппарата легкой и средней тяжести в возрасте от 28 до 44 лет;

из них четыре женщины и 14 мужчин), и в группе «неуспешных», которая состояла из того же количества лиц с подобными нарушениями, того же пола и возраста, но не работающих и не предпринимающих попытки найти работу). Для установления различий использовался расчет U-критерия Манна-Уитни.

Психометрическая проверка методики на конструктную валидность осуществлялась как с помощью корреляционного анализа ее показателей с другими известными шкалами, предназначенными для изучения профессиональных установок (Дж. Крайтс, в адаптации Л.Н. Митиной), статусов профессиональной идентичности (А.А. Азбель, А.Г. Грецов), профессиональной Я-концепции (А.А. Озерин) и мотивов труда, так и с помощью конфирматорного факторного анализа, в процессе которого были проверены двухфакторная и четырехфакторная модели изучаемого конструкта. Исследовательскую выборку для первоначальной апробации методики составили 117 лиц с ОВЗ (нарушения функций опорно-двигательного аппарата легкой и средней тяжести при сохранном интеллекте; из них 89 юношей и мужчин, средний возраст – 28,8 лет, и 28 женщин, средний возраст – 32,4 лет), которые откликнулись на предложение участвовать в исследовании, размещенное в социальных сетях.

РЕЗУЛЬТАТЫ

РАЗРАБОТКА ПУНКТОВ ОПРОСНИКА

Итак, опросник состоит из двух больших шкал, отражающих восприятие себя как субъекта труда, вне зависимости от профессии; восприятие себя как представителя определенной группы профессий.

Первичная версия опросника «Профессионально-трудовая Я-концепция лиц с ограниченными возможностями здоровья» (далее – ПТК ОВЗ) включала в себя 120 пунктов-утверждений. Для первоначальной формулировки утверждений были проведены две серии фокус-групп, в которых приняли участие по 12 специалистов-психологов, имеющих стаж профессиональной деятельности от трех лет и работающих непосредственно с подростками и молодыми людьми с ОВЗ, обучающимися в условиях инклюзивного образования (школах, колледжах и вузах). В фокус-группах обсуждались вопросы трудоустройства студентов организаций среднего профессионального и высшего образования, профессионального ориентирования школьников с ОВЗ. В процессе обсуждения участники фокус-групп приводили конкретные суждения обучающихся с ОВЗ о своем профессиональном пути, профессиональных намерениях, их мнения по поводу перспективы найти работу, об их отношении к труду как к деятельности, приносящей доход, намерениях работать, их представлениях об условиях труда, а также о связи такой деятельности с профессиональными интересами и профессиональным выбором. В начале групповой дискуссии перед психологами была поставлена задача выделить типы представлений студентов с ОВЗ о себе как о субъекте труда и как о специалисте определенной области, анализируя конкретные высказывания обучающихся с ОВЗ, которые они знают из своего опыта. В итоге групповых дискуссий выделены по четыре типа самовосприятия, иллюстрированные 10 высказываниями-утверждениями.

Пункты опросника были уточнены, конкретизированы и добавлены в результате контент-анализа ответов на вопросы интервьюирования 28 студентов с ОВЗ (нарушения опорно-двигательного аппарата (далее – НОДА), обучающихся в МГГЭУ на старших курсах по разным направлениям подготовки. В итоге был разработан опросник из 120 пунктов-утверждений (по 60 на каждую шкалу).

СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ВАЛИДНОСТЬ

Содержательная валидность опросника проверялась методом экспертных оценок. Экспертами выступили 6 докторов психологических наук по специальности 5.3.3 – Психология труда, инженерная психология и когнитивная эргономика, которым предлагалось оценить каждый пункт опросника по 5-балльной шкале на предмет его соответствия изучаемому конструкту. При этом была уточнена авторская позиция по данному вопросу и разъяснена целесообразность исследования сочетаемости характеристик самовосприятия лицами с ОВЗ относительно субъектов труда вообще и труда в определенной сфере профессиональной деятельности.

В результате экспертных оценок из первоначального варианта разрабатываемого опросника были удалены те пункты-утверждения, которые, по совокупному мнению экспертов, не раскрывали содержание его шкал.

В итоге получен изначальная версия авторской методики (табл. 1).

Таблица 1

Первоначальный вариант опросника ПТК ОВЗ

Тип оценки-отношения себя как субъекта труда и как представителя определенной группы профессий	Количество пунктов по каждому компоненту шкал							
	Трудовая Я-концепция				Профессиональная Я-концепция			
	КгК	ЭЦК	ЦСК	ПвК	КгК	ЭЦК	ЦСК	ПвК
Адекватная позитивная	3	4	3	3	4	3	4	3
Псевдопозитивная	4	4	3	4	3	4	3	3
Негативная	4	3	4	5	4	2	5	4
Индифферентная	3	3	3	4	4	3	3	3

Примечание: КгК – когнитивный компонент; ЭЦК – эмоционально-оценочный компонент; ЦСК – ценностно-смысловой компонент; ПвК – поведенческий компонент

Составлено авторами по материалам исследования

Следующим этапом исследования стала проверка опросника на дискриминативную способность его пунктов и внутреннюю согласованность шкал.

Дискриминативная способность анализировалась на выборке из 32 студентов, которые были обследованы с помощью первоначального варианта опросника. Считалось, что утверждение «работает», если индекс дискриминативности (корреляция между баллом по пункту и общей суммой баллов по субшкале) был не ниже 0,3 с положительным (прямые утверждения) и отрицательным (обратные утверждения) значениями. В результате 11 пунктов показали низкий индекс дискриминативности.

Их качественный анализ позволил установить причины низкой дискриминативной способности – это сочетание в одном утверждении двух разных оценок. Проверка на внутреннюю согласованность шкал опросника с помощью коэффициента альфа Кронбаха также показала неудовлетворительные результаты по некоторым из них.

С учетом таких результатов нами были переформулированы пункты, продемонстрировавшие низкую дискриминативную способность по шкалам с неудовлетворительной внутренней согласованностью ($p < 0,55$): некоторые из пунктов разбиты на два утверждения, некоторые по семантическому сходству заменены на другие. Они снова были включены в опросник, который в результате таких действий приобрел вид стандартизированного опросника, состоящего из одинакового количества пунктов по каждой шкале и субшкале, – по 32 вопроса-утверждения. С ними респонденту следовало согласиться или не согласиться в той или иной степени (5-балльная шкала).

В результате уточняющего эксперимента, в котором приняли участие также 32 респондента с ОВЗ той же нозологии и того же возраста, все пункты опросника показали высокую дискриминативную способность, а все шкалы – высокую внутреннюю согласованность, что позволяет нам говорить о содержательной валидности разработанной методики.

КРИТЕРИАЛЬНАЯ ВАЛИДНОСТЬ

Для анализа опросника и его проверки на критериальную валидность были сформированы две контрастные группы: первую из них составили инвалиды и лица с ОВЗ (НОДА) в возрасте от 28 до 44 лет, достигшие определенных результатов в своей профессиональной карьере; вторую группу – молодые люди того же возраста и с теми же нарушениями (легкая и средняя степени нарушений функций опорно-двигательного аппарата с сохранностью интеллекта), но не нашедшие работу и не предпринимающие никакой активности в ее поиске. Каждая включала в себя по 18 респондентов (с учетом достаточно редких случаев успешной профессиональной карьеры лиц с ОВЗ).

Выявлено, что между группами существуют статистически достоверные различия по шкалам опросника (табл. 2).

Способность опросника дифференцировать респондентов по типам профессионально-трудовой Я-концепции подтверждается результатами анализа процентных распределений обследованных молодых людей с разным уровнем успешности в профессиональной карьере (см. рисунок).

Следует обратить внимание на тот факт, что среди лиц с ОВЗ, сумевших достичь высоких результатов в своей профессиональной карьере, нет ни одного, кто бы характеризовался дезадаптивными типами

профессионально-трудовой Я-концепции. В другой группе наблюдается почти идентичное распределение по разным типам дезадаптивных профессионально-трудовых Я-концепций.

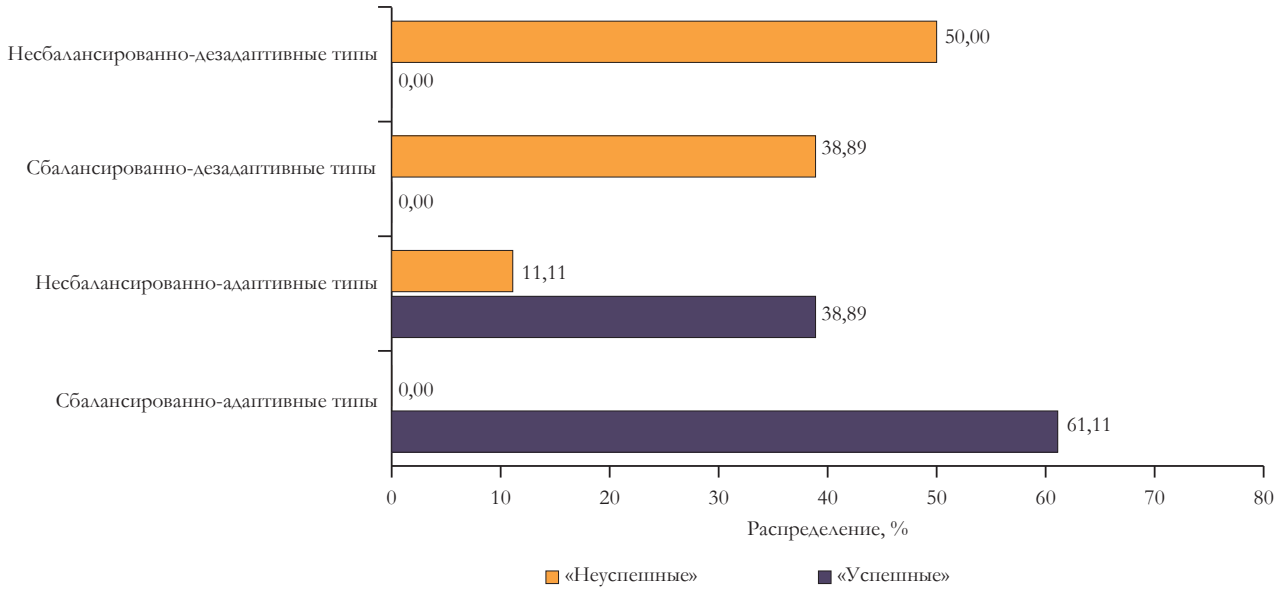
Таблица 2

Результаты сравнительного анализа показателей профессионально-трудовой Я-концепции респондентов двух исследовательских групп, полученных с помощью опросника ПТК ОВЗ

Тип оценки-отношения	«Успешные»	«Неуспешные»	Уровень значимости
Шкала 1. Трудовая Я-концепция			
Адекватная позитивная	44,2 ± 4,4	11,4 ± 1,2	0,0000
Псевдопозитивная	12,8 ± 1,3	14,6 ± 1,6	0,1324
Негативная	1,6 ± 0,3	10,6 ± 1,4	0,0002
Индифферентная	1,4 ± 0,4	11,2 ± 1,3	0,0001
Шкала 2. Профессиональная Я-концепция			
Адекватная позитивная	42,8 ± 4,6	6,2 ± 0,7	0,0000
Псевдопозитивная	10,8 ± 1,2	18,9 ± 2,1	0,0026
Негативная	1,6 ± 0,8	13,8 ± 1,4	0,0000
Индифферентная	1,8 ± 0,9	9,9 ± 1,1	0,0037

Примечание: для установления уровня значимости различий использован U-критерий Манна Уитни

Составлено авторами по материалам исследования



Составлено авторами по материалам исследования

Рисунок. Распределение испытуемых по типам профессионально-трудовой Я-концепции

КОНСТРУКТНАЯ ВАЛИДНОСТЬ

Проверка разработанного опросника на конструктную валидность осуществлялась двумя способами.

Результаты корреляционных анализов позволили выявить предсказуемые корреляционные связи между показателями адекватной позитивной оценки себя как субъекта труда с такими показателями, как «основательность выбора» ($r = 0{,}567$; $p < 0{,}001$) и «самостоятельность» ($r = 0{,}515$; $p < 0{,}001$), а также «сформированная профессиональная идентичность» ($r = 0{,}506$; $p < 0{,}001$) и «внутренние мотивы труда» ($r = 0{,}614$; $p < 0{,}001$). Индикаторы по шкале «адекватно-позитивная оценка-отношение к себе как к представителю определенной профессии» положительно коррелируют с теми же индикаторами и отрицательно – с показателями «ощущение собственной несостоятельности» ($r = -0{,}511$; $p < 0{,}001$), «ощущение растерянности» ($r = -0{,}519$; $p < 0{,}001$), «мораторий как статус профессиональной идентичности» ($r = -0{,}623$; $p < 0{,}001$) и «внешние отрицательные мотивы труда» ($r = -0{,}543$; $p < 0{,}001$).

Интересны результаты корреляционного анализа показателей негативного самовосприятия как представителя определенной группы профессий и поверхностного ($r = 0{,}613$; $p < 0{,}001$) и фрагментарного ($r = 0{,}642$; $p < 0{,}001$) представления о мире профессий, размытого образа профессионала ($r = 0{,}701$; $p < 0{,}001$), стереотипного к нему отношения ($r = 0{,}707$; $p < 0{,}001$). Корреляционные связи здесь достаточно тесные, что говорит о высокой валидности разрабатываемого опросника, с одной стороны, а с другой – о наличии определенных закономерных связей между показателями профессионально-трудовой Я-концепции лиц с ОВЗ и иными составляющими особенностей их профессионально-личностного развития.

В процессе конфирматорного факторного анализа были проверены три модели разрабатываемого опросника: двухфакторная модель, где опросник представлен двумя факторами, отраженными в шкалах трудовой и профессиональной Я-концепций; четырехфакторная модель, представленная наличием шкал, отражающих особенности развития сбалансированно-адаптивных, несбалансированно-адаптивных, сбалансированно-дезадаптивных и несбалансированно-дезадаптивных типов профессионально-трудовой Я-концепции; восьмифакторная модель, в которой опросник содержит 8 шкал, отражающих степень выраженности адекватно-позитивных, псевдопозитивных, негативных и индифферентных оценок-отношений к себе как к субъекту труда в целом и как к представителю определенной группы профессий. По результатам конфирматорного факторного анализа восьмифакторная модель является наиболее приемлемым вариантом использования разработанного опросника.

ОБСУЖДЕНИЕ

Традиционно представление о себе как о субъекте труда исследуется как понятие, идентичное представлению о себе как о специалисте определенной области, – профессия и труд не разделяются, в связи с чем совокупность самовосприятия и самоотношения в производственной сфере обычно рассматривается как профессиональная Я-концепция.

Профессионально-личностное же развитие лиц с ОВЗ происходит в условиях, отличных от лиц с нормативным развитием, – в условиях вынужденной депривации. Поэтому установка на труд, трудовую деятельность, работу вообще, а не в качестве определенного специалиста может быть и не сформирована, тогда как профессиональные намерения, напротив, характеризуются несоответствием реальным возможностям человека с ОВЗ, о чем говорится во многих парциальных исследованиях, рассмотренных в данной работе. В связи с этим существующий диагностический инструментарий, ориентированный на изучение особенностей профессиональной Я-концепции личности, ее профессионального самосознания, образа профессионального Я, не может обеспечить получение объективных данных об особенностях профессионально-личностного развития лиц с ОВЗ.

В результате исследования был сконструирован опросник, позволяющий определить оценку личностью с НОДА себя как субъекта труда и как представителя определенной профессии. Разное сочетание оценок отражает тип их общей профессионально-трудовой Я-концепции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опросник может использоваться для определения тенденций профессионального развития данной категории людей. С помощью авторской методики возможно построение прогностических моделей профессионально-личностного развития лиц с ОВЗ, причем начиная с подросткового возраста. Она позволяет выявить преобладание у респондента адаптивных типов профессионально-трудовой Я-концепции, обусловливающих их успешную адаптацию в производственной сфере жизнедеятельности общества, или, напротив, дезадаптивных, определяющих их неготовность к профессиональному выбору и профессиональному будущему, включению его в свой жизненный путь и в свою картину жизни.

Список литературы

1. *Бонкало Т.П., Цыганкова М.Н.* Активизация личностного и профессионального самоопределения обучающихся с ОВЗ в условиях инклюзивного образования: монография. М.: Российский государственный социальный университет; 2015. 215 с.
2. *Пряжников П.Н., Пряжникова Е.Ю., Сергеева М.Г.* Теоретические аспекты профориентации студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья: монография. М.: Российский университет дружбы народов; 2019. 148 с.

3. *Черняевская А.П., Шипкова Е.Н., Егорова П.А.* Профессиональное самоопределение обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. Ярославский педагогический вестник. 2022;1(124):16–24. https://doi.org/10.20323/1813-145X-2022-1-124-16-24
4. *Белозерцева Н.В., Беленкова Л.Ю.* Формирование мотивации профессиональной деятельности студентов с инвалидностью в условиях инклюзивного высшего образования. Проблемы современного педагогического образования. 2021;71–2:417–422.
5. *Чебровская С.В.* Профессиональное будущее в представлении обучающихся с ограниченными возможностями здоровья накануне выбора профессии. Современные наукоемкие технологии. 2023;4:218–223. https://doi.org/10.17513/snt.39604
6. *Старобина Е.М., Гордиевская Е.О., Кузьмина И.Е.* Профессиональная ориентация лиц с учетом ограниченных возможностей здоровья. М.: Форум; 2013. 352 с.
7. *Абдурасулов Д.А., Воронина П.П.* Особенности профессионального развития студентов с ограниченными возможностями здоровья инклюзивного образования. В кн.: Современные тенденции развития науки и образования: материалы Международной (заочной) научно-практической конференции, София, 18 марта 2021 г. Нефтекамск: Мир науки; 2021. С. 121–126.
8. *Рикель А.М.* Профессиональная Я-концепция и профессиональная идентичность в структуре самосознания личности. Часть 1. Психологические исследования. 2011;2(16). https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.863
9. *Истомина Е.В.* Условия трансформации профессионально-трудовой Я-концепции лиц с нарушениями опорно-двигательного аппарата. Мир науки. Педагогика и психология. 2024;1(12).
10. *Файзрахманов И.И., Шамгуллин А.З., Гудочкин Г.А.* Профессиональная Я-концепция и самооценка как необходимые условия самоактуализации личности. Проблемы современного педагогического образования. 2021;73–1:372–375.
11. *Осёдло В.И., Винтоняк В.Ф.* Теоретические аспекты профессионального «Я-образа» личности. Психология и право. 2013;2:55–65.
12. *Иконникова Г.Ю., Лисовская Н.Б.* Особенности профессиональной Я-концепции курсантов университета МЧС. Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2018;187:112–119.
13. *Джанерьян С.Т.* Структура типов профессиональных Я-концепций. Российский психологический журнал. 2005;3(2). https://doi.org/10.21702/rpj.2005.3.6
14. *Super D.E.* Vocational adjustment: implementing a self-concept. Occupations. 1951;2(30):88–92. https://doi.org/10.1002/j.2164-5892.1951.tb02607.x
15. *Бонкало Т.И., Шмелева С.В., Аралова Е.В., Ковалева М.Н., Еремин М.В.* Динамика взаимосвязи самоотношения и самоактуализации у студентов медвузов. Фарматека. 2023;1–2(30):240–247. https://doi.org/10.18565/pharmateca.2023.1-2.240-246
16. *Bonkalo T.I., Shmeleva S.V., Nazarenko V.V., Karpov V.Yu., Logachev N.V., Kumancova E.S.* Activating model of professional training of persons with disabilities as competitive specialists in higher education establishment. Laplage em Revista 2021;3A(7):235–244. https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173A1396p.235-244
17. *Маркова Т.А.* Феномен «профессиональная деятельность»: концептуальный анализ. Мир науки. Социология, филология, культурология. 2016;3(7):12–19.
18. *Дружилов С.А.* Профессия, профессиональная деятельность, субъект в системе «человек – профессия – общество». Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018;3(3):39–66.
19. *Домнина А.И., Мочалова А.С., Торопова А.И., Шамина Е.М.* Выбор профессии и его влияние на дальнейшую жизнь. Современные научные исследования и инновации. 2019;4(96):3–13.
20. *Миннахметова А.Т., Залялиева О.В., Воробьева И.В.* Сущностно-содержательная характеристика профессионального интереса. Проблемы современного педагогического образования. 2020;69–3:298–302.
21. *Седова Е.О., Гарданова Ж.Р., Токмакова Е.С., Чернов А.Н., Андреева В.О.* Особенности переживания чувства вины родителями детей с ограниченными возможностями здоровья. Репродуктивное здоровье детей и подростков. 2021;3(92(17):94–103. https://doi.org/10.33029/1816-2134-2021-17-3-94-102
22. *Устюжанинова Е.Н., Стребкова Е.А.* Психологические особенности родителей и семейных взаимоотношений в семьях с детьми с ОВЗ. Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023;1–2(76):47–50.

References

1. *Bonkalo T.I., Tsygankova M.N.* Activation of personal and professional self-determination of students with disabilities in the context of inclusive education: monograph. Moscow: Russian State Social University; 2015. 215 p. (In Russian).
2. *Pryazhnikov P.N., Pryazhnikova E.Yu., Sergeeva M.G.* Theoretical aspects of career guidance for students with disabilities and limited health opportunities. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia; 2019. 148 p. (In Russian).

3. *Chernyavskaya A.P., Shipkova E.N., Egorova P.A.* Professional self-determination of students with disabilities. Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2022;1(124):16–24. (In Russian). https://doi.org/10.20323/1813-145X-2022-1-124-16-24
4. *Belozertseva N.V., Belenkova L.Yu.* Motivation for professional activities of students with disabilities in inclusive higher education. Problems of modern pedagogical education. 2021;71–2:417–422. (In Russian).
5. *Chebrovskaya S.V.* Professional future as students view with disabilities on the eve of choosing a profession. Modern high technologies. 2023;4:218–223. (In Russian). https://doi.org/10.17513/snt.39604
6. *Starobina E.M., Gordievskaya E.O., Kuzmina I.E.* Career guidance of people with consideration to disabilities. Moscow: Forum; 2013. 352 p. (In Russian).
7. *Abdurasulov D.A., Voronina P.P.* Features of professional development of students with disabilities in inclusive education. In: Modern trends in the development of science and education: Proceedings of the International (Correspondence) Scientific and Practical Conference, Sofia, March 18, 2021. Neftekamsk: Mir nauki; 2021. Pp. 121–126. (In Russian).
8. *Rikel A.M.* Professional self-concept and professional identity in self-consciousness structure. Part 1. Psychological Studies. 2011;2(16). (In Russian). https://doi.org/10.54359/ps.v4i16.863
9. *Istomina E.V.* Conditions for the transformation of the professional and labor self-concept of persons with musculoskeletal disorders. World of science. Pedagogy and psychology. 2024;1(12). (In Russian).
10. *Fayzrakhmanov I.I., Shamgullin A.Z., Gudochkin G.A.* Professional self-concept and self-esteem as necessary conditions for self-actualization of personality. Problems of modern pedagogical education. 2021;73–1:372–375. (In Russian).
11. *Osyodlo V.I., Vintonyak V.F.* Theoretical aspects of the professional self-image of a person. Psychology and Law. 2013;2:55–65. (In Russian).
12. *Ikonnikova G.Yu., Lisovskaya N.B.* Features of professional self-concept of EMERCOM cadets. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences. 2018;187:112–119. (In Russian).
13. *Dzhaneryan S.T.* Structure of types of professional self-concepts. Russian Psychological Journal. 2005;3(2). (In Russian). https://doi.org/10.21702/rpj.2005.3.6
14. *Super D.E.* Vocational adjustment: implementing a self-concept. Occupations. 1951;2(30):88–92. https://doi.org/10.1002/j.2164-5892.1951.tb02607.x
15. *Bonkalo T.I., Shmeleva S.V., Aralova E.V., Kovaleva M.A., Eremin M.V.* Dynamics of the relationship between self-actualization among medical students. Pharmateca. 2023;1–2(30):240–247. (In Russian). https://doi.org/10.18565/pharmateca.2023.1-2.240-246
16. *Bonkalo T.I., Shmeleva S.V., Nazarenko V.V., Karpov V.Yu., Logachev N.V., Kumancova E.S.* Activating model of professional training of persons with disabilities as competitive specialists in higher education establishment. Laplage em Revista 2021;3A(7):235–244. https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173A1396p.235-244
17. *Markova T.L.* Phenomenon of "professional activity": conceptual approaches. World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies. 2016;3(7):12–19. (In Russian).
18. *Druzhilov S.A.* Profession, professional activity, subject in the system "man – profession – society". Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology. 2018;3(3):39–66. (In Russian).
19. *Domnina A.I., Mochalova A.S., Toropova A.I., Shamina E.M.* Choice of profession and its impact on future life. Modern scientific researches and innovations. 2019;4(96):3–13. (In Russian).
20. *Minnakhmetova L.T. Zalyalieva O.V., Vorobyova I.V.* Substantive characteristics of professional interest. Problems of modern pedagogical education. 2020;69–3:298–302. (In Russian).
21. *Sedova E.O., Gardanova Zh.R., Tokmakova E.S., Chernov D.N., Andreeva V.O.* The specifics of experiencing the sense of guilt of the parents of children with special needs. Pediatric and Adolescent Reproductive Health. 2021;3(92(17):94–103. (In Russian). https://doi.org/10.33029/1816-2134-2021-17-3-94-102
22. *Ustyuzhaninova E.N., Strebkova E.A.* Peculiarities of parents and family relationships in families with children with disabilities. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2023;1–2(76):47–50. (In Russian).

УДК 316.3 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-222-228

Социально-экономические предпосылки возникновения и развития теории общества потребления Ж. Бодрийяра

Сидорина Анастасия Витальевна[1,2]

Соискатель[1], директор по работе с клиентами[2]
ORCID: 0000-0002-3405-6163, e-mail: Sidorina.A@romir.ru

[1]Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

[2]Общество с ограниченной ответственностью «Ромир Панель», г. Москва, Россия

Аннотация

В настоящей работе анализируются предпосылки возникновения теории общества потребления Ж. Бодрийяра. Прежде всего описывается становление именно социологического подхода к анализу темы потребления, изучаются его отличия от экономического и психологического подходов. Далее обрисовывается исторический контекст, в котором зародились и получили свое дальнейшее развитие идеи Ж. Бодрийяра, а именно неуклонный рост доходов населения и улучшение качества жизни в 1960–1980-е гг., стимулировавшие повышение спроса на товары массового потребления и, соответственно, расширение массового производства, учитывающего вкусы и предпочтения покупателей. Наряду с этим в работе приводятся имена ученых, чьи взгляды во многом определили основные постулаты социологического подхода, в том числе К. Маркса с понятием товарного фетишизма и законом возвышения потребностей и Т. Веблена с концепцией престижного (показного) потребления. Работа показывает, что с учетом обозначенных теоретических и исторических предпосылок социологический подход впервые помещает поведение человека как потребителя в социальный контекст, который приобретает форму инструмента изучения жизни индивида, социальных групп и общества в целом. При этом процесс потребления Ж. Бодрийяр выносит за рамки удовлетворения материальных потребностей и обозначает как форму симуляции, где знаковая ценность товаров важнее функциональной полезности.

Ключевые слова

Потребление, общество потребления, социологический подход, потребительское поведение, теория престижного потребления, потребительская стоимость товара, знаковая ценность товара, симулякр, гиперреальность, культура устаревания, культура потребления

Для цитирования: Сидорина А.В. Социально-экономические предпосылки возникновения и развития теории общества потребления Ж. Бодрийяра//Вестник университета. 2025. № 1. С. 222–228.

© Сидорина А.В., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Socio-economic prerequisites for emergence and development of J. Baudrillard's consumer society theory

Anastasia V. Sidorina
Applicant[1], Account Director[2]
ORCID: 0000-0002-3405-6163, e-mail: Sidorina.A@romir.ru

[1]Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
[2]Limited Liability Company "Romir Panel", Moscow, Russia

Abstract

This article analyses prerequisites for the emergence of J. Baudrillard's consumer society theory. First of all, it describes the formation of a sociological approach to consuption analysis as well as studies its differences from economic and psychological approaches. Next, we outline the historical context in which J. Baudrillard's ideas originated and saw their further development, namely the steady increase in household incomes and improvement in the quality of life in the 1960–1980s, that stimulated an increase in demand for consumer goods and, accordingly, expansion of mass production, considering consumer tastes and preferences. Along with this, the article contains the names of scientists whose views largely determined the main postulates of the sociological approach, including K. Marx's concept of commodity fetishism and law of increasing requirements, and T. Veblen's concept of prestigious (ostentatious) consumption. We show that accourding to the abovementioned theoretical and historical prerequisites, the sociological approach considers behaviour of a human as a consumer in a social context for the first time. Thus, the latter turns into a tool for studying the life of an individual, social groups and society as a whole. At the same time, J. Baudrillard poses the process of consumption beyond satisfaction of material needs and designates it as a form of simulation where the iconic value of goods is more important than functional utility.

Keywords

Consumption, consumer society, sociological approach, consumer behaviour, prestigious consumption theory, consumer value of goods, iconic value of goods, simulacrum, hyperreality, obsolescence culture, consumption culture

For citation: Sidorina A.V. (2025) Socio-economic prerequisites for emergence and development of J. Baudrillard's consumer society theory. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 222–228.

© Sidorina A.V., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время тема потребления приобретает особую важность, так как уровень спроса наряду с культурой потребительства становится индикатором уровня жизни и включается в расчет показателей качества населения.

Следует отметить, что изначально анализ потребительского поведения находился в фокусе научного интереса экономики, где подобный вид поведения рассматривался как один из этапов производственной деятельности. Однако сегодня потребление является сферой научных и прикладных интересов экономистов, маркетологов, психологов, социологов и т.д. и все больше считается пограничным, то есть существующим на стыке нескольких наук, явлением. При этом именно в рамках социологического подхода потребительское поведение анализируется в контексте социальных отношений и процессов.

Поскольку тема потребления крайне актуальна сейчас, когда культура потребительства, а также уровень спроса являются теми индикаторами, которые отражают качество жизни населения, гипотеза настоящего исследования состоит в том, что один из наиболее всеобъемлющих подходов к описанию функционирования культуры потребления современного общества был представлен в работах французского социолога и философа Ж. Бодрийяра. Именно Ж. Бодрийяр провел подробный социологический анализ влияния потребления на функционирование социальных отношений и процессов.

Соответственно, целью статьи является рассмотрение социально-экономического контекста, в котором теория общества потребления Ж. Бодрийяра возникла и получила свое дальнейшее развитие.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К АНАЛИЗУ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ

Анализ подходов к изучению потребительского поведения, существующих в научной среде, позволяет выделить несколько наиболее распространенных направлений:

1) экономическое;
2) социально-психологическое;
3) отдельное направление в рамках поведенческой экономики;
4) социологическое [1; 2].

Изначально научный интерес к потребительскому поведению был обозначен в рамках классической экономической теории, где потребитель впервые рассматривался как объект исследования в фундаментальном труде А. Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» [3]. В дальнейшем детальное описание человека как субъекта экономического поведения было дано Д. Рикардо [4] и представителями неоклассического направления, а именно представителями теории предельной полезности, теории эластичности потребности и спроса (А. Маршаллом и П.А. Самуэльсоном) [5; 6]. В рамках неоклассической экономической теории поведение человека подчинено единому утилитаристскому мотиву – стремлению к максимизации полезности, при котором индивид руководствуется всего двумя ориентирами: динамикой цены и динамикой собственного дохода. При этом данный подход не учитывает влияние других людей, социальных групп и институтов на потребительское поведение [7].

Безусловно, экономический подход имеет ряд существенных недостатков:

1) не обладает объяснительной силой, так как при анализе процесса принятия решения не учитывается иррациональная сторона поведения, не изучаются мотивы и факторы принятия решений;

2) не имеет предсказательной силы, так как характеризует уже случившиеся явления и события;

3) не описывает в полной мере потребительское поведение, поскольку рассматривает поведение человека как существующее в вакууме, вне социального контекста.

Отчасти эти недостатки были сняты в рамках социально-психологического подхода, который делал акцент именно на иррациональной составляющей потребительского поведения. Данный подход учитывает психологические особенности человека, а потребительское поведение рассматривается как частный случай социального поведения, характеризующийся гибкостью, вариативностью и высокой степенью ситуативности.

В 70-е гг. XX в. на стыке экономического и психологического подходов возникло новое направление, в рамках которого фокус изучения потребительского поведения изменен: анализ потребления производится в контексте поведенческой экономики. Идейными лидерами этого направления стали Д. Канеман

и А. Тверски, которые выразили основные положения бихевиористского (англ. behavior – поведение) подхода в экономической науке в работе «Теория перспектив: принятие решений в условиях риска» [8]. Он совмещает теоретический анализ и практический метод. При этом ядром данной концепции становится признание иррациональной природы поведения человека: оно иррационально, при этом иррациональность не является чем-то случайным или ошибочным, а носит систематический характер и даже становится нормой потребительского поведения [9].

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ВЗГЛЯДЫ Ж. БОДРИЙЯРА В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

В социологическом подходе поведение человека как потребителя впервые выносится не за рамки социальной конъюнктуры, а, напротив, помещается в социальный контекст. Потребительское поведение изучается в фокусе социальных процессов и отношений. Оно анализируется с учетом места человека в социальной структуре общества и его социальных отношений. В контексте данного подхода потребительское поведение рассматривается в качестве экономического и социального. Такой взгляд позволяет существенным образом расширить аналитические рамки и изучить процесс потребления не только как функцию удовлетворения базовых потребностей, но и как способ включения индивида в социальные отношения, самоидентификации в социальной структуре. Кроме того, потребительское поведение рассматривается не только как основанное на рациональной природе человека и движимое ею. Принимаются во внимание и иррациональные мотивы поведения, например импульсные покупки или лояльность к определенным категориям или же маркам. Социологический подход учитывает фактор влияния других людей и социальных групп на принятие решения о покупке. Это также важно с учетом того, что решение часто принимается под воздействием других социальных субъектов. Безусловно, данный подход делает акцент на важности культурно-ценностной среды, которая в существенной степени определяет потребительский выбор [10].

Таким образом, в рамках анализа потребительского поведения социологический подход не только говорит о цене и полезности товара как факторах принятия решения, но и учитывает также положение и самоидентификацию человека в социально-классовой структуре общества, влияние социальных отношений, культурных и ценностных установок. Соответственно, потребительское поведение встраивается в контекст социальных отношений.

Без сомнения, бóльшая часть теоретиков социологии прямо или косвенно касались темы потребительского поведения. Среди них можно отметить следующих: Г. Зиммеля, П. Лазарфельда, Т.Б. Веблена [11], Ж. Бодрийяра [12], П. Бурдье, М. Кастельса, Дж. Гэлбрейта [13], В.В. Радаева [14], В.С. Костюченко, Л.И. Ростовцеву, В.И. Верховина, Л.С. Баранова, Б.М. Левина, А.А. Овсянникова [15], Л.С. Рябинского [16], Н.М. Римашевскую [17], Т.И. Заславскую, В.В. Рывкину [18], В.И. Алешину [19], В.И. Ильина [20]. К примеру, П. Бурдье развивал представление о потреблении как деятельности по наращиванию капиталов с целью получения максимальной власти и воздействия [21].

Если говорить о тех социологах, которые в большей степени повлияли на взгляды и идеи Ж. Бодрийяра, то прежде всего необходимо отметить К. Маркса и его идею товарного фетишизма, а также закон возвышения потребностей. Последний указывает на то, что по мере удовлетворения растущего числа текущих потребностей у человека появляется больше новых. Далее Ж. Бодрийяр развил этот закон в идею, описывающую влияние потребления на социальные отношения и формирование социального отчуждения, а также чувства одиночества. Свой научный путь ученый начинал как неомарксист, поэтому многие взгляды К. Маркса нашли отражение в ранних работах Ж. Бодрийяра. К примеру, идея К. Маркса о потребительской стоимости товара легла в основу знаковой сущности товаров: потребительская стоимость формируется в процессе потребления и таким образом становится знаком для потребителя [22].

КОНЦЕПЦИЯ «ПРЕСТИЖНОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ» Т.Б. ВЕБЛЕНА

Еще один мыслитель, который повлиял на Ж. Бодрияйра, – Т.Б. Веблен, выдвинувший идею престижного (или показного) потребления [11]. Т.Б. Веблен развивал мысль о том, что человек потребляет те или иные товары не с целью удовлетворения функциональных потребностей, а для демонстрации своего положения в обществе, то есть потребление становится способом самоидентификации и репрезентации в социально-классовой структуре. Ученый приводил в пример идею о том, что показное

потребление родилось еще в древние времена и закрепилось в период Средневековья, когда высший класс исключился из производственной деятельности, а последняя, вернее, участие в ней, стала способом обозначения принадлежности к низшему классу. Позднее у Ж. Бодрийяра можно увидеть, что зарождение потребительского поведения происходит и переживает расцвет в период капитализма. Именно Т.Б. Веблен оформил идею о том, что потребление материальных благ не просто становится удовлетворением функциональных потребностей, но превращается в систему ценностей и установок. Однако в то время, как Т.Б. Веблен присваивал эту систему ценностей и установок только высшему классу, Ж. Бодрийяр указывал, что потребление носит массовый характер и не является исключительной чертой высшего общества.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ АНАЛИЗА. ПОНЯТИЯ СИМУЛЯКРА И КУЛЬТУРЫ УСТАРЕВАНИЯ

При анализе идей и теоретических концепций Ж. Бодрийяра очень важно учитывать тот исторический контекст, в котором появились и получили свое развитие его идеи [23]. В 60-е гг XX вв. Европа находилась в ситуации, когда базовые потребности населения были удовлетворены, и в этот период начался неуклонный рост расходов на потребление. За период с 1960 г. по 1980 г. траты населения выросли более чем в три раза. На Западе говорили о наступлении общества изобилия и всеобщего благоденствия. В этот период наблюдались рост доходов населения и повышение качества жизни, что приводило к увеличению спроса на товары массового потребления, а это, в свою очередь, позволяло производству неуклонно расширяться. Последнее стало объектом технического и научного прогресса, что способствовало снижению себестоимости производимого товара. Оно начало активно учитывать предпочтения конечного потребителя: товар принимал во внимание вкусы и потребности покупателя. Таким образом, производство стало массовым и ориентированным на массового потребителя, а западное общество – обществом потребления.

Безусловно, эти процессы не могли остаться вне поля зрения социологов-современников, однако они были по-разному осмыслены в социологической и философской среде. Либералы активно приветствовали рост трат как подтверждение безграничности способностей человеческой цивилизации. Социал-реформисты критиковали негативные последствия роста потребления, а радикальные социалисты говорили об усилении иерархизованного общества, и увеличение трат являлось наглядным тому подтверждением.

В этот период, а именно в 1970 г., Ж. Бодрийяр пишет свое известное произведение «Общество потребления» [12]. В работе ученый развивает мысль о том, что эпоха потребления вынуждает человека совершать покупку ненужных товаров. В таком обществе потребление товаров, услуг и благ больше не связано с их функцией закрывать базовые потребности человека, с их сущностью, а определяется отчужденными знаками. Общество потребления Ж. Бодрийяр описывает как систему, в которой социальные отношения, идентичности и ценности определяются потреблением товаров и услуг. При этом сам процесс в данной системе выходит за рамки удовлетворения материальных потребностей и становится формой симуляции, где знаковая ценность товаров важнее функциональной полезности.

Для описания этого явления Ж. Бодрийяр вводит понятие «симулякр» – знак знака. Сегодня симулякром становятся деньги, мода, общественное мнение, то есть все, что позволяет подменить истинный смысл и порядок вещей [24]. В мире, где главенствуют знаки знаков, происходит подмена реальности и возникает гиперреальность, обозначающая размывание границ между реальным миром и его репрезентацией. При этом в обществе потребления все подчинено механизму воспроизводства потребления и укрепления потребительской культуры: средства массовой информации (далее – СМИ) и реклама создают гиперреальную среду.

Постоянное производство товаров и услуг, порождающее новые потребности, формирует культуру устаревания, в которой уже потребленные товары теряют ценность в глазах потребителя и уступают место другим. Культура устаревания, а также процесс создания потребностей обеспечиваются СМИ и рекламой, которые поддерживают функционирование капиталистического общества неуклонного производства все новых потребностей [25].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, сегодня культура потребления не только влияет на экономику и приводит к неуклонному росту потребления и производства товаров и услуг, но и оказывает существенное воздействие на отношения между людьми. В частности, участие в процессе потребления становится формой самовыражения

и самоидентификации в обществе. При этом товары и услуги перевоплощаются в маркеры социального статуса, а самооценка личности связывается с брендами, которыми она обладает или не обладает. Приобретение товаров становится способом получения социального одобрения, включения в социальные процессы и отношения. В конечном итоге в обществе потребления в товар превращаются не только физические товары, но и социальные отношения и даже идентичность личности. Взаимоотношения между людьми регулируются и определяются рынком товаров, что трансформирует социальные отношения и процессы в обществе потребления.

В настоящей статье показано, что в современной академической литературе поведение потребителей представляет собой пограничное явление, существующее на стыке нескольких наук. Так, впервые научный интерес к потребительскому поведению был обозначен в рамках классической политической экономии, родоначальником которой стал шотландский экономист и философ-этик А. Смит, и получил дальнейшее развитие в трудах Д. Рикардо и представителей неоклассического направления экономической теории. Среди недостатков экономического подхода можно отметить то, что он в качестве мотива потребления выделяет лишь стремление индивида к максимизации полезности, обусловленное динамикой цены товара и собственного дохода и не учитывающее влияние других людей, социальных групп и институтов на потребительское поведение.

Частично указанные недостатки позволил преодолеть социально-психологический подход, фокусировавшийся на иррациональной составляющей потребительского поведения и принимавший во внимание психологические особенности человека. Позднее его стали изучать в рамках поведенческой экономики, возникшей на пересечении экономического и психологического подходов и постулировавшей иррациональность поведения человека, которая носит систематический характер и даже становится нормой потребительского поведения. Наиболее полно главные идеи поведенческой экономики изложены в трудах ее основоположников, психологов Д. Канемана и А. Тверски.

В свою очередь, социологический подход, описанный в работах французского социолога и философа Ж. Бодрийяра, впервые помещает поведение человека как потребителя в социальный контекст, который приобретает форму инструментария, позволяющего изучать поведение не только отдельного индивида, но и различных социальных классов и общества в целом. В рамках такого подхода потребительское поведение изучается в контексте социальных процессов с учетом места человека в социальной структуре общества и его социальных отношений.

В статье заключается, что, несмотря на достаточно критический анализ действительности, Ж. Бодрийяр очень детально описал характеристики и основные черты современного общества, в котором культура потребления переживает расцвет. Не менее ценным является тот факт, что именно Ж. Бодрийяром сфера повседневности была перенесена в центр научного социологического анализа и стала объектом для многих социологов в дальнейшем, которые начали изучать социальные отношения и процессы не через другие сферы жизни, такие как экономика, политика, культура, а в их прямом выражении – в повседневности. Таким образом, последняя стала инструментом изучения жизни человека, социальных групп и общества в целом.

Список литературы

1. *Пискунова А.П., Карманова А.А.* Потребительское поведение: теоретико-методологические основания изучения. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2012;9–10:25–46.
2. *Васильев В.Г.* Поведение потребителей: учебное пособие. М.: Вузовский учебник; 2004. 240 с.
3. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Ось-89; 1997. 255 с.
4. *Афанасьев В.С. Давид Рикардо. М.:* Экономика; 1988. 127 с.
5. *Маршал А.* Принципы политической экономии. Пер. с англ. Р.И. Столпера. Том 2. М.: Прогресс; 1984. 310 с.
6. *Самуэльсон П.А.* Экономика. Вводный курс. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1964. 843 с.
7. *Гальперина В.М.* Теория потребительского поведения и спроса. СПб.: Экономическая школа; 1993. 380 с.
8. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect theory: an analysis of decision under risk. Econometrica. 1979;2(47):263–291.
9. *Журавлева Г.П., Манохина Н.В., Смагина В.В. (ред.)* Поведенческая экономика: современная парадигма экономического развития: монография. Тамбов: Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; 2016. 340 с.
10. *Радаев В.В.* Социология потребления: основные подходы. Социологические исследования. 2005;1(249):5–18.
11. *Веблен Т.Б.* Теория праздного класса. Пер. с англ. М.: Прогресс; 1984. 367 с.

12. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. Пер. с фр. Самарской Е.А. М.: Культурная революция, Республика, 2006; 269 с.
13. *Гэлбрейт Дж.* Новое индустриальное общество. Пер. с англ. М.: АСТ; 2004. 602 с.
14. *Радаев В.В.* Экономическая социология. М.: Аспект Пресс; 1997. 323 с.
15. *Овсянников А.А., Петтай И.И., Римашевская Н.М.* Типология потребительского поведения. М.: Наука; 1989. 237 с.
16. *Рябинский Л.С.* Поведение покупателей в условиях рыночной экономики. М.: Российский открытый университет; 1991. 95 с.
17. *Римашевская Н.М.* Моделирование потребительского поведения: теория, метод, эксперимент. М.; 1982. 52 с.
18. *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука; 1991. 448 с.
19. *Алешина В.И.* Поведение потребителей. М.: ФАИР-Пресс; 2000. 235 с.
20. *Ильин В.И.* Поведение потребителей. Краткий курс. СПб.: Питер; 2000. 223 с.
21. *Бурдье П.* Рынок символической продукции. Вопросы социологии. 1993;1–2:49–59.
22. *Бодрийяр Ж.* Система вещей. Пер. с фр. М.: Рудомино; 1995. 168 с.
23. *Блэкуэлл Р., Миниард П., Энджел Дж.* Поведение потребителей. Пер. с англ. СПб.: Питер; 2010. 944 с.
24. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. Пер. с фр. Печенкиной О.А. Тула: Тульский полиграфист; 2013. 204 с.
25. *Макарова Т.Н., Лыгина Н.И.* Поведение потребителей: учебник. М.: Инфра-М, Форум; 2005. 208 с.

References

1. *Piskunova L.P., Karmanova A.A.* Consumer behavior: theoretical and methodological basis of the study. Economics: Yesterday, Today and Tomorrow. 2012;9–10:25–46. (In Russian).
2. *Vasiliev V.G.* Consumer behaviour: textbook. Moscow: Vuzovsky uchebnik; 2004. 240 p. (In Russian).
3. *Smith A.* An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations. Moscow: Os-89; 1997. 255 p. (In Russian).
4. *Afanasyev V.S.* David Ricardo. Moscow: Ekonomika; 1988. 127 p. (In Russian).
5. *Marshall A.* Principles of political economy. Trans. from Eng. R.I. Stolper. Volume 2. Moscow: Progress; 1984. 310 p. (In Russian).
6. *Samuelson P.A.* Economics. Introductory course. Trans. from Eng. Moscow: Progress; 1964. 843 p. (In Russian).
7. *Galperin V.M.* Theory of consumer behaviour and demand. St. Petersburg: School of Economics; 1993. 380 p. (In Russian).
8. *Kahneman D., Tversky A.* Prospect theory: an analysis of decision under risk. Econometrica. 1979;2(47):263–291.
9. *Zhuravleva G.P., Manokhina N.V., Smagina V.V. (eds.)* Behavioural economics: modern paradigm of economic development: monograph. Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin; 2016. 340 p. (In Russian).
10. *Radaev V.V.* Sociology of consumption: main approaches. Sociological Studies. 2005;1(249):5–18. (In Russian).
11. *Veblen T.B.* The Theory of the leisure class. Trans. from Eng. Moscow: Progress; 1984. 367 c. (In Russian).
12. *Baudrillard J.* Consumer society. Myths and structures. Trans. from Fr. E.A. Samarskaya. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, Republik, 2006; 269 p. (In Russian).
13. *Galbraith J.* The new industrial state. Trans. from Eng. Moscow: AST; 2004. 602 p. (In Russian).
14. *Radaev V.V.* Economic sociology. Moscow: Aspect Press; 1997. 323 p. (In Russian).
15. *Ovsyannikov A.A., Pettai I.I., Rimashevskaya N.M.* Typology of consumer behaviour. Moscow: Nauka; 1989. 237 p. (In Russian).
16. *Ryabinsky L.S.* Consumer behaviour in a market economy. Moscow: Russian Open University; 1991. 95 p. (In Russian).
17. *Rimashevskaya N.M.* Modelling of consumer behaviour: theory, method, experiment. Moscow; 1982. 52 p. (In Russian).
18. *Zaslavskaya T.I., Ryvkina R.V.* Sociology of economic life. Novosibirsk: Nauka; 1991. 448 p. (In Russian).
19. *Aleshina I.V.* Consumer behaviour. Moscow: FAIR-Press; 2000. 235 p. (In Russian).
20. *Ilyin V.I.* Consumer behaviour. Brief course. St. Petersburg: Piter; 2000. 223 p. (In Russian).
21. *Bourdieu P.* The market of symbolic products. Sociology Issues. 1993;1–2:49–59. (In Russian).
22. *Baudrillard J.* The system of objects. Moscow: Rudomino; 1995. 168 p. (In Russian).
23. *Blackwell R., Miniard P., Engel J.* Consumer behavior. St. Petersburg: Piter; 2010. 944 p. (In Russian).
24. *Baudrillard J.* Simulacres and simulation. Trans. from Fr. Pechenkina O.A. Tula: Tula poligrafist; 2013. 204 p. (In Russian).
25. *Makarova T.N., Lygina N.I.* Consumer behaviour: textbook. Moscow: Infra-M, Forum; 2005. 208 p. (In Russian).

УДК 37.015.3 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-229-237

Интернет-зависимость и психологическое здоровье студентов

Жданова Лора Геннадьевна
Канд. психол. наук, доц. каф. педагогики и психологии
ORCID: 0009-0006-9843-0034, e-mail: zhdanova@pgsga.ru

Забродина Ольга Владимировна
Канд. психол. наук, доц. каф. педагогики и психологии
ORCID: 0009-0009-2253-7822, e-mail: gorbunova@pgsga.ru

Шакурова Азалия Амировна
Аспирант
ORCID: 0009-0009-6126-963X, e-mail: khasyanova.a@sgspu.ru

Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

Аннотация

Работа посвящена изучению проблемы влияния интернет-зависимости на психологическое здоровье студентов. В данной работе рассматриваются такие понятия, как психологическое здоровье и интернет-зависимость, а также анализируются исследования различных авторов по данной проблеме. Таким образом, после анализа современных исследований мы определили, что слишком частое использование интернета, а впоследствии и интернет-зависимость негативно сказываются на психологическом здоровье личности. Последнее является важным аспектом жизнедеятельности человека в обществе. В психолого-педагогической науке выделяют определенные критерии для определения уровня психологического здоровья. К критериям исследователи относят генетические особенности, условия успешного развития, способность быстро адаптироваться в социуме и стабильность личности. В образовательной среде психологическое здоровье рассматривается с позиций приоритетности, личностной ценности здоровья и ценностного отношения к нему, уверенности, креативности, адекватного восприятия окружающего мира, интеллектуального потенциала, адекватной самооценки и восприятия самого себя, интереса к другим людям, стрессоустойчивости, ориентации на саморазвитие. Для поддержания и укрепления психологического здоровья у студентов в вузе создают условия и применяют специально разработанные программы, модели и социально-психологический тренинг.

Ключевые слова

Интернет-зависимость, здоровье, психологическое здоровье, психическое здоровье, студенты, личность, социальные сети

Для цитирования: Жданова Л.Г., Забродина О.В., Шакурова А.А. Интернет-зависимость и психологическое здоровье студентов//Вестник университета. 2025. № 1. С. 229–237.

© Жданова Л.Г., Забродина О.В., Шакурова А.А., 2025.
Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Internet addiction and psychological health of students

Lora G. Zhdanova
Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Pedagogy and Psychology Department
ORCID: 0009-0006-9843-0034, e-mail: zhdanova@pgsga.ru

Olga V. Zabrodina
Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Pedagogy and Psychology Department
ORCID: 0009-0009-2253-7822, e-mail: gorbunova@pgsga.ru

Azaliya A. Shakurova
Postgraduate Student
ORCID: 0009-0009-6126-963X, e-mail: khasyanova.a@sgspu.ru

Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the problem of influence of internet addiction on the psychological health of students. This article discusses such concepts as psychological health and internet addiction as well as analyses the research of various authors on this issue. Thus, after analysing modern research, we have determined that too frequent use of the internet and, subsequently, internet addiction negatively affect the psychological health of an individual. The psychological health is an important aspect of human life in society. In psychological and pedagogical science, there are certain criteria for determining its level. The criteria include genetic characteristics, conditions for successful development, ability to adapt quickly in society, and personality stability. In the educational environment, the psychological health is considered from the positions of priority, personal value of health and value attitude to it, confidence, creativity, adequate perception of the world, intellectual potential, adequate self-esteem and self-perception, interest in other people, stress tolerance, orientation to self-development. To maintain and strengthen the psychological health of the students, in higher education institutions conditions are created, and specially designed programmes, models and socio-psychological training are used.

Keywords

Internet addiction, health, psychological health, mental health, students, personality, social networks

For citation: Zhdanova L.G., Zabrodina O.V., Shakurova A.A. (2025) Internet addiction and psychological health of students. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 229–237.

© Zhdanova L.G., Zabrodina O.V., Shakurova A.A., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время информационные технологии развиваются с огромной скоростью, и с каждым годом количество пользователей интернета продолжает расти. Глобальная сеть вовлекает все больше людей, охватывая практически все сферы человеческой деятельности: от общения и учебы до работы и личной жизни, а также поиска информации по различным вопросам. Интернет стал своеобразной призмой, через которую преломляются интересы и виды деятельности современного человека, и фактически является важной частью жизни людей разных возрастов по всему миру. По этой причине в психолого-педагогической литературе все чаще поднимается вопрос о проблеме чрезмерной зависимости от интернета.

Одним из направлений исследования интернет-зависимости является изучение ее влияния на психологическое здоровье, поэтому целью данной работы выступает рассмотрение особенностей интернет-зависимости и психологического здоровья студентов.

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ЗДОРОВЬЕ

Психологическое здоровье становится все более актуальной темой в современном обществе. В последние годы увеличилось внимание к этой области благодаря растущей осведомленности о важности психологического благополучия.

Понятие «психологическое здоровье» появилось в научной психологии благодаря исследованиям психолога И.В. Дубровиной, которая рассматривала его как комплексную характеристику личности, связывая ее с проявлениями человеческого духа и аспектами, относящимися к тенденциям психологического здоровья. В этом контексте важно понимание ценности здоровья, которое включает в себя и психологическое здоровье [1].

Как отмечает в своем исследовании С.И. Оксанич, оно не является стабильной чертой личности, а представляет собой динамичный процесс, изменяющийся на протяжении всей жизни [2].

В настоящее время проблема психологического здоровья остается одной из актуальных тем в психологии, хотя и недостаточно разработанной. Поиск решения этой проблемы заключается в том, как сделать заботу о здоровье главной и естественной потребностью человека на протяжении всего его жизненного пути.

Например, в исследовании Е.Н. Антоновой отмечается, что проявления психологического нездоровья чаще обнаруживаются в детском возрасте, когда психическая организация ребенка развита в недостаточной мере [3].

Возникновение психических заболеваний и проявление проблем в сфере психологического здоровья могут быть связаны с высокой чувствительностью к влиянию окружающей среды, особенностями нервно-психической организации ребенка, а также с возникающим дискомфортом при поступлении в школу [4]. При этом во время адаптации к условиям образовательной среды у детей с повышенной чувствительностью и возбудимостью может возникать школьный невроз, который проявляется как на психологическом, так и на физическом уровне в виде психосоматических заболеваний [5].

Вследствие этого в более позднем возрастном периоде школьные неврозы у студентов проявляются в нерегулярности приема пищи, нарушении режима дня, в постоянном раздражении в образовательном учреждении и дома, в прогрессирующих хронических заболеваниях, в постоянном увеличении выкуренных сигарет за день и частом употреблении лекарственных средств [6].

Таким образом, современные представления о психологическом здоровье подчеркивают его многогранный и динамичный характер, охватывающий как индивидуальные, так и социальные аспекты жизни. Оно требует внимательного отношения и активного участия со стороны как индивидуумов, так и общества в целом.

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ СТУДЕНТОВ

К факторам, влияющим на психологическое здоровье, по мнению Е.В. Васильевой и А.А. Куркова, относятся социально-экономические, такие как образ жизни человека, условия труда, благополучие в материальном плане, условия жизни в целом; социально-биологические (возраст, наследственность, предрасположенность к различным болезням); эколого-климатические (в основном это состояние окружающей среды) и наконец медико-организационные (качество, доступность и эффективность медико-социальной помощи, которая может предотвратить развитие заболеваний, наносящих огромный вред здоровью людей) [7].

Как отмечают К.В. Гаврилова и А.Н. Захарова, существует много критериев для определения уровня психологического здоровья, поскольку оно может по-разному проявляться у студентов в образовательных учреждениях. Для будущих психологов разных форм обучения психологическое здоровье является одним из важных требований к их личности в профессиональной деятельности [8].

Т.М. Маслова рассматривает психическое и психологическое здоровье человека как условие успешного развития, способность быстро адаптироваться в социуме и стабильность личности. Согласно точке зрения автора, в образовательной среде чаще рассматриваются особенности физического здоровья и в меньшей степени уделяется внимание психическому и психологическому здоровью. Особенно это касается таких образовательных учреждений, как вузы. Также Т.М. Маслова осуществила анализ вузовских учебных программ и пришла к выводу, что в данных программах уделяется недостаточно внимания аспектам профилактики болезней и предупреждению появлений различных психических и психологических заболеваний [9].

В исследовании В.А. Корсуна и И.А. Таскиной рассматривается такой аспект поддержания и укрепления психологического здоровья у студентов в вузе, как применение социально-психологического тренинга. В работе со студентами авторы опираются на особенности их возраста, связанные с активностью и жизнерадостностью, креативностью, целеустремленностью, умением радоваться жизни и быть счастливыми. Качества и отличительные черты учащихся, отмеченные авторами исследования, способствуют в процессе тренинговой работы формированию их психологического здоровья. В студенческом возрасте активно развиваются межличностные отношения, и поэтому во время тренинга за счет происходящих групповых процессов психологическое здоровье укрепляется благодаря выполнению совместных упражнений и групповых заданий, проведению дискуссий, рефлексии каждого участника, обмену опытом, обсуждению имеющихся психологических проблем, типичных для данного возраста, и возможных реальных путей их решения [10].

Также о создании специальных условий для укрепления психологического здоровья в своем исследовании говорила Т.М. Маслова. Она рассматривала теоретические и практические аспекты проблемы. Деятельностные и коммуникативные акты взаимоотношений всех участников образовательного процесса должны ориентировать студентов на преобразование взаимоотношений в контексте социального и пространственно-предметного окружения, что способствует увеличению количества учащихся с высоким уровнем психологического здоровья [11].

Например, Е.М. Лысенко, И.С. Лысенко, Я.В. Спиридонов представляют исследование психологического здоровья студентов и отмечают, что важными аспектами в работе являются диагностика и профилактика, коррекция психологического здоровья в студенческом возрасте. Они отмечают специфику формирования здоровьеценностной технологии в образовательном учреждении [12].

И.А. Ральникова полагает, что психологическое здоровье является важным основанием для реализации личности в ее жизнедеятельности. Уменьшение ресурсов личности и личностного развития приводят к его низкому качеству. Поэтому автор исследования подчеркивает, что необходимо активизировать психопрофилактическую, психокоррекционную работу для повышения уровня психологического здоровья [13].

Интернет-зависимость предполагает негативное влияние на организм человека и сферы его жизнедеятельности. Основными психологическими и физиологическими проявлениями интернет-зависимости являются:

– длительность (более 6 часов) пребывания в онлайн-режиме;
– частота посещения социальных сетей, игровых онлайн-площадок;
– снижение или отсутствие интереса к социальным проявлениям;
– увеличение времени пребывания в онлайн-режиме;
– желание скорее завершить дела, для того чтобы зайти в онлайн-игру, посетить социальные сети или посмотреть каталог интернет-магазина;
– купирование тревожности и депрессивного состояния нахождением в интернете или виртуальном пространстве.

Таким образом, на психологическое здоровье студентов влияет большое количество факторов, в том числе современное информационное пространство, поэтому очевидна необходимость в рассмотрении особенностей зависимости от интернета в студенческом возрасте.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ, СКЛОННЫХ К ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТИ

Современные студенты все чаще сталкиваются с проблемой интернет-зависимости, которая может негативно влиять на их учебу, социальную жизнь и общее психологическое состояние.

Ресурсы интернета сильно влияют на психологическое состояние учащихся, оказывая как положительное, так и отрицательное воздействие. К положительным эффектам можно отнести ощущение поддержки со стороны близких и уменьшение чувства одиночества; понижение уровня учебного стресса за счет использования быстрого доступа к информации для выполнения учебных заданий; активное применение социальных сетей и форумов для общения и обмена опытом; различные формы развлечений для расслабления и отдыха. Отрицательно воздействуют на эмоциональную сферу прежде всего такие аспекты, как сравнение себя с другими людьми; риск подвергнуться кибербуллингу, то есть агрессии и травле; информационная перегрузка из-за большого количества информации; возникновение зависимости из-за чрезмерного использования интернета. Подробный анализ понятия «интернет-зависимость» провел Н.П. Королев и выявил, что это деструктивное поведение, связанное с использованием ресурсов интернета и характеризующееся нарушением социальных связей и избеганием негативных эмоциональных проявлений в реальном мире [14].

В результате анализа современной психолого-педагогической литературы и исследований, проведенных в Российской Федерации и других странах, нами были выявлены основные причины интернет-зависимого поведения студентов. К классификации причин относят следующие:

– желание ощутить новизну, проявить себя как новую личность при создании аккаунта в социальных сетях или в игре, возможность скрытого или анонимного общения;
– общение с друзьями или знакомыми людьми;
– получение эмоциональной поддержки;
– высокая интенсивность переживания эмоций и состояний;
– эскапизм;
– переживание кризиса идентичности, кризисные явления при переходе от юности к зрелости;
– снижение эмоционального напряжения, тревоги, усталости;
– переключение внимания с проблемных, неразрешенных ситуаций;
– поиск новых друзей или новых знакомств;
– перенос игровых ролей и ситуаций из реальной жизни в виртуальную среду и желание осуществлять игровые действия;
– интенсивное внедрение цифровых технологий в образовательный процесс, то есть обязательное применение или выполнение заданий с помощью гаджетов и поисковых систем;
– преобладание дистанционного обучения над традиционной формой аудиторного проведения занятий;
– доступность выбора и легкость в приобретении покупок в интернете.

Интернет-зависимость представляет серьезную проблему для молодого поколения, поскольку все большее количество людей погружаются в виртуальную жизнь, забывая о настоящем мире. Гаджеты предоставляют возможность практически мгновенно и в любом месте отгородиться от окружающего мира. Само по себе увлечение студентов интернетом может быть как способом справляться с реальными проблемами, так и источником новых трудностей. Важно находить баланс между виртуальной и реальной жизнью, чтобы сохранить психологическое здоровье и качество жизни. В своем исследовании А.Б. Атаджанова, Э.А. Алтыбаева, С.С. Рахимова делают вывод о том, что более чем у трети опрошенных ими студентов наблюдается устойчивое и сформированное интернет-зависимое поведение, а у половины студентов присутствует склонность к его возникновению [15].

Виртуальное пространство позволяет человеку удовлетворять те потребности, которые по каким-то причинам не могут быть удовлетворены в реальном мире. Например, студенты, ищущие общения и поддержки, могут стать зависимыми от мессенджеров и социальных сетей. Также человек, активно применяющий интернет для удовлетворения потребностей, может обнаружить ухудшение качества реальной жизни, и это, в свою очередь, приводит к увеличению времени использования интернета как средства ухода от решения проблем. Выходит, что интернет искажает имеющиеся представления о себе и влияет на самооценку. Как считает Д.И. Селезнева, студенты с выраженной интернет-зависимостью имеют самооценку ниже, чем обычные пользователи интернет-ресурсов [16].

Выделяются следующие особенности самосознания у людей с интернет-зависимостью: низкий уровень самооценки, наличие негативных представлений о себе, заниженные уровни самопривязанности, самопринятия и самоуверенности, враждебность, а также склонность использовать такую копинг-стратегию, как избегание, и, в свою очередь, все вышеперечисленное приводит к так называемому психологическому нездоровью [17]. Студенты, активно пользующиеся социальными сетями, отмечают потребность в признании со стороны других в виде реакций, лайков или комментариев. Кроме того, интернет провоцирует на сравнение себя с другими обычными людьми и знаменитостями. Также социальные сети располагают всеми возможностями показать себя в более выигрышном свете: ретушь фотографий, фильтры, удаление и маскировка лишних деталей. По сути, человек создает идеализированное представление о разных сторонах своей жизни. Понимание того, что виртуальная и реальная жизнь могут очень сильно отличаться друг от друга, способствует развитию критического отношения к информации в интернет-пространстве, а также формированию адекватных представлений о себе и своих возможностях.

Длительное и неконтролируемое пользование интернетом, как отмечают Д.Ю. Мамаев, Е.В. Мамаева, приводит к понижению уровня интеллекта, формированию пассивного мышления, ухудшению показателей памяти, а также к утрате потребности в реальном общении, замкнутости, потере коммуникативных навыков, к снижению социальных контактов, что негативно сказывается на психологическом здоровье личности [18]. Огромное количество информации дает колоссальную нагрузку на психические процессы человека, заставляя его так или иначе адаптироваться к темпам современной жизни. Студенты отмечают, что им достаточно сложно читать большие тексты и смотреть длительные видеоматериалы, особенно если они не вызывают яркий эмоциональный отклик. Перегрузка информацией затрудняет способность человека справляться с повседневными задачами, обрабатывать данные и принимать решения. Кроме того, это приводит к увеличению уровня стресса, поскольку постоянно хочется быть в курсе новостей и трендов. Избыточная информация часто приводит к ощущению беспомощности, подавленности и отсутствию инициативы начинать новые проекты, так как может казаться, что все уже изобретено и придумано. Постоянные уведомления и потоки информации могут бесконечно отвлекать человека и снижать его способность сосредоточиться на одной задаче. Из-за постоянных переключений между разными задачами продуктивность снижается, трудно выделить важное, что приводит к проблемам с запоминанием и усвоением новой информации. Поскольку человек погружен в поток информации, он, как правило, полагается в основном на кратковременную память, что мешает долгосрочному запоминанию.

В своем исследовании Д.Д. Кузнецов и А.А. Шаров указывают на связь между интернет-зависимостью и эмоциональной неустойчивостью: чем выше уровень эмоциональной неустойчивости у студентов, тем более выражены симптомы отмены и общие проявления интернет-зависимости [19]. Длительное использование гаджетов, в свою очередь, приводит к снижению физической активности, что затем способствует росту эмоционального напряжения и негативно сказывается на настроении и общем состоянии здоровья. Студенты с выраженной интернет-зависимостью нуждаются в методах регуляции эмоциональных состояний, которые позволят справляться с возрастающими информационными потоками. Постоянное потребление новостей и информации может привести человека к эмоциональному истощению и выгоранию. Вполне вероятно, что он ощущает себя изолированным от людей, поскольку большая часть общения происходит через цифровые каналы, что негативно отражается на качестве межличностных отношений. Изобилие информации может затруднять процесс принятия решений, так как человек часто испытывает сомнения из-за бесконечно большого количества вариантов и данных. Велика вероятность того, что переизбыток информации влияет на качество принимаемых решений, поскольку возможны искажение восприятия и неправильные выводы. Информационная перегрузка оказывает серьезное влияние на психологическое здоровье человека, так как снижает его способность к концентрации, увеличивает уровень стресса и часто приводит к эмоциональному выгоранию.

Интернет уже является неотъемлемой частью современной жизни, и поэтому важно контролировать, сколько и с какой целью было проведено времени в сети, то есть практиковать осознанный подход к потреблению разного рода информации, подбирать адекватные системы тайм-менеджмента. Основными формами профилактики интернет-зависимости являются грамотное донесение информации о ее последствиях, использование альтернативных видов деятельности, формирование устойчивости к негативным последствиям интернета, воспитание системы ценностей, предполагающих разумное применение электронных ресурсов. Как правило, сам факт использования интернета в разных целях не означает

интернет-зависимости, поскольку проблемы возникают, когда его избыточное применение мешает повседневной жизни, развивает прокрастинацию, бесконечное откладывание дел, загружает мозг ненужной информацией. Интернет-зависимость в студенческом возрасте способствует снижению успеваемости, так как студенты не стараются запомнить информацию из-за слишком легкого доступа к ней [20].

Как подчеркивает И.З. Собитов, зависимость от интернета вполне может быть фактором негативного влияния на психологическое здоровье, что впоследствии приводит к депрессии, так как из-за частого пребывания в сети у пользователей нарушается сон, они испытывают беспокойство, дискомфорт, раздражение при отсутствии интернета. При получении новых уведомлений в мессенджерах появляется чувство удовольствия, а привычка постоянно проверять свои смартфоны приводит к беспокойству, тревожности и состоянию вечного ожидания новой порции информации [21].

Изучив проблемы интернет-зависимости у современной молодежи, М.Т. Дусматова в своем исследовании выделяет особенности у интернет-зависимых студентов, которые связаны с проявлениями на физическом, физиологическом и психологическом уровнях. К таким особенностям относятся следующие:

– проявления органической астении, функциональной межполушарной асимметрии и минимальной мозговой дисфункции;
– повышение умственной утомляемости;
– нарушение сосредоточения и активности внимания;
– лабильность в эмоционально-волевой сфере и дисбаланс в управлении эмоциями;
– нарушение зрительного восприятия;
– заболевания сердечно-сосудистой системы;
– проблемы с желудочно-кишечным трактом;
– появление симптомов заболевания нервной системы и нарушение режима сна и бодрствования;
– нарушения в опорно-двигательной системе из-за чрезмерного сидячего или малоподвижного положения [22].

Для минимизации негативных последствий перегрузки информацией важно развивать навыки цифровой грамотности и осознанного использования интернета, в частности такие как фильтрация данных, установка ограничителей потребления информации и регулярные перерывы от гаджетов. Необходимо осознавать свои потребности и находить здоровые способы их удовлетворения, чтобы избежать зависимости и сохранить баланс между виртуальной и реальной жизнью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, многочисленные исследования показывают, что излишнее и нерациональное использование ресурсов интернета приводит к ухудшению психологического здоровья студентов. Следует сказать, что в современном мире сложилась неоднозначная ситуация: с одной стороны, выявлены многочисленные негативные последствия использования интернета, а с другой – очевидно, что он дает человечеству многочисленные возможности, способствует прогрессу науки и технологий и уже стал частью жизни и самого человека. Можно утверждать, что человечество точно не откажется от применения интернета, и поэтому необходимо развивать культуру разумного и осознанного пользователя в информационном пространстве, поощрять стремление к созиданию, а не к потреблению. В связи с этим хочется отметить, что студенческая среда является достаточно благоприятной для внедрения подобного рода идей. Воспитание культуры грамотного пользователя сети интернет способствует укреплению психологического здоровья будущих профессионалов.

Важно понимать, что профилактика и вмешательство играют ключевую роль в борьбе с интернет-зависимостью. Создание поддерживающей среды в университетах, внедрение программ психологической помощи и обучение студентов навыкам управления временем могут значительно помочь в решении этой проблемы. Выводя данный вопрос на уровень обсуждения и активного вмешательства, человек может способствовать более здоровому и сбалансированному подходу к использованию технологий, что, в свою очередь, положительно повлияет на психологическое здоровье будущих поколений.

Список литературы

1. *Дубровина И.В.* Практическая психология образования. М.: Просвещение; 2008. 525 с.

2. *Оксанич С.И.* Психолого-педагогические условия сохранения и поддержания психологического здоровья студентов медицинского колледжа. Автореф. дис. … канд. психол. наук: 19.00.07. Самара: Самарский государственный педагогический университет; 2016. 25 с.
3. *Антонова Е.Н.* Тревожность и психологическое здоровье старших школьников. В кн.: Психология профессиональной деятельности: проблемы, современное состояние и перспективы развития: материалы V Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 10 марта 2023 г. М.: Государственный университет просвещения; 2023. С. 5–8.
4. *Русинова Н.А.* Возрастные различия и психологические ресурсы личности: ключевые теоретические концепции и результаты современных эмпирических исследований. Демографическое обозрение. 2021;4(8):132–155. https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13879
5. *Безуглая Т.И.* Проблемы психологического здоровья дошкольников. Russian Journal of Education and Psychology. 2021;4–2(12):239–245.
6. *Корсун В.А., Таскина И.А.* Диагностика социально-психологического здоровья студентов вуза. В кн.: Ценностные ориентации молодежи в условиях модернизации современного общества: материалы Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, посвященной году педагога и наставника. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет; 2023. С. 183–186.
7. *Васильева Е.В., Курков А.А.* Психологическое здоровье молодежи: факторы, развитие, благоприятные и неблагоприятные черты развития психологического здоровья. Аллея науки. 2018;8(24(3):461–463.
8. *Гаврилова К.В., Захарова А.Н.* Психологическое здоровье студентов-будущих психологов разных форм обучения. В кн.: Научный БУМ: сборник по итогам Форума СНО образовательных организаций Чувашской Республики. Чебоксары, 13–25 ноября 2023 г. Чебоксары: Среда; 2023. С. 149–155.
9. *Маслова Т.М.* К вопросу о психологическом здоровье студентов вуза. Вестник Приамурского государственного университета имени Шолом-Алейхема. 2021;4(45):111–119. https://doi.org/10.24412/2227-1384-2021-445-111-119
10. *Корсун В.А., Таскина И.А.* Формирование социально-психологического здоровья студентов вуза посредством тренинга. В кн.: Информация и образование: границы коммуникаций: материалы XIV Международной научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 5–8 июля 2022 г. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет; 2022. С. 408–409.
11. *Левкова Т.В., Маслова Т.М., Ванакова Г.В., Иванченко В.Н., Плотникова Е.С.* Личностные ресурсы как детерминанты развития психологического здоровья студентов вуза: коллективная монография. М.: Спутник+; 2017. 138 с.
12. *Лысенко Е.М., Лысенко И.С., Спиридонов Я.В.* Обследование психологического здоровья студенческой молодежи в 2012–2022 годах: на материалах вузов Санкт-Петербурга. СПБ.: Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы; 2022. 226 с.
13. *Ральникова И.А.* Психологическое здоровье и жизненные перспективы личности. Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2019;4(15):121–126.
14. *Королев Н.П.* Проблема определения понятия «интернет-зависимость». Ratio et Natura. 2020;2(2).
15. *Атаджанова А.Б., Алтыбаева Э.А., Рахимова С.С.* Интернет-зависимость среди студентов. Молодежный инновационный вестник. 2022;S1(11):274–277.
16. *Селезнева Д.И.* Опыт эмпирического исследования взаимосвязи уровня интернет-зависимости и самооценки у студентов вуза. Вестник науки и образования. 2022;10–1(130):101–103.
17. *Булыгина В.Г., Ковалева М.Е., Михайлов Л.Ю., Котельникова Д.А.* Особенности самосознания у лиц с интернет-зависимостью. Психическое здоровье. 2017;11(138(15):32–37.
18. *Мамаев Д.Ю., Мамаева Е.В.* Гемблинг и интернет-зависимость как вид аддиктивного поведения личности. Человек. Наука. Социум. 2021;4(8):200–214.
19. *Кузнецова Д.Д., Шаров А.А.* Исследование взаимосвязи личностных особенностей и интернет-зависимости студентов. Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2020;3(47):116–121.
20. *Зубарев Р.О., Лаврушов И.А.* Интернет-зависимость как фактор ухудшения здоровья студентов. В кн.: Актуальные проблемы здоровьесбережения в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 8 октября 2020 г. Курск: Юго-Западный государственный университет; 2020. С. 55–58.
21. *Собитов И.З.* Интернет-зависимость как фактор возникновения депрессии. Forcipe. 2019;S1(2).
22. *Дусматова М.Т.* Проблема интернет-зависимости у современной молодежи. В кн.: XII Рязанские социологические чтения. Динамика социокультурной среды: материалы Национальной научно-практической конференции, Рязань, 20–21 октября 2022 г. М.: Издательство Ипполитова; 2022. С. 296–301.

References

1. *Dubrovina I.V.* Practical psychology of education. M.: Prosveshchenie; 2008. 525 p. (In Russian).
2. *Oksanich S.I.* Psychological and pedagogical conditions for preservation and maintenance of psychological health of medical college students. Abstr. ... Cand. Sci. (Psy.): 19.00.07. Samara: Samara State Pedagogical University; 2016. 25 p. (In Russian).
3. *Antonova E.N.* Anxiety and psychological health of senior schoolchildren. In: Psychology of professional activity: problems, current state and prospects of development: Proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow, March 10, 2023. Moscow: State University of Education; 2023. Pp. 5–8. (In Russian).
4. *Rusinova N.L.* Age inequalities in health and personal psychological resources: key conceptual constructs and results of empirical analysis in modern studies. Demographic Review. 2021;4(8):132–155. (In Russian). https://doi.org/10.17323/demreview.v8i4.13879
5. *Bezuglaya T.I.* Psychological health problems of preschoolers. Russian Journal of Education and Psychology. 2021;4–2(12):239–245. (In Russian).
6. *Korsun V.A., Taskina I.A.* Diagnostics of socio-psychological health of university students. In: Value orientations of youth in the conditions of modernisation of contemporary society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation dedicated to the Year of the Teacher and Mentor. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University; 2023. Pp. 183–186. (In Russian).
7. *Vasilyeva E.V., Kurkov A.A.* Psychological health of youth: factors, development, favourable and unfavourable development features of the psychological health. Alley of Science. 2018;8(24(3):461–463. (In Russian).
8. *Gavrilova K.V., Zakharova A.N.* Psychological health of future psychologists of different forms of education. In: Scientific BOOM: Proceedings of the Forum of the SSS of educational organisations in the Chuvash Republic, Cheboksary, November 13–25, 2023. Cheboksary: Sreda; 2023. Pp. 149–155. (In Russian).
9. *Maslova T.M.* On the psychological health of university students. Sholom-Aleichem Priamursky State University Bulletin. 2021;4(45):111–119. (In Russian). https://doi.org/10.24412/2227-1384-2021-445-111-119
10. *Korsun V.A., Taskina I.A.* Forming socio-psychological health of university students through training. In: Information and education: boundaries of communication: Proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference, Gorno-Altaisk, July 5–8, 2022. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State University; 2022. Pp. 408–409. (In Russian).
11. *Levkova T.V., Maslova T.M., Vanakova G.V., Ivanchenko V.N., Plotnikova E.S.* Personal resources as determinants of the development of psychological health of university students: collective monograph. Moscow: Sputnik+; 2017. 138 p. (In Russian).
12. *Lysenko E.M., Lysenko I.S., Spiridonov Ya.V.* Survey of the psychological health of student youth in 2012–2022: on the materials of St. Petersburg universities. St. Petersburg: St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work; 2022. 226 p. (In Russian).
13. *Ralnikova I.A.* Psychological health and life prospects of a person. Health, Physical Culture and Sports. 2019;4(15):121–126. (In Russian).
14. *Korolev N.P.* Problem of defining the concept of Internet addiction. Ratio et Natura. 2020;2(2). (In Russian).
15. *Atajanova A.B., Altybaeva E.A., Rakhimova S.S.* Internet addiction among students. Youth Innovative Bulletin. 2022;S1(11):274–277. (In Russian).
16. *Selezneva D.I.* Experience of empirical research on the correlation between the level of Internet addiction and self-esteem among university students. Bulletin of Science and Education. 2022;10–1(130):101–103. (In Russian).
17. *Bulygina V.G., Kovaleva M.E., Mikhailov L.Yu., Kotelnikova D.A.* Features of self-awareness in persons with internet addiction. Mental Health. 2017;11(138(15):32–37. (In Russian).
18. *Mamaev D.Yu., Mamaeva E.V.* Gambling and internet addiction as a type of addictive behavior of a personality. Human. Science. Society. 2021;4(8):200–214. (In Russian).
19. *Kuznetsova D.D., Sharov A.A.* Research on the relationship between personal characteristics and internet addiction of students. Journal of Shadrinsk State Pedagogical University. 2020;3(47):116–121. (In Russian).
20. *Zubarev R.O., Lavrushov I.A.* Internet addiction as a factor of deterioration of students' health. In: Actual problems of health saving in modern society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Kursk, October 8, 2020. Kursk: Southwest State University; 2020. Pp. 55–58. (In Russian).
21. *Sobitov I.Z.* Internet addiction as a factor of depression. Forcipe. 2019;S1(2). (In Russian).
22. *Dusmatova M.T.* Problem of internet addiction among modern youth. In: XII Ryazan sociological readings. Sociocultural dynamics: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference. Ryazan, October 20–21, 2022. Moscow: Ippolitov Publ. House; 2022. Pp. 296–301. (In Russian).

УДК 159.922.8 DOI 10.26425/1816-4277-2025-1-238-250

Личностная зрелость и выбор стратегий поведения в конфликте сотрудников сферы обслуживания

Журавлев Владимир Андреевич

Студент

ORCID: 0009-0005-7428-4696, e-mail: zhurawlev.imp@yandex.ru

Тайсаева Светлана Борисовна

Канд. психол. наук, доц. каф. политического анализа и социально-психологических процессов

ORCID: 0000-0002-6947-8606, e-mail: taisaeva@mail.ru

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия

Аннотация

В данной работе исследуется взаимосвязь личностной зрелости и стратегий поведения в конфликте у сотрудников сфер обслуживания. Личностная зрелость представляет собой сложный комплекс личностных свойств, включающий в себя ряд параметров, таких как самоактуализация, ответственность, эмоциональная, духовная, а также нравственная зрелость. Стратегии поведения в конфликте – поведенческий копинг взаимодействия человека при возникновении конфликтной ситуации. Личностные особенности сотрудников сфер обслуживания включают такие ключевые компоненты, как экстраверсия, невротизм, высокий эмоциональный интеллект и эмпатия. Используя 5 методик, комплексно диагностирующих личностную зрелость человека, а также приоритет стратегии поведения в конфликте и копинг-стратегий в трудных ситуациях, авторы выявляют взаимосвязь между изучаемыми свойствами личности у сотрудников сфер обслуживания. Результаты исследования показали средний и высокий уровни личностной зрелости у работников данных сфер с приоритетом таких стратегий, как сотрудничество, приспособление и компромисс. Выявлено, что личностно зрелые работники избирают следующие копинг-стратегии: планирование и положительную переоценку. Отрицательная взаимосвязь прослеживается с такими копинг-стратегиями, как ответственность и компромисс.

Ключевые слова

Личностная зрелость, копинг, стратегии поведения в конфликте, конфликт, сфера обслуживания, сотрудники сферы обслуживания, психологическая зрелость, самоактуализация

Для цитирования: Журавлев В.А., Тайсаева С.Б. Личностная зрелость и выбор стратегий поведения в конфликте сотрудников сферы обслуживания//Вестник университета. 2025. № 1. С. 238–250.

© Журавлев В.А., Тайсаева С.Б., 2025.

Статья доступна по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0. всемирная (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Personal maturity and choice of strategies of behaviour in the conflict of service sector employees

Vladimir A. Zhuravlev
Student
ORCID: 0009-0005-7428-4696, e-mail: zhurawlev.imp@yandex.ru

Svetlana B. Taisaeva
Cand. Sci. (Psy.), Assoc. Prof. at the Political Analysis and Socio-Psychological Processes Department
ORCID: 0000-0002-6947-8606, e-mail: taisaeva@mail.ru

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Abstract

This article examines the relationship between personal maturity and conflict behaviour strategies among service sector employees. Personal maturity is a complex set of personal properties that includes a number of parameters such as self-actualisation, responsibility as well as emotional, spiritual and moral maturity. Conflict behaviour strategies are behavioural coping of human interaction in a conflict situation. Personal characteristics of the service sector employees include such key components as extraversion, neuroticism, high emotional intelligence and empathy. Using 5 methods that comprehensively diagnose human personal maturity as well as the priority of a conflict behaviour strategy and coping strategies in difficult situations, the authors reveal the relationship between the studied personality traits of the service sector employees. The research results have showed average and high levels of the personal maturity among the workers of this sector with the priority of such strategies as cooperation, adaptation and compromise. It is revealed that personally mature employees choose the following coping strategies: planning and positive reassessment. A negative relationship can be traced with such coping strategies as responsibility and compromise.

Keywords

Personal maturity, coping, conflict behaviour strategies, conflict, service sector, service sector employees, psychological maturity, self-actualisation

For citation: Zhuravlev V.A., Taisaeva S.B. (2025) Personal maturity and choice of strategies of behaviour in the conflict of service sector employees. *Vestnik universiteta*, no. 1, pp. 238–250.

© Zhuravlev V.A., Taisaeva S.B., 2025.
This is an open access article under the CC BY 4.0 license (http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

ВВЕДЕНИЕ

Личностная зрелость представляет собой сложное свойство психики, сочетающее в себе ряд характеристик, определяющих степень выраженности данного признака в личности человека. Особенное влияние личностная зрелость оказывает на сотрудников сферы обслуживания. В числе их обязанностей в приоритете стоит взаимодействие с клиентами, от качества воздействия на которых зависит прибыль компании. Современные исследования показывают особенности развития психических процессов при проведении тренингов на развитие нравственных ценностей, что являются одним из главных аспектов личностной зрелости респондентов [1]. Результаты показывают рост таких показателей, как креативность, тенденция к самоактуализации и потребности в достижении. Как итог приоритет кадров с развитой личностной зрелостью позволит компании не только реорганизовать штат своих сотрудников, но и повысить эффективность самой компании на рынке, обеспечив ей большую прибыль в сравнении с конкурентами. Стратегия поведения в конфликте, в свою очередь, является зависимой от личностной зрелости переменной, особенностям взаимосвязи которой и будет посвящена данная статья.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЗОР

В современных исследованиях личностная зрелость понимается как особое качество, которое дает возможность человеку наиболее эффективно реализовать свой потенциал [2]. Исследователи А.А. Гудзовская и В.В. Шпунтова считают, что задатки личностной зрелости начинают формироваться в возрасте 7–8 лет, в период, когда ребенок поступает в школу и в его психике осуществляется смена ведущей деятельности [3]. Исходя из теории деятельности А.Н. Леонтьева и идеи о том, что деятельность определяет сознание, можно провести параллель с тем, что большое количество нововведений в жизненном этапе ребенка, связанных с поступлением в школу, ведет за собой развитие личностной зрелости. Оно же, в свою очередь, включает в себя такие аспекты, как развитие коммуникации, когнитивных способностей, а также усвоение новых социальных норм и правил с присущими им культурными традициями и особенностями. Все вышеперечисленные факторы оказывают влияние на формирование личностной зрелости человека.

В.А. Иванников в своей работе анализирует комплекс научных трудов советского исследователя и подчеркивает, что сама идея теории деятельности отчасти взята из положений марксистской философии, которая своим ключевым тезисом в данном аспекте считает следующий компонент: «сознание есть продукт развития материи, есть продукт развития жизни. Это высшая форма отражения, форма специфически человеческая, возникшая в ходе исторического развития, в результате перехода к специфически человеческому образу жизни – к жизни в обществе, к общественным отношениям» [4, с. 112].

Тем не менее, несмотря на обширное количество исследований, посвященных изучению данного свойства личности, некоторые ученые ставят под сомнение возможность измерить личностную зрелость. Так, например, в теоретическом анализе подходов к определению психологического содержания, В.М. Русалов утверждает, что объективное измерение личностной, или «экзистенциальной», зрелости не представляется возможным по причине неясности составления концептуального аппарата по комплексной диагностике как личностной зрелости, так и личности в целом. Тем не менее, в своих трудах исследователь все же вводит понятие «зрелый субъект». Под ним подразумевается человек как представитель активной деятельности, которому присуща возможность удовлетворения своей высшей потребности – самоактуализации. Автор подчеркивает разделение личностной зрелости на интраперсональные (индивидуально-психологическая зрелость) и интерперсональные характеристики (социально-психологическая зрелость). К интраперсональным характеристикам исследователь относит такие аспекты, как ответственность, осознанность и рефлексивность, направленность на саморазвитие, самопринятие и самоуважение, автономия, жизнестойкость, самоуправление и организация жизни, целостность, а также широта связей с миром. К интерперсональным характеристикам личности относятся следующие параметры: толерантность (принятие точки зрения других людей, отличной от собственной), нравственное сознание, позитивные межличностные отношения [2].

Взаимосвязь данных параметров и их влияние на личностную зрелость показывают результаты исследования Е.А. Лукиной. При проведенном математическом анализе было установлено, что существует значимая взаимосвязь между различными показателями самоактуализации и смысложизненных ориентаций, что также диагностируют личностную зрелость. Исследование тоже подтвердило теорию пирамиды

А. Маслоу, поскольку результаты показали, что люди, имеющие удовлетворенную потребность к самоактуализации, также обладают высокими показателями удовлетворенности и других потребностей [5]. Таким образом, личностная зрелость раскрывается в контексте как внутриличностных характеристик, так и социально-нравственных отношений.

Конфликт глобально представляет собой столкновение убеждений двух субъектов, имеющих различные потребности и мотивы в этой конкретной ситуации. Данный психосоциальный феномен раскрывается в контексте как конфликта между двумя людьми, так и конфликта схемы человек – группа, группа – человек, или межгруппового конфликта. Помимо этого, также имеет место внутриличностный конфликт, который представляет собой внутренний интрапсихический процесс и заключается в особо остром способе взаимодействия двух и более философий человека, требующих решения. В своих исследованиях В.В. Багаева, опираясь на идею К. Томаса и Р. Килманна, раскрывает и дополняет 5 основных стратегий поведения в конфликте, особенностью которых является степень удовлетворения потребностей обеих сторон конфликта. Каждая стратегия имеет свои черты и специфику [6].

Стратегия избегания является уходом обеих сторон конфликта от непосредственно конфликтной ситуации, что, как следствие, ведет за собой полное неудовлетворение потребностей двух сторон. Данная стратегия выступает наименее эффективной как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе, поскольку избегание конфликта может привести к его еще большей эскалации в дальнейшем взаимодействии людей.

Стратегия сотрудничества – полная противоположность стратегии избегания, которая представляет собой полное удовлетворение потребностей обеих сторон конфликта. Данный способ совладания с конфликтной ситуацией является наиболее эффективным, но имеет свой существенный недостаток, раскрывающийся в невозможности оперативного решения проблемы. Проработка исхода, при котором будут полностью удовлетворены потребности обеих сторон конфликта, занимает достаточно продолжительное время.

Стратегия компромисса – частичное удовлетворение потребностей сторон конфликта, при котором применяется навык уступки с обеих сторон, что влечет за собой быстрое решение проблемы, однако требует доработки в дальнейшем.

Стратегия соперничества и приспособления представляет собой полное удовлетворение потребностей одного человека при неудовлетворении потребностей другого.

Таким образом, раскрывается феномен конфликта в своих 5 состояниях, и мы считаем, что в контексте сферы обслуживания при его возникновении с клиентами наиболее экологичными являются стратегии сотрудничества, компромисса и приспособления.

Специалисты сферы обслуживания, как и другие сотрудники конкретных областей, должны обладать определенным спектром характеристик для обеспечения эффективной работы с клиентами и персоналом.

В своих исследованиях Т.А. Джадж, Д. Хеллер и М.К. Маунт подчеркивают ряд особенностей, характерных для успешного взаимодействия с персоналом и гармоничного внедрения человека в сферу обслуживания. Исследователи отмечают, что на удовлетворенность работой оказывают влияние экстраверсия и невротизм [7]. Экстраверсия представляет собой свойство личности, заключающееся в приобретении внутреннего ресурса (внутренней энергии человека) через взаимодействие с другими людьми и социумом в целом. Исследования показывают, что экстраверсия оказывает благотворное влияние на удовлетворенность работой в сфере обслуживания, поскольку подкрепление внутреннего ресурса осуществляется в процессе непосредственной деятельности человека, при общении с коллегами и клиентами. Личностные особенности интровертов, в свою очередь, напротив, снижают эффективность и удовлетворенность трудом в данной области, поскольку у этого типа людей они раскрываются в накоплении внутреннего ресурса, когда человек находится наедине с собой и собственными мыслями. Невротизм же оказывает негативное влияние на удовлетворенность трудом в сфере обслуживания. При активном взаимодействии с людьми и частой их сменой, человек перманентно находится в стрессовом состоянии, которое помогает ему быстрее реагировать как на прямые требования клиентов, так и на считывание невербальных знаков (жесты, мимика и др.). При таком подходе к работе невротизм человека может привести к негативным последствиям в виде неврозов или переутомления.

Другие ученые Дж. Бек и И. Харди отмечают, что ключевыми личностными особенностями сферы обслуживания выступают высокий эмоциональный интеллект и эмпатия. Оба данных параметра связаны со способностью управлять эмоциями и понимать эмоции другого человека. При работе в сфере обслуживания специалисты часто сталкиваются с ситуациями, при которых необходимо смотреть

на потребности клиента более комплексно, фокусируясь на его невербальных проявлениях, поскольку непосредственный запрос может быть отличен от настоящего желания клиента приобрести товар или услугу. По этой причине наиболее эффективное взаимодействие с клиентами осуществляется сотрудниками, которые обладают способностями к считыванию эмоций других людей [8].

Исследователи Н.Дж. Эшилл и Т. Гиббс подчеркивают крайне значимую особенность эффективных сотрудников сферы обслуживания – проблемно-ориентированные копинг-стратегии в трудной ситуации [9]. Копинг-стратегии являются отличными от стратегий поведения в конфликте и представляют собой особенности поведенческого паттерна человека при столкновении с нестандартной трудной ситуацией без взаимодействия с другой стороной. Существует большое количество копинг-стратегий, однако в качестве проблемно-ориентированного копинга выступают такие стратегии, как самоконтроль, поиск социальной поддержки, планирование и положительная переоценка. Они обеспечивают наиболее эффективную работу человека в трудной ситуации.

В подтверждение проанализированного теоретического материала нами было проведено эмпирическое исследование.

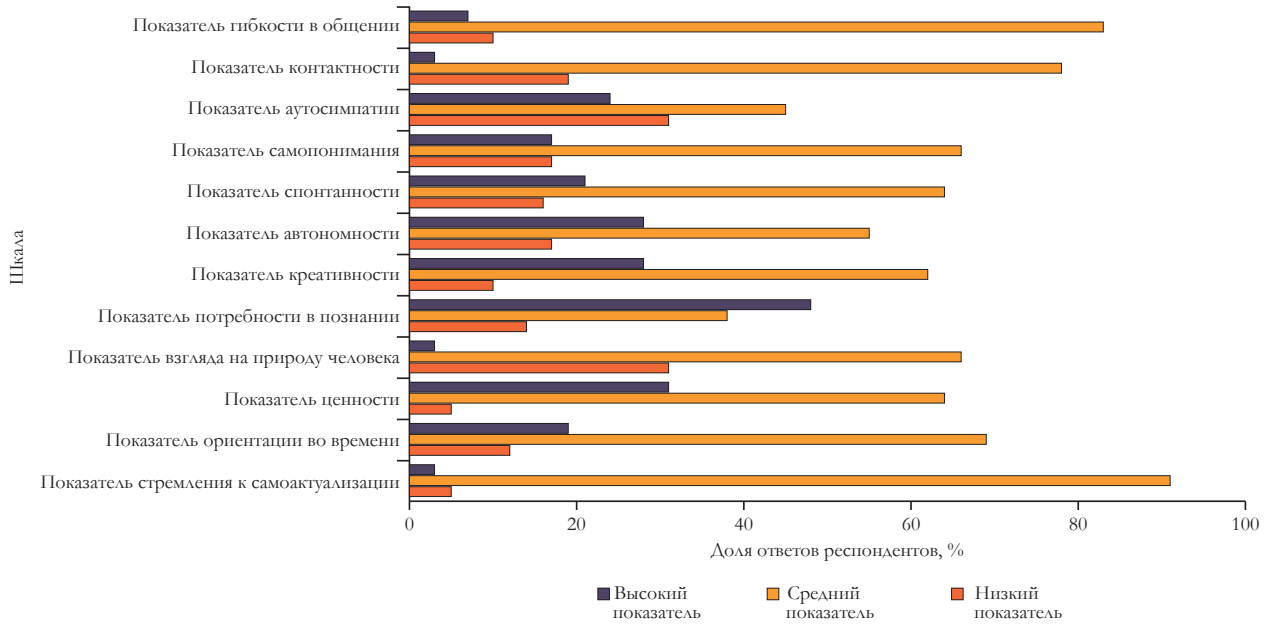
МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В исследовании приняли участие 58 испытуемых, работающих в сфере обслуживания. Среди них 9 мужчин и 49 женщин. Выборка была составлена из респондентов возрастной группы от 18 до 25 лет для наибольшего раскрытия актуализации темы. В качестве непосредственно методов исследования были использованы следующие методики: опросник диагностики самоактуализации личности (далее – САМОАЛ); методика диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова; способы совладающего поведения Р. Лазаруса; тест смысложизненных ориентаций (далее – СЖО) Д. Крамбо и Л. Махолика в адаптации Д.А. Леонтьева; тест Томаса-Килманна (англ. Thomas-Kilmann Instrument, далее – TKI).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Данные о комплексной диагностике личностной зрелости были получены при проведении таких методик, как опросник диагностики САМОАЛ, методика диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова и тест СЖО.

На рис. 1 представлены результаты методики САМОАЛ.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 1. Результаты методики опросника диагностики САМОАЛ

По результатам исследования было выявлено, что подавляющее большинство респондентов, работающих в сфере обслуживания, обладают средним уровнем стремления к самоактуализации. По интерпретации методики средние показатели являются нормой, в отличие от низких и высоких. Высокие показатели по данной методике говорят об отражении желаемого, отличного от действительного состояния индивида.

Шкала ориентации во времени оказалась приоритетной, и 19 % респондентов обладают высокими баллами. В контексте сферы обслуживания перспектива карьерного роста часто представляется работниками отличной от настоящего положения дел. В современной системе менеджмента 2.0 особое внимание уделяется перестройке взаимоотношений между руководителями и подчиненными. По этой причине доброжелательное отношение руководителя к своим работникам может быть расценено как возможность дальнейшего продвижения по карьерной лестнице, что, вероятно, объясняет высокие показатели по данной шкале.

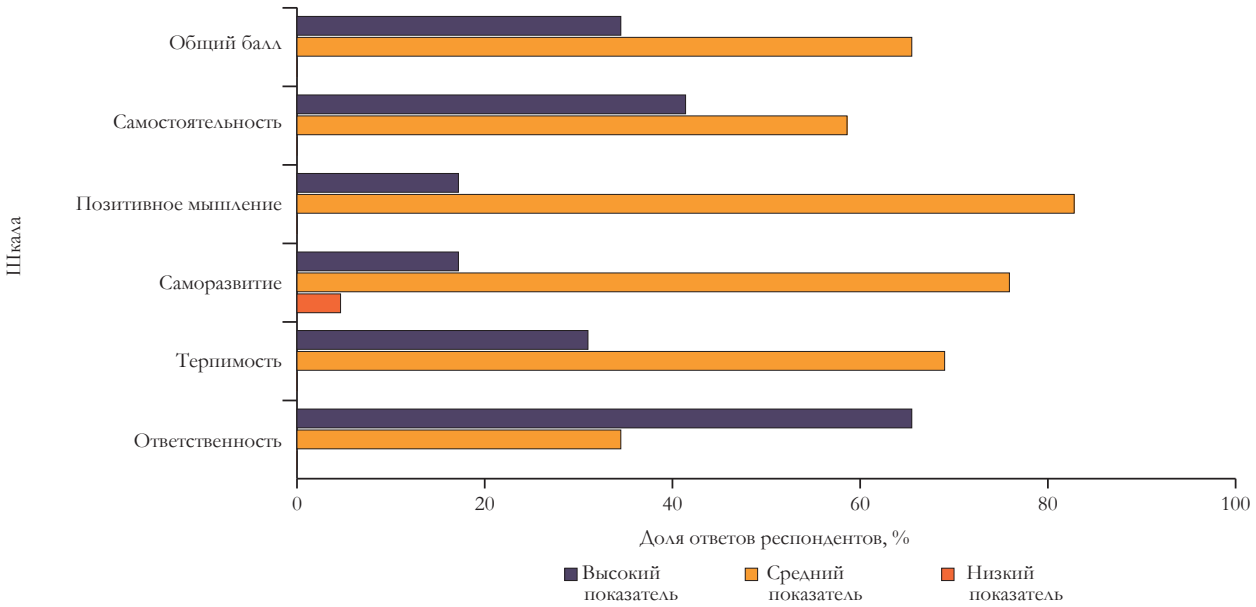
Шкала ценностей также продемонстрировала высокие результаты (31 %), что может говорить о сильном стремлении к морально-нравственной зрелости, которая не реализуется в силу психосоциального развития индивида.

Шкала «взгляд на природу человека» показала большое количество низких результатов. Объяснить это можно профессиональной деформацией сотрудников сфер обслуживания, которые взаимодействуют с людьми каждый день. В процессе формального общения с клиентами возникают различные конфликтные ситуации, вызванные плохим настроением клиента или его субъективным восприятием работника. При таком исходе событий негативные эмоции накапливаются в психике человека и могут перерасти как в первые симптомы профессионального выгорания, так и в потерю доверия к окружающим людям, которое и диагностирует данная шкала.

31 % респондентов обладают низкими показателями аутосимпатии из-за общего уровня самоактуализации. Данная шкала диагностирует степень позитивно осознаваемой Я-концепции, и низкие показатели по этой шкале указывают на невротичных, тревожных и неуверенных в себе людей.

Таким образом, по результатам проведенного опросника было установлено, что большая часть респондентов обладают средними показателями самоактуализации, однако по разным шкалам есть различия с уклоном в низкий и высокий уровни.

На рис. 2 представлены итоги методики диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова.



Составлено автором по материалам исследования

Рис. 2. Результаты методики опросника диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова

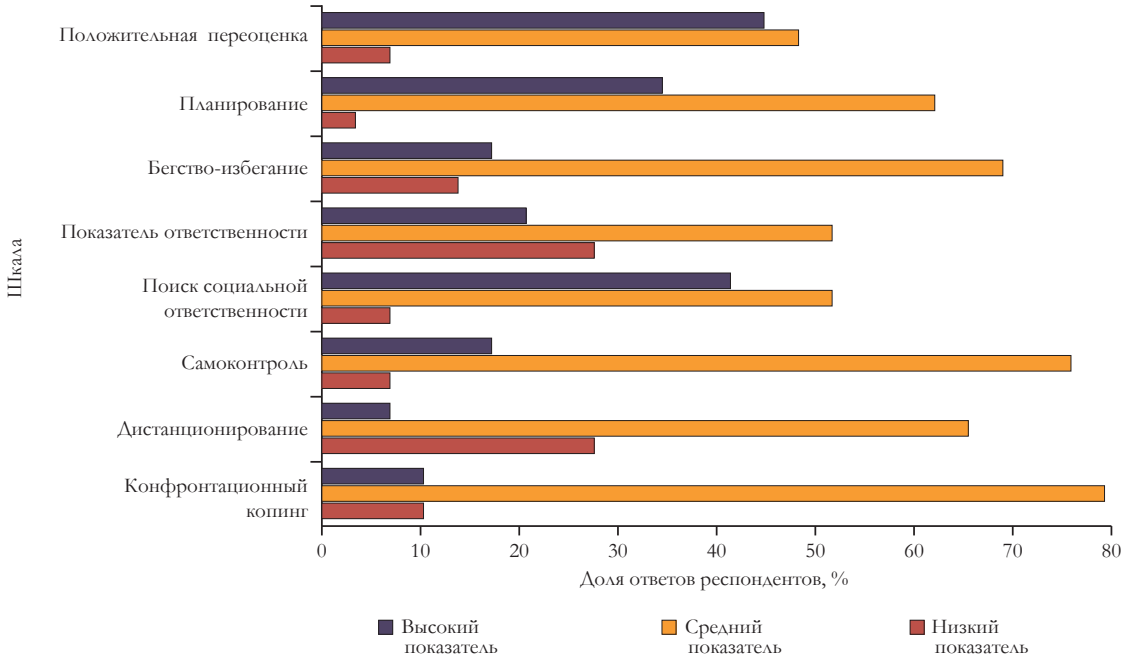
По результатам методики можно заметить, что 65,5 % респондентов обладают высокими показателями по шкале «ответственность». По интерпретации методики в данном опроснике подразумевается ответственность первого типа, направленная на принятие результатов своей жизни, на собственные поступки: человек ведет свою жизнь самостоятельно и берет ответственность за собственные поступки. Ответственность второго типа раскрывается во внешнем локусе контроля, который заключается в перекладывании ответственности за собственную жизнь на окружающих людей и внешние обстоятельства. В данном случае приоритет второго типа говорит об инфантильности и неспособности вести гармоничную жизнь без стимулов извне. В контексте сферы обслуживания первый тип ответственности крайне важен, поскольку ее перекладывание на клиента является недопустимым.

6,9 % респондентов обладают низкими показателями по шкале «саморазвитие». По методике эта шкала раскрывается в контексте самоактуализации – ведущей черты психики человека, определяющей ее внутренний потенциал и условия достижения личностной зрелости. Низкие показатели по данной шкале, напротив, демонстрируют недостаточное стремление к самоактуализации или же недостаток удовлетворения потребностей, предшествующих последней.

17,2 % респондентов обладают высокими показателями по шкале «позитивное мышление», что является важным фактором для сферы обслуживания. При взаимодействии с клиентами ведущим критерием взаимодействия выступает человеческий фактор, который включает в себя эмоции, чувства, субъективное восприятие и многое другое. На этой почве часто возникают разногласия и конфликты, но при этом положительное отношение ко всем подобным ситуациям демонстрирует человека, зрелого с точки зрения его личностного роста.

Общие показатели методики говорят о том, что в среднем треть респондентов (34,5 %) обладает высоким уровнем личностной зрелости, в то время как 65,5 % опрошенных обладают средними показателями по данной общей шкале.

На рис. 3 представлены результаты методики способов совладающего поведения Р. Лазаруса.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 3. Результаты методики Р. Лазаруса «Способы совладающего поведения»

По результатам методики было выявлено, что 79,3 % респондентов обладают средними показателями конфронтационного копинга. Для сферы обслуживания данные результаты являются достаточно важными, поскольку в этой сфере непосредственная конфронтация с клиентом недопустима. 10,3 % респондентов демонстрируют высокие показатели по данной копинг-стратегии, что также не считается нормой для этой сферы работы.

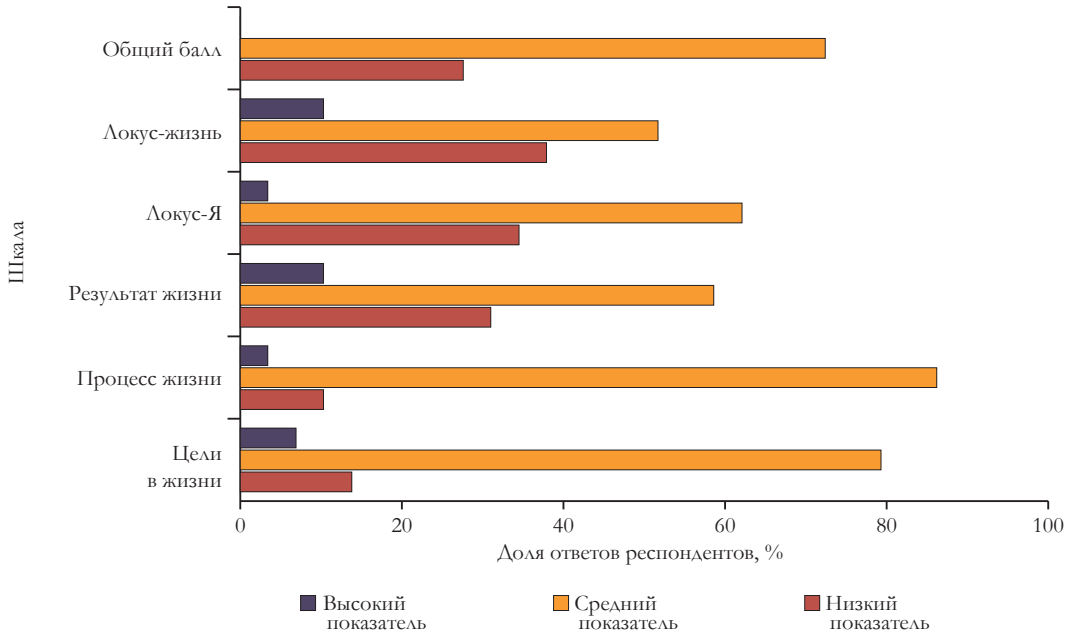
27,6 % опрошенных обладают низкими показателями по шкале «дистанцирование», что является положительным результатом, поскольку уход от проблемы негативно воспринимается как клиентами, так и другими сотрудниками, вынужденными в ряде ситуаций решать проблему, от которой решил дистанцироваться их коллега.

У 41,4 % опрошенных высокий уровень по шкале «поиск социальной поддержки». По нашему мнению, данный способ совладающего поведения является наиболее экологичным и приемлемым в контексте сферы обслуживания наравне со стратегиями планирования и положительной переоценки.

34,5 % респондентов обладают высокими показателями по шкале планирования, что также является хорошим результатом. В современной системе ведения менеджмента распределение времени и собственных ресурсов (особенно в экстренной, трудной ситуации) выступает крайне востребованным навыком, и работодателю следует ставить данное качество в приоритет при приеме на работу.

44,8 % респондентов демонстрируют высокие показатели по шкале положительной переоценки. При возникновении трудной ситуации негативный опыт так или иначе имеет место, однако его восприятие как корректировки собственного поведения и личностного роста является крайне значимым и экологичным критерием в сфере обслуживания.

На рис. 4 представлены результаты методики теста СЖО.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 4. Результаты методики СЖО

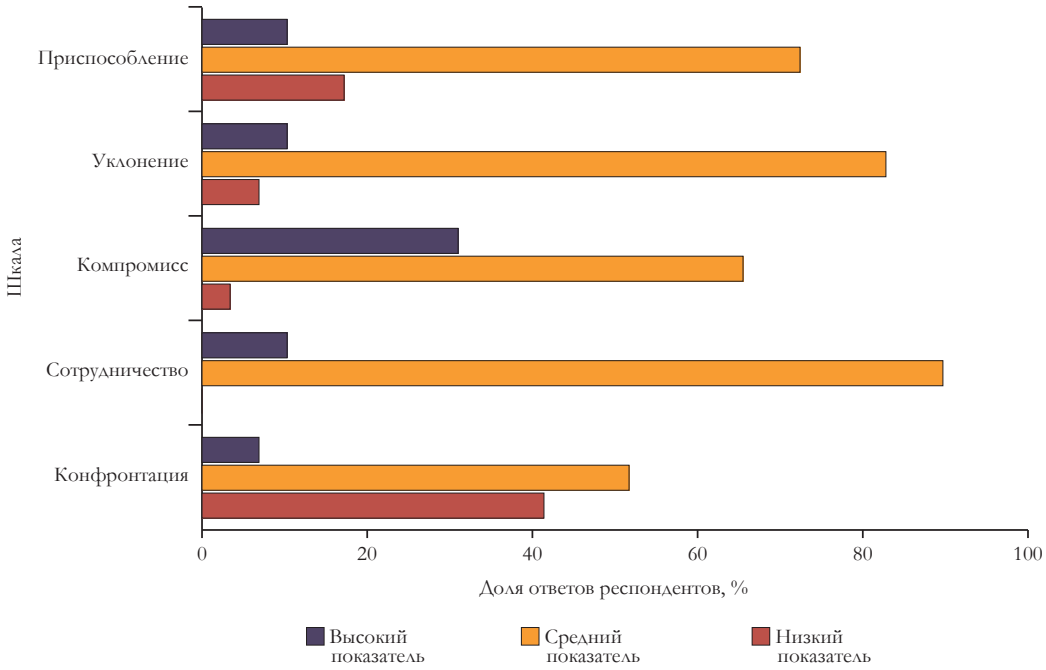
По результатам методики выявлено, что 31 % респондентов обладают низким уровнем по шкале «результат жизни». По методике данная шкала показывает удовлетворенность самореализацией и пройденного жизненного пути. Часто в сфере обслуживания (особенно в сфере общественного питания) сотрудники, находящиеся на низкой должности, не спешат получать повышение по причине финансовой выгоды. В среднем менеджеры сферы обслуживания получают меньше продавцов, кассиров и официантов, однако при этом они имеют большие преимущества на карьерной лестнице и более обширные способы для самореализации. Несмотря на то что исследование проводилось в возрастной группе от 18 до 25 лет (в этом возрастном промежутке сотрудники редко уходят на повышение), оценка собственного жизненного пути у трети респондентов остается низкой. Объяснить это также можно выбором работы вместо учебы и профессионального становления как специалиста, что тоже, вероятно, негативно скажется на оценке собственной жизни.

34,5 % респондентов обладают низкими показателями по шкале Локус-Я. По интерпретации методики данная шкала диагностирует степень уверенности человека в собственных силах и возможностях. Низкие показатели же, напротив, демонстрируют неверие в свои силы. Это может быть связано с профессиональной деформацией сотрудника, который не воспринимает негативную оценку клиентов через призму собственной работы, а переносит конфликты и оскорбления на свое Я, что приводит к неуверенности.

У 37,9 % опрошенных низкие показатели по шкале «локус – жизнь». Они говорят о том, что человек воспринимает собственную жизнь с точки зрения фатализма и считает, что поменять что-либо в ней он не в силах. Данные упаднические настроения также могут быть вызваны спецификой восприятия критики со стороны клиентов.

Тем не менее, несмотря на изложенные компоненты, 72,4 % респонедентов обладают средними показателями по общему баллу методики. Это говорит о том, что, невзирая на все вышеупомянутые особенности, сотрудники сфер обслуживания так или иначе стараются найти утешение в собственной жизни с присущими ей обстоятельствами.

На рис. 5 представлены результаты методики Томаса- Килманна.



Составлено авторами по материалам исследования

Рис. 5. Результаты методики теста TKI

По результатам методики было выявлено, что ни один из респондентов не обладает низкими показателями по шкале сотрудничества. Это является хорошей демонстрацией отношения персонала к конфликтным ситуациям и продуктивной работе тренеров и наставников в области взаимодействия работника и клиента.

31 % респондентов обладают высокими показателями по шкале компромисса, что также выступает хорошим результатом.

У 41,4 % испытуемых низкие показатели по шкале конфронтации. Это тоже является положительным и экологичным фактором в контексте сферы обслуживания.

Таким образом, исходя из первичной обработки данных, можно отметить, что большинство испытуемых обладают средними показателями уровня личностной зрелости, за исключением некоторых аспектов. Приоритет отдается таким копинг-стратегиям, как положительная переоценка, планирование и поиск социальной поддержки. Смысложизненные ориентации продемонстрировали общий средний уровень у большинства респондентов, однако по шкалам «локус – Я», «локус – жизнь» и «результат жизни» имеются различия. Ряд респондентов обладают низкими показателями по данным шкалам. Обработка методики с целью определения приоритета стратегий поведения в трудных ситуациях продемонстрировала, что большинство опрошенных отдают предпочтение таким стратегиям, как сотрудничество и компромисс, стараясь не применять стратегию конфронтации.

АНАЛИЗ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

В табл. 1 представлены результаты анализа данных методик САМОАЛ и «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Символом * показана корреляция с уровнем значимости менее 0,05. Символом ** – корреляция с уровнем значимости менее 0,01.

По результатам анализа данных можно отметить, что присутствует ряд положительных корреляций с различными шкалами диагностики самоактуализации и стратегией планирования методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Данная взаимосвязь объясняется тем, что в современных реалиях планирование выхода из трудной ситуации является наиболее экологичной и личностно зрелой стратегией поведения, которая определяет степень самоактуализации индивида.

Присутствует положительная взаимосвязь с рядом шкал методики диагностики самоактуализации личности и со стратегией положительной переоценки методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса. Положительная переоценка негативного опыта с точки зрения личностного роста также является ключевым показателем психологической и, в частности, личностной зрелости.

Таблица 1

Взаимосвязь методик САМОАЛ и «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса

Название шкалы	Конфронтационный копинг	Дистанцирование	Самоконтроль	Поиск социальной поддержки	Ответственность	Бегство	Планирование	Положительная переоценка
	Коэффициент корреляции							
Стремление к самоактуализации	,126	−,044	−,162	−,081	−,363**	−,364**	,481**	,373**
Ориентация во времени	−,062	−,052	,036	−,100	−,451**	−,354**	,566**	,479**
Ценности	,124	−,017	−,138	,002	−,069	−,009	,133	,441**
Взгляд на природу человека	,103	,041	−,104	−,099	,071	−,019	,010	,133
Потребность в познании	,006	−,146	,123	,029	−,194	−,315*	,347**	,463**
Креативность	−,163	−,077	−,026	,266*	−,329*	−,185	,240	,371**
Автономия	,040	−,127	−,151	−,120	−,455**	−,286*	,406**	,286*
Спонтанность	,156	,063	−,363**	−,038	−,066	−,232	,258	,163
Самопонимание	−,052	−,258	−,109	−,110	−,434**	−,507**	,458**	,243
Аутосимпатия	,343**	,114	−,318*	−,209	−,183	−,321*	,528**	,255
Контактность	,123	−,048	−,098	−,151	−,120	−,149	,344**	,118
Гибкость	,113	−,063	,043	−,059	−,247	−,105	,492**	,332*

Составлено авторами по материалам исследования

Существует отрицательная взаимосвязь с некоторыми шкалами методики диагностики самоактуализации личности и со стратегией ответственности методики Р. Лазаруса. Принятие на себя излишней ответственности может быть способом удовлетворения потребностей внутреннего спасателя, что не является показателем личностной зрелости человека [10; 11].

В табл. 2 представлены результаты анализа методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и опросника диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова.

Таблица 2

Взаимосвязь методики «Способы совладающего поведения» Р. Лазаруса и опросника диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова

Название шкалы	Ответственность	Терпимость	Саморазвитие	Позитивное мышление	Самостоятельность	Общий балл
	Коэффициент корреляции					
Конфронтационный копинг	−,159	−,361**	,090	,188	−,020	−,073
Дистанцирование	−,033	,100	,250	,080	,026	,288*
Самоконтроль	,099	,364**	,063	,030	,280*	,386**
Поиск социальной поддержки	,137	,181	,105	,020	,276*	,313*
Ответственность	,257	−,361**	−,142	−,066	−,114	−,193
Бегство	,173	,127	−,105	−,449**	,334*	,070

Окончание табл. 2

Название шкалы	Ответственность	Терпимость	Саморазвитие	Позитивное мышление	Самостоятельность	Общий балл
	Коэффициент корреляции					
Планирование	−,185	−,011	,382**	,349**	,172	,347**
Положительная переоценка	,139	,070	,283*	,147	,143	,351**

Составлено авторами по материалам исследования

По результатам полученных данных можно отметить, что присутствует прямая взаимосвязь между такими способами совладающего поведения, как самоконтроль, планирование, положительная переоценка, и общий балл. Эти способы признаны нами наиболее экологичными в контексте сферы обслуживания и, как можно заметить, они напрямую связаны с уровнем самоактуализации и личностного развития.

В табл. 3 представлены результаты анализа данных методик TKI и диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова.

Таблица 3

Результаты анализа данных теста Томаса-Килманна и методики диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова

Название шкалы	Ответственность	Терпимость	Саморазвитие	Позитивное мышление	Самостоятельность	Общий балл
	Коэффициент корреляции					
Конфронтация	−,149	−,158	,017	,102	−,117	−,128
Сотрудничество	,009	−,066	−,241	,012	,290*	−,059
Компромисс	,082	−,023	−,007	−,031	,039	,029
Уклонение	−,001	−,098	,106	−,071	−,099	,011
Приспособление	,275*	,319*	,078	−,115	−,132	,163

Составлено авторами по материалам исследования

По результатам анализа данных методик видно, что присутствует прямая значимая взаимосвязь между различными компонентами личностной зрелости и такими стратегиями поведения в конфликте, как сотрудничество и приспособление. Как уже было сказано выше, по нашему мнению, в контексте сферы обслуживания наиболее экологичными и эффективными стратегиями поведения выступают сотрудничество, компромисс и приспособление.

В табл. 4 представлен результат корреляционного анализа методики диагностики САМОАЛ и опросника диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова.

Таблица 4

Результат корреляционного анализа диагностики САМОАЛ и опросника диагностики личностной зрелости В.А. Руженкова

Название шкалы	Ответственность	Терпимость	Саморазвитие	Позитивное мышление	Самостоятельность	Общий балл
	Коэффициент корреляции					
Стремление к самоактуализации	,061	,100	,483**	,393**	,191	,464**

Окончание табл. 2

Название шкалы	Ответственность	Терпимость	Саморазвитие	Позитивное мышление	Самостоятельность	Общий балл
	Коэффициент корреляции					
Ориентация во времени	−,022	,126	,482**	,340**	,227	,498**
Ценности	,134	,090	,302*	,052	,127	,256
Взгляд на природу человека	,218	,160	,334*	,176	−,115	,281*
Потребность в познании	,222	−,139	,210	,442**	−,035	,202
Креативность	,148	,093	,479**	,198	,165	,417**
Автономность	−,114	,055	,291*	,041	,400**	,310*
Спонтанность	,108	−,093	,192	,141	,090	,163
Самопонимание	,232	,071	,360**	,375**	,022	,342**
Аутосимпатия	−,047	−,100	,428**	,253	,182	,346**
Контактность	−,057	−,176	,049	,342**	,309*	,177
Гибкость	−,100	−,003	,334*	,307*	,259*	,347**

Составлено авторами по материалам исследования

Можно отметить, что присутствуют прямая взаимосвязь между различными аспектами самоактуализации и такими компонентами личностной зрелости, как саморазвитие, позитивное мышление, и общий балл диагностики. Это также подтверждает теорию о том, что самоактуализация и личностная зрелость являются взаимосвязанными свойствами личности.

Таким образом, результаты анализа данных показали взаимосвязь указанных стратегий поведения с личностной зрелостью сотрудников сфер обслуживания. Личностно зрелые сотрудники избирают более экологичные стратегии поведения в конфликте и демонстрируют большую эффективность для компании, в которой работают.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на продвижение психологии как в массы, так и в высшее руководство, в настоящее время первичная оценка работника при приеме на работу остается все еще актуальной проблемой. Для каждого руководителя и специалиста по подбору персонала, помимо непосредственных профессиональных навыков, также важно учитывать и soft-skills (англ. гибкие навыки), к которым можно отнести личностную зрелость. Для руководителей сферы обслуживания это является наиболее актуальной задачей, поскольку непосредственное применение вышеупомянутых soft-skills стоит во главе общения с клиентами и извлечения максимальной прибыли для компании.

Личностная зрелость до настоящего времени остается сложным психологическим компонентом, анализ которого требует достаточно обширного инструментария из целого ряда методик. Привлечение интереса к данной проблеме также является ключевой задачей этого исследования.

Список литературы

1. *Белова Е.В., Зинченко Е.В.* Личностные особенности специалистов call-центра в связи с объективными и субъективными показателями успешности их профессиональной деятельности. Russian Journal of Education and Psychology. 2016;12(68):94–113. http://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-12-94-113
2. *Русалов В.М.* Зрелость: эмоциональная, нравственная, личностная, интеллектуальная, социальная, биологическая. Единая или множественная характеристика? В кн.: Феномен и категория зрелости в психологии. М.: Институт психологии Российской академии наук; 2007. С. 29–46.
3. *Гудзовская А.А., Шпунтова В.В.* О компонентах личностной зрелости. Российский психологический журнал. 2016;2(13):36–46.

4. *Иванников В.А.* Проблема сознания в ранних работах А.Н. Леонтьева. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023;2(46):124–132. https://doi.org/10.11621/LPJ-23-19
5. *Лукина Е.А.* Особенности самоосуществления человека в разные периоды взрослости. Дис. … канд. психол. наук: 19.00.13. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; 2006. 258 с.
6. *Багаева В.В.* Стратегии поведения в конфликте. Сибирский торгово-экономический журнал. 2015;1(20):91–92.
7. *Judge T.A., Heller D., Mount M.K.* Five-factor model of personality and job satisfaction: a meta-analysis. Journal of Applied Psychology. 2002;3(87):530–541. http://dx.doi.org/10.1037//0021-9010.87.3.530
8. *Bek J., Hardi I.* Search for the Supermom: a magical parent for the inner child in psychological counseling. International Journal of Psychology. 2023;7(38):563–577.
9. *Ashill N.J., Gibbs T.* Coping with stress: a study of retail banking service workers in Russia. Journal of Retailing and Consumer Services. 2015;23:58–69. http://dx.doi.org/10.1016/j.jretconser.2014.12.006
10. *Cheng C., Bartram T.* The role of team climate in the relationship between job satisfaction and service quality. International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2021;10(33):3210–3227.
11. *Лихачева Е.А.* Психолого-акмеологические уровни развития нравственных ценностей специалистов-управленцев. Ученые записки Тамбовского регионального отделения Российского союза молодых ученых. 2013;1.

References

1. *Belova E.V., Zinchenko E.V.* The personal characteristics of specialists of the call center due to objective and subjective indicators of the successfulness of their professional activities. Russian Journal of Education and Psychology. 2016;12(68):94–113. (In Russian). http://doi.org/10.12731/2218-7405-2016-12-94-113
2. *Rusalov V.M.* Maturity: emotional, moral, personal, intellectual, social, biological. Is it single or multiple characteristics? In: Phenomenon and category of maturity in psychology. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2007. Pp. 29–46. (In Russian).
3. *Gudzovskaya A.A., Shpuntova V.V.* On the components of personal maturity. Russian Psychological Journal. 2016;2(13):36–46. (In Russian).
4. *Ivannikov V.A.* The problem of consciousness in the early works of A.N. Leontiev. Lomonosov Psychology Journal. 2023;2(46):124–132. (In Russian). https://doi.org/10.11621/LPJ-23-19
5. *Lukina E.A.* Features of human self-realisation in different periods of adulthood: Diss. … Cand. Sci. (Psy.): 19.00.13. St. Petersburg: St Petersburg University; 2006. 258 p. (In Russian).
6. *Bagaeva V.V.* Strategies of behaviour in conflict. Siberian Trade and Economic Journal. 2015;1(20):91–92. (In Russian).
7. *Judge T.A., Heller D., Mount M.K.* Five-factor model of personality and job satisfaction: a meta-analysis. Journal of Applied Psychology. 2002;3(87):530–541. http://dx.doi.org/10.1037//0021-9010.87.3.530
8. *Bek J., Hardi I.* Search for the Supermom: a magical parent for the inner child in psychological counseling. International Journal of Psychology. 2023;7(38):563–577.
9. *Ashill N.J., Gibbs T.* Coping with stress: a study of retail banking service workers in Russia. Journal of Retailing and Consumer Services. 2015;23:58–69. http://dx.doi.org/10.1016/j.jretconser.2014.12.006
10. *Cheng C., Bartram T.* The role of team climate in the relationship between job satisfaction and service quality. International Journal of Contemporary Hospitality Management. 2021;10(33):3210–3227.
11. *Likhacheva E.A.* Psychological and acmeological development levels of moral values of managerial specialists. Schollary Notes of the Tambov Regional Branch of the Russian Union of Young Scientists. 2013;1. (In Russian).